

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы
II (XVIII)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в Суздале

Том IV
(дополнительный)

Ответственные редакторы
Академик А.П. Деревянко
Член-корреспондент РАН Н.А. Макаров

Москва 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
Т78

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакционная коллегия

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, А.Н. Гей, А.П. Деревянко (ответственный редактор),
Е.Г. Дэвлет, В.И. Завьялов, С.Д. Захаров, Л.В. Кольцов, Д.С. Коробов, Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
Н.В. Лопатин (редактор-составитель), Н.А. Макаров (ответственный редактор), М.Б. Медникова,
М.Г. Мошкова, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова, А.Ю. Скаков, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, А.В. Энговатова

Т78 **Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале.**
Том IV. М.: ИА РАН, 2011. 216 с.: илл., вклейка.
ISBN 987-5-94375-108-0

В IV (дополнительный) том собрания трудов II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, который состоялся в октябре 2008 г., включены доклады, прозвучавшие на заседаниях разных секций, но не вошедшие в первые три тома, а также итоговые материалы съезда: его решения, фотохроника, список участников – как лично присутствовавших в Суздале, так и опубликовавших свои работы в «Трудах».

Для археологов, историков, специалистов по смежным дисциплинам.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 987-5-94375-108-0

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Авторы докладов, 2011

*Посвящается 100-летию
со дня рождения академиков
А.П. Окладникова,
Б.Б. Пиотровского,
Б.А. Рыбакова*

**Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда
(Суздаль, 20–25 октября 2008 г.)**

Институт археологии РАН, Москва

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда

Сопредседатели Оргкомитета – академик А.П. Деревянко,
чл.-корр. РАН Н.А. Макаров.

Заместитель председателя Оргкомитета – чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков.

Секретарь Оргкомитета – д.и.н. Е.Г. Дэвлет.

Члены Оргкомитета – академик В.И. Молодин, академик В.Л. Янин,

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко,

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,

чл.-корр. РАН М.Б. Пиотровский, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных,

чл.-корр. АН Татарстана Ф.Ш.Хузин, д.и.н. Л.А. Беляев, д.и.н. В.В. Бобров,

д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Н.И. Дроздов, д.и.н. В.Л. Егоров, д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин,

д.и.н. С.И. Кочуркина, д.и.н. Н.Н. Крадин, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов,

д.и.н. А.В. Седов, д.и.н. А.Ф. Шорин, д.и.н. М.В. Шуньков, к.и.н. О.И. Богуславский,

к.и.н. С.И.Валиулина, к.и.н. Н.В. Лопатин, к.и.н. В.Е. Родинкова.

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ «ТРУДОВ II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Пленарные доклады

Секционные доклады

1. Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии:
расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда
2. Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита
3. Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география
4. Эпоха ранней и средней бронзы Евразии
5. Эпоха поздней бронзы Евразии

Том II

Секционные доклады

6. Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение
7. Античные памятники Причерноморья и Средней Азии
8. Ранний железный век лесной зоны Евразии
9. Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы
10. Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура
11. Археология Московского государства и Российской империи

Том III

Секционные доклады

12. Проблемы изучения первобытного искусства
13. Охранная археология в современной России
14. Вопросы теории археологии
15. Историография отечественной археологии
16. Современные методы полевой и кабинетной археологии
17. Археология в современной культурной среде
18. Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии

Том IV (дополнительный)

Решения Съезда

Пленарные доклады

Секционные доклады

Фотохроника Съезда

Список участников Съезда

II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

РЕШЕНИЯ

24 ОКТЯБРЯ 2008 г.

II (XVIII) Всероссийский археологический съезд, организованный Институтом археологии РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН и Институтом истории материальной культуры РАН, продолжает традицию проведения крупнейших археологических форумов, заложенную российскими археологами в XIX веке для обсуждения важнейших проблем археологической науки. Съезд посвящен памяти выдающихся археологов, академиков Б.А. Рыбакова, А.П. Окладникова и Б.Б. Пиотровского, 100-летний юбилей которых отмечается в 2008 году.

II (XVIII) Всероссийский археологический съезд собрал более четырехсот участников, представляющих научные организации Российской академии наук, высшие учебные заведения, музеи, научно-производственные организации, органы охраны памятников истории и культуры. В работе Съезда приняли участие представители более ста сорока организаций из 53 субъектов Российской Федерации. Это дало возможность участникам ознакомиться с результатами важнейших археологических исследований и новейшими открытиями, обсудить наиболее значимые методологические проблемы археологической науки и провести обмен опытом на общероссийском уровне, преодолев региональную разобщенность научно-исследовательских учреждений России. Участники Съезда обсудили фундаментальные проблемы, связанные с расселением, культурогенезом, урбанизацией, эволюцией материальной культуры и другими культурно-историческими процессами в древних обществах на территории нашей страны, рассмотрели ключевые вопросы изучения и сохранения археологических памятников как объектов культурного наследия и источника исторического знания о прошлом.

Съезд отмечает высокий уровень археологических исследований в России, прогресс в развитии археологии как дисциплины, являющейся важной составляющей исторической науки.

Съезд показал наличие существенного импульса в развитии мультидисциплинарного подхода в исследовании культурных общностей древности и средневековья, интеграции археологических и естествен-

нонаучных методов изучения памятников, выход на новый качественный уровень в решении вопросов методологии и истории науки, развитии новых направлений исследований, связанных с применением компьютерных технологий и методов инструментального анализа.

Несмотря на явные успехи, Съезд обращает внимание на снижение активности в изучении культур неолита России, древностей бронзового века лесной зоны и раннего железного века европейской части нашей страны. Ощущается необходимость более глубокой и интенсивной разработки проблем теории науки, современных методов проведения полевых исследований, планомерного подхода к созданию баз данных.

Подчеркивая возрастающий интерес к результатам полевых изысканий, основанных на междисциплинарных подходах, а также отмечая значительный прогресс в развитии спасательной археологии в России, участники Съезда считают необходимым привлечь внимание Росохранкультуры и правоохранительных органов к проблемам сохранения археологического наследия и призывают объединить усилия в борьбе с масштабными разрушениями объектов археологического наследия в ходе строительства, влекущими за собой невосполнимую утрату информации о древней истории страны.

Участники Съезда подчеркивают необходимость консолидации усилий и активизации сотрудничества ученых-археологов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, а также средств массовой информации в борьбе с варварским разрушением археологических памятников, грабительскими раскопками и нелегальным оборотом древностей.

Важным для сохранения культурного наследия является повышение уровня организации музейного хранения коллекций, обеспечивающего полную и долговременную сохранность артефактов, полученных в ходе археологических полевых исследований. В связи с этим вызывает озабоченность современное состояние музейных фондов, отсутствие во многих музеях условий для хранения археологических коллекций, недооценка значимости массовых археоло-

гических материалов как исторического источника. Эти факторы приводят к их ежегодной утрате и депаспортизации. Насущной необходимостью является создание специализированных археологических музеев и фондохранилищ, ориентированных на массовые материалы.

Вопросы сохранения археологического наследия не в полной мере урегулированы в действующем законодательстве, включая передачу и хранение культурных ценностей, обнаруженных в результате проведения археологических исследований, в составе государственной части Музейного фонда Российской Федерации.

Особое место занимают вопросы допуска специалистов-археологов на земельные участки, в границах которых располагается объект археологического наследия, для осуществления археологических полевых работ.

Не регламентированы механизмы взаимодействия экспертов-специалистов с органами государственной власти, ответственными за сохранение объектов культурного наследия, и правоохранительными органами по вопросам оценки ущерба, нанесенного объектам культурного наследия.

Российская Федерация является страной, подписавшей все основные конвенции по охране культурного наследия (Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия, Конвенция об охране археологического наследия, Конвенция об охране архитектурного наследия Европы), включая Европейскую конвенцию об охране археологического наследия, к которой наша страна присоединилась в 1992 году. Однако до настоящего времени указанная конвенция в Российской Федерации не ратифицирована.

Участники отмечают активное участие в работе Съезда молодых ученых-археологов. Тем не менее, подготовка кадров, воспроизводство научного потенциала и повышение уровня подготовки специалистов продолжают оставаться в числе острых проблем российской науки.

Участники Съезда считают необходимым:

- создание оптимальных условий для развития археологии как фундаментальной науки, обеспечивающей познание древней и средневековой истории;
- расширение в Российской Федерации сети археологических учреждений и специализированных археологических подразделений в музеях, высших учебных заведениях, государственных органах исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, создание новых рабочих мест для археологов в государственных учреждениях науки и культуры;
- дальнейшее совершенствование законодательной базы, регулирующей вопросы сохранения объектов археологического наследия;

- консолидацию усилий археологических учреждений, государственных органов исполнительной власти, ответственных за сохранение объектов культурного наследия, и органов местного самоуправления в целях усиления борьбы с незаконными раскопками и торговлей предметами археологии;

- регулярное проведение конференций, круглых столов, семинаров по проблемам сохранения объектов археологического наследия, направленных на обмен опытом в указанной сфере, а также совершенствование практики разработки и применения нормативных правовых документов и методик охранных мероприятий;

- организацию новых музейных экспозиций и тематических выставок, посвященных современным археологическим открытиям;

- музеефикацию объектов археологии на территории России, как форму сохранения культурного наследия;

- создание специализированных музейных фондов, предназначенных для хранения и научного изучения массового археологического материала;

- повсеместное внедрение современных методик проведения археологических полевых исследований, направленных на более тщательную фиксацию материала;

- осуществление организациями, ведущими археологические полевые исследования, активной работы по подготовке к публикации научных отчетов;

- активное привлечение средств массовой информации и использование интернет-ресурсов в освещении результатов научных археологических раскопок, а также в целях борьбы с грабительскими раскопками и кладоискательством;

- оказание молодым ученым содействия, необходимого для дальнейшего развития науки, в возможности повышения квалификации через механизм специализированных стажировок, обменов и иных мероприятий;

- разработку мер, направленных на финансовую поддержку молодых ученых;

- рассмотрение вопроса о включении периодического издания «Труды Всероссийского археологического съезда» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук, сформированный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации;

Участники Съезда рекомендуют:

Правительству Российской Федерации:

1. Считать задачу сохранения археологического наследия России одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры.

2. Разработать и внести в установленном порядке изменения в Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в части:

введения новой статьи, регулирующей вопросы сохранения объектов археологического наследия;

установления ответственности музеев за прием археологических коллекций в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации;

обеспечения допуска специалистов-археологов на земельные участки, в границах которых находятся объекты археологического наследия;

приведения в соответствие пунктов 1 и 2 статьи 21 в части выдачи паспорта на объект археологического наследия собственнику земельного участка, в пределах которого располагается объект археологического наследия;

введения в статью 49 понятия «охранные обязательства» для объектов археологического наследия, которые являются ограничениями (обременениями) права собственности на земельный участок, в пределах которого располагается объект археологического наследия;

усиления роли Российской академии наук в научно-методическом обеспечении работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия.

3. В установленном порядке направить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предложения к проекту федерального закона № 432575-4 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления градостроительной деятельности» в части сохранения объектов археологического наследия.

4. Принять меры по ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия и присоединении России к международным договорам в сфере сохранения археологического культурного наследия и предотвращения незаконного оборота культурных ценностей.

Министерству культуры Российской Федерации

1. Обратить внимание на необходимость принятия экстренных мер по сохранению объектов археологического наследия, переданных в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации, включая создание в музеях специализированных фондов, предназначенных для хранения и научного изучения массового археологического материала.

2. Рассмотреть вопрос о разработке регламентов взаимодействия экспертов-специалистов с органами государственной власти, ответственными за вопросы сохранения объектов культурного наследия и правоохранительными органами по вопросам оценки ущерба, нанесенного объектам культурного наследия.

Министерству образования и науки Российской Федерации

1. В целях расширения подготовки специалистов в области археологии включить специальность «археология» в Перечень направлений (специальностей) высшего профессионального образования.

2. Рассмотреть вопрос о включении периодического издания «Труды Всероссийского археологического съезда» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук, сформированный Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

3. Разработать комплекс мер, направленных на финансовую поддержку и повышение квалификации молодых ученых в ведущих российских и зарубежных археологических учреждениях через механизм стажировок, обменов и иных мероприятий.

Участники Съезда выразили намерение:

1. Продолжить традицию проведения всероссийских археологических форумов, способствующих расширению сотрудничества научных организаций Российской академии наук, высших учебных заведений, музеев, научно-производственных организаций, органов охраны памятников истории и культуры различных регионов России, их консолидации, направленной на изучение и сохранение культурного наследия, обмену опытом и развитию методической базы.

2. Провести очередной, III (XIX) Всероссийский археологический съезд в 2011 году в Великом Новгороде.

Участники Съезда выражают благодарность Президиуму Российской академии наук, Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) и Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ) за финансовую поддержку проведения Съезда.

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Х.А. Амирханов

Институт археологии РАН

М.Б. Пиотровский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

А.В. Седов

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Основные проблемы археологии Южной Аравии (25 лет работы Российской комплексной экспедиции в Йемене)

Одним из наименее изученных регионов древних цивилизаций Востока и по сей день остается Аравийский п-ов, хотя уже первые историко-археологические исследования выявили существование здесь древнейших очагов человеческой культуры. Значение древней южноаравийской цивилизации подчеркивает уже одно то, что отчетливые отголоски о ней сохранили священные книги иудаизма, христианства и ислама. Однако до последнего времени знания об этом историческом и культурном феномене, отмеченном романтическими эпитетами «Счастливая Аравия», «Страна ароматов», «земля царицы Савской», основывались больше на легендарных преданиях и отрывочных сведениях древних авторов, чем на сколько-нибудь систематизированных научных данных. Что же касается целых эпох, предшествующих «письменной истории», то, несмотря на свой огромный потенциал, Южная Аравия оставалась до самого недавнего времени практически неисследованной территорией. Только со второй половины 1970-х гг. начались регулярные археологические изыскания в Йемене, в которых, надо сказать, достаточно активное участие принимали и отечественные археологи и востоковеды. И все же археология этой второй по величине страны Аравийского п-ова находится в процессе становления, а древнейшая и древняя история – в самой начальной стадии реконструкции. С 1983 г. в эти исследования на постоянной основе активно включились российские ученые – археологи, востоковеды (сабисты и арабисты), этнологи, историки.

Осенью 1982 г. для работы на территории Народной Демократической Республики Йемен, в соответствии с межправительственным соглашением и на основании постановления Президиума АН СССР, была создана Советско-йеменская комплексная экспедиция (СОЙКЭ). Свой первый полевой сезон она провела в феврале – мае 1983 г. Базовым учреждением экспедиции был выбран Институт востоковедения и его Санкт-Петербургский филиал (в то время – ленинградское отделение Института востоковедения), однако к работе были привлечены специалисты из Института археологии, его ленинградского отделения (ныне – Институт истории материальной культуры), Института географии, Государственного Эрмитажа, Академии художеств, Кунсткамеры, Московского государственного университета. Как по объему финансирования, так и по количеству специалистов, привлеченных к ее работе, это была одна из крупнейших гуманитарных научных миссий Академии наук, когда-либо работавших в арабских странах. «Крестным отцом» экспедиции был Борис Борисович Пиотровский, столетию со дня рождения которого посвящен наш с вами съезд. Именно он, как член Президиума Академии наук, во главе представительной делегации был командирован в Южный Йемен для подписания с Министерством культуры этой страны Соглашения о ее создании, именно он выбирал регион будущих работ экспедиции – Хадрамаут, и даже конкретный памятник, городище Райбун, как стационар для раскопок. До конца своих

дней он являлся научным руководителем экспедиции и живо интересовался результатами ее работы. К созданию экспедиции, что называется, «приложил руку» и Борис Александрович Рыбаков – с его благословения с первого полевого сезона в экспедиции работали и продолжают исключительно успешно работать и поныне сотрудники Института археологии. Нельзя не упомянуть и еще одного нашего выдающегося ученого, Валерия Павловича Алексеева, который на посту директора Института археологии не только оказывал весьма существенную помощь в организации работ экспедиции, но и сам принял участие в полевых исследованиях в Хадрамауте и на о. Сокотра.

Возглавляли экспедицию в разные годы Петр Афанасьевич Грязневич и Михаил Борисович Пиотровский, а с 1991 г. ее руководителем является А.В. Седов. Экспедиция успешно проработала девять полевых сезонов, с февраля 1983 по декабрь 1991 г., три-пять месяцев ежегодно, а в 1993 г. была преобразована в Российскую комплексную экспедицию Института востоковедения. С 1993 г. по настоящее время экспедиция проводит ежегодные одномесечные исследования преимущественно в Хадрамауте, южных прибрежных районах Йемена и на о. Сокотра, хотя потенциально работы экспедиции распространяются на всю территорию этого государства (в 1990 г. два йеменских государства объединились в одно – Республику Йемен). С 2000 г. члены экспедиции участвуют в раскопках в Дофаре (султанат Оман), который в древности составлял с Хадрамаутом культурно-политическое единство. В 1983–1991 гг. финансирование экспедиции осуществлялось из целевых средств Академии наук, а с 1993 г. производится в форме грантов Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда и из целевых средств Отделения историко-филологических наук. Дважды нам удалось получить поддержку финансирования полевых работ от Международной ассоциации развития научного сотрудничества между странами Западной Европы и государствами бывшего СССР, больше известной как ИНТАС.

С первых дней работы – и мы стараемся сохранить это и по сей день – экспедиция ставила своей задачей комплексное изучение истории человеческого общества на юге Аравийского п-ова, прежде всего в области Хадрамаут и исторически связанных с ней районах Махры, Дофара и о. Сокотры. Комплексность находит свое воплощение в параллельной и совместной работе археологов, историков, эпиграфистов, палеогеографов, этнографов, лингвистов. Итоги работ экспедиции легли в основу ряда книг, включая индивидуальные монографии на русском, английском и французском языках и сборники Трудов экспедиции, целой серии статей, опубликованных в отечественной и зарубежной научной перио-

дике. Общее количество наименований опубликованных работ приближается ныне к четырем сотням.

Особенности природных условий Южной Аравии – большая изрезанность рельефа, чередование высокогорья, припустынных и прибрежных зон с контрастным климатом, сравнительно узкие долины-вади, пригодные для земледелия, но лишенные постоянных водотоков и орошаемые лишь дважды в год в период дождей, – все это способствовало тому, что обитавшие здесь древние племена, селясь отдельными племенными или родовыми группами, создавали изолированные очаги цивилизации. Изучение истории и культуры этих народов на протяжении длительного времени базировалось преимущественно, если не исключительно, на данных южноаравийских надписей (их количество составляет к настоящему времени несколько тысяч единиц), анализе отрывочных сведений, содержащихся в трудах античных и средневековых арабских авторов, систематизации и интерпретации, зачастую спорной, весьма немногочисленного нумизматического материала. Однако в последнее время стало очевидным, что для всестороннего и объективного воссоздания истории и культуры древнейшего общества необходимо принципиально иной источниковедческий подход – скрупулезный анализ массового археологического материала, создание надежной относительной и абсолютной хронологической шкалы изучаемых памятников. Только на этой основе возможны объективные историко-культурные реконструкции.

Начальные этапы человеческого общества в Южной Аравии. Благодаря работам прежде всего российских археологов в последнее время произошел настоящий «прорыв» в изучении древнейшего прошлого Южной Аравии. Основой для анализа и обобщений послужили материалы памятников каменного века, открытые в ходе работ экспедиции. Районы исследований включали вади Хадрамаут и хадрамаутское плато, джоль, южное побережье Йемена, горные районы провинции Махра. В результате открыто и изучено 66 памятников каменного века, включающих 91 комплекс и коллекцию. Восемнадцать пунктов из общего числа изученных объектов относятся к неолиту, все остальные – к различным эпохам палеолита.

Наиболее важной стороной методических обобщений является установление связи определенных разновидностей памятников с конкретными формами ландшафтов. Представляется, что выявленные закономерности расположения памятников и методика их поиска приложимы не только к территории самой Аравии, но и к аридным областям за пределами полуострова. Особенно интересна приуроченность доашельских стоянок к разрушенным ныне пещерам. Надо отметить, что до работ российской экспедиции на юге Аравии бесспорные археологические материалы, относящиеся к начальному эта-

пу зарождения человеческой культуры – олдовану, за пределами африканского континента известны не были. В соответствии с существовавшими тогда данными намечались и пути первоначального расселения человечества из его прародины на европейский и азиатский континенты. Открытия древнейших памятников палеолита в Аравии позволили в дополнение к ранее известному – северо-восточно-африканскому – направлению расширения изначальной ойкумены установить и другой – южноаравийский путь продвижения человека на неведомые ему ранее просторы Евразии.

Как явствует из наших исследований, Южная Аравия была заселена древнейшими людьми на протяжении всего каменного века. В настоящее время из исследуемого района не выделены лишь мезолитические материалы, что объясняется невозможностью дифференциации позднего палеолита и мезолита Аравии или, что более вероятно, отсутствием здесь мезолитической стадии культуры. Рассмотрение палеолитических памятников Хадрамаута приводит к заключению, что культура каменного века на этой территории обладает чертами, свойственными как Африке, так и Ближнему Востоку, причем признаки отдельных хронологических этапов и общие тенденции каменного века Африки выступают здесь все заметнее по мере развития культуры от ранних эпох к поздним. В масштабах всей Аравии в целом эта картина постепенно усложняется в неолите, когда здесь начинают образовываться историко-культурные области. Одна из них, занимавшая основную часть полуострова, унаследовала традиционное направление культурных связей, а вторая, восточноаравийская, формировалась под прямым воздействием месопотамских культурных импульсов. Обобщение вновь полученных данных по неолиту Аравии подводит к заключению, что при периодизации целесообразно пользоваться двучленной схемой, состоящей из понятий «ранний» (VIII–VI тыс. до н.э.) и «поздний» (V–III тыс. до н.э.) неолит. Эти этапы дополняются самостоятельной стадией, характеризующей своеобразную «параллельную культуру» и уже получившей в литературе название «постнеолит» (II – начало I тыс. до н.э.). Последнее понятие употребляется для памятников, которые синхронны стоянкам бронзового века или культуре раннегородской цивилизации, но характеризуются решающим господством традиций каменного века.

В целом можно заключить, что изучение памятников каменного века позволило создать целостную картину историко-культурного развития изучаемого региона от времени появления здесь человека до эпохи бронзы и возникновения первых очагов цивилизации. Несмотря на достаточную активность археологических исследований на Аравийском п-ове, говорить применительно к соседним регионам о такой степени изученности памятников ранней перво-

бытности, как в Йемене, не приходится. Думается, что не будет нескромным отметить весомость вклада российских ученых в достижение этого результата.

Предыстория и происхождение древнейшей цивилизации. Первые поселения, относящиеся к периоду бронзового века (конец IV – конец II тыс. до н.э.), т. е. к периоду, непосредственно предшествовавшему возникновению южноаравийской цивилизации, были открыты на Йеменском нагорье (Восточный Хаулан) итальянскими археологами в 1981 г. За прошедшие с тех пор более чем 25 лет памятники синхронных культур были найдены и исследованы, в том числе и нашей экспедицией, во многих районах Йемена – на Замарском плато (это также Йеменское нагорье), в ал-Джоуфе и пустыне Рамлат ас-Сабатейн, на хадрамаутском плато-джоле, в прибрежных районах Йемена. В целом, можно выделить три региона, дающих памятники, довольно резко различающиеся между собой характером материальной культуры. В двух из этих регионов наша экспедиция совместно с немецкими коллегами проводила исследования, давшие весьма интересные и важные результаты для понимания генезиса древнеюжноаравийской цивилизации.

Первый регион – это Йеменское нагорье (именно в нем мы исследования не проводили, может быть, пока). Здесь известны небольшие поселения с остатками довольно примитивных домов, хотя встречаются и достаточно крупные, площадью несколько гектаров, поселения с каменной архитектурой и ярко выраженной внешней оборонительной системой. В хозяйстве племен, оставивших эти памятники, явно преобладали скотоводство и собирательство злаков, имеются данные о существовании начатков скорее всего богарного земледелия. Обмен и торговля были развиты, вероятно, довольно слабо, хотя и существовали, по всей видимости, специализированные ремесла (гончарство, изготовление орудий из металла, кремня и обсидиана). В материальной культуре, особенно в керамике, планировке и архитектуре поселений в меньшей степени, прослеживаются явные аналогии с памятниками сиро-палестинского региона. К сожалению, памятники эпохи неолита на Йеменском нагорье до сих пор практически неизвестны, поэтому вопрос об автохтонности населения, оставившего памятники эпохи бронзы, либо о его пришлое характере остается открытым. Определенно можно сказать лишь одно – все эти памятники прекратили свое существование за несколько сотен лет до появления на Йеменском нагорье памятников, относимых к древнейшей цивилизации.

Второй регион – это обширные пространства западной части Южной Аравии, включающие в себя пустыню Рамлат ас-Сабатейн, южную оконечность Руб ал-Хали, хадрамаутское и махрийское плато. Здесь исследованы многочисленные погребальные и поминальные памятники, а также некоторое коли-

чество очень небольших поселений с остатками легких хижин, принадлежавшие, вероятно, кочевникам-скотоводам. На протяжении нескольких полевых сезонов наша экспедиция исследовала эти памятники как в районах Внутреннего Хадрамаута, так и в Махре. В 1992 г. около сотни таких памятников было раскопано в рамках совместного российско-германского археологического проекта на южном джоле Хадрамаута. Типологически выявленные памятники сходны с синхронными памятниками других областей Аравийского п-ова, в первую очередь его восточной части (это Оман, ОАЭ, юго-восточные районы Саудовской Аравии). Эта типологическая близость, иногда доходящая до тождества, схожести, а порой и идентичности, погребального инвентаря, позволяют прийти к важному заключению об историко-культурной близости древних племен, населявших в эпоху конца неолита, ранней и поздней бронзы всю территорию юго-восточной части Аравийского п-ова от Арабо-Персидского залива на востоке до пустыни Рамлат ас-Сабатеин на западе. Более того, есть все основания говорить о том, что по меньшей мере два типа исследованных памятников – так называемые трилиты и округлые гробницы – доживают в Махре и Хадрамауте по крайней мере до конца I тыс. до н.э., т. е. относятся к так называемой «постнеолитической» стадии, о которой упоминалось выше, и представляют параллельную культуру кочевых южноаравийских племен, сосуществовавшую с памятниками древнеземледельческой цивилизации, которую мы изучаем в том же Хадрамауте.

Наконец, третий регион – это прибрежная полоса Йемена, тянущаяся вдоль Красного моря и Аденоского залива. Здесь открыты поселения с монументальной сырцово-кирпичной архитектурой и мегалитические памятники, являвшиеся, вероятно, культовыми или церемониальными центрами. Несколько полевых сезонов экспедиции в рамках еще одного российско-германского археологического проекта были посвящены исследованию памятников этого региона. В качестве стационара было выбрано поселение Сабир, расположенное неподалеку от г. Адена и занимающее площадь в несколько десятков гектаров. Здесь найден ремесленный квартал с остатками гончарных печей, многокомнатные постройки из сырцового кирпича. Организующим центром поселения являлся комплекс из нескольких зданий, окруженный стеной из сырцового кирпича, снабженной двумя воротами. В руинах одной из построек, ядром которой являлся обширный гипостильный зал с алтарем-подиумом в центре, есть все основания видеть храм. В складских помещениях, открытых в непосредственной близости от храма, найдены десятки керамических сосудов с остатками когда-то хранившихся в них припасов (зерно, орехи). Помимо квартала гончаров на поселении Сабир открыта мастерская по производству бус и подвесок из камня и раковин морских

моллюсков. На окраине еще одного поселения, Малейба, керамика которого синхронна керамике нижних, т. е. наиболее ранних, слоев поселения Сабир, открыты остатки ирригационных каналов. Не вызывает сомнения, что основой хозяйства общин, оставивших эти поселения, являлось ирригационное земледелие. Вместе с тем есть все основания полагать, что значительное место занимали рыболовство, собирательство моллюсков, животноводство, ремесла (особенно изготовление керамики) и торговля, в том числе международная (в первую очередь – с африканским побережьем Красного моря).

Представительная серия радиоуглеродных дат из различных слоев поселения Сабир позволила отнести время его существования к концу III – самому началу I тыс. до н.э., однако возникновение археологической культуры, получившей свое название по эталонному памятнику, т. е. «культуре Сабир», следует относить к значительно более раннему времени. В рамках того же российско-германского археологического проекта непосредственно на побережье Аденоского залива, в местности Малый Аден и в лагуне Хор Умейра, открыты поселения (так называемые «раковинные кучи»), датируемые V–III тыс. до н.э., археологический материал с которых можно рассматривать и как непосредственно предшествующий «культуре Сабир» (нижние слои памятников), и как относящийся к ее начальной фазе (верхние слои памятников). Есть все основания полагать, что раннеземледельческая «культура Сабир» явилась результатом эволюционного развития автохтонных обществ неолитических рыболовов и собирателей моллюсков, обитавших в прибрежной зоне юго-западной части Аравийского п-ова. Однако ее также нельзя рассматривать как ту основу, на которой сформировалась древнейеменская цивилизация. Мало того, достоверно установлено, что поздняя фаза «культуры Сабир» и ранний этап древнейеменской цивилизации синхронны.

Итак, новые археологические открытия, сделанные на юго-западе Аравийского п-ова в последние несколько лет, и в первую очередь выделение неолитических культур и культуры Сабир в прибрежной зоне, сопоставление их с синхронными культурами в других частях Йемена, позволяют сделать некоторые важные заключения об основных тенденциях развития региона в V–II тыс. до н.э. Африканские параллели в материальной культуре памятников прибрежного Йемена недвусмысленно свидетельствуют об установлении постоянных связей между населением по обоим берегам Красного моря задолго до сабейской колонизации территории нынешнего Тиграе в середине I тыс. до н.э. Отсутствие надежных археологических свидетельств, в первую очередь с территории Африки, не позволяет, как будто бы, говорить о существовании в указанное время в регионе по обе стороны Красного моря единой культурной общно-

сти, однако контакты, обусловленные, возможно, в первую очередь экономическими потребностями, не вызывают сомнений. Достаточно высокий уровень развития культуры эпохи бронзы, открытой в прибрежной части Йемена, а также многочисленные памятники кочевых племен в Хадрамауте, свидетельствуют о том, что появившиеся в Южной Аравии в конце II тыс. до н.э. племена, говорившие на южносемитских языках, т. е. сабейцы, катабанцы и хадрамаутцы, оказались не в культурном вакууме. Безусловно, что в генезисе созданной ими древнейшей цивилизации существенную роль, хотя до сих пор и слабо выявленную, сыграл тот субстратный слой населения, культура которого своими корнями уходит в локальные культуры доисторической эпохи.

Древнейшая цивилизация, возникшая в конце II тыс. до н.э. в юго-западной части Аравийского п-ова, являлась совокупностью высокоразвитых земледельческих общин, для которых были характерны многочисленные города, разветвленные ирригационные системы со сложными гидротехническими сооружениями, развитая архитектура, в том числе храмовая, изобразительное искусство, письменность, ремесла. Вероятно, не позднее самого начала I тыс. до н.э. здесь стали складываться крупные политические объединения, быстро превратившиеся в государства Саба, Аузан, Катабан, Хадрамаут, города-государства ал-Джоуфа, со сложной социальной структурой, во главе которых стояли правители, принявшие титулы малик (= царь) или мукарриб (= объединитель). Однако вопросы генезиса семитских племен, создавших древнейшую цивилизацию, все еще остаются предметом научной дискуссии. Существуют две точки зрения. Согласно одной из них, древнейшая цивилизация явилась результатом естественного развития автохтонных племен Южной Аравии бронзового века. Приверженцы другой точки зрения считают более вероятным, что сложение цивилизации Южной Аравии, возникновение здесь первых государственных образований были во многом, если не исключительно, обусловлены миграцией в конце II тыс. до н.э. на юго-запад Аравийского п-ова семитских племен – носителей так называемых «сайхадских языков» (т. е. сабейского, катабанского, хадрамаутского), причем эти пришлые племена уже обладали высоким уровнем развития: им было знакомо земледелие, они имели навыки в ирригации и строительном деле, металлургии и гончарном ремесле, были уже знакомы с письменностью и обладали достаточно стройной системой религиозных представлений.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные заставляют, во всяком случае на нынешнем уровне наших знаний, отдавать предпочтение второй точке зрения. Как я пытался показать выше, ни одна из культур бронзового века, открытых к на-

стоящему времени на территории Йемена, не может рассматриваться как прямой предшественник «цивилизации Сайхад». Возможно, что в Хадрамауте появление новых племен совпало с позднеголоценовой фазой аридизации Южной Аравии, что позволило пришельцам заселить прежде необитаемые долины-вади, создавая в них земледельческие оазисы. Не совсем ясно, была ли это одномоментная миграция группы родственных племен, либо постепенное просачивание, растянутое во времени.

Характерные черты древнехадрамаутской земледельческой городской цивилизации. До начала работ нашей экспедиции памятники Хадрамаута эпохи древнейшей цивилизации были изучены несравненно слабее, нежели памятники соседних государств древнего Йемена, т. е. Сабы, Катабана или Маина. Ситуация в корне изменилась после без малого полутора десятков полевых сезонов. Нам удалось предложить периодизацию, абсолютную и относительную хронологию различных этапов материальной культуры древнего Хадрамаута, исследовать многие области хозяйственной деятельности (торговля, денежное обращение), проследить основные направления внешних торговых и культурных связей. Исследования в низовьях вади Дауан позволили впервые представить относительно цельную картину возникновения и развития земледельческого оазиса древнего Йемена на протяжении более чем тысячелетия. Поселения, составлявшие оазис и возникшие в разные периоды его истории, были расположены в центральной части долины и окружены разветвленной оросительной системой, «разводившей» по обширным полям паводковые воды. Были изучены многочисленные остатки ирригационных сооружений – отводные дамбы и каналы, распределительные узлы, резервуары для сбора воды, шлюзы.

Раскопки на Райбуне, центральном и самом крупном городище оазиса, показали, что самые ранние слои следует датировать, вероятно, последними веками II тыс. до н.э. Эта дата получена как на основании радиоуглеродной датировки образцов угля из нижних слоев, так и на основании сравнительного анализа образцов расписной керамической посуды из этих же слоев (близкие аналогии этой керамике можно найти в материалах из южной Палестины и северо-западной Аравии XIII–IX вв. до н.э.). Исследования дали богатый керамический материал, позволивший создать «керамическую колонку» – инструмент, с помощью которого можно датировать не только слои исследуемого городища, но и другие археологические памятники оазиса, да и всего Хадрамаута. Кстати сказать, эта «колонка» опубликована и успешно используется нашими зарубежными коллегами.

Раскопки храмов в древнем оазисе позволили впервые представить структуру древнехадрамаутского культового комплекса, его основное здание (свя-

тилище), террасы с очагами для воскурений, здание для ритуальных трапез, хозяйственные и жилые постройки. Удалось проследить развитие храмов от небольших глинобитных построек до монументальных сырцово-каркасных громадин, облицованных полированной плиткой, возвышавшихся поверх мощных каменных платформ. Изучено убранство храмов, характер вторичного использования посвяtitельных надписей при ремонтах и перестройках, найдены многочисленные типы курильниц, светильников, жертвенников, остатки посвяtitельных даров.

Систематизация и анализ впервые введенного в научный оборот материала позволили выявить специфические черты одного из крупнейших регионов древнейшей цивилизации – древнего Хадрамаута. Важнейшим представляется заключение о единстве его материальной и духовной культуры на протяжении весьма длительного периода времени – более чем полутора тысячелетий, от появления здесь первых земледельческих поселений в конце II тыс. до н.э. до сасанидского завоевания этой территории в конце V в. н.э. Это единство проявилось, помимо безусловной языковой общности, в достаточно устойчивой архитектурной традиции, сходных строительных приемах и способах организации поселений и земледельческих оазисов, единой традиции в изготовлении керамической посуды, неизменных специфических чертах погребальной обрядности, единстве официального пантеона и монетной системы. Специфические особенности основных черт древней культуры Хадрамаута позволяют отличать ее от синхронных культур соседних регионов Йемена – Сабы, Катабана, Химйара, городов-государств в оазисах ал-Джоуфа и Йеменского нагорья.

В целом необходимо подчеркнуть, что в результате двадцатипятилетних работ российских археологов на юге Аравии получен, систематизирован и,

что самое важное, опубликован огромный научный материал. Значимость его оценена специалистами как важная не только для локальной и региональной, но и всеобщей истории. За годы работ экспедиции открыто и в разной степени исследовано свыше пяти сотен археологических памятников, относящихся ко всем историческим эпохам начиная от первого появления человека на территории Аравии. Сюда входят одни из наиболее древних в мире пещерных стоянок палеолитического времени, руины древних городов с величественными развалинами храмовых комплексов, погребальные памятники, остатки масштабных оросительных сооружений, портовые города, через которые Южная Аравия была связана в древности морскими путями с внешним миром. Археологические находки помимо массового материала включают в себя более 2000 надписей исторического, сакрального, ономастического, топонимического, строительного, владельческого и бытового содержания, печати, предметы искусства, украшения из золота, серебра, кости, камня, орудия труда и предметы быта, древние монеты, как разрозненные, так и в составе кладов. На основе материалов наших раскопок силами экспедиции создан археологический музей в провинции Хадрамаут, в г. Сайуне, и он по праву считается одним из лучших провинциальных музеев Йемена.

Мы попытались лишь очень кратко охарактеризовать основные, на наш взгляд, проблемы археологии, древнейшей и древней истории Южной Аравии, показать тот вклад, порой решающий, который внесли отечественные ученые, археологи и востоковеды, в их разрешение. Впереди много других проблем, и их решению будут посвящены, мы надеемся, следующие двадцать пять лет работы Российской комплексной экспедиции Академии наук в Республике Йемен.

Д.Г. Савинов

Санкт-Петербургский государственный университет

Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия)

Южная Сибирь (или Саяно-Алтайское нагорье) и Западная Сибирь (имеется в виду в первую очередь ее южная часть) – две смежные области, в основном различные по характеру представленных здесь памятников и содержанию археологических культур. В то же время между ними достаточно много общего – по географической ситуации и закономерностям культурогенеза. Это одна и та же (или очень близкая) широтная зональность (горы на юге, лесостеп-

ной пояс, тайга); две великие реки – Обь и Енисей, пересекающие их с юга на север и служившие естественными магистралями культурных коммуникаций. Согласно учению Л.И. Мечникова, реки, и особенно условия «двуречья», сыграли выдающуюся роль в развитии цивилизации. В бассейнах Оби и Енисея эта ситуация повторяется дважды: в истоках и при впадении в них двух других крупных рек (Иртыш и Ангара). Археология Обь-Иртышского междуречья,

наиболее полно изученная и ставшая одним из лучших достояний сибирской археологии, подтверждает справедливость этого положения.

Степень изученности археологических памятников I тыс. н.э. в Южной и Западной Сибири различна. В Южной Сибири (или на севере Центральной Азии) они находятся как бы «в тени» письменной истории раннесредневековых этнополитических образований. Количество видных исследователей здесь сравнительно невелико (М.П. Грязнов, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, Л.Р. Кызласов, А.А. Гаврилова, Ю.С. Худяков). До сих пор ведущим методическим приемом изучения культуургенеза является поэтапное деление культур. В западносибирской археологии, где таких письменных источников нет (точнее – они появляются только в самом конце I тыс. н.э.), напротив, анализ собственно археологических материалов имеет первостепенное значение. Плеяда ведущих исследователей здесь наиболее значительна. В трудах В.Н. Чернецова, А.П. Дульзона, В.А. Могильникова, Л.А. Чиндиной, В.И. Молодина, Т.Н. Троицкой, Л.Н. Коряковой, Н.В. Федоровой, Б.А. Коникова и многих других представлена сложная панорама взаимодействия различных ареалов археологических культур, археологических общностей и составляющих их компонентов. Материалы этих исследований во многом определили фактическое обоснование настоящего доклада.

Проблема культурных контактов и взаимодействия Южной и Западной Сибири в I тыс. н.э. имеет множество аспектов. Только некоторые из них, наиболее очевидные и в определенном «ключе», будут рассмотрены ниже. Но прежде хотелось бы кратко остановиться на трех теоретических положениях, сформулированных в русле цивилизационного подхода к изучению культуургенеза.

Первое – это понятие «культурно-экологической области», занимающее как бы промежуточное положение между двумя основополагающими категориями этнологических исследований («историко-этнографическая область» и «хозяйственно-культурный тип»), но адаптированное к изучению археологических памятников. По своему значению оно сопоставимо с понятием «локальный вариант археологической культуры», но несколько шире его и опирается как на типологические (или региональные) особенности материальной культуры, так и на специфику занимаемой экологической ниши. В этом плане понятие культурно-экологической области противостоит формационному подходу в изучении древних культур: в областях с разным природным и культурно-хозяйственным потенциалом процессы культуургенеза могли иметь различный или независимый характер. Отсюда – фактор неравномерности развития культур, существование маргинальных культурно-экологических зон, большое количество так называемых «атипичных» памятников.

Второе касается археологической периодизации. Известно, что первый опыт создания такой периодизации в Сибири с поэтапным делением культур был осуществлен С.А. Теплоуховым на материалах Минусинской котловины, которая стала своеобразной «лабораторией» изучения процессов культуургенеза. Те же принципы поэтапной периодизации и синхронизация вновь выделенных этапов с минусинской «шкалой» были перенесены М.П. Грязновым на материалы Верхней Оби, А.А. Гавриловой – на раннесредневековые памятники Горного Алтая, затем другими исследователями – на всю территорию Западной Сибири и т. д. Между тем, Минусинская котловина – это весьма специфическая культурно-экологическая область, где, в силу ее расположения, происходила аккумуляция носителей различных традиций; одна культура «накладывалась» на другую, образуя непрерывную стратиграфическую колонку, что и было зафиксировано периодизацией С.А. Теплоухова. При перенесении минусинской «модели» на другие территории оказалось, что в иных экологических условиях (в «открытой» для различного рода коммуникаций и поэтому «мозаичной», с точки зрения инноваций, лесостепи; или, наоборот, в «закрытых» и поэтому более консервативных таежных областях) процессы культуургенеза, их динамика и причинно-следственные связи могут отличаться значительным своеобразием или просто не совпадать. Примеров этого достаточно много.

Наконец, третье, и наиболее важное, – это трехмерность культурного пространства. На интуитивном уровне, понимая сопряженность хронологии и ареального распространения памятников, мы все же относимся к ним как к отдельным процедурам исследования. Понятие «трехмерности» культурного пространства подразумевает определенный «объем» сочетания традиционных и инновационных элементов, многие из которых могут перекрывать границы выделенных археологических культур и существовать во времени дольше, чем это установлено археологической периодизацией. Такому пониманию культурного пространства более соответствует понятие археологической общности (а не культуры) со «скользящей» хронологией опорных памятников и выделением отдельных локальных образований, которые можно именовать «культурными диалектами». Различного рода контакты и взаимодействия – это своего рода векторы передачи культурных ценностей внутри (или вовне) существующего культурного пространства. Его насыщенность и объем как система культурных связей и взаимодействий обеспечивают ту или иную динамику культуургенеза.

Высказанные теоретические положения в принципе применимы к различным археологическим эпохам, в том числе и к раннесредневековым памятникам Южной и Западной Сибири, которые в этом «ключе» можно интерпретировать следующим образом.

Культурное пространство южных и центральных районов Западной Сибири в начале I тыс. н.э. заполняют две крупные археологические общности, сложившиеся еще в предшествующее время: кулайская, первоначально в Нарымском и Томском Приобье, затем широко распространившаяся, и саргатская – в Обь-Иртышском междуречье и западнее. К этому же времени относится начало формирования верхнеобской культурной общности (лесостепной Алтай), один из этапов которой – фоминский, по М.П. Грязнову, – сейчас убедительно выделен в самостоятельную археологическую культуру. Каждая из этих культурных общностей имеет свою внутреннюю периодизацию и некоторое количество локальных вариантов (или, пользуясь упомянутым выше термином, «культурных диалектов»), образовавшихся в результате широкого расселения носителей данной культурной традиции.

Восточнее, на Енисее, одновременна им таштыкская культура, которую иногда называют «таштыкской эпохой». Однако и в данном случае более правомерно определение «таштыкская культурная общность», включавшая, как и ее западносибирские аналоги, ряд локальных вариантов – от Михайловского комплекса на р. Кие в Кемеровской обл. до Ачинских городищ под Красноярском и находок изделий таштыкского облика на Нижней Ангаре.

Крайняя западная (саргатская) и крайняя восточная (таштыкская) культурные общности в наибольшей степени испытали влияние со стороны государственной культуры Хунну, но истоки этого влияния, очевидно, были различными. В таштыкской традиции, скорее всего, они исходили непосредственно из Центральной Азии (или, по праву «наследования», – из опыта тесинских культурных связей); в саргатской – предположительно из Средней Азии, после освоения хуннами этого участка Великого шелкового пути. Между собой эти два источника хуннского влияния могут быть не связаны, хотя и относятся к одной исторической эпохе.

Наряду с южным влиянием прослеживается продвижение северных таежных племен на юг, детально прослеженное Л.А. Чиндиной по материалам кулайской культурной общности. Находки изделий кулайского типа встречаются вплоть до предгорий Алтая и в Кемеровской обл. В известной Айдашинской пещере (около г. Ачинска) наконечники стрел кулайского типа найдены вместе с характерными наконечниками стрел хуннского типа. Предположение Т.Н. Троицкой о том, что такое продвижение на юг стало возможным благодаря кризисной ситуации, возникшей у местного населения горно-степных районов в период наибольшей экспансии Хунну, представляется вполне правдоподобным.

Вместе с тем, по имеющимся материалам обозначается четкая линия связей фоминской и более поздней релкинской культур с таштыкской культурой, но

характер этих связей, по-видимому, был различным. В некоторых фоминских изделиях явно ощущается влияние таштыкской традиции, а отдельные элементы релкинского культурного комплекса проникают на Средний Енисей. Это еще раз подтверждает неравномерный характер культуругенеза: таштыкская культурная общность на Енисее в условиях относительной изоляции существует более длительное время, очевидно, вплоть до середины VI в., совпадая в этом отношении и с фоминской культурой, и с определенным этапом релкинской культуры.

Широкое расселение северных племен по югу Западной Сибири, предшествующее более поздним процессам тюркизации, привело в середине I тыс. н.э. к образованию (на кулайской основе) ряда раннесредневековых археологических культур, из которых наибольшую известность получили релкинская (Томское Приобье), верхнеобская (Северный Алтай) и потчевашская (Среднее Прииртышье, Бараба). Каждая из них представляет собой симбиоз местных лесостепных и пришлых, более северных, кулайских традиций (в сложении потчевашской культуры участвует также саргатский компонент). Каждая из них имеет свою периодизацию, этапы которой могут быть синхронизированы друг с другом, и ряд локальных вариантов (или культурных диалектов), выделенных главным образом по течению рек, впадающих в Обь или в Иртыш. Но прежние крупные археологические общности, заполнявшие обширное культурное пространство – от Урала до Енисея, – распались. Нечто подобное мы наблюдаем при распадении общности культурных традиций раннескифского времени, на базе которых в середине I тыс. до н.э. сложился ряд ярких, но уже самостоятельных археологических культур.

В этих условиях особое значение приобретают отдельные культурно-экологические области, в рамках которых могут наблюдаться локальные варианты культуругенеза. Сходство между этими культурами объясняется их общей (кулайской) основой, а различие – степенью подверженности внешним влияниям и взаимодействиям. Не исключено, что уже в это время отношения между носителями различных хозяйственных укладов могли приобретать социально окрашенный характер, что позже выльется в систему социально-этнического подчинения, характерную для всех развитых раннесредневековых обществ.

Вместе с тем, именно в это время начинаются процессы тюркизации, во многом обусловившие динамику культуругенеза во второй половине I тыс. н.э. Понятие «тюркизации» вообще носит весьма условный характер, так как может рассматриваться с лингвистической, антропологической, социально-политической (т. е. собственно исторической) и этнокультурной точек зрения. Причем эти проявления, будучи определенным образом связаны друг с другом (имея в виду южный источник их происхожде-

ния), могут не совпадать, во всяком случае быть не адекватны друг другу.

Если говорить о собственно археологическом аспекте, т. е. о каких-то инновациях в предметном комплексе Южной и Западной Сибири, место исхода которых находилось за пределами этих областей, то первые изделия подобного рода появляются здесь достаточно рано (приблизительно в V – начале VI в.), но не повсеместно, а преимущественно на Енисее (в таштыкских склепах), в погребениях релкинской культуры, а также верхнеобской культуры Новосибирского Приобья. Вещи эти, особенно в наборе, достаточно специфичны и хорошо узнаваемы (стремена с высокой невыделенной пластиной дальневосточного происхождения, первые находки обкладок седла с арочными луками, роговые двухдырчатые псалии и др.). За этими изделиями, инкорпорированными в сложившиеся культурные комплексы, стоят первые отряды тюркских всадников, осваивавших отдаленные пределы севера Центральной Азии. Изображения их, по всей вероятности, сохранились в таштыкских гравировках и в мелкой пластике релкинской культуры. Но появление этих инноваций отнюдь не означает процессов тюркизации во всех остальных аспектах.

В Минусинской котловине, на Енисее, в этом симбиозе складываются основы культуры енисейских кыргызов, вариантной по отношению к центральноазиатским этнополитическим объединениям. Можно предполагать, что в этих же условиях население релкинской культуры на Оби создало свою модель социальной структуры, отличную от имперских образований кочевников Центральной Азии (пользуясь условным наименованием – «потестарную»). К государствам Центральной Азии такое определение уже не подходит. По Л.А. Чиндиной, для нее были характерны увеличение роли коневодства, многочисленные находки предметов вооружения, в том числе оружейные «клады», выделение воинской элиты и др. Обладая, как и енисейские кыргызы, комплексной экономикой, население релкинской культуры и, возможно, входившая в то же культурное пространство часть населения верхнеобской культуры, смогли на протяжении длительного времени сохранить свою самостоятельность. Вполне вероятно, что эта социальная структура существовала в Западной Сибири длительное время и впоследствии легла в основу известных вогульских и остяцких княжеств. Каковы были взаимоотношения между этими двум потестарными объединениями – ранними кыргызами на Енисее и релкинцами на Оби, – неизвестно. Скорее всего, усилия тех и других были направлены в первую очередь на урегулирование отношений с югом, где в это время разворачивалась драматическая история Тюркских каганатов.

Следующая волна тюркизации, возможно и не связанная с первой, была вызвана притоком нового

населения с территории Горного Алтая, скорее всего, после гибели Второго тюркского каганата. Судя по всему, тюркам-тугю не удалось расширить свои владения за счет культурного пространства Западной Сибири. Военных походов сюда, за исключением кратковременной кампании 711–712 гг., когда тюркские войска под водительством Могиляня (Бильге-кагана) и Кюль-Тегина дошли до Иртыша, в письменных источниках не зафиксировано. Собственно тюркских (или телеских) «классических» погребений с концом этого времени практически не обнаружено. Вместе с тем, появляется довольно большое количество вещей, характерных для периода Второго тюркского каганата (т. н. катандинского типа), носителями которых могли быть отдельные группы населения, прежде входившие в состав каганата и адаптировавшиеся в местной среде.

Горизонт с изделиями общетюркского (катандинского) облика проходит через все западносибирские культуры (верхнеобскую, потчевашскую, релкинскую) и датируется временем не ранее середины VIII в. Вполне вероятно, что эти изделия, в первую очередь детали поясных наборов, попадали сюда уже вместе с более ранними вещами кудыргинского типа (VI–VII вв.). Поэтому ориентироваться только на них при поэтапной периодизации средневековых археологических памятников юга Западной Сибири следует с большой осторожностью. Появление южного, условно – тюркского, компонента не повлияло на относительно изолированный характер развития западносибирских культур. Отношения между местными и пришлыми группами населения, где мигранты явно составляли меньшинство, скорее всего, носили относительно мирный характер, что объясняется различной хозяйственной направленностью и налаженной системой обмена культурными ценностями. Этот «второй этап» тюркизации мог как-то отразиться на этнолингвистической ситуации в регионе, но не более.

Положение принципиально изменилось в конце I тыс. н.э., когда после падения Уйгурского каганата на севере Центральной Азии складываются вновь два больших этнокультурных ареала, включавших как всю территории Южной Сибири, так и смежные с ней районы Западной Сибири: ареал енисейских кыргызов, сложившийся в середине IX в. в процессе их широкого расселения после победы над уйгурами, и ареал кимако-кыпчакского объединения, в консолидации которого существенную роль сыграли группы населения, прежде входившие в состав Уйгурского каганата. Тот и другой представляли собой определенное культурное пространство со своим содержанием, хронологией, локальными вариантами, в которых по-разному сочетались традиции различных племен, составлявших эти образования.

Основная область расселения енисейских кыргызов в это время – степные и горно-степные районы (по материалам наиболее изученных археологиче-

ских памятников, помимо Минусинской котловины – Тува и Горный Алтай). Основная область расселения кимако-кыпчаков – предгорные и лесостепные районы (по материалам наиболее изученных памятников – Восточный Казахстан, юг Западной Сибири, Западный и Северный Алтай), т. е. в целом предгорья Алтайской горной системы с выходом в казахстанские степи. На севере граница между ними проходила по Кузнецкому Алатау, разделяющему приобские и приенисейские степи; в других местах она менее определена. Ассоциируемая с племенами кимако-кыпчакского объединения сросткинская культура по времени и месту распространения памятников соответствует сведениям письменных источников и подразделяется на ряд локальных вариантов, отражающих расселение кимако-кыпчакских племен в середине IX – начале XI в.

В североалтайских владениях кимаков теряются следы верхнеобской культуры, хотя на уровне традиционной (или профанной) культуры многие ее компоненты сохраняются еще длительное время, особенно в периферийных районах. Наиболее четко обозначаются два основных центра притяжения внешнеполитических и торговых связей: у енисейских кыргызов – с Китаем, у кимаков – с городами Средней Азии. В письменных источниках сохранились довольно подробные описания караванных путей, связывавших между собой области кимаков и кыргызов и через них – Среднюю Азию и Китай.

Культурные контакты и взаимодействия между этими двумя крупными этносоциальными объединениями отразились в достаточно близком конструктивном решении и особенно декоративном оформлении предметов, в связи с чем С.В. Киселев в свое время писал, что в это время «распространяется определенная мода на вещи тюхтятско (т. е. кыргызско)-сросткинских типов». Вместе с тем следует отметить весьма устойчивый культурный комплекс как енисейских кыргызов, так и кимаков, имеющих четко определимый набор этнических «индикаторов» по всей территории своего распространения. В этом отношении то и другое образование могут рассматриваться как культурно-историческая общность (например, сросткинская общность как археологическое выражение государства кимако-кыпчаков середины IX – начала XI в.).

В случае внешних контактов инициативной стороной, по-видимому, были енисейские кыргызы, хотя в письменных источниках подчеркивается воинственность «царя кимаков». Погребения енисейских кыргызов, совершенные по обряду трупосожжения, с характерным набором предметов сопроводительного инвентаря открыты далеко за пределами их метрополии – на Иртыше (исследования Ф.Х. Арслановой и В.А. Могилиникова). Вместе с тем ни одного погребения сросткинской культуры ни в Туве, ни на Горном Алтае, входивших в состав государства

енисейских кыргызов, до сих пор не обнаружено. Нет даже случайных находок этого облика. Только в районе непосредственного «соседства» кимаков и кыргызов (Кузнецкий Алатау) отдельные вещи как кыргызского, так и кимакского типов обнаружены по обе стороны этого невысокого горного хребта.

Дальнейшая судьба двух самых крупных этнокультурных объединений конца I тыс. н.э. сложилась по-разному. Енисейские кыргызы, скорее всего, из-за невозможности восстановить прежнюю систему социально-этнического подчинения в открытых пространствах Центральной Азии и под давлением киданей вернулись на Средний Енисей и даже севернее – в верховья Чулыма, где оставленные ими могильники исследованы О.Б. Беликовой. Какая-то часть их оставалась в Туве, где определенное время находился центр кыргызского государства. Какие-то группы долго сохранялись в закрытых долинах Горного Алтая, что необходимо учитывать при датировке имеющихся здесь археологических памятников. Занятые ими экологические ниши уже более соответствовали традициям местного населения, чем исходная Минусинская котловина.

Племена, входившие в состав кимако-кыпчакского объединения, после падения государства кимаков, как это раньше случилось с уйгурами, «рассеялись». В это время, в начале XI в., многочисленные элементы сросткинского культурного комплекса появляются в археологических материалах Новосибирского и Томского Приобья, в Кемеровской области и в Барабинской лесостепи. В Омском Прииртышье, относящемся к общему с кимаками бассейну Иртыша, появление сросткинского компонента во многом определило трансформацию потчевашской культуры в усть-ишимскую (по Б.А. Коникову). На освободившиеся земли приходят новые группы скотоводческого населения, главным образом южного происхождения. Именно так, на перепутье древнетюркского и монгольского времени возникает басандайская культура, выделенная сейчас по материалам нескольких могильников на Северном Алтае, в Томской и Новосибирской областях.

Образовавшиеся в результате этого широкого расселения анклав, очевидно, явились главными источниками окончательной тюркизации местного населения; причем не только в плане передачи культурных ценностей, но и вновь образовавшейся этнической и языковой ситуации, что не исключает сохранения традиций местного, до этого уже в какой-то степени «тюркизованного», населения. Северная граница распространения тюркской топонимики в Западной Сибири, согласно исследованиям А.П. Дульзона, проходит на уровне Томска. В целом тюркизация – это многовековой цивилизационный процесс, завершившийся в начале II тыс. н.э. значительной степенью интеграции и культурной ассимиляции южносибирских и западносибирских племен.

Но главное событие этого времени, которое по своему значению выходит далеко за пределы как Южной, так и Западной Сибири, – это формирование нового культурного пространства, которое может быть названо кыпчакским. Представление о том, что появлению кыпчаков (иначе половцев или команов) в восточноевропейских степях предшествовало опустение их владений на востоке, ошибочно. В настоящее время на Северном Алтае, в Кемеровской и Новосибирской областях открыто большое количество памятников, которые с наибольшим основанием могут быть определены как кыпчакские. По некоторым признакам они перекликаются с восточноевропейскими, по некоторым – нет. Однако очевидно, что понятие Дешт-и-Кыпчака («Кыпчакская степь») целесообразно распространить на восток вплоть до предгорий Алтая и Кузнецкой котловины, где сохранились наиболее «чистые» с точки зрения этнокультурной атрибуции кыпчакские комплексы. С этого времени и в этом новом культурном пространстве вектор всех культурных связей и взаимодействия имеют преимущественно западное направление. Именно здесь необходима тщательная разработка «скользящей» хронологии, тем более что известны опорные письменные даты: начало исхода кыпчаков, связанное с падением государства кимаков, участие их в политической жизни Хорезма и появление на границе Древнерусского государства.

Подводя итог всему сказанному, можно прийти к следующим выводам.

1. В общей системе культурных контактов и взаимодействий средневекового населения Южной и юга Западной Сибири, очевидно, все же экзогенные (т. е. внешние) связи преобладали над эндогенными.

2. Образование крупных археологических общностей, формирующих определенное культурное

пространство, имеет циклический характер. По материалам памятников I тыс. н.э. – это конец и начало рассматриваемого периода (соответственно, позднегуннское и позднетюркское время). Середина I тыс. н.э. – время распада этих общностей и образования ряда локальных археологических культур.

3. Культурная сегментация на «севере» по времени совпадает с наиболее мощным процессом социально-культурной интеграции на «юге» (появление и господство Древнетюркских каганатов). В конце I тыс. н.э. вновь образуются две крупные этнокультурные общности, покрывающие всю территорию Южной и Западной Сибири (кыргызов с центром на Енисее и кимако-кыпчаков с центром на Иртыше). Очевидно, это отражение определенной исторической закономерности, заслуживающей дальнейшего и более тщательного изучения.

Наконец, последнее. Векторы культурных связей и взаимодействий в пределах Западной и Южной Сибири исторически менялись. В первых веках I тыс. н.э. преобладали связи меридионального направления (движение с севера кулайских племен, встречное им начало процессов тюркизации). В середине – третьей четверти I тыс. н.э. активизировались внешние связи с расположенными южнее районами Центральной Азии, где в это время складываются древнетюркские государственные объединения. В конце I – начале II тыс. н.э. на первый план выходит западное направление, расширившее культурное пространство юга Западной Сибири до Восточно-Европейских степей. Риску предположить, что именно это культурное пространство, а не «татаро-монгольское иго», подготовило почву для проникновения русского населения на восток, по следам раннесредневековых кыпчаков, но уже в противоположном направлении.

СЕКЦИЯ 1

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ ЕВРАЗИИ: РАССЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, КУЛЬТУРОГЕНЕЗ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРИРОДНАЯ СРЕДА

Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, В.И. Макулов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Палеогеографические и палеоэкологические закономерности развития человеческих обществ эпохи палеолита (на примере бассейна Енисея)

Первые следы пребывания древнего человека фиксируются в Северо-Минусинской впадине Алтае-Саянской горной области во второй половине среднего плейстоцена, в эпоху максимального оледенения (Чеха, Кольцова, 1992). В это время ледники в горах имели полупокровный характер и в западной части Восточного Саяна спускались по долинам рек до отметок 300–400 м. Льдообразование в горах, влажный и холодный климат вызывали миграцию высотных растительных поясов – горнотазовые леса спускались в предгорья впадин. Северо-Минусинская впадина в этих условиях, вероятно всего, была наиболее благоприятной для обитания человека. Севернее Восточного Саяна ощущалось суровое «дыхание» сибирских ледниковых покровов. Здесь же, под защитой Саянских хребтов, климат был более благоприятным. По долине Енисея развивались лиственнично-сосновые леса с кедром, елью, пихтой, березой. На водораздельных пространствах сохранялись степные и лесостепные группировки. Животный мир отличался разнообразием и богатством. Единичные поселения древнего человека этого этапа располагались в пределах Куртаковского расширения долины Енисея, защищенных с севера и запада высокими неогеновыми террасами, хребтами. Человек селился на береговых отмелях Енисея, вблизи воды (местонахождения Каменный Лог, Бережеково).

Следующее появление человека на указанной территории можно предполагать в конце средне-

плейстоценового этапа (местонахождения Разлог). В связи с активным таянием ледников это было полноводное время. Участки поселения также были связаны с наличием древнего грубообломочного аллювия – источника сырья.

Казанцевское время – одно из самых значительных в истории четвертичного периода потеплений. Климат на юге Средней Сибири был близок современному. Следы человека в этот период здесь не зафиксированы. Возможно, он мигрировал в горы (пещера Двуглазка), на юг.

Раннемуруктинский этап занимает время, переходное от казанцевского межледниковья к муруктинскому оледенению и, соответственно, похолоданию во внеледниковых областях. После кратковременного (экстремального?) похолодания в самом начале раннего вюрма наступило смягчение климата. В Северо-Минусинской впадине, где обнаружены следы человека в этот этап, температурный режим был несколько суровее современного (Дроздов, Чеха, 2000). Условия климата отражались на ландшафтах. Растительный покров был мозаичным – сочетались лесостепные, лесные, луговые ландшафты. В условиях нарастания похолодания, увеличения влажности происходило постепенное разрастание лесного пояса, миграция в долину Енисея таежной растительности. Степные пространства Северо-Минусинской впадины были заняты злаково-разнотравными ассоциациями с сосново-березовыми перелесками. Соответственно, был разнообразен животный мир этого

времени, отдельные представители которого обладали широкой экологической амплитудой: северный и гигантский олени, лошади, куланы, носороги, мамонты, медведи. В целом этот этап коррелирует с началом нового оледенения в Саянах, с новым созданием южнее (в том числе в Монголии) озерных, обводненных обстановок с увеличением влажности климата. Именно с этим этапом связано новое появление человека в Северо-Минусинской впадине. Показательно совпадение района местообитания раннепалеолитического и мустьерского человека в Куртацком расширении долины Енисея.

Обусловленность образа жизни человека природными условиями в это время ярко проявлена и в остатках охотничьей деятельности. Впечатляющие свидетельства этого обнаружены на местонахождении Ижувль, где выявлены костные остатки одиннадцати особей толстоэмалевого мамонта (Оводов, 1995). Несомненно, это следы человеческой деятельности, и можно предполагать специализацию в этот этап на более массовых и крупных животных. Подобная закономерность проявлена на многих мустьерских поселениях Евразии, что предполагает относительную оседлость человека.

Следующий перерыв в распространении культур палеолита связан со второй половиной муруктинского времени. Усиление похолодания, аридизация и интенсивное лессонакопление, видимо, заставили покинуть впадину немногочисленные, единичные, коллективы мустьерских охотников.

Каргинский этап совпадает с потеплением (раннекаргинское время) и переходным к похолоданию временем (позднекаргинское). Они разделены фазой с экстремальными, кризисными климатическими условиями в интервале около 33–30 тыс. л. н. (среднекаргинское время). Этому этапу в стратиграфической схеме соответствует куртацкий почвенный комплекс и включенные в него археологические памятники (Дроздов, Чеха, 2003). Это время считается наиболее сложным в хроностратиграфии, связанной с археологическими задачами. Соответственно, почти всюду плохо прослеживается переход от мустье к позднему палеолиту. Подобная ситуация пока характерна и для нашего региона. Для раннекаргинского времени, когда после зырянского похолодания быстро восстановились близкие к современным ландшафты, присутствие человека можно пока только предполагать. Подобна ситуация и для среднекаргинского времени. Отчетливые следы пребывания человека начинают фиксироваться лишь в позднекаргинское время (28–22 тыс. л. н.).

Это время в климатическом цикле занимает место, сходное с раннемуруктинским (Дроздов, Чеха, 2000), но предполагаются более суровые климатические условия. При нарастании похолодания и увлажнения происходила очередная волна миграции таежной растительности Саян в межгорные впади-

ны, хотя для конца этого времени проявилось некоторое остепнение. Разнообразие животного мира в регионе отражало мозаичный характер ландшафтов переходных этапов: северный олень, бизон, медведь, лошадь, благородный олень, аргали, лось, мамонт, тетерев, глухарь и белая куропатка.

Основной морфоструктурой и основным районом обживания в это время по-прежнему остается Северо-Минусинская впадина и Батеневско-Дербинский район в долине Енисея. Обнаруженные поселения здесь пока единичны, в основном в пределах Куртацкого р-на. Но можно говорить и о некотором возрастании численности палеолитического населения.

Весьма важным в каргинский этап стало резкое снижение численности и сокращение ареалов мамонта. Пережившие «расцвет» в раннемуруктинское время популяции этих животных в результате изменений природных условий, уменьшения биологической емкости пастбищ и в целом как наиболее уязвимый компонент животного мира постепенно изреживались, мигрировали на север. Со второй половины каргинского времени широкое распространение получает северный олень, который становится основным предметом добычи человека.

В начале сартанского времени (около 21–20 тыс. л. н.) в связи с резким похолоданием немногочисленные группы позднепалеолитических людей вновь покидают регион. Их появление здесь около 17 тыс. л. н. знаменовало особенный в природном отношении этап. Он был заключительным в истории палеолита. Видимо, за относительно короткое время человек освоил всю долину Енисея от Западного Саяна до устья Ангары. В долине Енисея это было время формирования I террасы, субаэральных покровов на террасах и склонах. В самом начале среднего сартана (около 17 тыс. л. н.) сохранялись редкостойные сосново-березовые леса с ерниковыми формациями, господствовали открытые пространства, существовала многолетняя мерзлота. В последующем (17–15 тыс. л. н.) при некотором росте влажности отмечалась миграция в межгорные впадины и предгорья темнохвойной тайги, присутствовали ерниковые ассоциации. В позднесартанское время (13–10 тыс. л. н.), при существовании в целом засушливых обстановок для долины Енисея, в зависимости от районов реконструируются разнообразные (от светлохвойных и березовых лесов до лесостепей) ландшафты, ерниковые заросли, своеобразные болото-степи.

В условиях освоения всего юга Средней Сибири, исключительно по долине Енисея и по притокам, наиболее активно этот процесс происходил по-прежнему в Северо-Минусинской впадине. Далее следовали предгорья Восточного и Западного Саяна. Таким образом, само наличие долины Енисея как фактора проживания не играло роли, если не сопровождалось комплексом ландшафтных усло-

вий – нахождением участка долины на стыках, в приграничных частях различных природных зон. Но там, где соблюдались вышеперечисленные условия, плотность распределения человеческих обществ была далеко не одинакова. Это логично объясняется действием факторов геолого-геоморфологического, ландшафтного планов. Характерным для сартанского этапа является одновременное деятельное обживание человеком и нижнего (низкие террасы), и верхнего (высокие террасы, отлогие склоны логов и т. д.) ярусов долины Енисея. Резкое снижение плотности поселений человека палеолита было характерно и по краям линейных ареалов – ниже Красноярского и выше Майнско-Кантегирского р-нов. В связи с изреживанием популяций мамонтов весьма важное значение в питании человека стал занимать северный олень. Миграции северного оленя в долину Енисея, предгорья Саян и Кузнецкого Алатау были напрямую обусловлены созданием соответствующих природных условий. В частности, одновременное заселение всех ярусов долины Енисея, динамика и характер расселения объясняются особенностями экологии и поведения северного оленя, за которым постоянно следовал позднепалеолитический охотник.

Вышеизложенное позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, палеолит – это эпоха преобладающей естественной детерминации человека, прямой обусловленности многих сторон его жизнедеятельности природными условиями. Основной формой влияния были естественные изменения природной среды. Очевидно, именно ими был обусловлен прерывисто-непрерывный путь развития человека палеолита. Можно говорить, что как наиболее теплые периоды (казанцевское межледниковье, раннекаргинское время), так и экстремальные по климатическим условиям, приводили к определенным переменам, рассредоточениям, перемещениям человеческих обществ из мест обитания. Согласно климатической модели, в цикле «потепление-похолодание» обитание человека палеолита было приурочено к периодам либо переходным от потеплений к похолоданиям (раннемуруктинский, позднекаргинский этапы), либо к первым половинам похолоданий, с климатом умеренно-холодным и достаточно влажным (среднеплейстоценовый этап, начало среднего сартана). Во всех случаях это были не слишком холодные, не слишком аридные условия, с мозаичными, разнообразными ландшафтами, где немалое значение имел фактор лесистости. Лишь к концу сартанского этапа человек адаптировался и к аридным обстановкам. Это означало снижение роли природных условий. Таким образом, в стабильности, в поддержании систем жизнеобеспечения в целом в эволюционном развитии человека основное значение имели наиболее часто повторяющиеся в истории среднего – позднего плейстоцена сравнительно влажные, более холодные, чем ныне,

но не кризисные периоды. Роль последних в истории человека оценивается по-разному. Видимо, они не являлись стимулом, толчком к прогрессу, а почти всегда тормозили развитие. «Стоило природе качнуться в другую сторону – и прогресс сменялся столь быстрым упадком культурных традиций, что даже память о них исчезала за несколько столетий» (Крупник, 1989). Очевидно, что крайне негативную, угнетающую роль играли и кризисные по климатическим условиям периоды Средней Сибири. По некоторым палеокриогенным показателям они могут сопоставляться с современной обстановкой севера Якутии (Дроздов, Чеха, 2002). Прерывистое, нелинейное развитие культур палеолита региона, таким образом, было обусловлено определенной цикличностью развития природной среды. Можно говорить в целом, что судьба палеолитического человека на протяжении многих и многих тысячелетий представляла прерывистую серию появлений, исчезновений, миграций при его крайней малочисленности.

Во-вторых, к основной форме влияния природы на человека, особенно для позднего палеолита, следует отнести фактор пространственного, территориального разнообразия внеледниковой зоны Средней Сибири (Чеха, 1997). Дифференцированность природной среды приводила к большому разнообразию связей человека с пространственными показателями. Основным был набор определенных признаков «качества среды», «привлекательности ландшафтов». Во всех случаях районами, участками повышенных концентраций палеолитических поселений были территории с пространственно-географическим разнообразием контрастов, границ, контактных линий. С этих позиций различные культурные общности проявляли себя единым образом. Примечательным здесь является проявление фактора унаследованности, традиционности, преемственности в природной предрасположенности человека палеолита. Независимо от своей эволюции человек после значительных по времени перерывов приходил (обновленным, более прогрессивным) в одни и те же районы, и даже на одни и те же участки.

В-третьих, влияние природной среды на человека осуществлялось через природные ресурсы. Человек на сто процентов удовлетворял свои потребности путем присвоения готовых продуктов природы. Это и определяло специфику его хозяйственной деятельности, регулировало его жизнь. Основными были: 1) ресурсы животного мира (промысловые животные, дававшие пищу, сырье для одежды и стройматериал); 2) растительные ресурсы (топливо, стройматериал, пища); 3) геологические ресурсы (сырье для изготовления орудий, стройматериал); 4) водные ресурсы. Наиболее важными и определявшими многие особенности расселения, хозяйственной деятельности были ресурсы животного мира. При этом, как и с других природных позиций, различные культурные

общности людей палеолита (для сартанского этапа) проявляли себя также единообразно.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., 2000. Реконструкция климатов позднего плейстоцена Средней Сибири по данным изучения лессовой формации // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Новосибирск. Вып. 2.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., 2002. Палеокриогенез, палеогеохимия и вопросы реконструкции климатов четвертичного периода (бассейны Енисея и Ангары) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск. Вып. 1.

Дроздов Н.И., Чеха В.П., 2003. Геологическая хронология и периодизация позднего палеолита Енисея – подходы и проблемы // Археология, этнография и антропология Северной Евразии. № 1 (13).

Крупник И.И., 1989. Арктическая этнология. М.

Оводов Н.А., 1995. Усть-Ижуйский мамонтовый парадокс (р. Енисей, 55° с. ш.) // Первое междунар. мамонтовое совещ.: Тез. докл. СПб.

Чеха В.П., 1997. Природные закономерности развития человека палеолита // Эволюция жизни на Земле. Томск.

Чеха В.П., Кольцова В.Г., 1992. Палеогеографические аспекты эпохи палеолита Минусинских межгорных впадин // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

СЕКЦИЯ 2

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

А.Н. Бессуднов

Липецкий государственный педагогический университет, Липецк

А.А. Бессуднов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Новые верхнепалеолитические стоянки на Среднем Дону

В 2004 г. при проведении разведочных работ на участке территории Государственного учреждения культуры «Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник “Дивногорье”» (Лискинский р-н Воронежской обл.), расположенном недалеко от впадения р. Тихая Сосна в Дон, в обнажении оврага было обследовано обнаруженное годом ранее местными жителями местонахождение плейстоценовой фауны (Ивашов, Бессуднов, 2005). Дальнейшие работы (2007–2008 гг.) позволили связать это местонахождение с деятельностью человека и, кроме того, выявить в пределах территории хутора несколько новых палеолитических стоянок и местонахождений*.

Стоянка Дивногорье 9 представляет собой многоуровневое скопление костей лошади, залегающих преимущественно в анатомическом порядке (иногда целыми скелетами), с наличием в самом нижнем на данный момент горизонте немногочисленной коллекции каменного инвентаря. Раскопочные работы два сезона ведутся на участке площадью около 80 м².

Кости залегают четырьмя горизонтами, распространение которых укладывается на разных участках площади раскопа в пределах толщи 6,5–8 м от уровня края его. Относительно большая глубина залегания костей объясняется интенсивностью склоновых процессов, в результате которых горизонт их выявления был перекрыт мощной пачкой делювиальных отложений, состоящих в основном из крупных обломков меловой скалы в сочетании с переслаивающимися горизонтами суглинка, меловой щебенки и крошки.

В пачке делювиальных отложений прослеживаются два горизонта зачаточного почвообразования (слои 7 и 9), получивших неоднозначную интерпретацию исследователей. Посещавшая стоян-

ку в 2007 г. группа почвоведов под руководством А.А. Величко высказала предположение, что нижний горизонт почвообразования следует соотносить с аллередской почвой, тогда как работавшие в 2008 г. на этом же разрезе С.Н. Седов и С.А. Сычева сопоставляли со временем аллереда верхний почвенный горизонт.

Уровни залегания костей приурочены к слабогумусированным светло-коричневым прослойкам суглинка (слои 12, 13, 16, 16а), в некоторых местах разделенным меловыми глыбами и линзами щебенки. Гумусированные прослои, наиболее вероятно, являются результатом переотложения одного и того же почвенного горизонта. При расчистке костных скоплений выявлены останки от более чем 20 особей лошади *Equus ferus* и одна плечевая кость росомхи *Gulo gulo***.

Кости на первом и втором уровнях залегания (слои 12, 13) имеют, как правило, хаотичное распространение и только на нижних (слои 16 и 16а) лежат преимущественно в анатомическом порядке (*in situ*) с небольшим смещением по склону. Также следует отметить, что на верхних уровнях кости гораздо больше выветрены и вследствие этого нередко сломаны, а для нижних уровней характерна достаточно хорошая сохранность костного вещества и отсутствие явных признаков выветренности. На поверхности костей погрызов и древних механических повреждений не выявлено. Отмеченное обстоятельство свидетельствует в пользу наибольшей вероятности того, что погребение лошадей произошло сразу или через небольшой промежуток времени после их гибели.

Каменный инвентарь представлен пока только 52 единицами, из них одна пластина обнаружена на склоне оврага и не может быть соотнесена с каким-

либо конкретным слоем, два обломка пластин и два резца встречены среди костей их второго и третьего уровней залегания. Основная же часть находок локализуется на нижнем (четвертом) уровне на площади примерно 1 м². Скопление кремня представляет собой производственную площадку, в ходе расчистки которой наряду с костями обнаружены два нуклеуса со снятыми с них отщепами и чешуйками.

Орудия представлены двумя резцами на пластинах – угловым и косоретушным с подтеской ударного бугорка – и отбойником из крупной конкреции валунного кремня. Также в коллекции имеются 5 пластинок мелового кремня, две из которых с нерегулярной мелкой ретушью по одному краю.

По костям лошади получено 7 радиоуглеродных дат: первый уровень залегания – 11400±120 (ЛЕ-8137), 13150±200 (ЛЕ-8136); второй – 12980±180 (ЛЕ-8135), 13100±200 (ЛЕ-8134), 13370±240 (ЛЕ-8130), 13560±200 (ЛЕ-8131); третий – 12350±200 (ГИН-13192) л. н.

Образование отмеченных четырех уровней распространения костей вряд ли свидетельствует в пользу их разновременности: наиболее вероятно, что создавшаяся стратиграфическая ситуация на раскопанной части памятника обусловлена оползневыми процессами, в ходе которых в несколько приемов расположенные выше по склону участки «съезжали» вместе с костными остатками. В пользу этого предположения свидетельствуют полученные датировки костей из трех верхних уровней залегания, располагающиеся весьма компактно, за исключением одной, явно омоложенной, даты.

Немногочисленная кремневая коллекция, условия залегания материала в раскопе и анализ костного материала пока не позволяют однозначно интерпретировать характер связи фаунистических и археологических остатков. Наличие небольшой производственной площадки со следами расщепления кремня дает возможность предположить, что человек посещал это место, преследуя какие-то единоразовые цели.

В 2008 г. в 2,5 км к юго-западу от Дивногорья 9 начаты исследования другой стоянки – Дивногорье 1, признаки которой в виде кремневых артефактов впервые выявил на собственном огороде местный житель А.А. Высокий. Она расположена на первой низкой надпойменной террасе р. Тихая Сосна. Был заложен небольшой раскоп площадью 8 м².

Культурный слой залегал на глубине 1,5–1,8 м от поверхности, на контакте чернозема и светло-коричневой супеси. На вскрытом участке он представляет собой отдельные находки костей, расщепленных кремней и немногочисленных кусочков красной охры. Находки распределены достаточно равномерно по всей площади, каких-либо признаков конструктивных элементов не зафиксировано. Разброс находок по вертикали в отдельных местах составляет до

30 см, что, в первую очередь, связано с активной деятельностью современных грызунов. Большая часть остеологической коллекции представлена костями конечностей лошади. В основном кости целые, на некоторых участках раскопа между отдельными из них зафиксированы анатомические связи.

Каменный инвентарь насчитывает 217 предметов, 102 из которых выявлены в культурном слое. Большую часть коллекции составляют отщепы, осколки и чешуйки кремня (около 50%). Основным сырьем служил черный меловой высококачественный кремнь, покрытый голубой патиной (96%), и лишь единичные находки изготовлены из серого «дымчатого» и местного валунного желто-коричневого кремня, кварцита красного и белого с голубой патиной. Основными особенностями техники вторичной обработки являются: широкое применение крутой и полукрутой, далеко заходящей ретуши, использование вертикальной ретуши и техники резцового скола. Обращает на себя внимание распространенный прием ретушного усечения пластин: в коллекции имеются прямо-, вогнуто- и косоусеченные пластины, из которых последние представлены наиболее широко. На трех косоусеченных пластинках ретушь усечения использовалась как площадка для снятия резцового скола.

Индустрия основана на удлиненной заготовке: большая часть предметов с вторичной обработкой, за исключением скребков, изготовлена на пластинах и пластинчатых отщепах. В коллекции насчитывается три нуклеуса. Все они типично призматические: один – двуплощадочный встречного скалывания (рис. 1: 21), остальные имеют одну ударную площадку (рис. 1: 24).

Изделий с вторичной обработкой 28. Наиболее представительными категориями являются скребки (10) и резцы (8). Три скребка сделаны на массивных отщепах с широким лезвием, ретушь плавно заходит на продольные края заготовки (рис. 1: 23). Четыре скребка, также изготовленные на отщепах, имеют миниатюрные пропорции (не более 3 см по длинной оси скалывания) (рис. 1: 5–7), два из них с сужающимися лезвиями (рис. 1: 7). На пластинах выполнены 2 скребка: один имеет удлиненные пропорции, форма несколько напоминает веерообразную (рис. 1: 13); второй – со скошенным лезвием и полукрутой вентральной ретушью по одной стороне заготовки, образующей небольшой шип на контакте с лезвием (рис. 1: 22).

Среди резцов преобладают косоретушные (4 экз.): 3 выполнены на пластинах, один – на осколке кремня. В трех случаях резцы изготовлены на усеченных крутой мелкой ретушью концах (рис. 1: 10, 12, 18), в одном – снятие резцового скола происходило с ретушированного края наискосок заготовке (рис. 1: 16). Резцы на углу сломанной пластины представлены двумя экземплярами: обломком пластины с резцо-

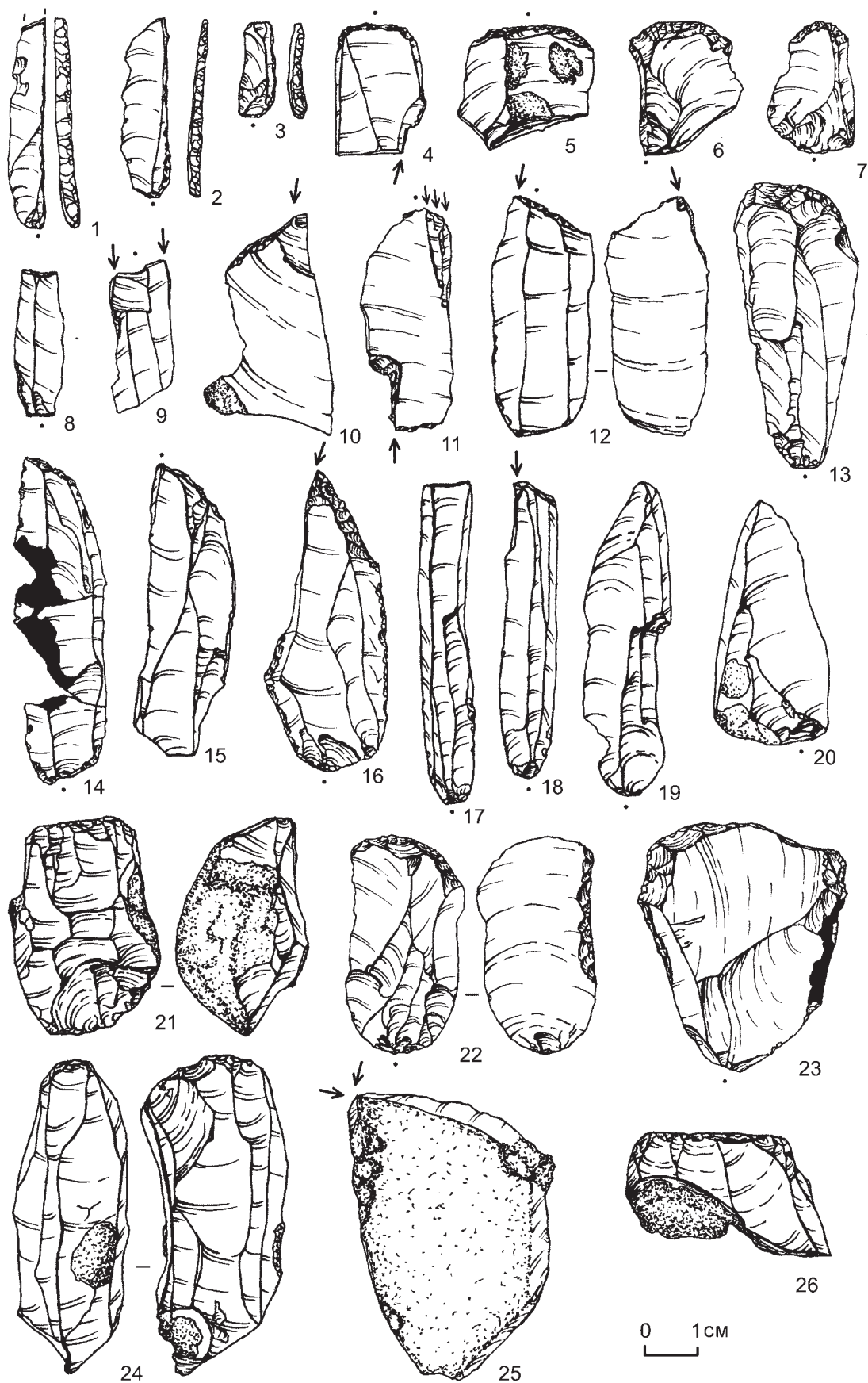

Рис. 1. Дивногорье 1. Кремневый инвентарь (черным цветом отмечены свежие сколы).

вым сколом и двойным резцом на одном конце заготовки (рис. 1: 9). В коллекции также имеются двугранный резец на массивном отщепе (рис. 1: 25) и комбинированный резец: многофасеточный на одном конце заготовки и ретушный с подправкой резцового лезвия – на другом (рис. 1: 11).

Острия представлены двумя экземплярами на пластинах. Рабочие элементы сформированы косым ретушным усечением концов заготовок, у одного острия усечены оба конца (рис. 1: 14, 15).

Изделия с притупленным краем представлены двумя микропластинками (рис. 1: 2, 3) и одним острием; все имеют один прямой, притупленный крутой и вертикальной ретушью край, противоположный край заготовки естественный. Интерес представляет миниатюрная МППК (1,7 см) со скругленным ретушью основанием (рис. 1: 3). Острие, выполненное на удлинённой заготовке, имеет сломанный дистальный конец и незначительную подправку вентральной части проксимального конца (рис. 1: 1).

Единичными экземплярами представлены: два долотовидных изделия, одно выполнено на остаточном нуклеусе; пластинка с вогнуто-усеченным дистальным и прямоусеченным проксимальным концами (рис. 1: 8), комбинированное орудие (скребко-резец на углу сломанной пластины) (рис. 1: 4).

Кроме того, в коллекции имеются: ретушеры, выполненные на отдельности гальки зеленоватого цвета и на остаточном нуклеусе (рис. 1: 26); отбойник на крупной конкреции местного валунного кремня и 4 ретушированных отщепа с видимым заложением рабочего края.

Фаунистический комплекс представлен следующими видами животных: *Equus ferus* 220/5 и *Rangifer tarandus* 2/1 (определение Н.Д. Буровой).

В том же году в 200 м к востоку от Дивногорья 1, на той же первой надпойменной террасе, обнаружен немногочисленный подъемный материал (33 экз.), в числе которого имеются скребко-резец с сужающимся лезвием, остаточный нуклеус и пластинка с вентральной ретушью.

Выводы

1. Геологические условия залегания, одинаковая сырьевая база, специализированная охота на лошадь и схожесть кремневой индустрии позволяют предположить относительную синхронность функционирования стоянок в Дивногорье.

2. Особое значение имеет «костище» Дивногорье 9 как достаточно редкий в Восточной Европе тип памятников – место гибели (забоя?) диких животных.

3. Несмотря на малочисленность коллекции, облик индустрии достаточно выразителен. Отсутствие специфических типов орудий, при преобладании ретушных резцов, скребков простых форм, наличии косоусеченных острий и орудий с притупленным краем, отмечается многими исследователями при

общей характеристике каменного инвентаря стоянок поздневалдайского времени (Абрамова, Григорьева, 1997; Аникович, 1997; Лисицын, 1999 и др.). Из-за ограниченности источниковой базы дивногорских стоянок (незначительная изученная площадь, отсутствие бытовых объектов и следов символической деятельности, слабая обеспеченность естественно-научными данными) на данный момент невозможно определить сходство коллекции с материалом какого-либо конкретного памятника. Однако не характерное для днепро-донского круга памятников полное отсутствие мамонтовой фауны, а также компактная серия радиоуглеродных дат около 13 тыс. л.н., позволяют считать дивногорские стоянки одними из самых поздних в рамках поздней поры верхнего палеолита.

4. Обнаружение палеолитических памятников в непосредственной близости от Костёнковско-Борщевского палеолитического района и в сходной геолого-морфологической ситуации делает перспективными поиски новых стоянок в «костёнковской» округе. В этой связи представляется особенно актуальным продолжение исследований памятников рубежа поздней/финальной поры палеолита, пока достаточно невыразительно представленных в Костёнках.

* Авторы выражают глубокую благодарность Э.А. Вангенгейм, П.А. Никольскому, Н.Д. Буровой и Л.Д. Сулержицкому за определение фаунистических остатков и их датировку; М.И. Лыловой, А.А. Высокому и др. – за помощь в организации и проведении раскопок; М.В. Ивашову и А.А. Свиридову – за содействие в публикации материала; А.А. и Г.В. Силиныным, А.А. Величко, С.Н. Седову и С.А. Сычевой – за внимательное изучение разреза и высказанные ценные замечания и наблюдения.

** В 2005 г. определение фауны было проделано Э.А. Вангенгейм и П.А. Никольским; лошадь была определена как *Equus caballus* L. (минимум 5 особей). В последующие годы состав фауны определяла Н.Д. Бурова.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., 1997. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб. Вып. 3.

Аникович М.В., 1998. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.

Ивашов М.В., Бессуднов А.Н., 2005. Отчет о проведении разведочных археологических работ в округе хутора Дивногорье Лискинского р-на Воронежской области в 2004 г. // Архив ИА.

Лисицын С.Н., 1999. Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев. № 1.

Свиридов А.А., 2008. О проведении охранных археологических работ на местонахождении неоплейстоценовой фауны у хутора Дивногорье Лискинского района Воронежской области в 2007 году // Архив ИА.

*Е.Г. Калечиц**Институт истории Национальной академии наук Республики Беларусь, Минск*

Палеолит Беларуси в свете новых данных

Сведения о позднепалеолитических стоянках, расположенных на территории Беларуси, несмотря на многолетние усилия археологов, ограничены двумя памятниками (Бердыжская и Юровичская стоянки), найденными на юго-востоке республики в бассейнах Сожа и Припяти. Согласно единственной датировке, полученной по зубу мамонта методом ^{14}C (ЛУ-125: 26470 ± 420) (Арсланов и др., 1972), вторая из них является самой древней. Несмотря на длительный период изучения памятника с участием многих специалистов, культурно-хронологическая идентификация материалов, стратиграфия и сам статус памятника до недавнего времени оставались не до конца понятными.

Юровичская стоянка была открыта в 1928 г. благодаря сообщению, поступившему в Белорусскую Академию наук от учителя местной школы Ю.Ю. Попеля. Тогда кости мамонта, а также кремни с обработкой, были обнаружены в небольшой седловине, возле тропинки, поднимавшейся на платообразное моренное возвышение. В 1929 г. стоянку исследовала экспедиция в составе археологов А.Н. Лявданского, К.М. Поликарповича, С.А. Дубинского и палеонтолога Г.Э. Гиттерман. В 1931 г. работы продолжили К.М. Поликарпович и Г.Ф. Мирчинк. В целом за два года довоенных раскопок на площади 59 м^2 было найдено по одной кости лошади, быка и песка, скопление разбитых костей не менее чем 15 особей молодых мамонтов, а также около 30 кремней с обработкой. Среди них острия типа граветт, несколько микропластинок с ретушированным краем, пластинка с притупленным краем.

Проблематично (Исаенко, 1999. С. 168) в связи с этим утверждение В.Д. Будько (Будзько, 1986), что во время последующих раскопок 1959–1960 гг. им было найдено более 60 резцов бокового типа, 15 острий типа граветт, 47 концевых скребков (в том числе двойные), пластины с ретушью (30) и без нее (68), 2 долотовидных орудия с подтеской конца и уникальный массивный клинок с дугообразно ретушированным краем и лезвием с выемкой. При этом острия типа граветт и все нуклеусы будто бы концентрировались в нижнем горизонте, а боковые резцы – в верхнем.

Раскопки стоянки на площади 122 м^2 в 1959–1960 гг. проводили В.Д. Будько, М.М. Цапенко, Л.Н. Вознячук. Они отмечали, что «кости и кремни залегают здесь на дне древнего погребенного оврага, врезанного в склон плато, выполненного склоновыми лессовидными ритмично-слоистыми осадками...

Однако характер залегания костей и кремней в раскопах 1959 г. указывает на их переотложение в пределах балки» (Цапенко и др., 1961. С. 73). Позднее В.Д. Будько (1967. С. 32) утверждал, что все это относится к нижнему культурному горизонту, который был вскрыт в 1959 г. Что касается верхнего горизонта, исследовавшегося в следующем году, то он находился в слое желтовато-серого ритмично-слоистого песка на глубине 2,3–2,4 м от поверхности склона и подстилался зеленовато-серыми песками. Указанные противоречия свидетельствуют о том, что стратиграфию памятника установили лишь в самых общих чертах.

Сложность стратиграфической картины поселения и указанные противоречия обусловили необходимость новых работ. Дополнительное геолого-геоморфологическое изучение памятника было проведено в 1970 г. Л.Н. Вознячуком и Е.Г. Калечиц. Тогда же в присутствии Х.А. Арсланова и Г.И. Горещкого был отобран образец на датировку ^{14}C и получена дата, которая стала хрестоматийной. В 1976 г. раскопки Юровичской стоянки на площади 87 м^2 были продолжены под руководством В.П. Ксензова (1988. С. 19–29). Он нашел костные остатки мамонта, лошади и только 11 кремней. Среди них призматический нуклеус, двойной скребок, многофасеточный резец, три пластины и отщепы. Этот автор был убежден в наличии на памятнике лишь одного горизонта с культурными остатками.

Противоречивые мнения относительно хронологии и культурной принадлежности материалов Юровичской стоянки требовали дополнительных исследований. После тридцатилетнего перерыва, в связи с необходимостью благоустройства территории, в 2006 г. под руководством автора начат и ныне продолжается четвертый этап изучения памятника.

В результате неоднократных раскопок, которые проводились в предвоенные и послевоенные годы на Юровичской верхнепалеолитической стоянке, на высоте 10 м от подножья склона, на котором она располагалась, образовалась площадка, амфитеатром врезанная в моренную грядку. В 2006 г. всю эту площадку на площади 200 м^2 вскрывали 4 секторами, разбитыми на квадраты со стороной 1 м. В результате получена коллекция из 12 кремневых изделий. Среди них (определения В.С. Обуховского) отщеп, два отщепа со следами желвачной корки, отщеп, полностью покрытый со стороны спинки желвачной коркой, пластинчатый отщеп, кремневый обломок, два фрагмента регулярных пластин, фрагмент мас-

сивной пластины, фрагмент регулярной пластины со скошенным ретушью концом, фрагмент массивной пластины со следами ретуши, фрагмент массивной нерегулярной пластины. Найденные артефакты свидетельствуют о том, что население Юровичской стоянки знало и применяло пластинчатую технику расщепления кремня, характерную для эпохи верхнего палеолита. К сожалению, культуруопределяющие орудия отсутствуют. Количественный состав коллекции не подтверждает информацию В.Д. Будько о найденных им в Юровичах сотнях орудий труда.

До раскопок последних лет на памятнике были выявлены костные остатки 4 видов животных (мамонта, лошади, быка и песца). В 2006 г. список дополнили останки шерстистого носорога и северного оленя. Наиболее детально А.Н. Мотузко проанализировал костные остатки, принадлежавшие мамонтам. Останки 4 особей (детеныша мамонта, молодого животного в возрасте 9–15 лет, животного 20–30 лет, у которого был поврежден грудной отдел позвоночника, и старого животного – 40–50 лет) принадлежат только одному виду – *Mammuthus primigenius* (Blumenbach) (Калениц, Мотузко, Обуховский, 2008. С. 25–39).

Таким образом, результаты работ 2006 г. оказались довольно неожиданными. Мы полагали, что культурные остатки могут быть найдены лишь на очень узких участках, в зоне стыка раскопов разных лет. Однако, как выяснилось, стыковка эта, очевидно из-за больших перерывов в работе, была очень приблизительной, а интерпретация обнаруженных древностей – весьма произвольной. В стратиграфическом отношении наиболее важным является открытие почти метрового слоя полосчатых серо-зеленых супесей делювиального происхождения, выявленных в южной стенке сектора А. Под ними мог уцелеть костный материал отличной сохранности, который целесообразно оставить в неприкосновенности.

Стратиграфия, которая стала отчетливо видна на профиле, зачищенном через всю площадь памятника, подтвердила наличие лишь одного культурного слоя. Представляется не отвечающей действительности находка массового кремневого материала в раскопах прежних лет, что подтверждается его отсутствием в музеях страны и фондохранилищах различных учреждений. Ошибочна интерпретация скопления валунов, в которых видели остатки жилищ из камней и палеолитических очагов (Будько, 1962. С. 12). Маловероятным является также утверждение этого автора о наличии «перемешанного с золой песка», «остатков двух очагов, выложенных по краям вертикально стоявшими каменными плитками и валунами, среди которых встречались обожженные» (Там же). На большой площади не найдено ни одной плитки песчаника, ни единого уголька. При тех мощных процессах выветривания и делювиального сноса, которые здесь происходили, они попросту не

могли бы сохраниться. Стало очевидным, что указанное место – это место забоя и разделки животных, а сама стоянка находилась где-то неподалеку. Это вселяет надежду на новые находки и открытия в окрестностях Юровичей.

Широко известная в археологической литературе Бердыжская позднепалеолитическая стоянка именуется по названию деревни, удаленной от нее на 3 км к северу, в то время как она расположена в 0,5 км к югу от д. Подлужье Чечерского р-на Гомельской обл., в урочище Колодежки, на правом берегу Сожа. Это урочище еще недавно представляло собой систему двух оврагов (Северного и Южного) с отвёршками. На южной стороне Южного оврага располагалась палеолитическая стоянка. Найдена в 1926 г. К.М. Поликарповичем. Раскапывалась в тесном контакте с ведущими археологами 1930-х гг. – С.Н. Замятниным, П.П. Ефименко, В.И. Грозовым, Г.Ф. Мирчинком. За 1927–1929, 1938–1939 гг. в Бердыже было вскрыто 240 м². В 1960-е гг. изучение стоянки продолжили В.Д. Будько, Л.Н. Вознячук, М.М. Цапенко, В.В. Щеглова и др. В 1970 г. в лаборатории ЛГУ Х.А. Арслановым по зубу мамонта была получена дата – 23430±180 (ЛУ-104). В 1970–1973 гг. исследование памятника продолжила автор.

Культурные остатки представлены кремневым и палеонтологическим материалом, сведения о котором фрагментарны. Несомненно бердыжскими являются 642 кремневых артефакта и 1795 остеологических остатков (Калениц, 2003. С. 39, 40). В характеристике кремневого инвентаря Бердыжа особый интерес представляет упоминание о наконечниках с боковой выемкой и ножах костёнковского типа. Из 6 наконечников, хранящихся в архиве Национального музея, один очень напоминает нож с черешком. Если на четырех (размеры их 6 × 2,5; 5,5 × 2; 5 × 2,3; 5,5 × 2,5 см) черешок оформлен крутой ретушью со стороны спинки, то на этом орудии (9 × 2,5 см) крутая ретушь нанесена с брюшка. Перо, в отличие от костёнковских наконечников, с брюшка не подправлено. Характерный для ножей костёнковского типа скол-выемка по краю имеют не более 10 изделий. Единичные в коллекции микролиты, учитывая ряд неточностей в описях, нельзя безоговорочно синхронизировать со всем комплексом находок. Археологический материал позволяет отнести стоянку к кругу памятников костёнковско-авдеевской культуры.

Палеонтологические остатки Бердыжа в разные годы изучали В.И. Громов, В.В. Щеглова, В.И. Зубарева, П.Ф. Калиновский и др. Кости мамонта обычно определял сам К.М. Поликарпович. В коллекции (известной по письменным источникам и небольшим сборам автора) абсолютное большинство костей принадлежало мамонту (около 2000, примерно от 50 особей). Представлены практически все отделы костной системы. Преобладают целые и фрагментированные ребра, позвонки, расколотые большей ча-

стью трубчатые кости, фрагменты черепа, бивней и др. Лучшее всего сохранились зубы. Этот материал дал основание для выделения в Бердыже мамонта переходного типа (Щеглова, 1963).

Останки других животных представлены, как правило, единичными экземплярами. Это песец, северный и благородный олени, медведь, бобр, косуля, лошадь, первобытный зубр, шерстистый носорог, волк, лисица, заяц-беляк, филин, группа мелких грызунов (по-видимому, не синхронных основному комплексу). В коллекцию, таким образом, вошли нынешние обитатели тундры, леса, степи и полизональные виды. Они согласуются с типичным для эпохи валдайского оледенения перигляциальным верхнепалеолитическим фаунистическим комплексом, своеобразным по составу в результате смещения ландшафтов с севера на юг.

Несмотря на относительно хорошую сохранность костного материала, в Бердыже практически отсутствуют следы костяной индустрии. Лишь в статье В.Д. Будько и др. (1971. С. 303) есть указание на находку «значительного количества заготовок из бивней мамонта со следами продольных и поперечных разрезов», а также дубинки с рукояткой и пластинки «из бивня мамонта с характерным для верхнего слоя Костёнок I орнаментом». К сожалению, они не опубликованы и не найдены ни в одном из фондохранилищ, а соавтор указанной публикации Е.Г. Калечиц в этих работах участия не принимала.

Бердыжская стоянка, без сомнения, является эталонным памятником для изучения сложных процессов морфо- и литогенеза, протекавших в перигляциальной зоне последнего оледенения (Калечиц, 1984. С. 65–101). Изучение стратиграфии этой стоянки путем зачистки профилей через все продольное и поперечное сечение оврагов Северного и Южного, на склонах которых уцелели остатки памятника, позволило автору сделать вывод о ее однослойности. Единичные кремни, встреченные в основании ритмично-слоистой толщи приустьевой части балки, как и их аналоги в верховьях оврага (Подлужье II), сильно окатаны, патинизированы и не несут следов искусственной обработки. Приуроченные к солифлюкционному горизонту, развитому на северном склоне Южного оврага, они одновозрастны с основным культурным слоем юго-восточной части памятника. Насыщенность кремнем моренного горизонта объясняется размывом меловых отложений, залегающих очень близко к поверхности. Не исключено присутствие в надморенных отложениях единичных артефактов, действительно обработанных рукой человека. Ведь ритмично-слоистые отложения, коль их считать склоновыми образованиями, являются следующим звеном (после прекращения солифлюкционных процессов) в единой цепи делювиального перемещения грунта. Они формировались за счет размыва склонов, т. е. моренного горизонта, насыщенного кремнем.

Вначале в их основание попали отдельные изделия, оставшиеся в зоне разрушенной стоянки. Сильная окатанность таких кремней, на наш взгляд, является доказательством участия в формировании ритмично-слоистой толщи помимо склоновых процессов водных потоков (сезонно-талых вод). Кроме того, очевидно, что обитатели Подлужья не могли ограничить свои «владения» лишь мысом. Не случайно кремни с обработкой найдены в горизонте размыва на противоположном северном склоне. С ними мы связываем часть коллекции, найденной В.Д. Будько и выделенной в «свидерский» комплекс Подлужье III. Остальные происходят из культурного слоя голоценового возраста. Ведь жизнь в районе урочища Колодежки возобновлялась по меньшей мере еще дважды. При закладке нами раскопов на мысу (приустьевая часть) оврага Северного достоверно установлены следы поселений верхнеднепровской (неолит) и среднеднепровской (бронзовый век) культур.

В процессе ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС местность чрезвычайно изменилась, памятник оказался в недоступной, загрязненной радионуклидами зоне, и не пригоден для дальнейших раскопок.

Особое внимание в последние годы уделено нашей проблеме заселения территории Беларуси в эпоху финального палеолита. В первом томе «Археологии Беларуси», который вышел 10 лет назад, сообщается (С. 22), что на территории Беларуси известно более 10 финальнопалеолитических поселений, в том числе несколько памятников лингбийской культуры. В результате культурно-хронологической идентификации фондовых и письменных источников Е.Г. Калечиц, В.С. Обуховскому и А.В. Колосову удалось многократно увеличить эту цифру. Выявлены материалы гамбургской (6 пунктов), лингбийской (15), волкушанской (красносельской) (около 40), свидерской (более 140) и гренской (около 30) культур. К печати готовится «Свод палеолитических памятников Беларуси», в котором будут опубликованы все указанные материалы. Это позволит закрыть белое пятно, каким на сегодняшний день остается на карте Европы территория Беларуси в позднеледниковое время.

- Арсланов Х.А., Вознячук Л.Н., Калечиц Е.Г., Колесников В.С., 1972. Радиоуглеродные датировки палеолитических стоянок Поднепровья // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 39.
- Будзько У.Дз., Ісаенка У.Ф., 1986. Юравіцкая стаянка // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі, Гомельская вобласць. Мінск.
- Будько В.Д., 1962. Палеолит Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Будзько В.Д., 1967. Юравіцкая верхнепалеолітычная стаянка // Беларускія древнасці. Мінск.
- Будзько В.Д., Вознячук Л.Н., Калечиц Е.Г., 1971. Палеолітычная стаянка Бердыж // АО 1970 г.

Исаенко В.Ф., 1999. К истории изучения Юровичской стоянки // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск. № 14.
 Калечиц Е.Г., 1984. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск.
 Калечиц Е.Г., 2003. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск.
 Калечиц Е.Г., Мотузко А.Н., Обуховский В.С., 2008. Юровичская позднелепольская стоянка на р. Припять в свете новых данных // *Человек, адаптация, культура*. М.

Ксензов В.П., 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск.
 Цапенко М.М., Будько В.Д., Вознячук Л.Н., 1961. Геологические условия залегания палеолитических стоянок на территории Белоруссии // *Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода*. М. Т. 17.
 Щеглова В.В., 1963. О фауне антропогенных млекопитающих Белоруссии // *Палеонтология и стратиграфия БССР*. Минск. Вып. 4.

А.В. Суворов

ООО «Древности Севера», Вологда

Новые исследования мезолитических погребений на Кубенском озере

Погребения мезолитической эпохи на современном этапе изучения Европейского Севера России представляют собой редкость. В 1993–2000 гг. на памятнике Минино I на юго-западном берегу Кубенского оз. в ходе работ Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН и центра «Древности Севера» под руководством Н.А. Макарова было расчищено 21 погребение каменного века (Кубенское озеро...). В 2000–2005 гг. на соседнем памятнике Минино II в раскопе 3 вскрыто 8 погребений, синхронных наиболее ранним мезолитическим погребениям на Минино I (Суворов, Бужилова, 2004; Суворов, 2007). Ранее памятник Минино II характеризовался как грунтовый могильник древнерусского времени, на площадке которого присутствуют следы поселений каменного – железного веков (Макаров, Захаров, Суворов, 1997; Макаров, Зайцева, 1999). Погребения каменного века на Минино II пронумерованы римскими цифрами (рис. 1).

Погребение VIII выявлено в 2005 г. в северной части раскопа 3. Могильная яма примыкает с северо-востока к крупному валуну (1 × 0,9 × 0,7 м), выступающему над дневной поверхностью (рис. 2, 3). Часть юго-западного края могилы на протяжении 0,9 м находилась до 0,2 м под проекцией камня. Вблизи северного угла ямы, уже за ее пределами, из материка выступал второй валун, меньших размеров. Следует отметить, что между этими валунами находился и третий крупный камень, частично перекрывавший ССВ край могилы, но его основание располагалось не в материке, а в толще культурного слоя. Судя по тому, что этот валун перекрывал также и небольшую яму 127 с керамикой древнерусского времени, его перемещали уже в историческое время.

Размеры ямы по осям ЮЗ–СВ и ЮВ–СЗ и составляют 0,9 и около 2,6 (?) м соответственно. Яма

заглублена в материк на 0,2–0,3 м. Дно ямы в ее северо-западной половине, судя по расположению костей, практически горизонтально: уклон дна составил лишь 0,05 м от северо-западного конца ямы к ее центру. В юго-восточной половине ямы дно, видимо, поднималось к уровню материка: длинная кость, находившаяся под проекцией камня в южной части ямы, залегала с уклоном как по борту ямы, так и к центру могилы. Центр и юго-восточная половина погребения, судя по преимущественно бессистемному и «взвешенному» залеганию фрагментов костей, повреждены перекопом без четких границ. Судя по тому, что в юго-восточной части ямы беспорядочно смешаны с грунтом именно мелкие части костей, ко времени перемещения уже фрагментировавшиеся в почве естественным путем вследствие потери прочности, временной промежуток между совершением погребения и его повреждением был очень значителен. Заполнение верхней части могильной ямы представляет собой смесь материковой светлой серо-желтой супеси с включениями гальки с почвой и слабо окрашенного органикой грунта (судя по кремневым артефактам, мезолитического культурного слоя). Нижняя часть заполнения могилы имела специфическую светло-серую (почти белую) окраску. Сами кости и прилегающий к ним грунт несли следы охристой окраски незначительной интенсивности. Участки слабой охристой окраски грунта присутствовали также и в верхней части заполнения ямы, и в предматериковом слое за пределами могилы по ее периметру.

В рамках единовременного сооруженного погребального комплекса погребения VIII размещались костные останки двух человек (индивидуумы 1 и 2), расположенные на дне ямы на одном уровне в некотором порядке.

Индивид 1 (пожилой человек, вероятно женщина)* располагался вытянуто на спине, головой на СЗ (319°). Из его костей на месте сохранились череп с нижней челюстью, ключицы, лопатки, верхняя половина ребер грудной клетки, позвоночник, тазовые кости, фрагменты левой бедренной, часть костей левой кисти. Череп располагался на затылочной и правой теменной костях, лицевая часть слегка повернута направо, к черепу индивида 2, нижняя челюсть упирается в медиальную часть правой ключицы. Грудная клетка оказалась раскрыта с левой стороны так, что левые ребра грудными концами перекрывали дистальный конец левой плечевой кости. Руки вытянуты вдоль тела. Левая кисть лежала тыльной стороной вверх и была несколько повернута вокруг оси наружу, пальцы, видимо, были выпрямлены.

Индивид 2 (вероятно, взрослый мужчина), погребенный частично (парциально), представлен отдельными костями, не имеющими анатомической связи и расположенными вокруг костяка индивида 1. Черепная коробка индивида 2, расположенная непосредственно к югу от черепа индивида 1, перевернута

основанием вверх и ориентирована лицевой частью в противоположную по сравнению с индивидом 1 сторону – к северо-западному торцу ямы. Нижняя челюсть оказалась отдалена от черепной коробки на 0,3 м. Она вместе с левой безымянной (тазовой) костью располагалась в северо-западном торце ямы, в 0,1 м к северо-западу от черепа индивида 1. К индивиду 2, очевидно, относится также одна плечевая кость, расположенная на дне могилы параллельно правой плечевой кости индивида 1, в 0,12 м к юго-западу от нее, и сильно фрагментированная лучевая (?), расположенная под левыми ребрами индивида 1. Очевидно, индивиду 2 принадлежала и часть смещенных костей, расчищенных в юго-восточном конце ямы (по крайней мере, локтевая, плечевая и одна из бедренных костей).

В заполнении ямы найдены 21 экз. отходов кремнеобработки и 12 кремневых изделий: 2 скребка (на пластинчатом сколе и сколе подправки нуклеуса), 4 пластины, 3 медиальные и 2 проксимальные части пластин. Возможно, эти артефакты не связаны с погребением, а относятся к культурному слою стоянки,

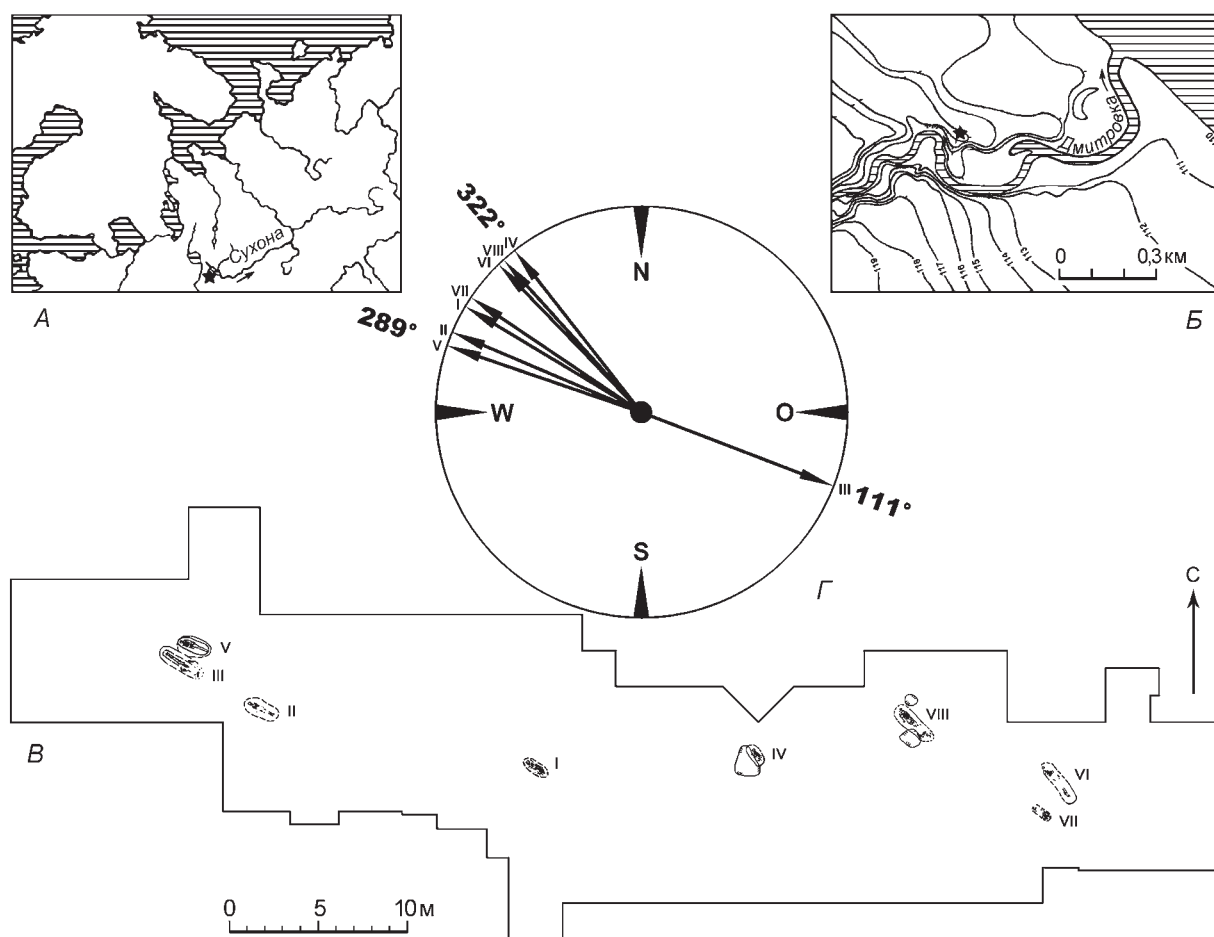

Рис. 1. Раскоп 3 на памятнике Минино II. а, б – карты-схемы расположения памятника; в – план расположения погребений каменного века; г – схема ориентировки погребений каменного века.

Рис. 3. Погребение VIII на памятнике Милино II, вид с СЗ. Пестро окрашенная известняковая галька без следов обработки (№1) на месте обнаружения.

ющие радиоуглеродные датировки (Суворов, 2007. С. 119). В погребении I в одной могильной яме захоронены двое взрослых мужчин: индивид 1 располагался вытянуто на спине, а разделенные до отдельных костей неполно представленные останки индивида 2 были размещены вокруг целого тела в некотором порядке (Суворов, Бужилова, 2004). В погребении 22 вокруг целого мужского костяка в некотором порядке были размещены отдельные кости двух других неполно представленных индивидов – женщины и мужчины (?) (Суворов, Бужилова, 2004). Погребение 19 – трехъярусное: в пределах одной могилы одни над другими размещались останки трех индивидов, причем располагавшиеся сверху останки индивида 1 (мужчины) были представлены только черепом без нижней челюсти, а индивиды 2 и 3 (молодая женщина и юноша) были погребены полностью, их тела располагались одно на другом вытянуто на спине (Суворов, 2000). Каждый из перечисленных неординарных комплексов был сформирован намеренно и одновременно. В мезолите региона практика расчленения трупов и захоронения лишь части останков зафиксирована,

например, и в погребении Песчаница (Ошибкина, 1994. С. 53–55), но по признаку совместного положения в пределах одного погребального комплекса целого и расчлененного тел аналогии за пределами Милино I и II в мезолите Европейского Севера России неизвестны.

Другая своеобразная черта – помещение погребения частично под проекцию крупного (более 1 м) камня – находит полную аналогию также на Милино II, в погребении IV, расчищенном в 2003 г. в 9 м восточнее. Погребение IV имеет также среднемезолитическую датировку – 9145 ± 45 BP (OxA-X-2182-50) (Суворов, 2008). Ориентировка этих двух погребений практически идентична. Над юго-восточным концом могилы погребения I на Милино II также располагался валун диаметром около 0,6 м; дно ям в трех названных случаях заметно уклонялось к центру (Суворов, Бужилова, 2004).

Что касается ориентировки по сторонам света, то на Милино II семь из восьми захоронений ориентированы по оси ЮВ–СЗ (I – 301° , II – 293° , IV – 322° , V – 289° , VI – 316° , VII – 304° , VIII – 318°), а одно – в прямо противоположном направлении (III –

111°). Заметим, что подчеркнутое противопоставление ориентировки погребения III остальным – одно из отражений специфического обряда, включавшего также намеренное расчленение тела и оставление воткнутого в него двух составных орудий (Суворов, Васильева, 2003). Как видим, ориентировка всех погребений на Минино II укладывается в небольшой сектор, равный 33° (рис. 1: г). Ориентировка погребений каменного века на Минино II соответствует направлению узкого возвышенного гребня вдоль края террасы, параллельного берегу вытянутого по этой же оси (СЗ–ЮВ) Кубенского оз.

По кости индивида 1 из погребения VIII Рэйчел Вуд (R. Wood) в лаборатории Оксфордского университета получена радиоуглеродная дата – 9430±45 BP (ОхА-Х-2182-49). Среднемезолитическая дата хорошо согласуется с имеющимися датировками самых ранних погребений Минино I и II (Суворов, 2007. С. 119; Бужилова, 2008. С. 115). Погребение VIII относится к числу древнейших в регионе. Его дата (как и нескольких ранних мининских погребений) моложе лишь дат древнейшего погребения Песчаница и трех ранних погребений Попово, но старше поздних погребений Попово, поздних погребений на Минино I и II, погребений Оленеостровского могильника.

*Антропологические определения выполнены д. и. н. А.П. Бужиловой (ИА РАН).

Бужилова А.П., 2008. Антропологические материалы эпох мезолита и неолита из археологического комплекса Минино на Кубенском озере // Человек, адаптация, культура. М.

Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вологда, 2001.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 1999. Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. № 4.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., 1997. Работы Онежско-Сухонской экспедиции // АО 1996 г.

Ошибкина С.В., 1994. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические Вести. СПб. № 3.

Суворов А.В., 2007. Материалы эпохи камня, бронзы и раннего железного века // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3-х тт. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М. Т. I: Поселения и могильники.

Суворов А.В., 2008. Погребение IV со сланцевым ножом оленеостровского типа на памятнике Минино II на Кубенском озере // Человек, адаптация, культура. М.

Суворов А.В., Бужилова А.П., 2004. Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. статей. М. Вып. 3.

Суворов А.В., Васильева Н.Б., 2003. Два вкладышевых орудия из погребения III памятника Минино II на Кубенском озере // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. СПб.

СЕКЦИЯ 3

НЕОЛИТ ЕВРАЗИИ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ, ХРОНОЛОГИЯ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

В.В. Сидоров
Институт археологии РАН

Этнические процессы по археологическим источникам (на примере неолита лесной зоны Восточной Европы)

Центральной темой археологических исследований являются выявление, происхождение, развитие, взаимодействие археологических культур. Если этнос понимается как среда циркуляции информации между поколениями и современниками, то ему соответствует понятие археологической культуры. Средствами археологии мы наблюдаем передачу традиций, формирование последующей культуры на основе предшествующей, а также контакты синхронных групп. Избирательность контактов фиксируется по особенностям распространения новаций, очерчивая круг родственных общностей. Зафиксировать мы можем только материализованные остатки культуры (под культурой понимается общественный опыт, информация, передаваемая внебиологически, путем научения). Таким образом, археологическая культура – это археологизированный след культуры.

Границы общности определяются по падению плотности связей, пронизывающих ее. Это соответствует реальности этнических границ. Границы во времени не столь определены – они зависят от задач исследования. Минимальная этническая общность – племя – археологически определяется как локальный вариант: группа синхронных комплексов, практически тождественных. Это тождество – результат интенсивных связей, определяющихся тем, что в пределах группы заключается подавляющее большинство браков. Обычно локальный вариант в неолите занимает довольно крупный речной бассейн с несколькими озерными системами.

Археологическая культура – группа локальных вариантов, имеющих общее происхождение, а потому – родственную культуру, она остается средой циркуляции новаций, но не столь интегрированной, как локальный вариант. В более широкой общности, чем археологическая культура, проявляются следы генетических связей, уходящие на тысячи лет. Они актуализируются в моменты культурной интеграции, как это происходило при формировании культур волосовской общности и сетчатой керамики.

Необходимо согласовывать масштабы и иерархию археологических, этнологических, лингвистических, биологических единств. Ни одна из археологических культур эпохи неолита не может претендовать на роль предковой по отношению к финским, тем более финно-угорским, народам – она проявляется в окружении других родственных культур, общий генезис которых уходит на тысячи лет.

При исследовании этнических процессов необходима оценка численности участвующих в них групп. При этом оценка численности, даваемая методом расчета «демографической емкости ландшафта» (Бибиков, Долуханов, Розуа), оказалась завышена в несколько десятков раз. Не приходится говорить о «миграционных потоках», когда все неолитическое население от Балтики до Урала не превышало 20 тысяч человек.

Очень малая плотность населения лесной зоны, отсутствие экономических связей, политического влияния обеспечивают консерватизм и устойчивость этнических свойств. Всякое смещение этнических границ здесь оказывается легко наблюдаемым. Поскольку относительного перенаселения не было, следует искать внеэкономические причины миграций и инфильтрации малых групп. Под миграцией понимается перемещение в новую среду обитания общности, способной длительно сохранять этническое единство. Для этого отдельной локальной группы мало – такая общность должна быть по масштабу не менее чем племенем. Или же – сохранять связь с материнской культурой.

На хронологическом срезе конца IV тыс. до н.э. можно четко очерчивать до 14 локальных вариантов льяловской культуры. На раннем этапе контраст различий их не столь заметен, и пока немногие из них располагают представительными хронологически узкими комплексами, которые позволили бы разделять такие варианты. Это может быть доказано для каргопольского, нерско-нерльского, дубнинского, рязанского и клязьминского, балахнинского, московского раннеल्याловских локаль-

ных вариантов. Именно на раннем этапе внутрикультурные миграции имеют максимальную амплитуду, включая Северо-Восток и южную границу леса. Западная и восточная границы очерчены четко, не только по признакам керамики, но еще более – по традициям, проявляющимся в каменной технике.

Позднее локальные варианты очерчиваются все более четко – идет дезинтеграция льяловской (ямочно-гребенчатой) общности. Узнаваемость позднельяловских локальных вариантов позволяет проследивать направленность их связей, в том числе с чуждыми культурами. Так, валдайский компонент распространен только в пределах моложского локального варианта, а белёвский – в пределах московского. Экспансия валдайской культуры проявляется в виде полного разрыва традиций и появления на льяловских поселениях комплексов гребенчатой керамики. Хорошая узнаваемость льяловских локальных вариантов позволяет проследивать их судьбы после экспансии валдайской культуры. Большая часть их была вытеснена на периферию, в Карелию (ромбоямочная керамика – прямой перенос комплексов из бассейна р. Москвы, ямочно-гребенчатая керамика типа Черной Речки 2 – продолжение развития костромского локального варианта), на Дон, где появляется долговская культура, восходящая к клязьминской группе, возможно, за Урал, где появляется андреевская культура.

В состав формирующейся волосовской культуры льяловские группы вошли далеко не во всех регионах – это моложский вариант, связи которого с валдайской культурой начались задолго до валдайской экспансии, а также балахнинская культура, тоже менявшаяся под воздействием протоволосовской. Рязанский локальный вариант пережил момент экспансии, но был ассимилирован на раннем волосовском этапе. Гибридные формы есть в костромском и сахтышском вариантах. В Прибалтике, на Валдае, на западе Волго-Окского междуречья волосовская культура формировалась без участия ямочно-гребенчатого компонента. Интегрирующим фактором были расселившиеся от Прибалтики до Самары группы валдайской культуры, ассимилировавшие в основном восточные и северные льяловские локальные варианты.

В дальнейшем волосовская культура принимала и ассимилировала группы мигрантов верхнеднепровской культуры (дубровичская культура). Впервые она появилась около 2500 г. до н.э. (Ивановская 4). Массовый приток верхнеднепровского населения шел в конце III тыс. до н.э., и коснулся он далеко не всей волосовской общности (Языково, Мещера, Ока, отсутствует – на Севере, Дубне, в Нерско-Нерльском регионе).

Более сложный процесс – интеграция генетически чуждых ей переселенцев из лесостепи и зоны широколиственных лесов, с усвоением производящего хозяйства и резким изменением быта. Появление металлургии ликвидировало один из крупных блоков традиционной культуры. Культура сетчатой керамики в основ-

ном повторяет систему связей волосовской, но это уже новый хозяйственно-культурный тип. Значительная часть навыков оказалась заимствована (и трансформирована) именно у скотоводов. Процесс протекал по-разному в зависимости от численности и компактности групп мигрантов, от необходимости для них вступления в брачные связи с местным населением.

Ретроспекция льяловской культуры показывает ее формирование на единственной основе – верхневолжской культуры. Дробная периодизация позволила проследить их трансформацию. Короткие этапы выявили переходные формы в керамике, каменной технике, костяной индустрии. По сути, это один и тот же этнос. Такие же цепочки трансформации намечаются и для соседних культур, но здесь они не столь обеспечены источниками.

Заимствование керамики – не показатель миграций, а только фиксация связей по новым источникам. Данных о том, существовали ли такие связи до заимствования керамической технологии, у нас нет. Керамика попала в лесную зону двумя путями – по Днепру и по Дону и Волге. Длительное бытование ее в культуре формирует ее локальную специфику. При этом не возникает изоляции и выработки монолитной технологической традиции, как предполагает Ю.Б. Цетлин.

Происхождение неолитической культуры Волго-Окского бассейна возможно только от бутовской культуры – другого мезолита в Волго-Окском регионе нет. Конкретные формы перехода еще недостаточно исследованы. Точно так же нет другого источника для бутовской культуры, кроме культуры иеневской, какими бы ни были источники для возникновения новаций в технике изготовления каменных орудий – весьма узкого сектора в сфере культуры. Таковой может быть миграция на север со Среднерусской возвышенности рессетинской культуры, принесшей навык вкладышевой техники. Иеневская культура – одна из цепочки культур традиции Лингби, протянувшихся по приледниковой зоне от Камы до Северного моря. При этом древнейшие памятники находятся на востоке этой зоны. Связи с восточным граветтом или среднеевропейским мадленом, в отличие от рессетинской культуры, они не имеют.

Генезис культур лесной зоны восходит к первоначальному освоению приледниковья – датировки иеневской и рессетинской культур уходят в позднеледниковье. Последующая интеграция, связанная с формированием волосовской общности, касалась генетически родственных групп – потомков первоначального населения приледниковья. Инфильтрация и миграции южных групп, происходившие в конце эпохи палеолита (рессетинская культура), в эпоху бронзы (верхнеднепровская, затем культуры шнуrowой керамики и поздняяковская), меняя антропологический состав, вели к ассимиляции их местным населением. В некоторых случаях, как в бассейне Днепра и Немана, пришлые группы возобладали над аборигенами или вытеснили их.

СЕКЦИЯ 4

ЭПОХА РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЕВРАЗИИ

К.В. Воронин
Институт археологии РАН

Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская Слобода 2

В 2007–2008 гг. экспедициями отдела охранных раскопок ИА РАН проводились работы на двух поселениях бронзового века, расположенных в пределах одного гидроареала – Волго-Окского междуречья, и относящихся примерно к одному хронологическому периоду – второй – третьей четверти II тыс. до н.э.

Целью работ было определение сходств и различий комплексов этих примерно одновременных поселений бронзового века, расположенных в пределах одного географического ареала, но в разных ландшафтных условиях и связанных с разными археологическими культурами региона.

Поселение Дмитриевская Слобода 2 расположено на левом берегу Оки, к северу от г. Муром, у п. Дмитриевская Слобода, на второй надпойменной террасе левого берега Оки, высотой около 15 м. В 2006–2007 гг. оно изучалось экспедициями ИА РАН и Самарского государственного педагогического университета. Исследованная площадь памятника составила около 1800 м² (Зеленцова, 2007. С. 3; 2008. С. 6).

Планировка поселения была обусловлена существовавшим рельефом. На нем открыты три наземных жилища столбовой конструкции, площадью от 100 до 200 м², ориентированные с запада на восток и расположенные последовательно с севера на юг.

Находки бронзового века залегали в слое слабогумусированной серой супеси мощностью 10–50 см. Количество орудий и различных изделий невелико. Изделия из бронзы и предметы металлообработки представлены находками фрагмента тигля и черешковой части бронзового ножа (рис. 1: 10). Кремневый инвентарь: 3 фрагмента наконечников стрел (2 из них черешковые), 10 скребков, 9 перфораторов и нож. Изделия из камня – фрагмент булавы, рубящее орудие, 5 абразивов и курант (рис. 1). Керамика (более 10000 экз.) связана с поздняяковской культурой. Сохранившиеся формы сосудов представлены 16 экз. (рис. 1: 1, 2).

Результаты естественнонаучных анализов (Зеленцова, 2008. С. 281–282) свидетельствуют о том, что в период бытования поселения окружающая растительность была представлена широколиственными лесами на серых и темно-серых лесных почвах с отдельными элементами лесостепного ландшафта. Определение пород деревьев по углям из культурного слоя памятника показало господство широколиственных пород – дуб, ясень, вяз, липа, береза, лещина (орешник), – и отсутствие хвойных. Всего было получено 29 радиоуглеродных дат, из них 10 – по керамике. Три даты, полученные для комплекса жилища 3, дают сходный результат – 3380±70, 3330±100, 3280±80 л. н. – и укладываются в интервал 1750–1500 гг. до н.э., по данным калибровки. Даты по керамике древнее дат, полученных по культурному слою. Большая часть керамических дат имеет следующие интервалы – 3590±80, 3610±80, 3690±60, 3510±60, 3570±90, 3560±80 л. н. Наиболее вероятный интервал калиброванного возраста по керамике – 2050–1750 гг. до н.э.

Поселение Песочное 1 находится в озерной котловине на берегу оз. Неро к югу от г. Ростова Великого Ярославской обл., на плоской площадке в пределах низкого уровня приустьевой части р. Ишня.

Поселение исследовалось в 2000, 2008 гг. экспедицией ИА РАН (Воронин, 2005; 2009). Площадь раскопов на памятнике составила 182 м². Были изучены остатки четырех наземных сооружений подпрямоугольной формы с очажными конструкциями, маркируемых рядами столбовых ям, замыкающих периметры пространств неуглубленных объектов площадью около 80–90 м². На площадке поселения между сооружениями исследовано погребение, совершенное по обряду труположения.

Культурный слой, содержащий находки бронзового века, образован темно-коричневым оторфованным суглинком мощностью 15–25 см. Уникаль-

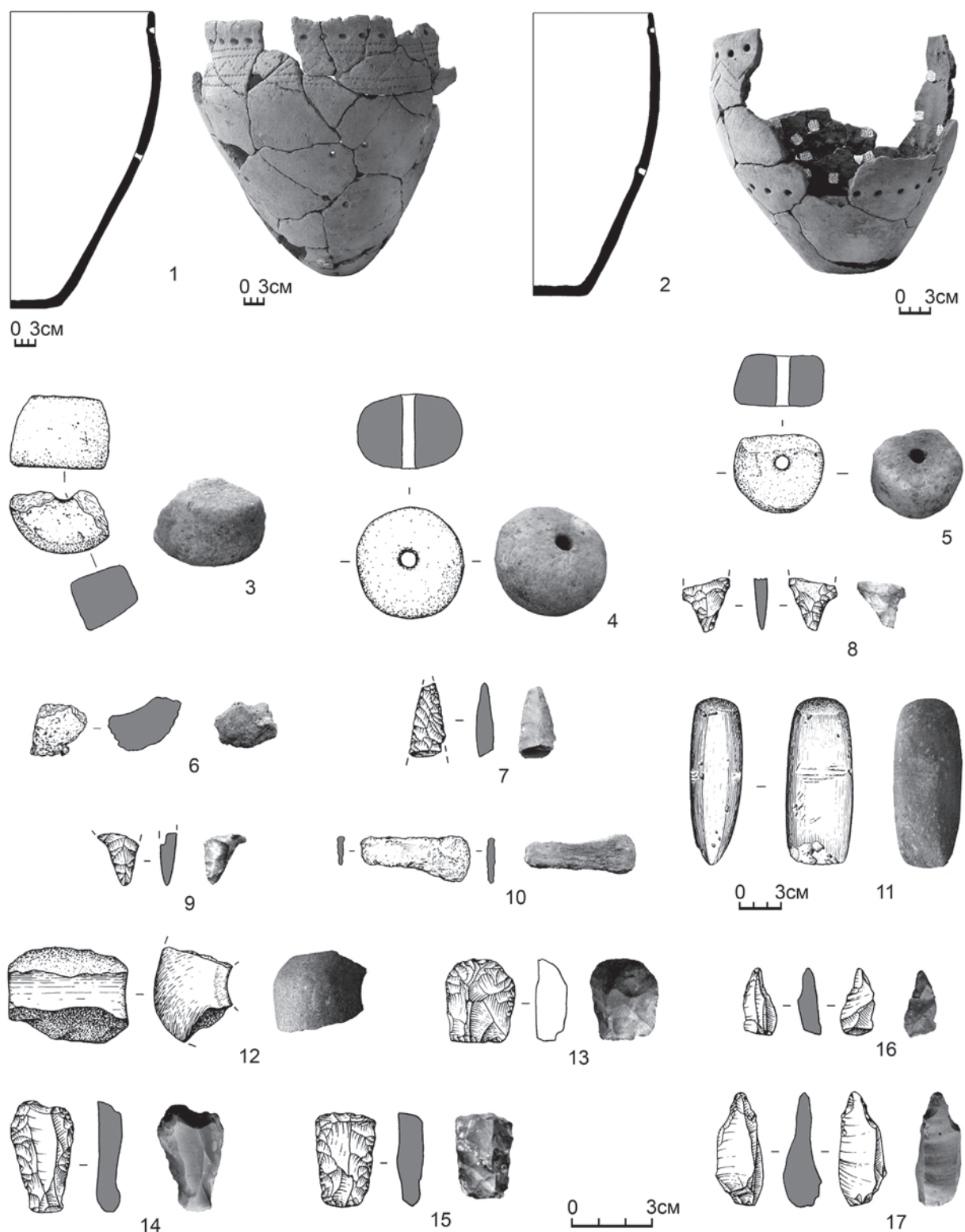

Рис. 1. Материалы поселения Дмитриевская Слобода 2 (Владимирская обл.)

1, 2 – керамические сосуды; 3–5 – грузила; 6 – фрагмент тигля; 7–9 – фрагменты наконечников стрел;
10 – фрагмент бронзового ножа; 11 – топор; 12 – фрагмент наконечника буавы;
13–15 – скребки; 16, 17 – перфораторы.

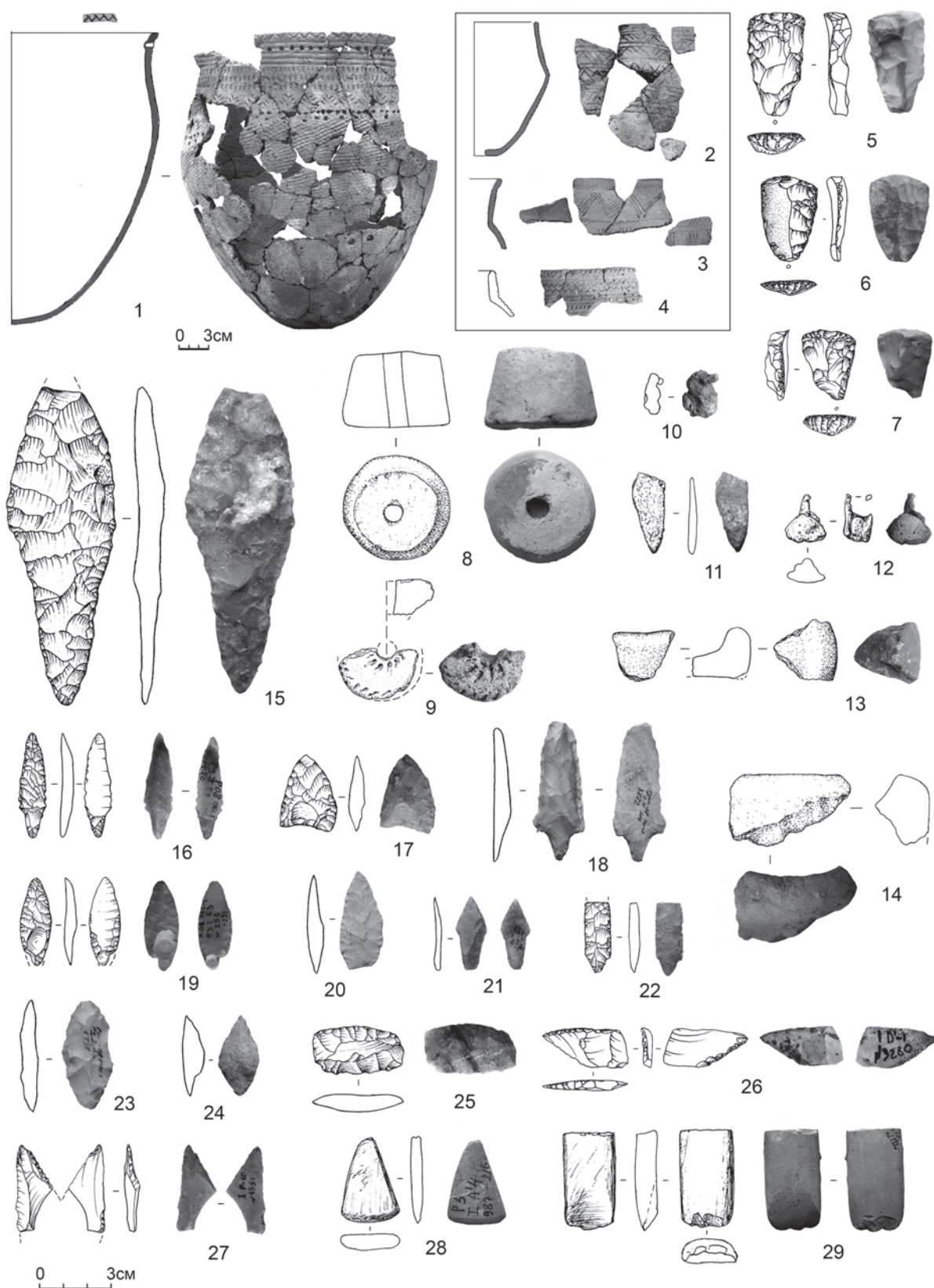

Рис. 2. Материалы поселения Песочное 1 (Ярославская обл.)

1, 2 – сосуды культуры сетчатой керамики; 3 – фрагмент фатьяновского сосуда;
 4 – фрагмент чирковского сосуда; 5–7 – скребки; 8, 9 – грузики; 10–12 – бронзовые выплески;
 13, 14 – фрагменты тиглей; 15 – наконечник копья; 16–24 – наконечники стрел; 25 – вкладыш;
 26 – нож, скребок; 27 – острие; 28 – стамеска; 29 – долото.

ная особенность поселения Песочное 1 – наличие многочисленных следов металлообработки, которые в изученных поселенческих комплексах центральной части Волго-Окского междуречья, как правило, отсутствуют. В 2008 г. на поселении Песочное 1 были найдены 10 металлических выплесков, 1 фрагмент бронзового орудия и 6 фрагментов тиглей (рис. 2: 10–14). Микроэлементный анализ (Воронин, 2009. С 169–181) показал, что несколько выплесков представляют собой чистую медь, а остальные отличаются по соотношению меди, олова и других элементов. Ранее на памятнике было найдено два бронзовых предмета – подпрямоугольное в сечении шило ромбической формы и проволоочный браслет. Микроэлементный анализ образцов грунта из горизонтов бронзового века показал очень высокое, в десятки раз превышающее норму, содержание в нем меди, цинка, и кальция, что, вероятно, также связано с активной выплавкой металла на территории поселения. Высокое содержание кальция в почве бронзового века обусловлено очень большим количеством кальцинированных костей в культурном слое. Возможно, кость использовалась как топливо при плавке металла. Это вероятно – учитывая то, что максимальная температура горения кости на открытом огне составляет 1100° , превышая максимальную температуру горения дерева на 100° . Плавление меди происходит при температуре 1075° . Таким образом, именно использование кости в качестве топлива, видимо, позволяло достигать уровня нагрева металла, необходимого для его плавки.

В слое бронзового века найдено более 30 (!) кремневых наконечников стрел и дротиков (рис. 2: 15–24), более 40 кремневых скребков (рис. 2: 5–7), 11 перфораторов, 2 режущих изделия (рис. 2: 26), кремневый вкладыш (рис. 2: 25) и нуклеидные куски. Изделия из камня – отбойники, абразивы и сланцевые рубящие орудия – 12 экз., в основном небольшие стамески (рис. 2: 28, 29). Изделия из глины представлены 8 керамическими грузиками (рис. 2: 8, 9). Большая часть керамики бронзового века относится к двум группам: первая – 4 сосуда и фрагменты (3100 экз.), связанные с культурой сетчатой керамики (рис. 2: 1, 2). Вторая группа – сосуд и фрагменты (690 экз.) чирковской керамики (рис. 2: 4). Третью группу составляют единичные (7 экз.) фрагменты фатьяновско-балановских сосудов (рис. 2: 3).

Из результатов палинологических исследований, проведенных Е.А. Спиридоновой, следует, что в среднем голоцене, конец которого приходится на эпоху бронзы, климат в рассматриваемом микро-регионе был теплее современного. Растительность местности, окружавшей поселение Песочное 1, была сформирована березой, ольхой, елью с участием широколиственных пород и незначительным участием сосны. Результаты определения пород деревьев по уголькам (дуб, береза, хвойные породы; Воронин,

2009. С. 163, 164) соотносятся с данными палинологии. Данные анализов почв свидетельствуют о распространении в среднем голоцене в микрорегионе оз. Неро ландшафтов «более южного типа». В этот период почвы были серыми лесными, сходными по составу с почвами широколиственных лесов и лесостепей. Для периода бронзового века на поселении Песочное 1 получено 13 дат: 3 – для культурного слоя, и 10 – для археологических объектов эпохи бронзы. Даты, полученные по культурному слою, в некалиброванном виде имеют значения: 3120 ± 90 , 3610 ± 70 , 3490 ± 80 л. н.; в калиброванном виде они образуют широкий интервал – 2123–1271 гг. до н.э. Некалиброванные значения 10 дат, полученных для археологических объектов: 3390 ± 90 , 3610 ± 80 , 3220 ± 80 , 3410 ± 90 , 3330 ± 90 , 3330 ± 60 , 3320 ± 70 , 3660 ± 110 , 3510 ± 90 л. н. Калиброванный интервал для двух дат составляет 2199–1695 гг. до н.э., для остальных восьми – 1877–1417 гг. до н.э. (Воронин, 2009. С. 158–160). Таким образом, подавляющим большинством дат, происходящих из горизонта бронзового века, определяется хронологический интервал в пределах первой половины II тыс. до н.э.

Находясь в более южной части Волго-Окского междуречья, поселение Дмитриевская Слобода 2 располагалось в ландшафтной зоне с хорошо выраженным пойменным рельефом, в пределах которой произрастали исключительно широколиственные породы деревьев и присутствовали элементы лесостепного ландшафта; оно примыкало к крупной водной артерии – Оке. Поселение Песочное 1, расположенное севернее, в центральной части Волго-Окского междуречья, находилось на берегу крупного озера Неро, при выходе из него небольшой речной протоки. Ландшафт местности в районе поселения, при наличии «элементов южного типа», был характерен для лесной зоны – с присутствием в растительности помимо широколиственных деревьев хвойных пород.

Учитывая разницу в площадях раскопов на памятниках, средняя концентрация керамики на обоих поселениях примерно одинакова. Однако количество кремневых и каменных изделий на поселении Дмитриевская Слобода 2 при десятикратно большей площади раскопов примерно в 3,5 раза меньше, чем на поселении Песочное 1. При этом, исключая находку фрагмента каменной булавы на поселении Дмитриевская Слобода 2, на обоих памятниках присутствуют одни и те же морфологические группы кремневых и каменных орудий. Но на поселении Дмитриевская Слобода 2 количество наконечников меньше в 10 раз, скребков – в 4 раза, перфораторов – в 1,2 раза, рубящих – в 12 раз, чем на поселении Песочное 1.

Число изделий из кремня и камня, связанных с эпохой бронзы, на поселении Песочное 1 велико, но количественно доминирует группа предметов мета-

тельного вооружения, видимо связанных с охотой. На этом поселении чрезвычайно выражены следы металлообработки, что достоверно свидетельствует о сосуществовании прогрессивной технологии обработки металла и развитых навыков изготовления кремневых и каменных орудий в рамках комплекса бронзового века поселения лесной зоны, ориентированного на присваивающие формы хозяйства. Количество изделий из металла на поселении Дмитриевская Слобода в 3 раза меньше, чем на поселении Песочное 1, а следы металлообработки значительно менее выражены (1 фрагмент тигля против 6 фрагментов тигля и 10 медных и бронзовых выплесков с поселения Песочное 1). Но небольшое число каменных и кремневых изделий, найденных в культурном слое поселения Дмитриевская Слобода 2, свидетельствует об ограниченном использовании на нем изделий из кремня и камня, т. е. предполагает бытование значительного количества орудий из металла, не подвергшихся археологизации.

Несомненно, хозяйство населения Волго-Окского бассейна в эпоху бронзы носило природно-адаптивный и в основном, видимо, присваивающий характер. Однако анализ комплекса поселения Песочное 1 показывает, что использование присваивающей модели хозяйства, стимулируя сохранение и существование развитой индустрии обработки камня, не препятствовало распространению технологии металлообработки, т. е. не мешало росту уровня технологического развития (грамотности) населения. По всей видимости, ко второй четверти II тыс. до н.э. в среде носителей культур бронзового века Волго-Окского междуречья металлообработка была рас-

пространена повсеместно. А количество изделий из металла, попадавших в культурные слои поселений, вероятно, было опосредованно обусловлено двумя факторами. Первый фактор – это бытовая овеществленная ценность металла, обусловленная степенью его доступности в каждой отдельно взятой географической точке региона. Второй – уровень развития технологии металлообработки, который, учитывая то, что металл являлся воспроизводимым ресурсом, непосредственно определял степень эффективности утилизации ненужных, изношенных или сломанных металлических изделий на отдельно взятом памятнике. От уровня развития технологии металлообработки, вероятно, опосредованно зависит и количество ее следов в виде бронзовых выплесков и фрагментов тиглей, встречаемых в культурном слое отдельно взятого поселения.

Зеленцова О.В., 2007. Отчет об охранных археологических раскопках поселения Дмитриевская Слобода II в зоне строительства мостового перехода через р. Ока с обходом г. Муром в Муромском р-не Владимирской области в 2006 г. // Архив ИА.

Зеленцова О.В., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках поселения Дмитриевская Слобода II в зоне строительства мостового перехода через р. Ока с обходом г. Муром в Муромском р-не Владимирской области в 2007 г. // Архив ИА.

Воронин К.В., 2005. Отчет об охранных археологических раскопках на стоянке Песочное 1 в 2000 г. (Ростовский район Ярославской области) // Архив ИА.

Воронин К.В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках на стоянке Песочное 1 в 2008 г. (Ростовский район Ярославской области) // Архив ИА.

**Л.Н. Корякова¹, Р. Краузе², А.В. Епимахов¹,
С.В. Шаранова¹, Э. Кайзер², С.Е. Пантелеева¹,
Н.А. Берсенева¹, В.В. Носкевич³, В.В. Зайков⁴**

¹ – Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

² – Университет им. И.В. Гёте, Франкфурт-на-Майне

³ – Институт геофизики УрО РАН, Екатеринбург

⁴ – Институт минералогии УрО РАН, Миасс

Микрорайон Каменный Амбар (Челябинская область): краткие итоги исследований в 2005–2008 гг.*

Устойчивый интерес исследователей к синташтинским древностям бронзового века Южного Урала сложился в 1970-е гг. За истекший период была создана обширная источниковая база, однако ее качество не всегда соответствует современным требованиям углубленного комплексного изучения. Дальнейший прогресс в осмыслении этой яркой группы

памятников, с нашей точки зрения, связан не с расширением круга материалов, а с его углубленным анализом в рамках междисциплинарных проектов. В этой связи Уральским отделением РАН была принята программа «Эпоха бронзы севера Центральной Евразии». Ее реализация призвана интегрировать усилия ряда академических институтов, отечествен-

ных и зарубежных вузов. Полигоном такого взаимодействия была избрана долина р. Карагайлы-Аят (Карталинский р-н Челябинской обл.), где на расстоянии 20 км с небольшим сосредоточено около 200 разновременных памятников, в числе которых три укрепленных поселения – Коноплянка, Журумбай, Каменный Амбар (Ольгино) (Зданович, Батанина, 2007) – и как минимум один синхронный некрополь (Каменный Амбар 5) (Епимахов, 2005). По сравнению с другими укрепленными поселениями, которые, как правило, отстоят друг от друга на 30–40 км, здесь расстояние между поселениями не превышает 10 км. Такая локализация необычна, она ставит проблему возможности их одновременного функционирования, что, несомненно, очень важно для понимания как структуры расселения в рамках синташтинского ареала, так и выявления элементов межпоселенческой инфраструктуры (например, дороги, открытые поселки).

В ходе выполнения задач текущего этапа проведены сплошное дешифрирование аэрофотосъемки, картографирование объектов, сбор материалов для реконструкции палеоклимата, геологическое обследование долины и другие работы. Объектом стационарных работ стало укрепленное поселение Каменный Амбар (Ольгино). На этом памятнике проведен комплекс геодезических и геофизических работ, для того чтобы определить основные элементы структуры до раскопок. Наиболее эффективным оказалось сочетание анализа микрорельефа (3D модель) с магнитометрией и микросейсмометрией, выполненными сотрудниками Института геофизики УрО РАН. Часть полученных результатов проверена при проведении раскопок в северо-восточной части поселения (920 м²).

Памятник локализован у бровки первой надпойменной террасы левого берега реки (2,5–3 м от уровня поймы). Поселение расположено в пределах чашевидной долины с близким горизонтом, на практически горизонтальной поверхности. Форма поселения подпрямоугольная, ориентировка длинной осью с СВ на ЮЗ (перпендикулярно руслу). Укрепления слабо выражены в рельефе и обнаруживаются благодаря магнитометрии и каменной облицовке наружной поверхности оборонительной стены. Последняя хорошо фиксируется на дневной поверхности вдоль северо-восточной и юго-восточной стен. Общие размеры системы фортификации по внешнему краю развала стены составляют 130 × 155 м, по данным магнитометрии – 115 × 160 м. Общая площадь в пределах линии укреплений составляет около 18000 м². Элементы внутренней застройки в виде линейных структур и локальных аномалий фиксируются только на магнитосъемке. На дневной поверхности хорошо видны следы повторного освоения площадки в более поздние периоды бронзового века.

Разнообразие задействованных методических приемов (Корякова и др., 2007. С. 146) позволило установить множество важных деталей и получить большую коллекцию вещевых и биологического материала. Раскоп был заложен с захватом оборонительных конструкций и внутренней застройки. Мощност культурных напластований в пределах раскопа составляет 80–150 см (без учета колодцев).

В процессе сооружения рва снятый дерн укладывался как с внутренней стороны, так и с внешней, и фиксировался полосой перемещенного гумуса над слоем древней дневной поверхности. Стена шириной не более 4 м, сложенная из почвенных блоков, с напольной стороны была облицована плитами гранита и амфиболита, изнутри (судя по количеству и интенсивности прокалов) – деревом. Такой вариант укрепления внешней поверхности грунтовой стены выявлен, кроме описанного случая, только на поселении Аландское. После снятия плит как на камнях, так и на почвенных негативах, были зафиксированы следы обмазки (?) – мелкодисперсная отмученная глина. Внешняя сторона рва (с большими перепадами глубины) была ограничена невысокой стеной. В северной стене поселения выявлен вход, оформленный в виде проема, ограниченного деревянными конструкциями. Перед входом археологически и с помощью магнитометрии прослежена обширная площадка из обожженной глины. Поскольку ров в данном месте не прерывался, то вероятно, что через него был перекинут мост. Конструкция входа предполагала наличие столбов, линия которых заканчивалась канавой, заполненной камнем и землей.

Во внутреннем пространстве практически полностью исследованы две постройки (1 и 2), синхронные фортификационной системе, и часть позднего котлована 3. Среди наиболее примечательных черт поселенческой архитектуры – малая глубина построек 1 и 2, не прорезавших материк, их значительная разница в размерах (130 и более 220 м²) и количество столбовых ям (67 и 99), различающихся, к тому же, диаметром и глубиной. При этом нет сомнений в конструктивном единстве этих помещений, имеющих общую стену и примыкающих торцевыми стенками к линии обороны. В пределах постройки 2 выделяются несколько линий столбов, что позволяет предположить наличие еще одной постройки (4), датируемой периодом существования укреплений. Большая часть следов установки столбов сосредоточена вдоль внутренней границы оборонительной стены, в границах оборонительной стены столбовые ямки встречены единично. С постройками 1 и 2 связано большое количество продуктов горения, сосредоточенных близ колодцев и стенок, особенно в районе примыкания к оборонительной стене.

Из деталей интерьера наиболее сложными для изучения оказались колодцы, дно которых расположено более чем на 1 м ниже уровня грунтовых вод,

а также сопряженные с ними теплотехнические сооружения. В общей сложности исследованы 7 колодцев (в том числе 5 – из постройки 2) с разной сохранностью деревянных деталей. Исследование колодцев из постройки 2 показало, что функционировали они не одновременно, как минимум два из них были построены раньше других, а затем по каким-то причинам были забутованы глиной. Для двух других удалось документировать разные варианты конструкции: 1а – плотно подогнанные плахи (ширина 10–12 см, толщина 7 см), 1 – плетень. Диаметр у дна в обоих случаях составил около 60 см. В ходе расчистки колодцев получено большое количество органических (растительных) остатков, включая весеннюю сосновую шишку и хорошо сохранившиеся деревянные бревна от опалубки. Их исследование должно ответить на вопросы о времени и способах строительства колодцев, климатических условиях и ландшафте изучаемой территории. С этими сооружениями, видимо, связано совершение детского погребения под полом постройки, сопровождаемое сосудом и, возможно, жертвенником из частей мелкого рогатого скота.

Постройка 3, исследованная частично, продемонстрировала округлые очертания котлована, положение стенки и неровное дно, выявленное на 0,6 м ниже материкового уровня. В ЗСЗ части расчищен округлый выступ, слабо углубленный в материк, оставшийся, по-видимому, от входа. На дне постройки располагалось большое количество плит, аналогичных облицовке оборонительной стены, которую, по-видимому, разбирали в процессе сооружения поздних построек. Судя по стратиграфическим наблюдениям, постройка 3 относится к позднему периоду бронзового века и ассоциируется со срубно-алакульской керамикой.

Вещевые материалы поселения относятся к ряду культурных традиций эпохи бронзы в рамках II тыс. до н.э., включая синташтинскую, петровскую, срубную и, возможно, саргары-алексеевскую. С первой и второй надежно соотносятся постройки раннего строительного горизонта и линия укреплений. Поздняя постройка (3) отличается большой глубиной (0,6 м ниже уровня материка), округлой формой, содержит материалы срубно-алакульского облика и

единичные фрагменты керамики финальной бронзы. Основная масса находок представлена костями домашних животных, включая скопления (крупный, мелкий рогатый скот, лошадь, собака), фрагментированной керамикой, следами металлопроизводства (шлаки, бронзовые фрагменты, каменные орудия). Среди индивидуальных находок достойны упоминания ряд каменных и один костяной наконечник стрелы. Первые умножили серию подтреугольных наконечников с усеченным основанием, которые широко встречаются в синташтинских и петровских погребальных памятниках, на поселениях же представлены единично. Коллекция включает также двулезвийный нож с прямоугольной пяткой, найденный в заполнении постройки 3, и серп, найденный во рву. К этому может быть добавлен и комплекс ударных и абразивных каменных орудий для металлообработки. Памятник выделяется среди поселений подобного рода большим количеством обработанных каменных дисков, назначение которых пока не до конца понятно. Представительна серия костяных изделий – проколов, спиц, подработанных астрагалов и др.

Основной комплекс изученных архитектурных остатков и находок должен быть отнесен к первой четверти II тыс. до н.э. в системе калиброванной радиоуглеродной хронологии. Остальные датируются временем в пределах второй четверти II тыс. до н.э.

* Работа выполнена в рамках проекта междисциплинарных исследований археологических памятников Южного Урала УрО РАН, при финансовой поддержке РФФИ (проекты 09-06-91330-НННО-а и 08-06-00380-а) и РГНФ (проект № 08-01-85118а/У).

Епимахов А.В., 2005. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар 5). Челябинск. Кн. 1.

Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы // Аркаим: горизонты исследований. Челябинск.

Корякова Л.Н., Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Пантелеева С.Е., Сахарова А.О., Хэнкс Б., Чечушков И.В., Шарпова С.В., 2007. Предварительные результаты исследований в микрорайоне Каменный Амбар (эпоха бронзы) // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут.

Р.А. Мимоход
Институт археологии РАН

Золотой курган в системе древностей эпохи бронзы Волго-Уралья, Подонья и Предкавказья

Крупнейший в Поволжье Золотой курган 3 входит в курганную группу, состоящую из трех насыпей, которая расположена у заброшенного хутора Золотой в Хвалынском р-не Саратовской обл., на левом берегу р. Терешка (правый приток Волги), в 26 км к западу от г. Хвалыnsk. Поперечник Золотого кургана по линии запад – восток составлял 155 м, по линии север – юг – 145 м, высота – 5 м от современной поверхности. Через курган проходит железнодорожная ветка Самара – Саратов, при сооружении которой была частично скрыта юго-восточная часть насыпи.

В результате проведенных исследований в 2006 г. открыты очень сложная курганная конструкция и связанное с ней погребение 5*. Удалось реконструировать шесть этапов сооружения памятника, пять из которых связаны с единым архитектурным комплексом, состоявшим из пяти насыпей и трех валов. Как показали исследования почвоведов, насыпи и валы были сложены из грунтовых блоков, благодаря чему имели фигурную форму. У насыпей была плоская вершина и ступенчатое оформление восточной части. Валы представляли собой плоские платформы, на которых в отдельных местах были возведены дополнительные конструкции в виде зубцов и ступенчатого сооружения.

Данные стратиграфии показали, что строительство грандиозной грунтовой конструкции сопровождало погребение 5 начального этапа среднего бронзового века (рис. 1; 2). Выкид из этого захоронения находился на погребенной почве, был перекрыт одним из валов и самой крупной грунтовой структурой в кургане – насыпью 3. Околомогильная площадка и захоронение были накрыты настилом из коры и камыша, а могильная яма, ориентированная по линии ВСВ–ЗЮЗ, перекрыта поперечным бревенчатым накатом. Стенки могильной ямы были облицованы тонкими плашками и столбиками. Вдоль длинных стенок были вырыты канавки. На дне могильной ямы на подсыпке из материкового суглинка находился скелет женщины 30–40 лет (определение А.А. Хохлова) в специфической позе (рис. 1). Костяк лежал вытянуто на спине, с завалом на правый бок, черепом ориентирован на ВСВ. Изначально голова находилась на какой-то высокой подушке, впоследствии череп завалился на грудь. Позвоночный столб сильно изогнут, что может свидетельствовать о полусидячем положении скелета (Гей, 2000. С.125). Костяк обильно окрашен охрой, которой подсыпано и дно могильной ямы.

Погребение сопровождал богатый и разнообразный инвентарь. В районе черепа обнаружены пружинные спиральные пронизи и подвеска в 1,5 оборота с расплюснутыми концами, сделанные из серебра (определения А.Н. Егорькова и Р.А. Митояна) (рис. 1; 2: 1, 2). Справа от скелета находилось скопление предметов, в которое входили листовидный нож и шило, изготовленные из меди (определение В.Ю. Лунькова), каменный растиральник для охры, два каменных абразива, двузубые костяные орудия для рисования охрой (определение А.Н. Усачука), две ископаемых раковины-аммонита, отщеп кремня с ретушью и баночный сосуд, орнаментированный зубчатым штампом (рис. 1; 2: 3, 5–12, 14). У северной стены лежала перевернутая вверх дном курильница на каркасном поддоне без отделения, украшенная двумя рядами жемчужин и оттисками сдвоенного шнура, и медное шильце с упором, которое может являться стрекалом (рис. 1; 2: 4, 13).

Неординарный комплекс эпохи бронзы Золотого кургана может стать опорным для выяснения генезиса и хронологии культур начала средней бронзы Поволжья и Волго-Уралья. Для этого необходимо определить его место в системе древностей этого региона и сопредельных территорий Подонья и Предкавказья. Задачу облегчает существенная культурно-хронологическая емкость некоторых черт обрядности и инвентаря Золотого кургана.

Прежде всего обращают на себя внимание сложнейшие грунтовые конструкции, которые связаны с погребением 5. В один ряд по метрическим параметрам с нашим памятником можно поставить большие курганы начала СБВ, относимые к ямно-полтавкинским или тамаруткульским древностям (Васильев, 1980. С. 35, 54; Моргунова, Кравцов, 1994. С. 102; Богданов, 1998. С. 17; 2004. С. 141; Моргунова, Турецкий, 1998. С. 4; Моргунова, 2000. С. 55). Однако следует отметить, что прямых аналогов столь развитой курганной архитектуре Золотого мы не имеем на рубеже ранней – средней бронзы в Волго-Уралье. Значительно больше сходства между Золотым курганом и комплексами тамаруткульского типа можно увидеть не столько в морфологии грунтовых конструкций (у последних она значительно проще), сколько в строительной технике. Оно выражается в использовании и в том и другом случаях в качестве строительного материала специально вырезанных грунтовых блоков (Богданов, 1998. С. 20, 21; 2004. С. 71, 72, 74, 99,

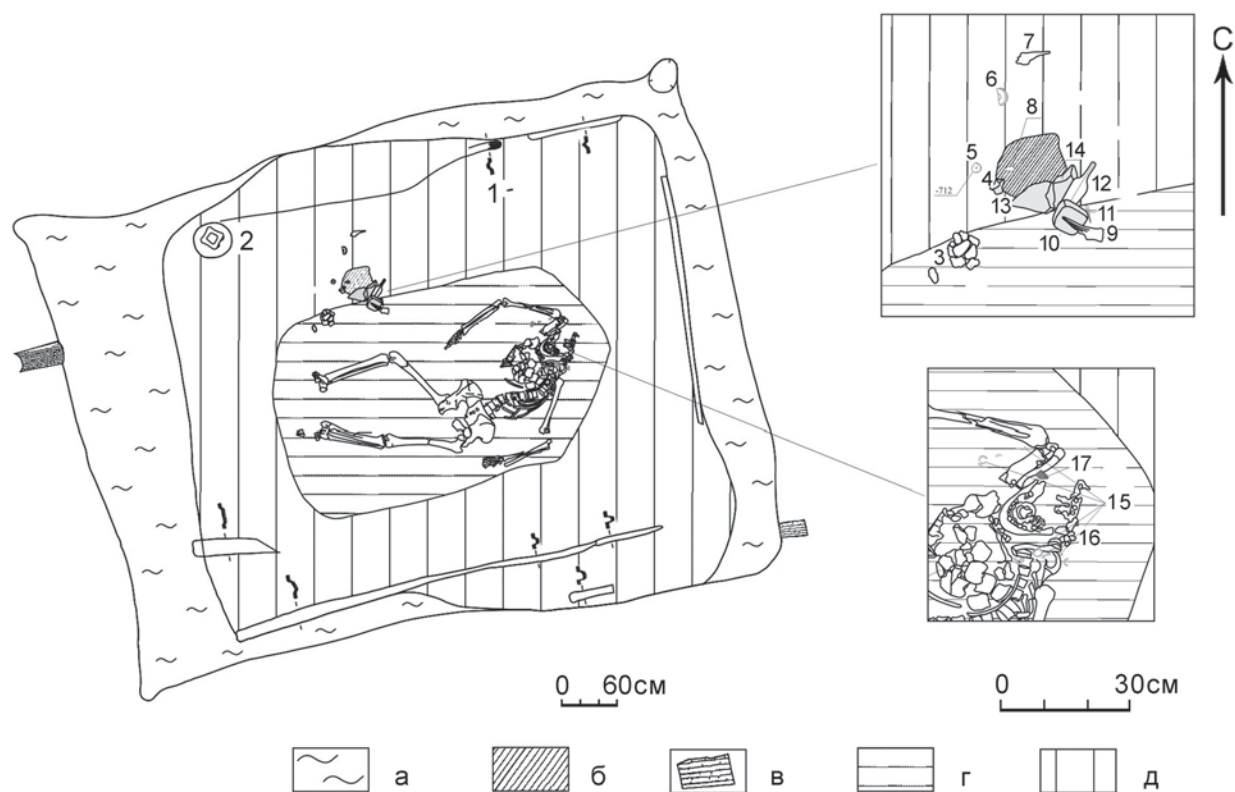

Рис. 1. Золотой, курган 3, погребение 5. План.

а – подстилка из коры и камыша; б – пигмент желтый; в – дерево; г – ярко-красная охра; д – темно-красная охра. 1 – медное шильце; 2 – курильница; 3 – баночный сосуд; 4 – отщеп кремня с ретушью; 5 – раковина; 6 – фрагмент раковины; 7 – костяное орудие; 8 – предмет из биллона; 9 – костяное орудие; 10 – каменный терочник; 11 – медное шило; 12 – медный нож; 13, 14 – каменные абразивы; 15 – спиральные пронизи; 16 – височное кольцо; 17 – кремневый отщеп с ретушью и естественным отверстием.

147; 2006. С. 209, 210, 213). По модели большого кургана с плоской вершиной, валами и фигурными элементами оформления насыпей Золотой курган значительно ближе стоит к предкавказским курганам новотитаровской и раннекатакомбных культур, истоки строительных традиций которых связаны с майкопской культурой.

Сложная конструкция и оформление могильной ямы Золотого имеют убедительные аналогии в утеско-тамаруткульских памятниках, особенно юга Среднего Поволжья (Васильев, 1980. Рис. 5; Васильев, Кузнецов, 1989. С. 75. Рис. 2, 3; Кузнецов, 2003. С. 109), которые, в свою очередь, находят поразительные соответствия в предкавказских древностях, в особенности новотитаровской культуры, на что уже не раз обращалось внимание (Васильев, 1979. С. 41, 44; Гей, 2000. С. 117; Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 35; Ткачев, 2000. С. 38, 39; Кузнецов, 2003. С. 109; Богданов, 2004. С. 250; Моргунова, Турецкий, 2003. С. 156).

Достаточно архаичным признаком в положении скелета является сильная приподнятость черепа, который находился на основании, а затем завалился на грудь. На рубеже ранней – средней бронзы по-

мещение головы умершего на высокую подушку из органического материала характерно в равной степени для Волго-Уралья и Подонья, но особенно часто встречается в Предкавказье. В целом, поза скелета в погребении 5 Золотого кургана выглядит необычной (рис. 1). Точные аналогии такому расположению скелета в памятниках утеско-тамаруткульского типа, с которым соотносится наш комплекс, подыскать довольно сложно. Для них характерно главным образом скорченное положение скелета на правом боку или скорченно на спине. Объединяет погребение из Золотого с утеско-тамаруткульскими комплексами восточная ориентировка умершего, которая доминирует в волго-уральском регионе в эпоху ранней и начала средней бронзы. Наибольшую близость Золотому по положению скелета демонстрирует комплекс Утевка I 1/1 (Васильев, 1980. С. 34. Рис. 3, 1), которым фактически и исчерпываются аналогии в Волго-Уралье. Поиск прямых соответствий уводит нас опять в Предкавказье, где такая поза встречается в северокавказских и раннекатакомбных комплексах, но особенно характерна для новотитаровских (Гей, 2000. С. 38. Рис. 8, 4; Бочкарев, Трифионов, Бестужев, 1982; и др.).

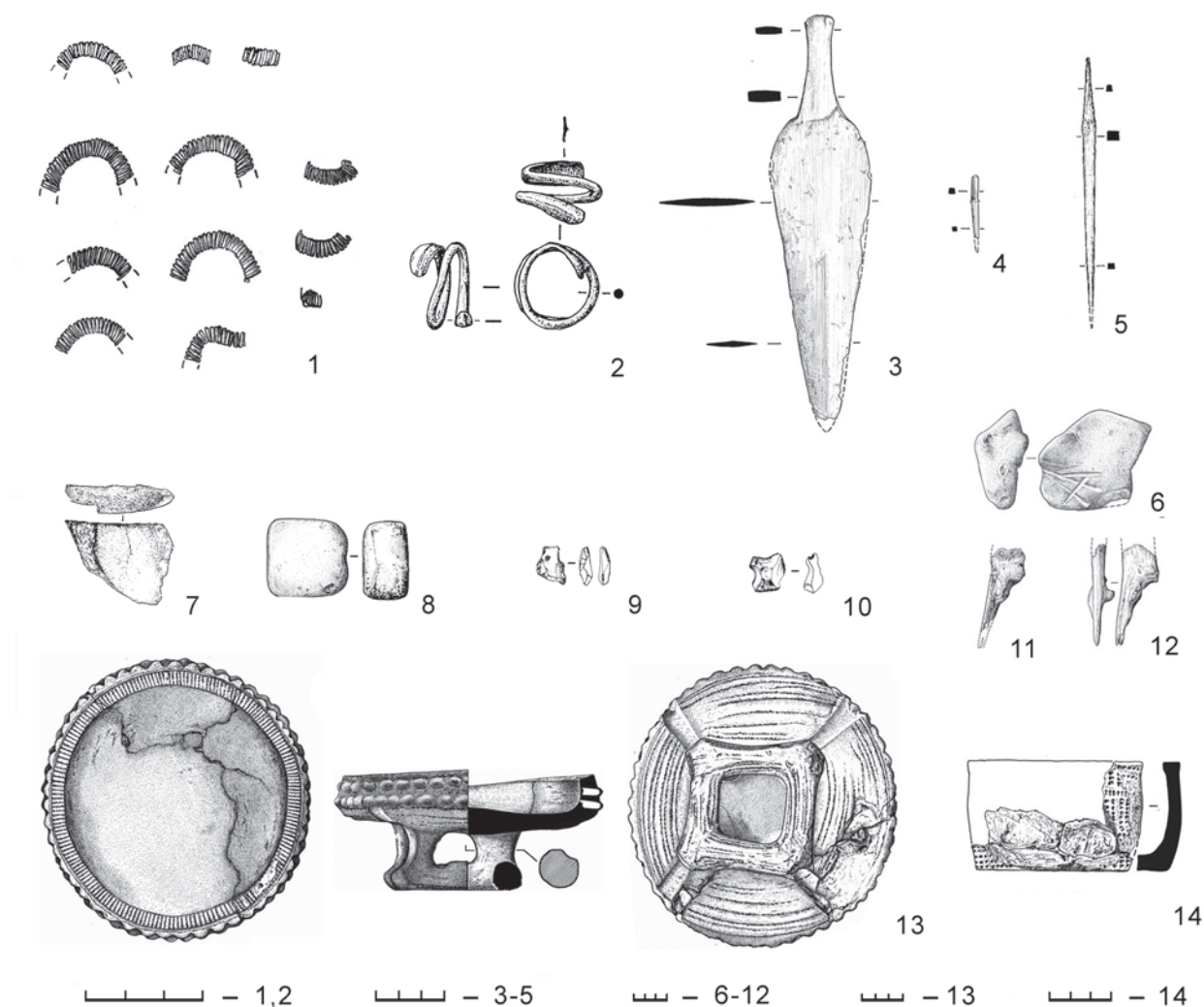

Рис. 2. Золотой, курган 3, погребение 5. Находки.

1 – серебряные пронизы; 2 – серебряная подвеска; 3 – медный нож; 4, 5 – медные шилья; 6, 7 – каменные абразивы; 8 – каменный терочник; 9, 10 – отщепы кремня с ретушью; 11, 12 – костяные орудия; 13 – керамическая курильница; 14 – керамический сосуд.

Конкретизировать позицию погребения 5 из Золотого на шкале относительной хронологии позволяет его сопровождающий инвентарь. Наличие серебряных украшений в комплексе является показательным признаком. Именно в конце ранней – начале средней бронзы изделия из серебра часто встречаются в памятниках новотитаровской, северокавказской, раннекатакомбной культур, в комплексах преддонецкого и раннедонецкого времени на Дону и в Подонцовье. Значительно реже их находят в Поволжье, а в утевско-тамаруткульской группе, кроме Золотого, известно всего два случая обнаружения серебряных украшений – Утевка I 1/1 и Уваровка 2 2/2 (Васильев, 1980. С. 41; Кузьмина, Михайлова, Фадеев, 2003. С. 199, 201), и оба тоже на юге Среднего Поволжья. Серебряные височные подвески в 1,5 оборота с расплюснутыми концами (рис. 2: 2) серийно встречаются в конце ранней – начале средней

бронзы на Северном Кавказе, в Предкавказье, волгодонском междуречье. Золотой 3/5 – это первый случай обнаружения изделия данного типа в утевско-тамаруткульской группе памятников. В отличие от подвески, прямая аналогия серебряным изогнутым спиральным пронизям (рис. 2: 1) пока только одна, и происходит из того же культурного контекста и с той же территории, – это комплекс Утевка I 2/1 (Васильев, 1980. С. 40, 41. Рис. 6, 2), который, по мнению И.Б. Васильева, имеет более поздний возраст, чем хорошо известный Большой Утевский курган (Васильев, 1980. С. 52, 53).

Костяные и каменные орудия труда из Золотого не дают точных культурно-хронологических привязок (рис. 2: 8–12). Здесь, скорее, примечательно их сочетание. Наборы каменных абразивов и костяные двузубые орудия не характерны для памятников утевско-тамаруткульского типа и чаще

встречаются южнее, в материалах катакомбных культур.

Как показал анализ, металлические орудия, обнаруженные в погребении 5 (рис. 2: 3–5), сделаны из металла общей химической группы МП. Наличие целой серии изделий из металла этой группы рубежа ранней – средней бронзы в волго-уральском регионе позволило выделить здесь ямно-полтавкинский металлургический очаг (Черных, 1970. С. 106, 107; 1978. С. 64; 2007. С. 47–49). Наш комплекс органически вписывается в эту модель и демонстрирует местное производство орудий.

Интересен с точки зрения сопоставления медный нож (рис. 2: 3). Он находит точные аналогии в комплексах утеско-тамаруткульской группы (Моргунова, Кравцов, 1994. Рис. 6, 1; 9, 1; Моргунова, 2000. Рис. 6, 2) и относится к первому привольненскому типу ножей, по С.Н. Братченко (1976. С. 49. Рис. 22, 7; 24, 1, 2). Эта модель клинка была наиболее популярна в конце ранней – начале средней бронзы в Подонье, Поволжье и Волго-Уралье. Пик ее использования приходится на преддонецкий и раннедонецкий горизонты. Выразительная серия ножей этого типа представлена в Предкавказье, в памятниках новотитаровской, северокавказской и раннекатакомбных культур.

Баночный сосуд, орнаментированный по всему тулову вертикальными и горизонтальными оттисками среднезубчатого штампа (рис. 2: 14), надежно соотносится с раннеполтавкинской керамической традицией, которая в Среднем Поволжье является одним из основных компонентов, составляющих феномен памятников утеско-тамаруткульского типа. Особенно важным представляется то, что орнаментация нашего сосуда из горизонтальных и вертикальных оттисков зубчатого штампа, покрывающая всю поверхность, по мнению А.В. Кияшко, является новацией III ямно-раннекатакомбного периода, т. е. распространяется именно на раннедонецком этапе (Кияшко, 2002. С. 131). Наиболее полная по технике нанесения и композиции аналогия орнаментации баночного сосуда из Золотого происходит из утеско-тамаруткульского комплекса Уваровка 2 2/2, который по характерному инвентарю датируется раннедонецким временем (Кузьмина, Михайлова, Фадеев, 2003. С. 202. Рис. 6, 9).

Очень существенным с точки зрения установления относительной хронологии Золотого кургана является обнаружение в погребении курильницы (рис. 2: 13). Уже само попадание чаши в погребальный комплекс, расположенный на границе Саратовской и Ульяновской областей, придает ему исключительность. Погребение 5 Золотого кургана – это один из самых северных пунктов в Восточной Европе, где обнаружены курильницы эпохи средней бронзы, и это единственный комплекс с данным типом посуды в утеско-тамаруткульской группе. Основной массив

этих чаш сосредоточен южнее. Наш сосуд относится к типу курильниц на каркасном поддоне. Он не имеет отделения, что в тенденции является ранним морфологическим признаком. Форма чаши из Золотого и отдельные черты орнамента находят аналогии среди чаш раннедонецкого времени, происходящих с территории Поволжья, Подонья и Предкавказья. Если в последнем регионе курильницы на умбонovidных ножках (Державин, 1991. Рис. 4, 1–4; Шишлина, 2007. Рис. 79, 5) появляются в комплексах, синхронных преддонецким памятникам, то на более северной территории Подонья и Поволжья они маркируют исключительно раннедонецкий горизонт (Смирнов, 1996. С. 31, 40. Рис. 11, 1–4; Братченко, 2001. С. 24, 32; Кияшко, 2002. С. 133).

Таким образом, облик комплекса Золотого кургана своеобразен и сочетает черты предкавказских, местных волго-донских и волго-уральских культурных образований, тем не менее, основной культурный контекст его представляется достаточно прозрачным. Он относится к утеско-тамаруткульской группе памятников начала СБВ, основной массив которых расположен в Волго-Уралье. Своеобразие нашего комплекса в рамках этого культурного контекста придает наличие черт раннекатакомбных культур в инвентаре. К ним относятся орудия для рисования охрой, абразивы для металлообработки и курильница. В системе относительной хронологии Золотого кургана можно синхронизировать с ранней донецкой катакомбной культурой, III периодом позднеямного – раннекатакомбного времени Нижнего Подонья и волго-донского междуречья, с развитым и частично поздним этапами северокавказской культуры Закубанья, Центрального Предкавказья и Северо-Западного Прикаспия, с поздними памятниками архаринского горизонта Калмыкии, поздними памятниками раннекатакомбной культуры Калмыкии и Ставрополя, с постновотитаровскими и поздними восточноприазовскими раннекатакомбными памятниками Прикубанья. Подобные линии синхронизации подтверждают и радиоуглеродные даты Золотого, полученные по кости человека, – ИГАН-3545: 3985±90 BP, Ki-14741: 4160±50 BP, – последняя из которых представляется более корректной. Специфическая архитектура и погребальная обрядность Золотого кургана, демонстрирующие явные южные черты, подтверждают широко обсуждающуюся сейчас гипотезу о предкавказском импульсе в сложении памятников утеско-тамаруткульской группы в Волго-Уралье.

*Остальные погребения в кургане относятся к сарматскому времени.

Богданов С.В., 1998. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.

- Богданов С.В., 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург.
- Богданов С.В., 2006. Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // ВАП. Самара.
- Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1982. Отчет Кубанской экспедиции 1982 г. о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 9605.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев. Т. 30.
- Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. Саратов.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989. Исследования курганов на реке Чагре в Заволжье // Проблемы археологического изучения доно-волжской лесостепи. Воронеж.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А., 2000. Ямная и полтавкинская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.
- Державин В.Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кузнецов П.Ф., 2003. К истокам происхождения полтавкинской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. М. Ч. I.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г., 2003. Уваровский курганный могильник (результаты раскопок 2002 года) // ВАП. Самара. Вып. 3.
- Моргунова Н.Л., 2000. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. IV.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 1998. Курганный группа у х. Барышниковой // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., 2003. Ямные памятники у с. Шумаево: Новые данные о колесном транспорте у населения западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // ВАП. Самара.
- Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Ткачев В.В., 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172.
- Черных Е.Н., 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- Черных Е.Н., 2007. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архайных горняков и металлургов. М.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165.

СЕКЦИЯ 6

СКИФО-САРМАТСКАЯ ЭПОХА: КОЧЕВНИКИ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

А.Н. Ворошилов

Воронежский государственный университет

Наиболее ранние археологические свидетельства проникновения кочевников скифской эпохи на территорию донской лесостепи

В настоящее время в лесостепном Подонье и на сопредельных территориях нам известно более 120 экземпляров клинкового оружия скифской эпохи. Примечательно, что почти 80% из них являются случайными находками, подавляющее большинство которых относится к раннескифскому времени. Подобное оружие совершенно неизвестно в погребениях среднедонских могильников. Это обстоятельство обуславливает высокую значимость находок наиболее древних акинаков как единственного на сегодняшний день археологического источника по истории донской лесостепи периода скифской архаики.

Самыми ранними археологическими свидетельствами появления кочевников скифской эпохи в лесостепном Подонье являются находки древнейших образцов клинкового оружия скифского типа – акинаков с бронзовыми рукоятями и железными клинками. В рассматриваемом регионе известно пять акинаков с бронзовыми рамочными рукоятями (рис. 1: 1–5). Установлено, что на Кавказе подобная конструкция существовала уже в позднейший предскифский период (Шрамко, 1984. С. 30, 31). Это позволяет допустить, что рассматриваемое биметаллическое оружие имеет кавказское происхождение (Ворошилов, 2006. С. 43, 44), о чем свидетельствует и сложная для этого периода технология изготовления клинка одного из акинаков, подвергшихся металлографическому анализу. Указанная технологическая схема также тяготеет к северокавказскому производственному центру (Порох, 1999. С. 321).

Датировать эти акинаки, в силу случайного характера их находок, пока представляется возможным лишь по аналогиям из Поднепровья и с Северного Кавказа, где, впрочем, стоит та же проблема: большинство мечей является случайными находками или

происходит из недокументированных погребений и не может служить надежными реперами при датировании данной группы древностей. Частично положение можно исправить, обратившись к комплексу погребения 85 Тлийского могильника, в котором найден подобный кинжал (Техов, 1980. С. 248, 249). Как известно, указанное погребение относится к комплексам, позволившим Г. Коссаку удревить начало раннескифской культуры до рубежа VIII–VII вв. до н.э. (Kossack, 1987. S. 48), а И.Н. Медведской – даже до второй половины VIII в до н.э. (Медведская, 1992. С. 87, 105). Принимая во внимание более осторожные высказывания других исследователей (Погребова, 1993. С. 86; Раевский, 1993. С. 82, и др.) о недостаточной обоснованности вывода этих погребений в VIII в. до н.э., правильнее будет датировать указанный комплекс рубежом VIII–VII в. до н.э. Однако тлийский меч обладает множеством признаков, восходящих к предскифской эпохе, и типологически еще относится к самым древним образцам скифского оружия, что не позволяет нам автоматически перенести его раннюю дату на остальные экземпляры. Тем не менее, учитывая особенности остальных мечей с бронзовой рамочной рукоятью из Восточной Европы и с Кавказа, можно предположить, что наиболее вероятным временем их бытования является первая половина VII в. до н.э. Эта датировка вполне приемлема и для находок из междуречья Дона и Волги (Ворошилов, 2007а. С. 154). Таким образом, можно допустить, что находки ранних биметаллических акинаков в междуречье Дона и Волги маркируют путь ранних скифов или же временно занятую ими по пути на север промежуточную территорию.

Предложенная дата первого появления ранних скифов в донской лесостепи подтверждается и на-

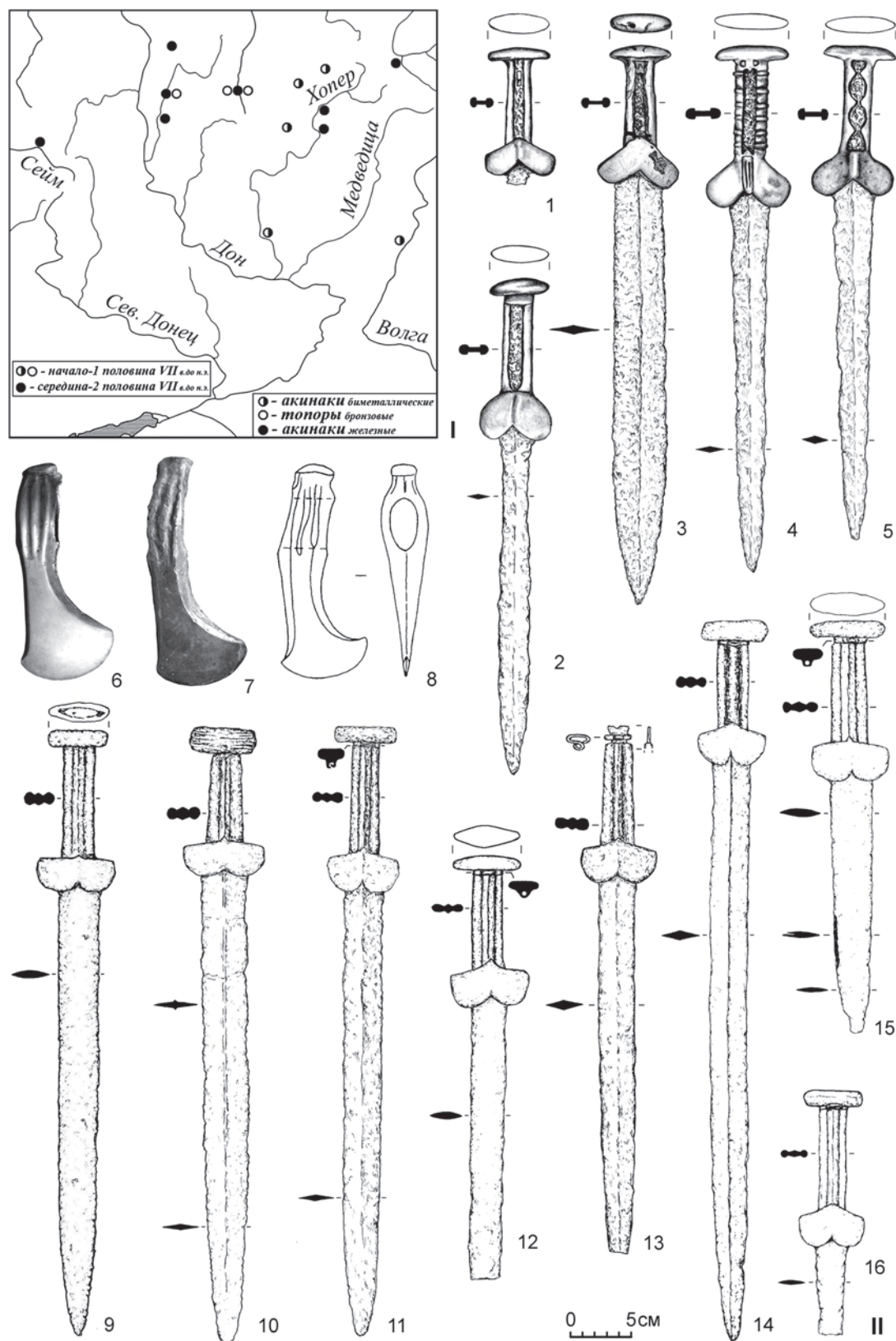

Рис. 1. Архаическое оружие скифов.

I – карта случайных находок в лесостепном Подонье и на сопредельных территориях; II – предметы вооружения: 1–5 – биметаллические акинаки, 6–8 – бронзовые топоры, 9–16 – железные акинаки.

ходками на этой территории трех бронзовых топоров кобано-колхидского происхождения. Судя по простоте декора (рис. 1: 6–8), датировать эти топоры следует первой половиной VII в. до н.э. В связи с этим логично было бы предположить, что они принадлежат к тому же пласту древностей, что и найденные в доно-волжском регионе биметаллические мечи. Тем более что органичное сочетание этих видов наступательного оружия в паноплии воинов наглядно представлено во многих кавказских погребальных комплексах этой эпохи.

То обстоятельство, что рассмотренные экземпляры биметаллического оружия происходят с территории, где иные памятники скифского времени неизвестны, побуждает нас обратиться к тексту «Скифского логоса» Геродота, для того чтобы попытаться идентифицировать эту территорию с какой-либо географической реальностью, упомянутой «отцом истории». В его описании народов «за Танаисом» «Выше будинов к северу» (Hdt. IV. 22) упоминается пустыня (ἐρημος). Общеизвестно, что Геродот в «Скифском рассказе» обозначает этим словом безлюдную, не имеющую постоянного населения местность (Доватур и др., 1982. С. 108, 109, 207). Такой областью, возможно, и было в скифскую эпоху междуречье Дона и Волги. Во всяком случае, это предположение на сегодняшний день достаточно согласуется с археологической ситуацией в этом регионе (Ворошилов, 2007б. С. 58).

Вероятно, что незаселенный в раннескифскую эпоху регион Доно-Волжского междуречья находился на пути из Предкавказья на север. Этот сухопутный маршрут, пролегающий по водоразделу бассейнов Дона и Волги, не встречает на своем пути ни одной серьезной речной переправы и выходит к тому участку Среднего Поволжья, где расположены ананьинские могильники, в которых сконцентрирован обильный материал раннескифского облика (Погребова, Раевский, 1989. С. 52, 62). Таким образом, наличие в Доно-Волжском междуречье случайных находок самых ранних образцов скифского оружия доказывает возможность передвижения по этому маршруту уже в самом начале архаики носителей раннескифской культуры. Причем очевидна направленность этого передвижения – с юга на север. Концентрация находок в стороне от наиболее короткого и удобного сухопутного пути на Среднюю Волгу, возможно, свидетельствует не о продвижении групп переселенцев по заранее спланированному маршруту в определенный регион, а о поиске и освоении наиболее пригодной для жизни, с их точки зрения, территории. В таком контексте становится понятной причина непродолжительного пребывания скифских отрядов в столь «пустынной» в ту эпоху местности, как территория, лежащая между Доном и Волгой, а также отсутствия здесь иных типов синхронных памятников.

Пребывание кочевников на территории лесостепного Подонья уже во второй половине VII в. до н.э. уверенно фиксируется находками в указанном регионе железных мечей. Они составляют достаточно монолитную в морфологическом и конструкционном отношении группу из восьми единиц клинкового оружия: у всех мечей брусковидное навершие, трехсекторного сечения стержень рукояти и перекрестье «келермесского» типа (Черненко, 1980. С. 11); за исключением двух экземпляров, все они с железной петлей под навершием (рис. 1: 9–16).

Датировать железные акинаки из донской лесостепи, так же как и биметаллические, возможно только по аналогии с подобными образцами клинкового оружия из других регионов. Наиболее близкие мечи происходят с территории Кавказа. Прежде всего, это кинжалы из комплексов Тлийского могильника, большинство которых имеет почти идентичную с рассматриваемыми нами экземплярами морфологию и конструкцию (Вознесенская, 1975; Техов, 1980), что позволяет применить дату указанных погребальных комплексов – VII в. до н.э. – к оружию из донской лесостепи. Однако эта довольно широкая датировка может быть значительно сужена при обращении к материалам раннескифских курганов Северного Кавказа, в частности к комплексам Мельгуновского и Келермесского могильников, из которых происходят древнейшие парадные мечи интересующей нас серии (Черненко, 1980). Не останавливаясь подробно на описании этих знаменитых и не единожды публиковавшихся находок, необходимо отметить, что их основные признаки совпадают с характеристиками наших мечей, что позволяет применить их достаточно хорошо разработанную датировку к рассматриваемой группе. В настоящее время традиционная дата Келермесских курганов, значительно удревнена (Алексеев, 2003. С. 103). Эти комплексы, определяющие для «келермесского» периода, датируются не позже середины – третьей четверти VII в. до н.э. (Иванчик, 2001. С. 282).

Все вышесказанное свидетельствует в пользу того, что рассматриваемый тип железных акинаков, вероятно, имеет кавказское происхождение, как и более раннее оружие. Близкие аналогии известны также, хотя и в значительно меньшем количестве, в Поднепровье, что, впрочем, не противоречит гипотезе об их изготовлении в кавказских мастерских. Примером может служить меч из кургана 6 у с. Яснозорье в Поросье, дата которого сейчас удревнена до середины – второй половины VII в. до н.э. (Скорый, 2003. С. 35). Судя по всему, именно этим временем следует датировать и мечи из лесостепного Подонья.

Таким образом, большее количество случайных находок архаичных железных акинаков и расширение их ареала по сравнению с биметаллическим клинковым оружием (рис. 1: I) свидетельствуют об интенсивном продолжении начатого еще в первой

половине VII в. до н.э. освоения донской лесостепи носителями раннескифской культуры – выходцами из кавказского региона – уже во второй половине этого столетия. Скорее всего, они были по преимуществу профессиональными воинами. Поэтому неудивительно, что раннескифский материал донской лесостепи представлен находками именно предметов вооружения, оставленных, судя по всему, первыми немногочисленными воинскими группами, приступившими к освоению новых для них территорий.

- Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб.
- Вознесенская Г.А., 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М.
- Ворошилов А.Н., 2006. Бронзовое и биметаллическое клинковое оружие скифского типа Восточной Европы и Кавказа // Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава.
- Ворошилов А.Н., 2007а. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги // РА. № 3.
- Ворошилов А.Н., 2007б. О начальном этапе освоения лесостепного междуречья Дона и Волги в раннем железном веке // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Комментарий. М.

- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.
- Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. № 3.
- Погребова М.Н., 1993. О принципах датировки скифской архаики // РА. № 2.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1989. К вопросу об «отложившихся скифах» (Herod., IV, 22) // ВДИ. № 1.
- Порох А.Н., 1999. История кузнечного производства у кочевников Нижнего Поволжья скифской эпохи // Археология волго-уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград.
- Раевский Д.С., 1993. О логике построения раннескифской хронологии // РА. № 2.
- Скорый С.А., 2003. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев.
- Техов Б.В., 1980. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Черненко Е.В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Шрамко Б.А., 1984. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Kossack G., 1987. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil // Galanina L., Grač N., Kellner H., Kossack G. Skythika München.

И.В. Рукавишникова
Институт археологии РАН

Об одном изображении на перекрестье меча из могильника Филипповка I

Могильник Филипповка I, расположенный в степях Южного Урала, содержит большую выборку разнообразных предметов с изображениями (Пшеничнюк, 1989; Золотые олени... 2001; Яблонский, 2008). Коллекция царского кургана 4, исследованного Приуральской археологической экспедицией под руководством Л.Т. Яблонского, состоит из предметов и местных по происхождению, и заимствованных. Эти ювелирные изделия были либо импортными, либо сделанными «на заказ», с учетом мировоззрения заказчиков, с местными стилистическими и семантическими особенностями звериного стиля.

Эта работа посвящена одному изображению, которое входит в комплекс декора, покрывающего меч из погребения 2 кургана 4. Частично меч был опубликован (Яблонский, Рукавишникова, 2007), но реставрационные работы не были еще доведены до конца. Первично меч после реставрации (прекрасная работа М.С. Шемаханской) представлен в ката-

логе «Золото сарматских вождей» (2008). Исследование всего декора этого уникального меча – дело будущего, но здесь позволю себе обратить внимание на отдельное изображение, украшающее перекрестье. Композиция изображения не имеет аналогий в «савроматском» зверином стиле Южного Приуралья, которому посвящена работа Е.Ф. Корольковой (2006).

Меч железный с «бабочковидным» перекрестьем (рис. 1) декорирован золотом и серебром. Украшающая его композиция в зверином стиле симметрична по построению и продублирована с обеих его сторон. Симметрично расположенные образы разные.

Описание изображения: на перекрестье с обеих сторон рельефно изображены симметрично расположенные кабан и олень, украшенные другими звериными образами. Кабан и олень расположены противоположно направлению клинка. Олень изображен «припавшим» к земле, две ноги показаны в профиль,

Рис. 1. Предварительный рисунок перекрестия меча без прорисовки декора.

согнутые вперед под углом 90° , с подогнутыми копытами. Морда длинная, горбоносая. Круглый глаз изображен в каплевидной выемке. Выемками показана пасть. Ухо, длинное с выемкой, расположено параллельно телу. Рог начинается двумя ребрами-валиками и «превращается» (о приеме «превращения» см.: Канторович, 2002) в фигуру летящего оленя с подогнутыми вперед ногами. У оленя рельефно показаны: губы валиком с выемкой, длинное ухо с выемкой, круглый глаз в каплевидной выемке, листовидные выемки на выступающих лопатке и бедре и длинный рог. Лопатка козла украшена S-видным свернутым оленем, образующим круг. Бедро козла украшено S-видным свернутым бараном. На месте ребер и брюха основного образа расположен маленький олень, с одной стороны перекрестия – безрогий, с другой – с рожками. У всех оленей морда, глаз, лопатка и бедро оформлены одинаково.

Кабан изображен шагающим, с четырьмя ногами с выделенными рельефно треугольными копытами. Морда длинная, опущена до копыт, из широкой пасти-выемки выходят навстречу друг другу два клыка. Нос отделен выемкой. В широкой дуговой выемке находится выпуклый каплевидный глаз. Ухо серповидное с серповидной выемкой. Рельефно изображена холка. Лопатка превращена в S-видным свернутый образ козла или сайги с каплевидной выемкой на лопатке. На бедре – S-видным свернутый образ оленя, рога которого покрывают зону ребер. В пространстве между мордой и передней ногой находится голова оленя без рогов. С другой стороны перекрестия изображение аналогично.

Все образы витиевато украшены деталями в стиле золотых оковок деревянных чаш Филипповского могильника.

Изображение с перекрестия интересно само по себе, т. к. стиль его и образы схожи с проявлениями

восточной традиции в сочетании со звериным стилем Южного Урала.

Изображение кабана и оленя «сконструировано» в стиле, похожем на стиль «загадочной картинки», распространенном среди древностей Восточного Казахстана и Тувы (Грач, 1980; Кадырбаев, 1966). Важно отметить, что пространство «загадочной картинке» между главными образами заполняется именно копытными: оленями с рогами и без рогов, козлами и баранами. Этот способ «гиперсемантизации» визуальных памятников «в зверином стиле запада Евразии... по существу, не применялся» (Погребова, Раевский, 2005), в отличие от восточных территорий, где этот прием встречается и в изображениях Аржана 2 (Аржан... 2004).

Все пространство композиции на мече заполнено двумя основными образами – оленя и кабана, их абрисы формируют силуэт бабочковидного перекрестия. Образы оленей (или других копытных) изящно вписываются в зоны лопаток, бедер, ребер и (в случае с оленем) рога. Они S-видным вывернуты, вписываются композиционно в окружность и, таким образом, производят впечатление «превращения» частей тела основных образов.

Этот прием широко распространен в различных вариантах звериного стиля, но особенно развит в западных областях его распространения, в скифском зверином стиле, где варианты многофигурных композиций немногочисленны, тем более с использованием различных несимметричных образов. «Развитие иконографии мотивов и... ее усложнение за счет так называемых зооморфных превращений... в наибольшей степени определило становление скифского звериного стиля» (Погребова, Раевский, 2005) европейских степей.

А.Р. Канторович (2002) на материале европейского звериного стиля исследовал превращения различ-

ных частей тела животных, в том числе лопатки, бедра, реберной части. Но в этих образцах они выглядят достаточно нарочито, тогда как в исследуемом изображении мы видим «ювелирное» вписывание образов в тела главных, чем достигается впечатлительное многофигурной сложной композиции.

Здесь вписанные образы не воспринимаются подчиненными, они визуальнo дробят основные на части. Напрашивается вывод, что это проявление сочетания принципов приема «превращения» и «загадочной картинка».

Звериный стиль – изобразительная система, «оригинальный художественный язык» (Раевский, 1985; Переводчикова, 1994) со своими канонами и цитатами, приемами и составными элементами.

Термин «загадочная картинка» применялся исследователями к более ранним образцам звериного стиля в восточной традиции Тувы, Западного Казахстана, но он проявляется и в более поздних образцах, IV в. до н.э., найденных в упомянутых регионах и на Алтае.

В восточных вариантах звериного стиля распространен прием превращения рогов зверей в птичьи головы. Также посредством превращений создаются разнообразные синкретические животные, как на пазырыкских татуировках. Так же украшены лопатки и бедра оленей с крупными мордами баранов, козлов на головных уборах (Кубарев, 1987; 1991).

Так как лезвие меча украшено изображениями животных с такими же длинными мордами и так же обильно декорировано деталями, как и на золотых оковках сосудов из Филипповского 1 кургана (Золотые олени... 2001), можно предположить, что все они сделаны в одной манере, в одной «мастерской».

В композиции перекрестья используются для решения семантической задачи прием «превращения» частей тела образов и стилистические черты такой художественной формы, как «загадочная картинка».

По предположению Е.В. Переводчиковой (2007), ссылающейся на работу Р.С. Минасяна (2004), истоки этих металлургических и ювелирных традиций производства золотых украшений и парадного оружия, возможно, следует искать в китайских мастерских – так же как и аржанского акинака (Чугунов, 2004).

В работе И.В. Рукавишниковой и Л.Т. Яблонского (2009), посвященной костяным предметам, отмечается, что многие костяные изображения перекликаются с золотыми по стилистике декора. А последние имеют свою традицию, находящую аналогии и в комплексах Пятимары, Мечетсай и т. п. (Смирнов, 1964; 1976).

Мастера воспроизводили бытовавшие в среде кочевников представления в виде зооморфных образов, но добавляли детали декора, которые впоследствии копировались и на костяных вещах. Возможно, что и принцип «превращения» с чертами «загадочной кар-

тинки» привнесен мастерами, знакомыми с восточными образцами и разработками звериного стиля.

Акинаков (бронзовых и железных) с бабочковидным зооморфным перекрестьем много в восточных областях. Здесь перекрестье заполняется симметричными образами «припавших» или лежащих хищников (Алтайский край, Минусинская котловина, Алтай). В качестве примеров приведем мечи из коллекции Лопатина (экспозиция ГЭ) и из кургана Иссык (Акишев, 1978).

В данном случае это явление развития и существования признаков ювелирной и мировоззренческой традиции изготовления парадного оружия и украшения в зверином стиле для кочевнической знати.

Исследуемое изображение, с одной стороны, не чуждо местным традициям звериного стиля Южного Приуралья, с другой – содержит ряд признаков, общих для ювелирных изделий скифского времени азиатской части евразийских степей и реплик изображений на предметах из других материалов (Жаулаулинский клад из Казахстана – каплевидные выемки на лопатках и бедрах оленей и козлов; туектинские копытные с вывернутыми крупами на серебряной пекторали – Туектинский 1 курган; пазырыкские головные уборы с деревянными наверхиями из могильника Юстыд; уздечные пазырыкские бляхи из дерева; тувинские материалы Аржана 2).

Образ кабана во многих культурах раннего железного века, как и в культуре Южного Приуралья, встречается на заведомо значимых предметах в сложных композициях, как, например, на ахлахинской накладке (Полосьмак, 1994). Или же кабан представлен одиночным образом (например, могильник Лебедевка, курган 6). На перекрестье он изображен идущим, со всеми четырьмя ногами, как и на оковке из кургана 1 (Золотые олени... 2001), с резко выраженными копытами и клыком. В этом случае представлен не ранний образ звериного стиля – кабан «на цыпочках».

Образ оленя с длинной горбатой мордой передан лежащим с вытянутыми под прямым углом ногами. Он имеет аналогии в деталях с образами оленей на оковках из кургана 1. Интересно, что морда оленя резко профилируется на зону губ и верхнюю часть, что роднит этот подход с изображениями из Аржана 2 и башадарскими аппликациями голов баранов.

Широкая дата могильника Филипповка I – V–IV вв. до н.э. (Яблонский, 2008), а Аржан 2 (пограничный как территориально, так и хронологически, – самый восточный и самый ранний памятник с большой выборкой предметов, выполненных в зверином стиле) исследователи относят к VII в. (Евразия... 2005).

Но в исполнении мастерами звериных образов на золотых изделиях из Аржана 2 и на исследуемом перекрестье меча наблюдаются некоторые сходства. Если обратить внимание на пектораль, гривну

и золотую булавку из Аржана 2 (Аржан... 2004), то можно отметить в них аналогичные образы кабана, козла, оленя и барана, а также те черты загадочной картинки, которые здесь разбираются.

Образы всех травоядных и кабана на пекторали (Там же) выполнены в полете, т. е. с ногами назад, но профилировка морд, рогов, пропорции головы сходны с образами на исследуемом перекрестье меча. На гривне (Там же) изображены многочисленные вписанные друг в друга образы оленей, баранов, козлов, S-видно вывернутых и лежащих, как наши основные образы, с вытянутыми вперед ногами, а также присутствует образ кабана с гривой. На золотых булавках (Там же) образы оленя представлены с подобной исследуемому оленю массивной длинной мордой, длинным ухом.

С другой стороны, пышный декор самих образов с перекрестья (не разбираемый в этом исследовании) аналогичен золотым оковкам первого Филипповского кургана и не свойствен «аржанскому» стилю.

Время сооружения кургана 4 – спорный вопрос хронологии досарматского и раннесарматского времени.

Звериный стиль Филипповского могильника – самый яркий образец развитого стиля Южного Приуралья, который являлся составной частью такого художественного направления, как звериный стиль Евразийских степей «скифского времени», обладающий «сходством художественных приемов и образительных схем» (Погребова, Раевский, 2005. С. 579) по всему ареалу.

Вывод об особенностях стиля исследуемого изображения дает возможность косвенно судить о происхождении вещи. Декор выполнен на стыке восточной традиции и западных схем с принципом превращения. Западные варианты звериного стиля развивались, возможно, по пути проникновения «цитат» – следствия скифских походов (Погребова, Раевский, 1992). Восточные формировались как на центральноазиатской базе, так и в сочетании с проникновением древнеиранских «цитат» и традиций из Средней Азии.

Это исследование не ставило целью изучение меча, это лишь разбор изображения и многофигурной композиции с превращениями в стиле «загадочной картинки», столь интересных при изучении звериного стиля.

Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. М.

Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве: Кат. выставки / Под ред. О.А. Федосенко. СПб., 2004.

Грач А.Д., 1980. Резные композиции в искусстве Тувы скифского времени // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл.

Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Золото сарматских вождей: Кат. выставки. Оренбург, 2008.

Золотые олени Евразии: Кат. выставки. СПб., 2001.

Кадырбаев М.К., 1966. Памятники тасмолинской культуры: Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Канторович А.Р., 2002. Классификация и типология элементов зооморфных превращений в зверином стиле Степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. 1.

Королькова Е.Ф., 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. № 36.

Королькова Е.Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. СПб.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1991. Курганы Юстыда. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1992. Курганы Сайлюгема. Новосибирск.

Минасян Р.С., 2004. Сибирские кинжалы скифского времени // СГЭ. Вып. LXII.

Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. М.

Переводчикова Е.В., 2007. Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из I Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С., 2005. Звериный стиль скифской эпохи как *lingua franca* евразийских степей // Центральная Азия: источники, история, культура. М.

Полосьмак Н.В., 1994. Стереющие золото грифы. Новосибирск.

Пшеничнюк А.Х., 1989. Раскопки «Царского» кургана на Южном Урале: Препринт докл. Уфа.

Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.

Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.

Рукавишникова И.В., Яблонский Л.Т., 2009. Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I // Проблемы современной археологии.

Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. М.

Смирнов К.Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Сокровища сарматских вождей: Материалы раскопок Филипповских курганов / Под ред. Л.Т. Яблонского. Оренбург, 2008.

Чугунов К.В., 2004. Кинжал-акинак из кургана Аржан 2 // СГЭ. Вып. LXII.

Яблонский Л.Т., 2008. Новые раскопки в Филипповском могильнике // Археология восточно-европейской степи. Саратов. Вып. 6.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., 2007. Раскопки «Царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. №2.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., 2007. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского I могильника) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск.

*А.С. Скрипкин**Волгоградский государственный университет*

Савроматская археологическая культура (проблемы идентификации)

Впервые археологические памятники, отождествляемые с савроматами, были выделены П.Д. Рау по материалам Нижнего Поволжья. Он обратил внимание на их сходство с одновременными памятниками Южного Приуралья. Б.Н. Граков объединил нижневолжские и южноуральские памятники в одну – савроматскую или блюменфельдскую культуру. К.Ф. Смирнов, восприняв идею широкого толкования савроматской археологической культуры, пришел к выводу о том, что ее носителями могли быть ряд народов, что собственно савроматам (савроматам Геродота) принадлежат памятники волгодонского варианта савроматской культуры. Южноуральские памятники могли быть оставлены дахомассагетам или частично исседонам. Сложившаяся ситуация вызывала неудобства в использовании таких понятий, как «савроматская археологическая культура» и «исторические савроматы» и зачастую приводила к искажению исторических реконструкций.

В конце 80 – 90-х гг. прошлого века появился ряд работ М.А. Очир-Горяевой, посвященных памятникам скифского времени Нижнего Поволжья, в которых она совершенно справедливо обосновывала наличие существенных различий между погребальными памятниками Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Эти различия, по ее мнению, свидетельствуют о существовании двух кочевнических культур в вышеназванных регионах. Вместе с тем, она сочла не возможным отождествлять памятники VI–IV вв. до н.э. междуречья Дона и Волги и Нижнего Поволжья с савроматами, предложив искать их территории в непосредственной близости к Приазовью и Нижнему Дону, поскольку именно там их фиксируют античные авторы. Население Нижнего Поволжья она относил к кругу скифских народов, название которого не сохранилось в письменных источниках (Очир-Горяева, 1988. С. 95–99; 1989. С. 112–114; 1992. С. 32–40). Разработки М.А. Очир-Горяевой являлись последними по савроматской тематике с обобщением значительного материала и постановкой общих проблем.

В изучении истории савроматов обычно привлекаются данные Геродота, Псевдо-Гиппократ, Диодора Сицилийского, Псевдо-Скилака, Помпония Мелы и других, вплоть до Платона и Еврипида. Если оценивать труды этих авторов с позиции исторического источниковедения, то предпочтение

следует отдать Геродоту по той причине, что он являлся современником савроматов; посетил Северное Причерноморье, где собрал информацию по Скифии и сопредельным территориям; его сочинение все же относится к историческому жанру, практически полностью сохранившемуся, поэтому его в большей степени интересовали вопросы истории описываемых народов, их происхождение, территория обитания. К тому же его сведения о савроматах, хотя и краткие, но все же самые обширные из имеющихся на сей день.

Одним из спорных является вопрос о территории, занимаемой савроматами. Дискуссии здесь сводятся в основном к двум моментам: первый – занимали ли савроматы земли к западу от Танаиса (Дона) и если занимали, то с какого времени, и второй – о восточных пределах савроматских владений. По данным Геродота, если строго придерживаться текста его «Истории», савроматы занимали земли к востоку от Танаиса, об этом он повторяет несколько раз.

Рядом исследователей фраза Геродота о том, что владения скифов частью простираются до Танаиса, трактуется как возможность принадлежности другой части владений на его западном берегу савроматам (IV, 20). Но, во-первых, Геродот ничего об этом не говорит, а во-вторых, это кажущееся спорным утверждение Геродота дезавуируется другим его утверждением, содержащимся в следующем параграфе: «За рекой Танаисом уже не скифская земля, первый из тамошних участков принадлежат савроматам» (IV, 21). Элементарный логический анализ этого утверждения позволяет заключить, что до Танаиса с запада земли должны были принадлежать скифам.

Иногда используется рассказ Геродота о происхождении скифов в доказательство того, что савроматская история началась к западу от Дона на побережье Азовского моря, где встретились прародители савроматов молодые скифы и амазонки. Но это сугубо мифологический сюжет, историческая реальность здесь трудно доказуема, к тому же, если следовать рассказу Геродота, то собственно савроматы, как новое потомство, появились, после того, как скифы с амазонками перешли на другую сторону Дона. Исследователи не без основания считают, что этот легендарный сюжет носит этиологический характер. Он не отражает исторические реалии, а пытается таким образом объяснить родство скифов и савроматов (Лукияшко, 2006. С. 176).

Таким образом, данные Геродота, как наиболее информированного из античных авторов о Скифии и ее соседях, позволяют поселять савроматов к востоку от Дона. Геродот приводит размеры земли савроматов только в меридиональном направлении (15 дней пути, более 500 км), ограниченной углом Меотийского озера и землями, принадлежащими будинам. Это расстояние, конечно, приблизительное, но весьма значительное, почти сопоставимое со стороной скифского квадрата. По данным Геродота невозможно определить территорию савроматов к востоку от Дона.

М.А. Очир-Горяева, на том основании, что античные авторы упоминают савроматов в непосредственной близости от Танаиса и Меотиды, считает, что они могли занимать только эти территории. Кроме того, она полагает, что поскольку письменные источники не характеризуют савроматов как крупное этнополитическое объединение на уровне союза или конфедерации племен, то это было небольшое подразделение кочевников.

Мнение о том, что поскольку античные авторы упоминают савроматов у Меотиды и Танаиса, то их следует и поселять в этих местах, навряд ли следует считать состоятельным, поскольку античная история и география долгое время не имели никакого представления о землях, располагавшихся восточнее Танаиса, и народах, населявших их. Геродот определил только западную границу расселения савроматов. Античная география, вплоть до Птолемея, не знала о существовании крупнейшей реки Европы Волги. Страбон и Плиний считали Каспийское море заливом Северного океана. Естественно, что Геродот и другие древние авторы не могли указать, какую территорию занимали савроматы к востоку от Танаиса, в их распоряжении просто не было никаких географических ориентиров. Отсутствие информации у античных авторов не следует считать доказательством того, что савроматы не могли владеть значительными территориями к востоку от Дона и что сами они были незначительным народом. Кстати, Помпоний Мела, поселяя савроматов на Танаисе, отмечал, что они «одно племя, но разделенное на несколько народов» (Землеописание, I, 19 (116)). Навряд ли скифы обратились бы за помощью в войне против персов к незначительному народу.

Учитывая существенные размеры савроматских земель в меридиональном направлении, приведенные Геродотом, следует, видимо, допустить и их значительные размеры к востоку от Танаиса. Навряд ли правильным будет считать, что савроматы занимали узкую полосу земли исключительно вдоль левого побережья Дона до пределов будинов. К тому же следует учитывать, что савроматы вели кочевой образ жизни и территория их кочевий могла быть значительной.

Теперь обратимся к археологическим источникам. Территория междуречья Волги и Дона и Ниж-

него Поволжья достаточно хорошо исследована в археологическом отношении. На этой территории археологические памятники, датируемые в пределах VI–IV вв. до н.э., и представленные исключительно погребальными комплексами, отличаются значительным единством, как в погребальном обряде, так и в материальной культуре. Значительное однообразие волго-донских памятников рассматриваемого времени, в отличие от самаро-уральских, отмечал К.Ф. Смирнов (1964. С. 196). Принадлежность к единой археологической культуре памятников скифского времени правобережья (собственно междуречья Волги и Дона) и левобережья Волги достаточно убедительно, по моему мнению, обосновала и М.А. Очир-Горяева (2005. С. 15, 16). Она же сделала интересные наблюдения в отношении особенностей распределения памятников этого времени в междуречье и Заволжье. На правом берегу Волги и в междуречье они преимущественно сосредоточены в нескольких группах, тяготеющих к Яшкульским озерам, к Сарпинской низменности с ее озерами, к Цимлянскому водохранилищу с рядом небольших рек. Причем все они располагаются южнее параллели Волгограда. На левом берегу они распределяются более дисперсно и гораздо дальше распространяются к северу. Распределение погребальных памятников на правобережной стороне Волги больше соответствует месту расположения зимников кочевников, когда они больше привязаны к одному месту. Левобережные погребальные памятники в большинстве своем должны были быть оставленными в период сезонов кочевания. Такая ситуация, по мнению М.А. Очир-Горяевой, находит прямые аналогии в калмыцкой этнографии.

Калмыки, как известно, Нижнее Поволжье стали осваивать с 40-х годов XVII в. Практически кочевники калмыки заняли ту же самую территорию, на которой обитали кочевники раннего железного века рассматриваемого времени. Вот как описывается специалистами по истории калмыков одна из основных форм их кочевания. Большинство калмыцких улусов зиму проводила на Куме, Маныче, в прибрежной части Северо-Западного Прикаспия. С конца февраля в начале марта улусы начинали продвигаться к Волге вдоль Ергененской возвышенности. Затем переправлялись на левый берег Волги (луговую сторону, в отличие от правой стороны – нагорной) по льду или, если лед уже сходил, с использованием различных средств переправы. По левобережью они продвигались до Самары. В осенние месяцы улусы начинали обратное движение и в октябре-ноябре они вновь переправлялись через Волгу и возвращались на свои зимовки (Батмаев, 1993. С.113–115).

Вышеизложенное дает возможность предположить наличие такого маршрута кочевания и у кочевников раннего железного века Нижнего Поволжья, поскольку они и калмыки заняли одну и ту же эко-

логическую нишу и вели одинаковый, кочевой образ жизни. Таким образом, археологическое сходство памятников савроматского времени междуречья Волги и Дона и Заволжья, характер распределения их в этих районах, находящий объяснения в этнографическом материале, позволяют утверждать, что в VI–IV до н.э. в указанных местах обитал один и тот же народ.

Восточную границу территории, занимаемой этим народом, можно с достаточной долей вероятности определить по археологическим материалам, по распространению погребальных памятников единой культуры рассматриваемого времени в Заволжье. Обратиться к опубликованным картам распространения памятников VI–IV вв. до н.э. от Дона до Южного Урала включительно (Смирнов, 1964. Рис. 1; Статистическая обработка ..., вкладка). На этих картах достаточно хорошо просматриваются две группы скопления памятников: нижневолжская и южноуральская, со значительным пробелом между ними. С востока нижневолжские памятники ограничиваются Узеньями, с севера Большим Иргизом. В Заволжье курганы с погребениями данного времени тяготеют в основном к Волге.

Есть все основания археологические памятники VI–IV вв. до н.э., представленные подкурганными погребениями, располагающиеся к востоку от Дона до Заволжья включительно, характеризующиеся чертами единой культуры, отождествлять с савро-

матами письменных источников. Учитывая то, что этнонимы в большей мере категории исторической науки, а также тот негативный опыт, который имел место при широком толковании названия «савроматская культура», археологическую культуру VI–IV вв. до н.э. Нижнего Поволжья можно именовать блюменфельдской, термин который более полувека назад был введен в научный обиход Б.Н. Граковым.

- Батмаев М.М., 1993. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста.
- Лукьяшко С.И., 2006. Этническая история Донского Левобережья в скифское время // Этнические взаимодействия в Евразии. М.
- Очир-Горяева М.А.Ю., 1988. О расселении савроматов // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып.3 (№ 16).
- Очир-Горяева М.А., 1989. Савроматы и савроматская культура // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск.
- Очир-Горяева М.А., 1992. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. № 2.
- Очир-Горяева М.А., 2005. Некоторые наблюдения по географическому распределению археологических памятников в Нижнем Поволжье // НАВ. Вып. 7. Волгоград.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.
- Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994.

СЕКЦИЯ 7

АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Н.Д. Двуреченская
Институт археологии РАН

Раннеэллинистический жилой комплекс бактрийской крепости Кампыртепа

На протяжении пяти лет Институт археологии РАН ведет исследования на уникальном памятнике древней Бактрии – крепости Кампыртепа. Памятник находится на территории современной республики Узбекистан (юг Сурхандарьинской обл., в 30 км к северо-западу от г. Термез). Крепость расположена на правом высоком берегу р. Амударья.

Кампыртепа с точки зрения археолога имеет ряд ярких характеристик. Этот памятник впервые дал науке массив единовременной кушанской жилой застройки, датированный периодом от Сотер Мегаса до Канишки I (т. е. всего 70 лет I в. н.э. и первой трети II в. н.э.), не перекрытый более поздними напластованиями. В условиях продолжительной дис-

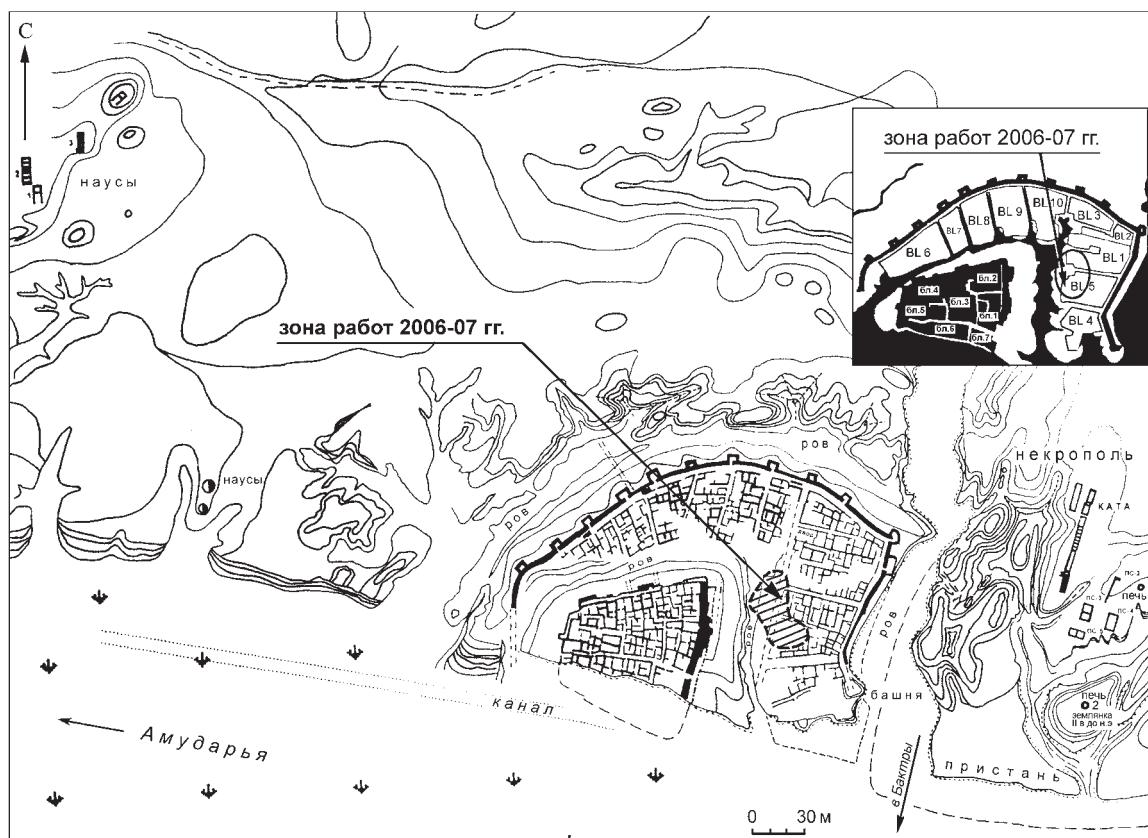

Рис. 1. Кампыртепа.

Зона археологических исследований Бактрийского отряда Института археологии РАН в 2006–2007 гг.

куссии по начальной дате эры Канишки комплекс материальной культуры из этих кварталов является эталонным в изучении периода становления и расцвета Кушанской империи.

Крепость Кампыртепа обладает еще одним важнейшим качеством — здесь имеются многометровые слои эллинистического времени, относительно доступные для изучения на широкой площади. Как известно, на большинстве памятников Средней Азии эти слои погребены под многометровыми толщами более поздних напластований.

Открытый академиком Э.В. Ртвеладзе в 1972 г., памятник исследовался на протяжении 30 лет, изучено более 70% его территории. Перед археологами остро стояла проблема консервации и реконструкции. После включения Кампыртепа в список памятников культурного наследия, охраняемых ЮНЕСКО, удалось добиться спонсорской поддержки американского конгресса. В результате были проведены консервация и реконструкция части памятника. На сегодня этот опыт — наиболее успешный в регионе. Он отличается максимальным соответствием древним строительным приемам. Для приготовления формовочной массы использовался лесс у подножия крепостной стены, при помощи деревянных рам велась формовка сырцового кирпича античного формата. Здесь же производилась естественная обсушка, с последующим возведением на глиняном растворе кладки крепостной стены, башен, а также стен домов северо-восточного жилого квартала «нижнего города».

Еще одной важной характеристикой Кампыртепа является его ярко выраженное функциональное назначение. Поселение, располагавшееся на краю первой надпойменной террасы правого высокого берега Амударьи, предназначалось для обслуживания переправы через нее. Эта терраса, протяженностью около 2 км, изрезана сеткой оврагов с пологими устьями и имеет природные цирки, удобные для устройства переправ. В ахеменидское время на западном краю террасы была возведена крепость Шортепа. Позднее, в конце IV в. до н.э., переправа переносится на Кампыртепа (на 500 м к востоку, вверх по течению), а с раннего средневековья функции переправы выполняет городище Шуробкурбан, расположенное на восточной окраине террасы.

Кампыртепа представляет собой цитадель («верхний город»), окруженную рвом, и «нижний город», окруженный с напольной стороны крепостной стеной с двенадцатью сохранившимися башнями. «Верхний город» возник в конце IV в. до н.э., он сохранил многометровые слои эллинистического времени. Застройка «нижнего города» произведена по единому плану в начале I в. н.э. и просуществовала короткий период, включая правление Канишки I (первая треть II в. н.э.).

С 2004 г. Бактрийский отряд Среднеазиатской экспедиции ИА РАН начал свои работы на восточной части «нижнего города» Кампыртепа (рис. 1). На сегодня работами охвачены более 700 м².

Рис. 2. Раннеэллинистический жилой комплекс.

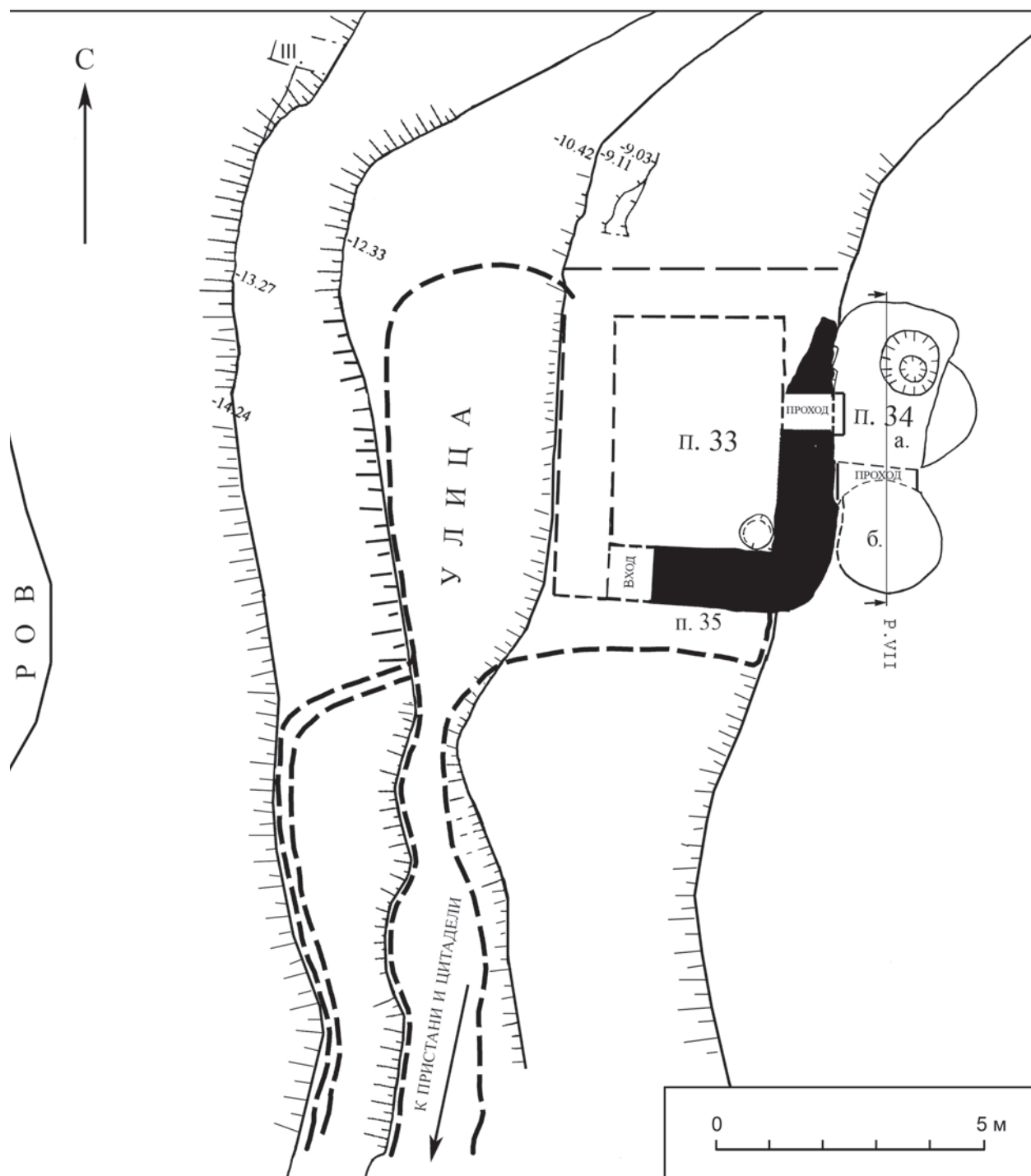

Рис. 3. План-схема раннеэллинистического жилого комплекса на западной окраине блока V.

До наших исследований считалось, что на всей территории «нижнего города», где располагались жилые кварталы-блоки, построенные по единому плану в раннекушанское время, более ранней застройки не существует (Ртвеладзе, 2000; Шейко, 2000; Шейко, Никитенко, 2001). Однако первый же сезон работ позволил нам установить в исследуемой части памятника под кушанскими кварталами еще три строительных периода: ранне-

эллинистический, греко-бактрийский и кушано-юэчжийский.

Раскопки велись на краю оврага с ярко выраженным рельефом. Они выявили террасный характер освоения этой части поселения. Перепад высот на этом участке составил не менее 10 м. Стратиграфический разрез позволил нам выявить строительные приемы, применяемые при террасной застройке. Это подруб и выравнивание материка (ступени);

укрепление края ступеней пахсовыми выкладками и кирпичными стенами; создание искусственных платформ (Двуреченская, 2006).

Одним из наиболее важных итогов археологических работ Бактрийского отряда является открытие раннеэллинистического жилого комплекса на западной окраине кушанского квартала-блока V и его полное исследование. Комплекс был расположен на террасной части материкового холма, отделенного от цитадели Кампыртепа рвом (рис. 2). Ширина ступени второй террасы составляла здесь не менее 7 м.

Постройка включала жилое помещение 33, возведенное из сырцового кирпича, хозяйственную часть (помещения 34а и 34б), вырубленную в склоне материкового холма, и часть проулка (35) (рис. 3).

Сохранность объекта неравномерная. Северо-западная часть жилого помещения 33, расположенного на краю террасы, погибла в результате поздних перепланировок и действия промоины. Хозяйственный комплекс, вырубленный в склоне холма, оказался более сохранным. Он прослежен целиком в плане и более чем на 2,6 м в высоту. Проулок прослежен вдоль всей южной стены помещения 33.

От жилого помещения 33 сохранился юго-восточный угол и две стены. Помещение было ориентировано по сторонам света и имело размеры 4,8×3 м. Стены хорошей сохранности, до 2 м в вы-

соту, мощностью до 0,9 м в основании, стоят непосредственно на подрубленном и выровненном материке. В нижней цокольной части стены сложены из кирпича переходного (от ахеменидского к античному) формата – 50×40×10 см, в верхней – из кирпича размерами 34×34×10 см, и имеют толщину 0,8 м. На примере восточной стены отмечен прием комбинирования стены из кирпича и материка. Ее северо-восточный нижний край имеет вид подрубленного ступенькой материка, высотой до 0,65 м, поверх которого идет обычная кладка кирпича.

Помещение внутри описываемых стен было засыпано однородным слоем материковой крошки (0,8 м), образующим цоколь, на котором располагался уровень первого пола. В юго-восточном углу помещения ниже уровня пола был вкопан целый хум (диаметр венчика 34 см), покрытый сверху керамической плиткой размерами 42×34×5 см. Пол в виде плотно утрамбованной глиняной обмазки легко расчищался. Сохранился он на небольшой площади (около 2 м²), т. к. основная часть помещения 33 в позднее время была перебита кушанским помещением 32.

С пола помещения 33 происходит керамический комплекс с целыми формами. Он включает фрагменты венчика и ножки красноглиняного кратера, целый светлоглиняный кубок, фрагмент чаши с клювовид-

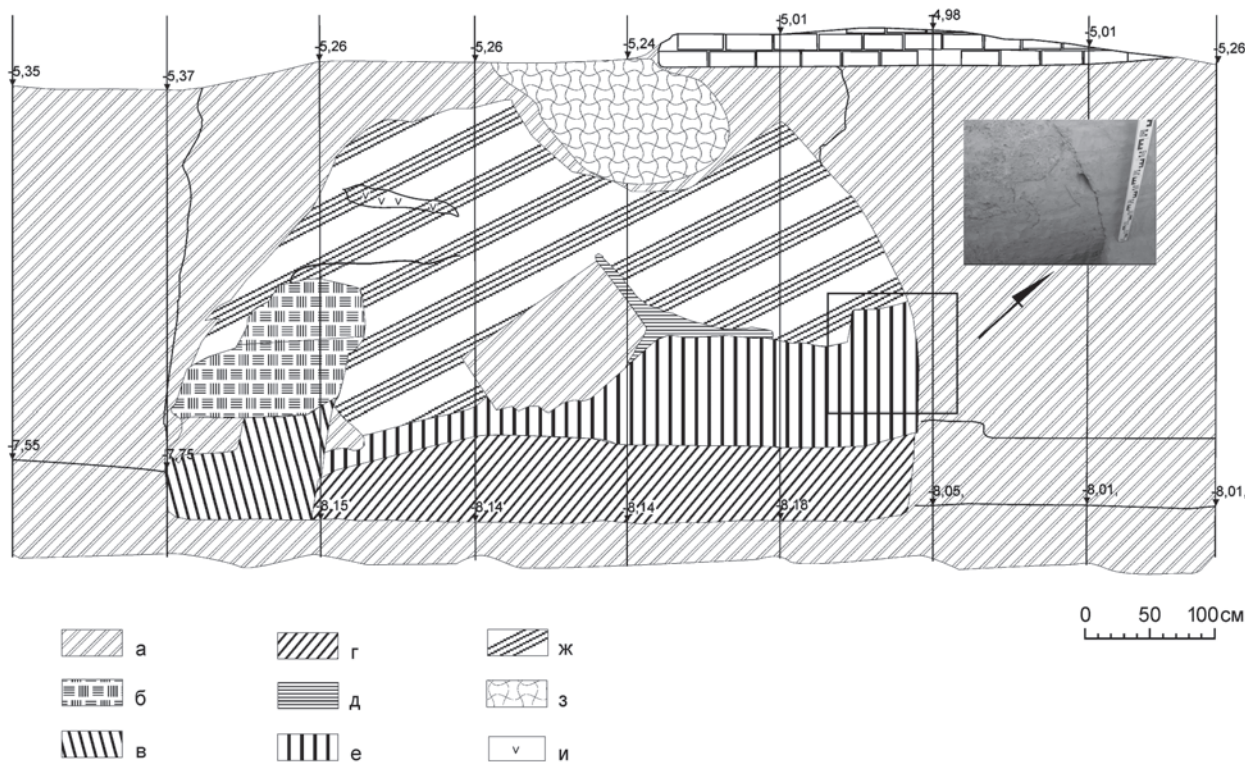

Рис. 4. Стратиграфический разрез хозяйственного блока помещений 34 а и б.

ным, загнутым внутрь, венчиком, фрагменты толсто-стенной миски (тагоры) со слегка загнутым внутрь венчиком и др. и может быть датирован селевкидским или ранним греко-бактрийским временем.

Из жилого помещения 33 проход в середине восточной стены вел в хозяйственную часть комплекса. Поскольку уровень пола в помещении 33 был поднят, то проход в хозяйственную часть комплекса снабжен ступеньками. Хозяйственная часть включала открытый дворик (помещение 34а) и закрытое, круглое в плане помещение 34б, вырубленные в толще материкового холма.

Стратиграфический разрез, рассекший помещение 34 по центру по всей длине, позволил максимально точно его реконструировать (рис. 4). Вырубленное в толще материка закрытое помещение сохранило линию свода на высоту до 2,6 м. Стены сохранились на высоту более 1,5 м от пола. Таким образом, закрытое помещение было круглым в плане, имело диаметр 2,2 м и высоту до 2,7 м, сводчатый потолок и напоминало толосовидные помещения. Стены, вырубленные в материке, не были дополнительно обработаны, они не оштукатурены, но в нижней части сохранились характерные темный налет и потертость.

Сводчатое закрытое помещение 34б соединялось с открытым двориком проходом, по всей видимости оформленным в виде свода. Открытый дворик имел в плане подовальные очертания и размеры 2,2×3 м. В восточной стене его вырублена сводчатая ниша глубиной до 1 м. На материковом полу зафиксирована яма конической формы (диаметр устья 0,8 м), которая на глубине 1 м расширяется до 1,6 м. Яма вскоре после ее сооружения была засыпана материковой крошкой без каких-либо включений.

Обе части помещения 34 с точки зрения архитектурного решения представляют собой уникальный комплекс, который не находит аналогий на территории древней Бактрии. О характере этого сооружения и его датировке мы можем судить по довольно богатому комплексу керамики и индивидуальных находок. Последние представлены 45 изделиями. Основную их часть составляют глиняные заготовки грузил (27 шт.). Грузила представлены двумя формами: пирамидальные и дисковидные, лишь незначительная часть их обожжена. В помещении также обнаружено десять ядер. Девять из них изготовлены из необожженной глины, а одно – из камня. Диаметры ядер колеблются от 3 до 13 см. Найдены также три пряслица (одно каменное и два глиняных обожженных), три бусины (сердолик) и фрагмент терочника (камень).

Среди находок необходимо упомянуть несколько целых лепных глиняных и необожженных сосудов, зафиксированных на полу. По всей видимости, эти сосуды формировались прямо в помещении, подсушивались и выносились на обжиг к печам.

Керамический комплекс помещений 34а и б имеет особое значение. Это связано с его закрытым характером, с богатой выборкой – он включает более 300 фрагментов и целых сосудов. Но самое главное, он предоставляет нам редкий контекстный материал раннеэллинистического времени.

Необходимо отметить достаточно долгое функционирование хозяйственного комплекса. Мощность культурного слоя в открытом дворике 34а достигает 1,1 м. На уровне –7,04 м зафиксирован мощный горелый слой (до 0,2 м). После этого пожара следует значительный обвал материковых стен, который окончательно консервирует и перекрывает комплекс первого этапа обживания помещений 34а и б.

Таким образом, обе части открытого комплекса были взаимосвязаны и представляли собой дом, расположенный на самом краю террасы, в верховье естественного оврага. Выяснено, что эта постройка была крайней с севера. В свою очередь это делает наиболее вероятным предположение, что вход в нее был расположен с южной стороны. Проулок (помещение 35) связывал жилой комплекс с улочкой, расположенной ниже по террасе, идущей в сторону пристани и входного комплекса «верхнего города».

Рассматриваемая жилая постройка раннеэллинистического времени датирована на основании стратиграфии, а также богатого керамического комплекса (Двуреченская, 2008). Последний включал в себя незначительный процент форм, восходящих к ахеменидскому времени (светлоангобированные кубки, а также сосуды с подкосом), но основную его часть составляли сосуды эллинистических форм: кратеры, кубки на кольцевом поддоне, рыбные блюда.

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть основные моменты.

1. В условиях недоступности слоев эллинистического времени на значительной территории Бактрии открытие жилого комплекса имеет первостепенное значение.

2. Получен уникальный материал по архитектуре и строительным приемам, использовавшимся в III–II вв. до н.э.

3. Получен закрытый керамический комплекс, насчитывающий более 300 фрагментов сосудов, который сыграет важную роль в хронологической детализации керамической колонки раннеэллинистического времени.

В заключение хотелось бы отметить значение наших исследований, охвативших значительную часть восточного сектора «нижнего города» Кампыртепа. Открытие жилого комплекса на склоне оврага, а также установление плотного освоения значительной части восточного склона оврага в III в. до н.э. и концентрации мощных эллинистических слоев на западном склоне оврага, за пределами крепостной стены цитадели, позволяют нам по-новому взглянуть на ранний этап функционирования поселения в целом.

По всей видимости, изначально жизнь была сконцентрирована на обоих склонах оврага. Вероятно, связано это было в первую очередь с экономической деятельностью по обслуживанию переправы (разгрузка и погрузка; при этом грузы могли по обводненному рву втаскивать на небольших лодках непосредственно к месту разгрузки). Функции крепости и, соответственно, фортификационные сооружения появились позднее, задав ту структуру, что сохранилась и поныне.

Двуреченская Н.Д., 2006. МТЭ. Вып. 6. Ташкент.
 Двуреченская Н.Д., 2008. Отчет Бактрийского отряда Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН об исследовании античной крепости Кампыртепа в 2006–2007 годах // Архив Института искусствознания им. Хамзы. Ташкент.
 Ртвеладзе Э.В., 2000. МТЭ. Вып. 1. Ташкент.
 Шейко К., 2000. МТЭ. Вып. I. Ташкент.
 Шейко К., Никитенко Г., 2001. МТЭ. Вып. II. Ташкент.

**А.И. Иванчик¹, Л. Зуммерер², А. фон Кинлин³,
 А.Б. Белинский⁴, Л.В. Семенченко¹**

¹ Институт всеобщей истории РАН, Москва

² Мюнхенский университет

³ Цюрихский университет

⁴ ГУП «Наследие, Ставрополь

Царские резиденции Келены – Апамея Киботос. Международный проект исследований в Южной Фригии

В 2008 г. был проведен первый полевой сезон в рамках международного проекта археологических исследований в Южной Фригии*. Их главной целью является изучение одного из важнейших памятников западной Анатолии – Келен/Апамеи (совр. Динар, провинция Афион, Турция), и его округи.

Келены находятся у истоков р. Меандр, в которую здесь же впадают другие водные потоки; важнейшим из них был Марсий. Это место всегда было сакрализовано – именно здесь локализовался миф о сатире Марсии – один из важнейших локальных мифов не только для Фригии, но и для всей античной Анатолии. В самой Апаmee культ Марсия был одним из основных, и изображение сатира, играющего на флейте, часто помещалось на городских монетах.

Кроме обилия воды, у Келен было и другое преимущество – они находились на перекрестке важнейших дорог, ведущих, в частности, в Гордион и в Сарды. Здесь проходила и знаменитая «царская дорога», соединявшая Сузы и Сарды. Все это предопределило экономическое процветание и политическое значение города. Согласно Геродоту (7, 26), Ксеркс назначил здесь место сбора своих войск, отправлявшихся в поход на Грецию. На обратном пути он приказал построить в Келенах укрепленный царский дворец (Xen. Anab. 1, 2, 9): город стали единственной царской резиденцией Ахеменидов в Анатолии. Келены были и главной резиденцией Кира Младшего – он построил здесь, второй дворец, а также большой охотничий парк (парадиз), наполненный дикими животными (Xen. Anab. 1, 2, 7–9). Именно здесь Кир

Младший собрал войска перед походом на своего брата. Келены считались столицей Фригии, и здесь размещалась резиденция сатрапа как в персидскую, так и в эллинистическую эпохи (Paus. 1, 8, 1; Diod. 20, 107, 2–4; Strab. 12, 8, 15; Liv. 38, 13).

Город и при Селевкидах оставался царской резиденцией. Антиох I Сотер дал ему новое название в честь своей матери – Апамея. По сообщению Страбона, он переселил во вновь основанный город жителей находившихся рядом Келен (Strab. 12, 8, 15, ср. Liv. 38, 13). В здешний дворец Антиох III удалился после поражения при Магнесии, и именно здесь был подписан в 188 г. до н.э. Апамейский договор с Римом; Апамея вместе с другими территориями по этому договору отошла к Пергаму (Liv. 35, 15; 37, 44; 38, 15). В 133 г. до н.э. она вместе с другими пергамскими владениями перешла под власть Рима, однако официально была включена в состав провинции Азия лишь в 84 г. Суллой. Город продолжал процветать. По словам Страбона (12, 8, 15), Апамея была вторым торговым центром Азии после Эфеса. В византийскую эпоху Апамея продолжала существовать, постепенно теряя свое значение, хотя апамейские епископы известны и в VIII–IX вв.

Несмотря на большое историческое значение Келен – Апамеи, их регулярное археологическое обследование не проводилось (единственное исключение: спасательные раскопки 1988–1989 гг., вскрывшие часть оркестры театра, Torbaş, 1991). Известный материал происходит из случайных находок или грабительских раскопок. Отсюда происходят большой

Рис. 1. Космический снимок Келен – Апамеи. А – Ичлерджа (акрополь Апамеи); В – Сучикан («дворец Ксеркса»); С – Дерё; D – стадион. Темным цветом обозначена территория выявленных некрополей.

клад персидских серебряных сиклей V в. до н.э., найденный грабителями в начале 1980-х гг. (Carradice, 1998), и пока неизданный клад бронзовых поздне-эллинистических монет, поступивший целиком в

музей Афиона и являющийся одним из крупнейших монетных кладов античного мира (общий вес 60 кг). Кроме того, следует отметить бронзовый саркофаг и несколько мраморных, один из которых опублико-

ван (Torbaş, 1987). Разумеется, известны и надписи Апамеи, главным образом на надгробиях: за 200 лет их опубликовано около сотни (Bucler, Calder, 1939. Р. 64–88; несколько статей Т. Дрю-Бира в последние три десятилетия).

Первый полевой сезон нашего проекта был посвящен разведкам, в том числе геофизическим. При его подготовке была создана база для геоинформационной системы на основе спутниковых снимков высокого разрешения и топографической карты масштаба 1:25 000. Обнаруженные в ходе разведок объекты привязывались к координатной сетке с помощью GPS и вносились в ГИС. Кроме координат, туда же заносились фотографии и краткое описание каждого объекта.

На территории самого города нашей задачей было выяснение основных черт его топографии, в частности расположения Келен по отношению к Апамее и вопроса о том, действительно ли речь должна идти о двух лежащих рядом городах, или же о простом переименовании Келен, как это часто практиковалось в эпоху эллинизма. Другими задачами были локализация многократно упоминаемых у античных авторов царских дворцов и определение границ города. Место расположения акрополя Апамеи очевидно: холм Ичлердже, на склоне которого находится античный театр, однако остальные вопросы оставались неясными. На основе изучения древних текстов и топографии ранее высказывалось предположение о том, что акрополь Келен находился на соседнем с Апамей холме Топтепе, а дворец Ксеркса – на расположенной рядом скале Сучикан.

Для проверки этих предположений были использованы два метода: систематический сбор подъемного материала и геофизическая разведка. Для фиксации данных обеих разведок мы разбили сетку квадратов 40×40 м, покрывавшую всю территорию городища; координаты ее опорных точек были внесены в ГИС. Изучение собранной керамики (П. Дюпон, В. Лунгу, ок. 17 тыс. фрагментов) позволило определить статистическое соотношение фрагментов разных эпох и форм на каждом квадрате. Наибольшая концентрация керамики зафиксирована на холме Ичлердже. Преобладают находки римского и в меньшей мере эллинистического времени, однако немало и более ранней керамики (начиная с эпохи бронзы), в том числе «ахеменидских чаш». Концентрация архаической керамики особенно велика в верхней части холма. Следовательно, приходится отказаться от предположения о том, что холм был заселен лишь в эллинистическое время, после основания Апамеи: он несомненно входил в состав Келен. Это делает вероятным предположение о том, что на холме находился акрополь не только Апамеи, но и Келен.

Концентрация материала на втором обследованном холме, Топтепе, значительно меньше, кроме то-

го, здесь практически полностью отсутствует архаическая керамика. Этот факт заставляет отказаться от локализации на нем древних Келен, хотя в более позднее время он, видимо, входил в городскую черту. Обследование третьего пункта, скалы Сучикан, показало присутствие на ней и на ее склонах керамики разных периодов, в том числе архаического, что подтверждает предположение о размещении здесь фортификационных сооружений в ахеменидскую эпоху. Здесь же обнаружено свыше 20 бронзовых втульчатых наконечников стрел (некоторые деформированы), а также несколько каменных ядер для метательных машин. Вероятно, это свидетельства штурма, которому подверглось укрепление, но хронология наконечников не позволяет установить, кем были вооруженные этими стрелами лучники. Часть наконечников, видимо, связана с пребыванием в Келенах персидского, а возможно и эллинистического гарнизона.

Результаты изучения подъемного материала удалось уточнить благодаря геофизической разведке, которая проводилась с использованием геоэлектрического, электромагнитного и геомагнитного методов (К. Мисиевич, В. Матэ, Р. Шапули, М. Дрюэ). Методом геомагнитной разведки доступная поверхность холма Ичлердже обследована практически целиком. Выявлены следы планировки и идентифицировано несколько зданий. Геофизическое обследование свободного от застройки участка на холме Топтепе показывает, что слои до глубины около 2 м здесь сильно нарушены. Ниже обнаружены древние строительные остатки, однако определить их характер не удастся. На плато к востоку от скалы Сучикан, где ряд исследователей локализует дворец Ксеркса, разведка не выявила строительных остатков, по меньшей мере, до глубины 3 м, за исключением его юго-западной части, где локализуются значительные структуры на площади 40×30 м, напоминающие по своим очертаниям въездные ворота.

Кроме того, исследовались остатки стадиона, расположенного к юго-западу от холма Ичлердже. Первоначально на поверхности было видно лишь четыре блока в два ряда, но после расчистки удалось вскрыть семь рядов ступеней. Электромагнитная разведка позволила выявить еще не менее пяти ступеней ниже уровня земли. Зафиксированные в северо-восточной части аномалии позволяют предполагать, что здесь находилось дугообразное завершение стадиона. Стадион датируется не позже эпохи Августа.

Параллельно с этими работами проводились систематические разведки в самом городе Динар, который перекрывает часть древнего города и окружающих его некрополей. Их целью была фиксация древних архитектурных элементов и обработанных блоков, находящихся *in situ* или использованных вторично при строительстве. Они были описаны и

сфотографированы, с помощью GPS зафиксированы их координаты; результаты внесены в ГИС.

Во время разведок в Динаре и в его окрестностях, обследовано значительное число греческих и латинских надписей: всего их обнаружено 62, 14 оказались уже опубликованными, 48 ранее не издавались. Все они относятся к римскому времени. Большая часть — надгробия, однако есть и общественные надписи, в частности почетные декреты.

Большое внимание было уделено разведкам в окрестностях Динара. Одной из наших задач было выяснение топографии некрополей, что, кроме самостоятельного интереса, может указывать на границы города. Обнаружено несколько крупных некрополей общей площадью ок. 150 га; все они подвергаются интенсивному разграблению. На всех некрополях представлены различные типы погребений: скальные гробницы, погребения под небольшими насыпями, иногда с фаллообразными надгробиями, плитовые могилы без насыпей, монументальные саркофаги, погребения в терракотовых саркофагах. Особо внимания заслуживает обширная двухкамерная гробница, видимо, эллинистической эпохи, стены и потолок которой частично вырублены в скале, а частично сложены из крупных квадров. Крупнейшим из погребальных сооружений является курган высотой ок. 10 м, находящийся в восточной части северного некрополя на естественном холме. Курган по своим размерам и расположению близок знаменитому кургану в Татарлы, в 40 км от Динара, под которым располагалась деревянная гробница V в. до н.э. с уникальными росписями греко-персидского стиля (Summerer, 2007).

В 6 км к юго-востоку от Апамеи, между деревнями Бюлючалан и Дикиджи, уткрито укрепленное

поселение, расположенное на плато, господствующем над долиной. На поверхности хорошо видны остатки крепостной стены; площадь укрепленной части около 2 га. Строительные остатки в некоторых местах видны на поверхности, в других их наличие подтвердила геомагнитная разведка. Собранные керамики и черепица относятся к римской и эллинистической эпохам. Непосредственно под поселением в долине обнаружен обширный некрополь, вероятно с ним связанный. К нему, очевидно, относятся и многочисленные надгробия римского времени, обнаруженные в разное время в Дикиджи; их опубликовано 11, еще два обнаружены нами.

Итак, есть все основания считать первый сезон работ на Келенах — Апамее успешным и надеяться на столь же удачное продолжение.

* Первый этап исследований (2008–2010 гг.) проводится при финансовой поддержке Agence National de la Recherche (Франция) и Deutsche Forschungsgemeinde (Германия) в сотрудничестве с Археологическим музеем Афиона. В работах первого сезона приняли участие исследователи из России, Франции, Германии, Турции, Польши и Румынии.

Bucler W.H., Calder W.M., 1939. Monuments and Documents from Phrygia and Caria. MAMA VI. London.

Carradice I.A., 1998. The Dinar Hoard of Persian Sigloi // Studies in Greek Numismatics in Memory of Martin Jessop Price. London.

Summerer L., 2007. Picturing Persian Victory: The Painted Battle Scene on the Munich Wood // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 13.

Topbaş A., 1987. Un sarcophage d'Apamée de Phrygie // Revue archéologique. № 2.

Topbaş A., 1991. Dinar tiyatrosu kazısı // 1 Müze kurtarma kazıları sonuçları. Ankara.

В. Д. Кузнецов
Институт археологии РАН

Исследования в Фанагории*

Фанагория является одним из крупнейших городов Боспора, столицей его азиатской части. Городище расположено на двух плато и имеет форму прямоугольника. Часть города затоплена морем. В соответствии с античной традицией, Фанагория является колонией Теоса, основанной одновременно с Абдерой в середине VI в. до н.э. Как известно, жители Теоса в полном составе покинули свой город в результате осады персидскими войсками. Однако Геродот и Страбон, от которых нам известна эта история, говорят только об основании Абдеры и не упоминают Фанагорию. Для объяснения такого молчания

можно предположить, что Фанагория была основана чуть позже Абдеры и через ее посредство. Хорошо известно, что теосцам в Абдере пришлось вести длительную и тяжелую войну с местными племенами пеонов. Из-за тягот этой войны некоторые жители новой колонии могли переселиться под руководством Фанагора на берега Черного моря.

Фанагория до сих пор остается малоизученным памятником. Причины заключаются как в больших размерах города, так и в мощности его культурных напластований. Общая площадь Фанагории в эпоху расцвета в IV в. до н.э. превышала 60 га. В центре

Рис. 1. Горн, сложенный из горловин амфор (530–520-е гг. до н.э.).

городище на краю верхнего плато находится холм, который является историческим ядром города (более 1 га). В 1995 г. в центре этого холма были начаты исследования на раскопе площадью 900 м² (раскоп «Верхний город»). Толщина культурного слоя здесь достигает 6,5 м. Раскопки показали, что на холме в более позднее время находился акрополь Фанагории. Самый поздний слой датируется IX в. н.э. В течение 15-векового периода на холме велись активные строительные работы, в результате которых многие

слои были сильно повреждены или полностью уничтожены.

В слое архаического времени обнаружены многочисленные следы жизнедеятельности человека в виде углей, золы, конструкций, напоминающих очаги, многочисленных развалов сырцовых кирпичей. В разных частях раскопа обнаружены фрагменты стен зданий VI в. до н.э., которые были построены из сырцовых кирпичей. Как правило, от стен остаются только нижние ряды кирпичей. Иногда высота стен

Рис. 2. Стена из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте (вторая половина VI в. до н.э.).

Рис. 3. Склад хиосских амфор первой половины V в. до н.э.

достигает 8–9 рядов кирпичей. Кирпичи были положены прямо на грунт без какого-либо фундамента. Один из таких домов состоял из жилой комнаты и двора. Общая площадь домохозяйства превышает 65 м². В восточной половине двора обнаружены следы ремесленной мастерской в виде овального пятна глины. Оно представляло собой купол с отверстием наверху, который упал и перекрыл собой необычную конструкцию, сделанную из фрагментов амфор (рис. 1). Она состоит из горла амфоры с плечами, вкопанного в перевернутом виде в землю. Внутри горла находились угли и зола, свидетельствующие о том, что здесь разводили огонь. К этому своеобразному горну была подведена труба, составленная из горловин трех амфор. По всей видимости, через нее осуществлялась подача воздуха в горн. В нем плавил небольшие порции металла, хотя никаких его следов не обнаружено. Строительство дома датируется 530–520-ми гг.

Остатки мастерской во дворе дома дают возможность предположить, что здесь жил ремесленник, который занимался своим ремеслом еще в Теосе. В нижней части одной из стен его дома обнаружен клад серебряных монет (162 экз.). Это самый круп-

ный клад архаического времени, когда-либо найденный на Боспоре. Совершенно очевидно, что хозяин дома спрятал свое немалое состояние в минуту опасности. В отечественной нумизматической литературе распространено мнение о том, что первые монеты на Боспоре были чеканены в Пантикапее в середине VI в. до н.э. Однако в последнее время проявляется тенденция к омолаживанию времени начала чеканки первых монет. Стилистический анализ монет из фанагорийского клада позволяет говорить о том, что наиболее поздние из них датируются первой четвертью V в. до н.э. Именно в это время клад и был спрятан. Наиболее же ранние из них относятся, по всей видимости, к последней четверти VI в. до н.э. Находка большого клада не только свидетельствует о высоком уровне развития экономики Фанагории в ранний период ее истории, но и говорит о возможности накопления крупной суммы денег в результате занятий ремеслом (возможно ювелирным).

Одно из зданий (300) отличалось от всех жилых домов большой площадью, которая превышала 75 м². По всей видимости, оно имело общественное назначение. В пользу этого говорит и то, что из всех зданий, найденных на раскопе, только у него был

Рис. 4. Жилой дом 502 хазарского времени.

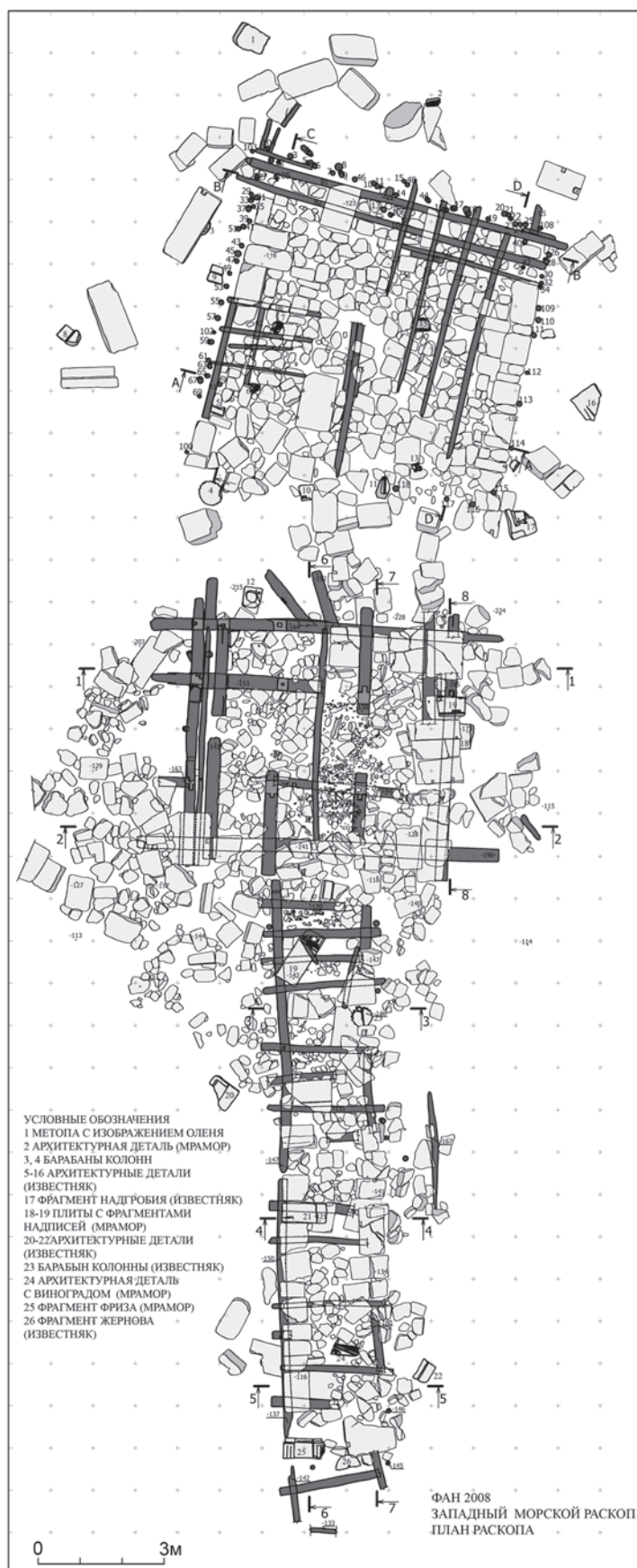

Рис. 5. План подводного фундамента.

каменный фундамент, на котором стояли стены из сырцовых кирпичей (рис. 2). В нем обнаружены терракотовые статуэтки и некоторые другие находки, которые дают основание предположить его культовый характер.

Помимо зданий, построенных из сырцовых кирпичей, на раскопе обнаружены конструкции, заглубленные в материковый песок. В одном из них обнаружен склад хиосских амфор (рис. 3), в других найдены следы ремесленной деятельности в виде кусков шлаков, бронзы, пемзы, углей. Таким образом, эти котлованы служили для хозяйственных и ремесленных целей. Наземная их часть была построена, по всей видимости, из обмазанных глиной плетней.

Все здания и постройки, открытые на раскопе, имеют одну и ту же ориентацию – с северо-запада на юго-восток. Это означает, что вскоре после своего прибытия колонисты начали строить город по единому плану. Этот план не был регулярным, с прямыми улицами, делящими город на равные кварталы-инсулы. С другой стороны, застройка не была стихийной. Колонисты построили вновь основанное поселение очень компактно, предварительно распланировав поверхность холма так, что все здания имели одинаковую ориентацию. Даже после прекращения существования домов VI в. до н.э. котлованы, выкопанные на их месте, продолжали сохранять прежнюю ориентацию. Позднее ориентация зданий начинает постепенно изменяться. В результате этого в IV в. до н.э. кварталы города уже были ориентированы строго по странам света.

Исследования в Фанагории показали, что греческие переселенцы из Теоса построили на холме по единому плану поселение общей площадью более 1 га. Это свидетельствует о том, что в Фанагорию прибыло не очень большое количество колонистов. Однако уже к началу V в. до н.э. город начинает разрастаться и к концу столетия его размеры, видимо, исчислялись несколькими десятками гектаров. С самого начала своего существования Фанагория имела тесные связи с метрополией, Ионией. Об этом свидетельствуют археологические материалы. Раскопки в Фанагории свидетельствуют о довольно обильном импорте товаров, перевозимых в амфорах. Речь в первую очередь идет, конечно, об оливковом масле и вине. В VI в. до н.э. эти продукты в город поступали из нескольких средиземноморских центров – Хиоса, Клазомен, Милета, Лесбоса и некоторых других полисов. Количественно преобладают хиосские амфоры. Расписная керамика не была важной статьей импорта и скорее выступает в роли указателя направлений торговли.

Таким образом, Фанагория в архаический период была быстро развивающимся полисом. По своему архитектурному облику это был типичный для своего времени греческий город. К началу V в. до н.э. Фанагория по своим размерам становится одним из

крупнейших городов Боспора. Находки монет и кладов, письма на свинцовой табличке о продаже раба из Ольвии в Фанагорию (Vinogradov, 1998), а также другие факты, говорят о высоком уровне развития экономики в этом полисе. Эта экономика была основана на сельском хозяйстве, при важной роли ремесла и торговли.

На восточном участке раскопа «Верхний город» открыты жилые кварталы последнего периода жизни Фанагории. Здесь исследовано четыре дома хазарского времени. Один из них (дом 15) состоял из четырех помещений, другой (дом 502) – из двух больших помещений, расположенных по сторонам небольшого узкого коридора (рис. 4). От домов 503 и 504 сохранилось по одному помещению. К югу от дома 502, где были открыты врытый в землю пифос и остатки крытой галереи, можно предположить наличие двора. Стены домов, сложенные из сырцовых кирпичей, стояли на каменном фундаменте, сложенном в два панциря «в елку» с забутовкой. Крыши домов были покрыты черепицей, полы представляли собой слой битой глины. Неполная сохранность большинства домов не позволяет точно определить их размеры. Дома были объединены в кварталы, разделенные улицами, замощенными камнями, фрагментами керамики и костями животных.

Раскопки на верхнем плато городища показали, что в хазарское время городские кварталы занимали не только нижнее, но и верхнее плато, где располагался полноценный городской район с редкими для Фанагории большими постройками. Площадь Фанагории с учетом домов этого времени, открытых в северо-западной и юго-восточной частях городища, была не менее 20 га. Судя по состоянию строительных остатков и составу выявленного в открытых домах керамического комплекса, дома были покинуты жителями во второй половине – конце IX в. ввиду какой-то опасности. Материалы из домов, открытых как на нижнем, так и на верхнем плато, свидетельствуют о том, что до последнего момента Фанагория оставалась активно функционировавшим городом, поддерживавшим интенсивные торговые связи преимущественно с Крымом.

Подводные исследования в затопленной части Фанагорийского городища осуществляются в течение уже 10 лет. В последние годы они сосредоточены у западной границы Фанагории. В результате этих работ здесь раскрыт подводный фундамент, который представляет собой своеобразную клетку из бревен, заполненную камнями (рис. 5). Он вытянут с юга на север, т. е. от берега в глубь моря. Фундамент состоит из двух частей – северной и южной. Северный фундамент находится в 160 м от берега. Он имеет форму, близкую к квадрату. Его размеры 8 × 7,5 м. Эта часть объекта ориентирована по оси север – юг с отклонением к востоку на 10–12°. На расстоянии 2–3 м к югу (к берегу) от него открыт

второй фундамент, ориентированный с севера на юг без отклонений. В плане он близок к квадрату ($7,5 \times 8,5$ м). В древности этот фундамент был соединен с берегом специальным переходом, построенным в той же технике – в виде бревенчатой клетки, заполненной камнями. Этот переход имеет ширину около 3 м и открыт к настоящему моменту на длину 15,5 м. Глубина залегания поверхности фундамента от уровня моря равна в среднем 1,5 м.

Вопрос о функциональном назначении подводного фундамента решить довольно трудно. На его поверхности не найдено следов какого-нибудь сооружения или здания. Можно полагать, что конструкция являлась причалом для судов. Косвенно это предположение подтверждается находками, сделанными на дне моря вокруг фундамента. Здесь с помощью подводного детектора металлов найдено несколько сотен свинцовых грузиков, использовавшихся при рыбной ловле, а также керамические и каменные грузила. Помимо грузил найдено большое количество бронзовых рыболовных крючков. Очевидно, что на протяжении длительного времени жители Фанагории ловили с пристани рыбу, как это происходило во все времена. Факт нахождения причала на

относительном мелководье не мог помешать судам подходить к нему. С одной стороны, Таманский залив никогда не был глубоким (максимальная глубина в настоящее время не превышает 5 м), а с другой – для хорошей гавани римского времени достаточно было глубины в 2 м.

Время строительства подводного фундамента определяется находками монет (более 800 экз.) второй половины III – начала IV в. н.э., а также массовым керамическим материалом, преимущественно фрагментами амфор. Абсолютное большинство обломков принадлежит двум типам так называемых «светлоглиняных узкогорлых амфор» – D и F. Эти находки позволяют говорить о том, что подводный фундамент в Фанагории был сооружен в промежутке между второй половиной III и концом IV в. н.э.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 09-01-00528а).

Vinogradov Y.G., 1998. The Greek Colonization of the Black Sea Region in the Light of Private Lead Letters // The Greek Colonization of the Black Sea: Historical Interpretation of Archaeology. Stuttgart.

СЕКЦИЯ 8

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

Н.А. Кренке

Институт археологии РАН

Предыстория Москвы: от эпохи бронзы к средневековой

Задача: на основе анализа археологических источников, комплексных археолого-палеогеографических исследований реконструировать историю хозяйственного освоения и заселения территории бассейна Москвы-реки, начиная с периода становления производящего хозяйства (средний бронзовый век) до появления Московского княжества как государственного образования (XIII в.).

Ценность диахронного подхода, прежде всего, в том, что анализируются материальные остатки исторического действия, происходившего на одной сцене (с учетом незначительных климатических колебаний). Таким образом, появляется возможность более корректного описания различий/сходства культур разных периодов. Еще один аргумент в пользу такого подхода, когда во главу угла ставится конкретная территория, заключается в том, что «сцена» во многом определяла «действие». Именно на этом акцентировали внимание П.Н. Савицкий, а за ним Л.Н. Гумилев, употребляя термин «месторазвитие».

В рассматриваемой теме есть две основные составляющие, требующие подтверждения или опровержения, – это преемственность освоения территории и преемственность культуры.

Решение первой задачи – выяснение особенностей хозяйственного освоения территории, изучение трансформации исходного природного ландшафта в культурный – имеет достаточно ясный алгоритм. Применяя комплексные археолого-палеогеографические методы, сочетая картографирование археологических памятников на макроуровне с изучением ключевых участков, можно ответить на поставленный вопрос.

Решить вторую задачу – проследить континуитет культуры – сложнее. Это объясняется метаморфозами человеческой культуры, которая может стре-

мительно меняться до неузнаваемости. Полярные оппозиции сменяют друг друга (например, в погребальном обряде, керамике), а у археологов обычно нет подсказок, которыми располагают биологи, знающие, что гусеница и бабочка – это одно существо.

Источниковая база. Культурно-хронологическая схема региона представлена в табл. 1. Курсивом выделены проблемные участки, по которым информация скудна. Знаки вопроса означают почти полное отсутствие информации.

Состояние источниковой базы можно представить в виде своеобразного «археологического лото» (табл. 2).

В этом «лото» выделены три уровня состояния наших знаний: 1) полное отсутствие информации (нет заливки); 2) информация скудна (светло-серая заливка); 3) информация достаточна для развернутой характеристики (серая заливка).

Обоснования табл. 2 представлены в табл. 3 и 4, где сведены данные о памятниках археологии, расположенных в пределах современных границ г. Москвы (табл. 3) и в бассейне Москвы-реки в целом (табл. 4).

Таблицы 3 и 4 дают наглядное представление о количестве памятников, известных для той или иной эпохи, что дает основание для выводов о полноте археологической карты. Мы видим, что кривая количества памятников, отраженная на шкале времени, напоминает синусоиду. Ее подъемы приходится на эпоху железа (включая римское время) и на развитое средневековье (древнерусский период). Главный вопрос заключается в том, что означают «провалы» кривой, – реальное отсутствие памятников или пробелы в наших знаниях о них.

Основные достижения. Для железного века четко установлены хронологические рамки «периода расцвета» в результате обширных раскопок поселе-

Таблица 1. Культурно-хронологическая схема Москворецкого региона

Годы	Основные культуры Москворецкого региона	Смежные культуры, оказывавшие влияние
1050–1250	Древнерусский период (формирование «москвичей»)	←Общедревнерусская
900–1050	<i>Начало славянской колонизации</i>	
700–900	???	
400–700	??? <i>Финал Дьяково</i>	←Рязано-окские могильники
200 до н.э. – 400 н.э.	Позднее Дьяково	←Сарматы Верхнего Дона
500–200 до н.э.	Раннее Дьяково	←Скифоидные культуры лесостепи
700–500	<i>Начальное Дьяково</i>	←Бондарихинская культура
1000–700	<i>Текстильной керамики культура</i>	
1500–1000	???	←Поздняково
2000–1500	<i>Фатьяновская</i>	←Позднее Волосово

ний и проведения серийного радиоуглеродного датирования; уточнен тип хозяйства, реконструирован культурный ландшафт на основе анализа спорово-пыльцевых данных, изучения ландшафтной структуры ключевых участков (округа городищ Дьяково, Дунино и др.).

Сформулирована гипотеза «селитебно-хозяйственных комплексов» железного века, согласно которой городища были окружены целой системой объектов, образовавших в совокупности единую хозяйственную структуру (Кренке, 2007). Размер этих «структур» был на порядок больше площади городища, достигая в поперечнике около 1 км. За пределами городищ, но в непосредственной близости от них, найдены многочисленные места постоянной активности, часто приуроченные к выгодным для использования элементам рельефа – стенкам оползневых ступеней и пр.

Для древнерусского времени реконструирована система расселения и землепользования. Сплошные разведки на нескольких ключевых участках, в пер-

вую очередь в долине р. Язвенка (парк «Царицыно», Москва), позволили выявить систему поселений и соответствующих им курганных могильников. С помощью почвенных исследований были диагностированы пахотные горизонты под курганами и, таким образом, локализованы древние пашни. В итоге удалось установить принципиальную схему взаимного расположения поселений, пахотных угодий, могильников в пределах долины реки, оценить площадь земель, подвергавшихся интенсивной эксплуатации, и сделать палеодемографические расчеты (Кренке, 2004; Археология парка Царицыно, 2008).

Новейшие результаты (исследования последних трех лет). Найдены поселения фатьяновской культуры в пойме Москвы-реки (напротив пос. Николина Гора) и на высоком уровне третьей террасы в парке Царицыно. Проведенные здесь археолого-палеоботанические исследования позволили получить первые данные о планировке поселений, материальной культуре, хозяйстве и антропогенных изменениях ландшафта.

Таблица 2. «Археологическое лото» Москворецкого региона

Период/культура	Могильники	Поселения	Данные о культурном ландшафте	Количество радиоуглеродных дат (в скобках – интервал радиоуглеродного возраста)
Древнерусская				26 (870±40)
Начало славянской колонизации				8 (1000–1260)
Эпоха миграций				3 (1400–1520)
Дьяково позднее				230 (1600–2400)
Дьяково раннее				
Дьяково начальное				7 (2490–2840)
Текстильной керамики				
Фатьяновская				3 (3590–3950)

Табл. 3. Источниковые данные по археологическим памятникам на территории г. Москвы

Археологическая эпоха	Поселения		Могильники	Единичные находки	Количество радиоуглеродных датировок
Древнерусский период XII–XIII вв.	62 + город		130	1 (Нескучный сад)	26
Начальный этап славянской колонизации (X–XI вв.)	3 (Данилов, Кунцево, Дьяково-пойма)		1 (Спас-Тушино)	4 (три клада дирхемов, Крылатское)	3
Эпоха миграций	2				Нет
Позднее дьяково «римское время»	28	Всего: 35	1		136
Ранний железный век. Раннее дьяково	32				1
Финальная бронза Текстильной керамики к-ра	4 (Церера, Дьяково, Чертов городок, Мякинино 3)				4
Средняя бронза Фатьяновская к-ра	1		3	20	Нет
Ранняя бронза Волосовская культура	1		-	-	Нет

Проведенные раскопки серии поселений эпохи финальной бронзы/начального периода железного века (селища Царицыно 1, Дютково 3, городище Дютково) позволили установить их хронологические рамки (первая половина I тыс. н.э.), описать слабоизученный тип памятников, прообраз будущих городищ – мысовые поселения, защищенные рвами и не имевшие валов.

При изучении развитого периода железного века (первые века н.э.) получены новые данные, свидетельствующие о том, что земледельческое освоение в этот период не ограничивалось долиной Москвы-реки и ее крупных притоков, а начало распространяться уже и на мелкие притоки. Найдены поселения, удаленные от крупных базовых городищ на 3–5 км.

Важным итогом работ в Царицыно и округе Звенигорода стало то, что удалось четко проследить преемственность в стратегии хозяйственного освоения территории от эпохи бронзы до средневековья.

Впервые в московском регионе удалось описать безынвентарное погребение, совершенное по обряду кремации на стороне, которое датируется начальным периодом железного века (на основании датировки перекрывающего его культурного слоя).

Важен также клад бронзовых украшений I–II вв. н.э., найденный на городище Дютково под Звенигородом. Эта находка существенно усиливает гипотезу о том, что в начале I тыс. н.э. группа населения, проживавшая на городищах дьякова типа в бассейне

Москвы-реки, переживала процесс этнической консолидации, выработала специфический комплекс украшений, получивших массовое распространение в регионе (умбоновидные привески «классического» типа).

Программа работ. Поиск новых поселений фатьяновской культуры и эпохи финальной бронзы, радиоуглеродное датирование, выяснение типа хозяйства и системы землепользования.

Исследование финала дьяковской культуры. Какова была культура Москворечья в третьей четверти I тыс. н.э.? Сопоставима ли плотность заселения в третьей и второй – первой четвертях I тыс. н.э.?

Для изучения эпохи начала славянской колонизации необходимо исследовать основные поселенческие центры (Хотяжи). Выявить этнокультурные компоненты колонизации, определить даты, в том числе по радиоуглероду, провести сравнение дат по контексту и керамике.

Для древнерусского периода задача заключается в этнокультурологическом осмыслении феномена культуры населения Московского региона. Это население выработало в рамках общедревнерусской культуры особый комплекс украшений, включая семипастные височные кольца московского типа. Продуктивное «типотворчество» населения Москворечья на рубеже XII–XIII вв., связанное с эволюционными рядами украшений восточного славянства X–XI вв., расцвело в регионе подобно последнему цветку на стебле фрезии.

Таблица 4. Данные об археологических памятниках на территории бассейна Москвы-реки
(по данным АКР и автора)

Археологическая эпоха	Поселения		Могиль- ники	Единичные находки	Количество радиоугле- родных датировок
Древнерусский период XII–XIII вв.	444		803		26 (870±40)
Начальный этап славянской колониза- ции (IX–XI вв.)	17		3		8 (1110±120 1260±40)
Эпоха миграций	7				3 (1400±80 1460±40 1520±140)
Позднее дьяково «римское время»	162	Всего: 255		1	230 (1600 – 2400)
Ранний железный век. Раннее дьяково	162		1		
Финальная бронза (Текстильной керамики к-ра Постпоздняково Поздняковская к-ра)	19				7 (2840±70 Подол 2710±80 Подол 2590±70 Чертов городок 2570±60 Селецкое 2510±60 Церера 2500±40 Церера 2490±70 Церера)

Вполне вероятно, что изготовление в XII–XIII вв. устойчивых форм украшений-этноидентификаторов свидетельствует о мобилизации этнического сознания населения, которое уже в начале XIII в. стало известно как москвичи. Именно это могло стать одним из важнейших факторов последующего возвышения Москвы. Эта гипотеза требует детальной проверки на основе доступных археологических источников.

Археология парка Царицыно / Авт.-сост. Н.А. Кренке. М., 2008.

Кренке Н.А., 2007. Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью // РА. № 1.

Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М., 2004.

СЕКЦИЯ 9

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ЕВРАЗИИ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Е.В. Вдовченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Пространственные представления кочевников Нижнего Дона в раннем средневековье (предварительные замечания)

Ориентация в пространстве – важнейшее условие выживания и существования человека. Изучение этого вопроса необходимо для понимания одной из базовых установок людей прошлого – восприятия структуры окружающего их мира. Проблема изучения пространственных представлений у средневековых кочевников Восточной Европы уже привлекала к себе внимание исследователей. Особенно следует отметить статью В.Е. Флёровой, посвященную образу мира в изобразительном искусстве Хазарии (Флёрова, 2001а. С. 136–155).

Мы вынуждены, за отсутствием других источников, исследовать пространственные представления по образам сакрального пространства, дошедшим до нас в материальной культуре населения раннего средневековья. Надо, конечно, отметить тот факт, что в сознании людей той эпохи мир природный и мир сакральный были одним целым, а социум соотносился с космосом, являясь его важнейшей частью. Поэтому изучение сакральной географии и мифологических образов позволяет понять пространственные представления древнего населения. Сакральный центр социума был центром мира. Он обозначался алтарем, святилищем, храмом, мировым деревом или мировой горой. Маркерами центра могли выступать как отдельные атрибуты (например, очаг рода), так и избранные личности, в качестве которых выступали предводители племени. Исходя из обозначенных выше универсалий культуры, мы можем сопоставить их с памятниками материальной культуры средневековых кочевников Восточной Европы. Конечно, подобная методика должна применяться с большой осторожностью, однако она уже доказала свое право на существование и удачно апробирована, например, в исследовании духовной культуры скифов.

Популярным образом являлось мировое древо (мировая гора) – центр космоса, организующее его в вертикальной проекции, пронизывающее три сферы вселенной. Образ мирового древа и мировой верти-

кали встречается в рисунках на камнях, кости, угадывается в растительном стиле на пряжках и накладках поясов. Особенно интересен костяной футляр с изображением дерева из Кастырского VI могильника (к. 2, п. 6; Житников, 1985. С. 44. Рис. 127). Сидящие у его подножия две птицы, 3 симметричные пары ветвей, устремленных вверх, а также ствол, «вливающийся», переходящий в пространство верхнего мира, говорят нам о том, что это – мировое древо. Меандр по нижнему краю и поясок треугольников по верхнему структурируют изображение, обозначая, возможно, границы верхнего и нижнего миров. В самом костяном футляре было найдено 12 бусин, что тоже может нести в себе закодированную информацию.

Вообще образ мирового древа постоянно фигурирует в тюркике. Например, на известном изображении иранской чаши из Подгорненского IV могильника (к. 2) в розетке в центре композиции можно предположить горизонтальную проекцию мирового древа. Сам сюжет связан, по мнению В.Е. Флёровой, с годовым циклом, и на этой чаше пространственный образ мира тесно смыкается с символами времени. В традиционном обществе пространство и время не разделены и образуют особое единство – хронотоп, чему доказательством может служить и эта чаша. И хотя сосуд произведен в Иране, сюжет, изображенный на нем, очевидно, был понятен кочевникам Подонья.

Аналогом мирового древа служила мировая вертикаль, которая, с точки зрения В.Е. Флёровой, отображалась в рисунках на строительных камнях, кирпичах и астрагалах (Флёрова, 2001а. С. 138).

Еще один популярный образ мира – космос в виде двух чаш. В мифологии саяно-алтайских тюрков небо представлялось в виде купола. Вселенная, состоящая из двух чаш, известна по данным Ригведы и Авесты. Образ земли и неба, соприкасающихся и стукающихся краями, знали монголы, саяно-алтайские тюрки, якуты (Там же. С. 145, 146). С этой иде-

ей можно связать амулеты – парные чаши (так называемые «самоварчики»). В.Е. Флёрова проводит параллели между этими предметами и ригведийской космологией. В индийской мифологии существовала идея небесного и подземного океанов. Космические воды, содержащиеся в земле и связанные с подземным миром, ночью оказывались наверху, образуя ночное небо, а затем проливались живительным дождем (Кёйпер, 1986. С. 158, 159). Эти «самоварчики» могут быть зримым воплощением представления о двух океанах, связанных между собой круговоротом времени. Тем более что у тюркских народов существовало представление о единстве небесной и земной воды (Давлетшин, 2002. С. 11).

Образ мира как чаши несли в себе сосуды, достаточно распространенные в салтово-маяцкой культуре, – баклажки. Концентрические круги, нанесенные на них, – еще один символ упорядоченного космоса. Может быть, они являлись еще и символом мировой горы.

Круг и квадрат – средства моделирования космоса, популярнейшие в традиционных культурах. В горизонтальной проекции Земля во многих традициях имеет форму квадрата, в том числе в мифологии тюркоязычных народов (Кляшторный, 1977. С. 122). Мы можем встретить изображения квадратной в плане Вселенной на кирпичах и изделиях из кости, особенно астрагалах.

При изображении пространства также использовался зооморфный код. В качестве примера можно привести емкость из рога из Саркела – № 459, по работе В.Е. Флёровой (2001б). Однако, поскольку однозначная трактовка как этого изображения, так и других, сейчас вряд ли возможна, расшифровку зооморфного кода пространства можно обозначить как перспективное направление исследования этой проблемы.

В большинстве культур мира есть выраженная ориентация по странам света. Как правило, преобладает ориентация на солнце, т. е. юг и/или восток (Подосинов, 1999). Ориентация обладает значительным сакральным и прагматическим смыслом и является очень консервативной частью культуры. Она проявляется у кочевников в направленности святилищ и погребений. Хорошо известно значение для тюркских культур востока (например, на восток ориентированы святилища и жилища тюркоязычных кочевников). Страна мертвых располагалась в обратном направлении – на западе. У тюркоязычных племен Подонья преобладала западная ориентировка погребений. Эта традиция характерна для подкурганных погребений с ровиками уже с VII–VIII вв. А.А. Иванов отмечает, что среди раннесредневековых подкурганных погребений Подонья с установленной ориентацией 86,4% ориентированы в западный сектор, а 11,6% – в восточный (Иванов, 1999. С. 113). Погребения головой на восток тоже могут отражать

представления о стране мертвых/предков на западе, поскольку лицо покойника обращено на запад.

Интересный материал для анализа пространственных представлений – комплексы типа Соколовской Балки (курганы с квадратными ровиками) в Нижнем Подонье и Поволжье. Мемориальные и погребальные комплексы оставлены, без сомнения, тюркским населением и являются отображением их космической модели. Предположения о местных корнях традиции курганов с ровиками, уходящих в сарматское время (Флёрова, 2001в), противоречат всему комплексу известных нам фактов (погребальная обрядность, материальная культура, данные письменных источников о связях с восточным миром, антропологический облик населения, пришедшего с востока). Исследователи отмечают генетическую близость их поминальным тюркским памятникам – курукам (Комар, 2001. С. 14, 15). Впрочем, бытование в восточноевропейских степях традиции сооружения подкурганных ровиков могло оказать определенное влияние на возникновение аналогичной традиции в раннехазарское время.

Создание погребального комплекса было растянуто во времени. Ровик и вал, которые сооружали при погребальном обряде в первую очередь, выступали, видимо, в качестве границы между мирами. Квадрат обозначал пространство мира мертвых, смоделированного в погребальном сооружении. По мнению В.Е. Войтова, в космографической схеме ровики и валы тюркских памятников дополняли абстрактный круг неба магическим квадратом земли, причем проход в восточной части вала указывал путь из среднего в нижний мир душам убитых врагов или обратное направление душе возмужавшего человека (Войтов, 1989. С. 15). Как предполагают исследователи, вал мог дополняться частоколом. Через 5–6 лет после сооружения ровиков и валов сооружался курган. Что характерно, курган тоже имел квадратную в плане форму (Копылов, 1981. С. 105). Явный параллелизм образа кургана в виде усеченной пирамиды и мировой горы уже отмечался в литературе (Комар, 2001. С. 15). Благодаря этому дух умершего быстро достигал мира мертвых.

А.В. Комар предлагает называть погребально-поминальные комплексы памятников соколовского типа «курганами-куруками»: в отличие от куруков центральноазиатских степей, они содержат и погребения. Интересно, что в Подонье значительный процент составляют поминальные курганы-куруки без погребений. Нижний Дон является зоной наибольшей концентрации «курганов-куруков». Преимущественно на Нижнем Дону находят ровики продолговатой, прямоугольной формы, вытянутые с запада на восток, а также дополнительные П-образные пристройки к основному ровику (Иванов, 1999. С. 132). П-образную пристройку к ровику можно трактовать как территорию, пограничную между миром живых и миром мертвых.

О необходимости существования на пограничье между двумя пространствами особой нейтральной зоны писал А. ван Геннеп (2002. С. 21, 22).

В квадратных ровиках часто встречаются перемычки по углам квадрата. Для сарматских ровиков достаточно типичны перемычки на юг (хотя встречаются перемычки и в других сторонах), что связано, видимо, с общей меридиональной ориентацией, характерной для сарматских культур. Для раннесредневековых ровиков более характерны перемычки на восток. Эти перемычки, видимо, связывают/разграничивают мир живых и мир мертвых. Возможно, эти перемычки оставляли, чтобы через них проходили участники погребального обряда и поминальных действий.

Дать исчерпывающую характеристику традиции курганов-куруков и выяснить ее значение на настоящий момент трудно, тем более что основная масса памятников типа Соколовской Балки еще не опубликована.

Интересно также обратиться к схеме жилых построек этой эпохи, поскольку их структура подчинялась определенным законам. Большое количество юртообразных построек найдено на Правобережном Цимлянском городище. Хотя, как отмечает В.С. Флёров, планировка жилищ и размещение входа на этом городище могли по ряду причин отходить от стандартной ориентации на юг и восток (особенно на территории крепости), все же на памятнике угадываются предпочтения, связанные с южным и восточным расположением входа (Флёров, 1996. С. 19, 20).

В настоящее время в исследовании духовной культуры средневекового населения степной зоны Европы больше вопросов, чем ответов. Исследование образа пространства не исчерпывается указанными направлениями. Для решения этой проблемы

перспективно привлечь торовитику, керамику и графические изображения.

- Войтов В.Е., 1989. Культово-поминальные сооружения VI–VIII вв. на территории Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Геннеп А., ван, 2002. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.
- Давлетшин Г., 2002. Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрок // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань.
- Житников В.Г., 1985 Отчет о работе Константиновского отряда Ростовского госуниверситета в зоне строительства Константиновской оросительной системы в 1984 г. // Архив Археологической лаборатории ЮФУ. Ростов-на-Дону. Ф. 11. Д. 1.
- Иванов А.А., 1999. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.
- Кёйпер Ф.Б.Я., 1986. Труды по ведийской мифологии. М.
- Кляшторный С.Г., 1981. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М.
- Комар А.В., 2001. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк. Т. 2.
- Копылов В.П., 1981. Раскопки курганов в Цимлянском районе // АО 1980 года. М.
- Подосинов А.В., 1999. Ex oriente lux: Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.
- Флёров В.С., 1996. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.
- Флёрова В.Е., 2001а. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.
- Флёрова В.Е., 2001б. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло: По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. М.
- Флёрова В.Е., 2001в. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // РА. № 2.

И.Э. Любчанский

Челябинский государственный университет

Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии

В конце XIX – XX в. под понятием «Центральная Азия» подразумевались пространства к востоку от «Уральского камня», включая территории Казахстана, Монголии, Алтае-Саянской горной системы. Принимая за эмпирически верное определение термина «Центральная Азия», мы можем утверждать, что урало-казахстанские степи если и не входят в это определение, то точно являются ее «западной» периферией.

Географическое районирование урало-казахстанского региона очень сложное. Оно неоднократно рассматривалось в научной литературе (Древняя история Южного Зауралья, 2000. С. 5). Отметим, что урало-казахстанские степи с севера ограничены лесостепной зоной от восточных отрогов Урала до Приобья, с запада – Урало-Мугоджарской горной системой, с юга – Ка-

захским мелкосопочником, а с востока – Усть-Каменогорской ложинной.

Западное расположение урало-казахстанских степей относительно Центральной Азии предопределило значение региона для судеб многих кочевых народов, втянутых не столько в экономические, сколько в геополитические процессы первой половины – середины I тыс. н.э. Они связаны с формированием и относительно продолжительным функционированием новых этнополитических образований поздней древности (гунны, эфталиты, государство Юебань) и раннего средневековья (тюркские каганаты). Это обстоятельство не могло не отразиться и на облике материальной культуры племен урало-казахстанских степей, поневоле включенных в грандиозные геополитические события обозначенной эпохи.

Для урало-казахстанских степей под эпохой «поздней древности» мы подразумеваем конкретный отрезок времени – II – первая четверть VI в. н.э. Внутри него выделяются три хронологических периода: вторая половина II – III в. н.э.; IV – начало V в. н.э.; вторая четверть V – первая четверть VI в. н.э. (Иванов, Любчанский, 2003. С. 86).

Источниковую базу составляют 643 погребальных комплекса. Как правило, это курганные могильники (Большекараганский, Кара-Тал, Магнитный, Новоникольский, Лебедевка и др.) и курганные группы (IV и VI у п. Комсомольский и др.). В особую группу сооружений рассматриваемого периода стоит выделить так называемые комплексы курганов с «усами» (Солончанка I, IX; Городищенский IX, Крутая Гора; Новоактюбинский; Новокондуровский, Султантимировский и др.) (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006).

Надмогильные конструкции погребальных памятников этой эпохи представлены грунтовыми насыпями, «гантелевидными» курганами, кольцевыми, овальными, подпрямоугольными сооружениями, а также курганами с каменными грядами.

Могилы простые, узкие и длинные, прямоугольной с закругленными углами формы, хотя имеются и модификации (заплечики, ниши, подбой). При совершении парных или коллективных захоронений сооружались широкие прямоугольные ямы (могильник Темясово, к. 2, 3, 4). Положение погребенных стандартно: вытянутое на спине, головой на север. В единичных случаях встречаются остатки деревянных колод и гробов «хуннского» типа (Большекараганский, к. 8, Кульминский Пруд, к. 2, Солёный Дол, к. 4). В отдельных курганах выявлены следы огня (Большекараганский, к. 7, Новоникольский к. 4, Явленка, Берлик, Солёный Дол, к. 4).

Погребальный инвентарь представлен различными изделиями: серьгами-лунницами, зеркалами с рельефным орнаментом, фрагментами луков «хуннского» типа, наконечниками стрел, мечами, пряслами, бусами, удилами, предметами, изготовленными

в «полихромном» стиле. Частично удалось зафиксировать остатки деревянной посуды с бронзовыми накладками. Своеобразен и керамический комплекс из погребений поздней древности урало-казахстанского региона.

Корреляция признаков погребального обряда и керамического комплекса позволяет конкретизировать детали хода развития культуры номадов урало-казахстанских степей. Как показывают география и количество курганов II–III вв. н.э., освоение номадами урало-казахстанских степей имело весьма скромные масштабы, а к IV – началу V в. н.э. кочевники урало-казахстанских степей поднимаются к кромке лесостепи и даже углубляются в нее.

Этот процесс был обусловлен событиями эпохи Великого переселения народов и характеризуется появлением в урало-казахстанских степях нового типа памятников – комплексов курганов с «усами». Эти памятники сосредоточены только в урало-казахстанских степях и насчитывают 380 объектов. Степень их изученности невелика – исследовано всего 10% от общего известного их количества. Эти памятники состоят из одной (двух, трех) центральных насыпей и двух каменных (редко грунтовых) гряд-«усов», отходящих от центральной насыпи в восточном направлении на 60–280 м.

Под центральными насыпями на уровне материка располагались остовы лошадей в позе иноходца. Возле конских скелетов найдены предметы погребального инвентаря: колчаны с железными трехлопастными черешковыми наконечниками стрел, накладки на сложносоставной лук, билонные украшения элементов узды, выполненные в полихромном стиле. Уздечные наборы представлены кольчато-стержневыми и двукольчатыми удилами, серебряными наконечниками ремней и пряжками. Среди камней насыпи найдены фрагменты ангобированных сосудов, а на уровне погребенной почвы или в ямках на уровне материка стояли глиняные горшки и кувшины. В одном случае найден бронзовый кованый котелок.

Для погребальных комплексов урало-казахстанских степей II – первой четверти VI в. н.э. выделяются отдельные категории погребального инвентаря с явно выраженными признаками центральноазиатского происхождения. В первую очередь к ним следует отнести мечи, наконечники стрел, части лука, пояса, зеркала и керамику, т. е. предметы вооружения, воинской амуниции и быта.

Традиции употребления категорий погребального инвентаря южно-уральских номадов своими корнями уходят в традиции кочевого мира Центральной Азии. Появление в материальной культуре новых элементов восточного происхождения связано с тенденцией общеисторического порядка, которая стала определять этнополитические процессы в среде номадов всей Евразии, в частности – с этнополитиче-

ской ситуацией в Центральной Азии. Перечисленные категории погребального инвентаря, связанные с традициями центральноазиатского региона, гармонично вписываются в материальную культуру южноуральских кочевников. Это может быть объяснено тем, что именно во II – начале VI в. н.э. в азиатских степях, включая и Южный Урал, происходит становление третьей «империи хуннов», которая до 375 г. контролировала территории от Тарбагатая до Яика и полностью регламентировала жизнь входивших в ее состав народов. Китайские же заимствования, прежде чем попасть в погребения южноуральских кочевников, видимо, проходили адаптацию в среде близких соседей Китая.

После ухода «гуннов» на запад на обширных территориях азиатской части Евразии остались этнические сообщества ираноязычного и тюркоязычного происхождения. Поэтому уход части населения, которую принято называть «гуннами», не стабилизировал

ситуацию в регионе. Это подтверждается появлением в лесостепных районах Южного Зауралья памятников типа Малково-Байрамгулово, формированием в Южном Приуралье «турбаслинской» культуры.

Таким образом, нахождение в погребениях II – первой четверти VI в. н.э. предметов центральноазиатского происхождения отражает многогранные процессы, которые в первую очередь были связаны с внешней политической активностью «гуннов», геммы которых зловеще вспыхивают алыми алмадинами на всем бескрайнем просторе евразийской степи.

Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э., 2006. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск. Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Т. I. Иванов В.А., Любчанский И.Э., 2001. Этнокультурная ситуация на Южном Урале в первой половине I тысячелетия н.э. // Уфимский археологический вестник. Вып. 3.

СЕКЦИЯ 10

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ: УРБАНИЗАЦИЯ, РАССЕЛЕНИЕ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

С.А. Авдусина

Государственный исторический музей

Каменные бусы в контексте культурного слоя пойменной части Гнёздовского поселения

Как известно, бусы – одна из самых многочисленных категорий находок. Они являются предметами импорта. Каменным бусам в отечественной историографии уделялось не очень много внимания. Традиционно бусы из сердолика и хрусталя считаются восточным импортом. Большинство исследователей, в том числе О.И. Давидан, считают, что сердолик попадал на территорию Древней Руси с Кавказа или через Кавказ на Север Европы по Волжскому пути (Давидан, 1988). Вопрос о месте производства хрустальных бус, однако, остается дискуссионным. Ряд исследователей, в том числе Мартин Стенбергер (Stenberger, 1958), считает возможным их производство в Центральной Европе и на юго-западной периферии Скандинавии, но на данный момент доказательств в пользу этой теории мало.

По поводу путей поступления янтаря на Русь также существует несколько точек зрения. Р.Л. Розенфельд считал янтарь, найденный на территории Древней Руси, прибалтийским. В.Н. Зоценко придерживается мнения, что янтарь в X – начале XI в. действительно шел из Прибалтики, однако в XII – начале XIII в. он начинает поступать из Приднестровья (Зоценко, 1985).

Коллекция изделий из полудрагоценных камней, на которой основывается данная работа, небольшая – всего 52 экземпляра целых бус и фрагментов из раскопок пойменной части Гнёздовского археологического комплекса.

Необходимо немного сказать о самом памятнике. В пойме Днепра на данный момент изучены следующие участки:

1) на границе пойменной части и террасы (раскоп П-2), где зафиксированы остатки жилых построек, возведенных в начале XI в. (Мурашева, Авдусина, 2007) и относящихся, таким образом, к финальной стадии существования поселения;

2) территория около оз. Камыши, на которой был расположен ювелирно-кузнечный производственный центр, а также жилые и хозяйственные постройки (раскоп П-8). Сооружения, сменявшие друг друга на этом участке, датируются второй четвертью X – рубежом X–XI вв. (Мурашева, Ениосова, Фетисов, 2007);

3) участок на северо-восточном берегу оз. Бездонка, которое, возможно, использовалось в качестве внутренней гавани (раскоп БД-1). Обнаруженные деревянные настилы могли быть остатками портового хозяйства древнего Гнёздова. Напластования на данном участке в целом могут быть датированы в рамках X в.;

4) участок в районе южной границы распространения культурного слоя, вблизи берега древнего русла Днепра, практически на «пляже», где была исследована смолокурная яма и целая группа углубленных построек, возможно складов (?). Исследованные объекты могут быть датированы в рамках X в.

На всех четырех участках, исследованных на пойменной части Гнёздовского поселения, найдены бусы, изготовленные из камня (табл. 1).

Самыми многочисленными оказались бусы, изготовленные из горного хрусталя и сердолика. Всего на памятнике найдено 19 хрустальных бус и фрагментов: 5 шарообразной формы, 6 – 14-гранной, 4 – битрапециодных граненых с пояском, 2 – эллипсоидные 6-гранные, 1 эллипсоидная 4-гранная, 1 призматическая 8-гранная.

На первом месте среди находок сердоликовых бус – 14-гранные (5 экз.), далее следуют шаровидные (4), битрапециодные граненые с пояском (4), плоские дисковидные с пояском по боковой грани (3), призматические 8-гранные (2) и кольцевидная неправильной формы (1).

Янтарных изделий найдено 14. К сожалению, ровно половина из этих находок – фрагменты нео-

пределимых изделий. Из остальных 7 бусин 5 кольцевидных и 2 битрапециодные.

В результате рассмотрения материала становится ясно, что первое место по численности делят между собой шаровидные и 14-гранные бусы. Именно эти формы являются самыми распространенными для X в. на территории Древней Руси и Скандинавии. Особенность нашей коллекции состоит в том, что не наблюдается преобладания сердоликовых шаровидных бус над другими формами, в отличие, к примеру, от таких памятников, как Старая Ладога и Хедебю. В Старой Ладоге шаровидные бусы составляют 68% от общего числа сердоликовых бус. Может быть, такое различие объясняется небольшим размером исследованной на данный момент площади.

Анализ распределения бусинного материала в пойменной части Гнёздовского селища показывает,

что большинство находок из камня сосредоточено в так называемой «производственной зоне» – 27 бус из сердолика и хрустала и 13 янтарных.

В 2004 г. в «производственной зоне» были найдены следы ограды и межевой канавки, которые, видимо, отделяли участок с мастерской от какого-то другого прилегающего участка. Здесь, так же как и на сопредельном участке, найдено большое количество сменяющих друг друга сооружений. На этой территории практически нет находок шлаков и тиглей. После подсчета количества бус, приходящихся на 1 м² в зоне мастерской и прилегающей зоне, получилось, что стеклянных, каменных бус и янтаря в прилегающей зоне примерно в два раза больше, чем в производственной, таким образом, можно предположить, что зона, начинающаяся за изгородью, была жилой. Правда, учитывать количество находок из

Таблица 1. Встречаемость бус на различных участках пойменной части поселения

Материал	Отдел	Тип	П-8 «Произ- водствен- ная зона»	П-2 «Притер- расный участок»	БД «Пор- товая зона»	ДП «При- брежная зона»	Всего	% от общего количес- тва
Хрусталь	Округлые	Шаровидные	3	1	1		5	9,6%
	Граненые	14-гранные	3			3	6	11,5%
		Битрапециодные с пояском	2	1	1		4	7,7%
		Эллипсоидные шестигранные	2				2	3,9%
		Эллипсоидные четырёхгранные	1				1	1,9%
		Призматические восьмигранные	1				1	1,9%
Всего			12	2	2	3	19	36,5%
Сердолик	Округлые	Шаровидные	3	1			4	7,7%
		Кольцевидные	1				1	1,9%
	Граненые	14-гранные	4	1			5	9,6%
		Битрапециодные с пояском	3	1			4	7,7%
		Плоская диско- видная, с пояском по боковой грани	2			1	3	5,7%
		Призматические восьмигранные	2				2	3,9%
Всего			15	3		1	19	36,5%
Янтарь	Округлые	Кольцевидные	1	1			2	3,9%
	Граненые	Битрапециодные	5				5	9,6%
		Неопределенные фрагменты	7				7	13,5%
Всего:			13	1			14	27%
Всего бус:			40	6	2	4	52	100%

янтаря здесь можно только условно, поскольку в зоне, прилегающей к мастерской, найдена только одна целая битрапецеидная бусина, остальные находки представлены обломками. Обращает на себя внимание также тот факт, что большинство предметов из янтаря – это кольцевидные бусины, и то, что находки из янтаря не представлены в зонах, называемых «прибрежными».

Интересна находка двух 14-гранных хрустальных бусин на раскопе в прибрежной зоне – в скоплении, содержащем также две глазчатые бусины, которые имеют, по мнению Кальмера, североевропейское происхождение (Callmer, 1977), и большое количество бисера. К сожалению, понять, было ли это скопление низкой, или бусы были сложены в мешочек для дальнейшей продажи, не представляется возможным.

Изучение стратиграфии залегания бус на раскопах в пойме Днепра показало, что каменные бусы не характерны для раннего этапа развития поселения на данном участке. В ранних ямах раскопа П-8 и ранних слоях раскопа БД, относящихся к началу X в., каменных бус не обнаружено. Следовательно, у нас пока нет оснований говорить о появлении здесь

каменных бус ранее середины X в. Хрустальные шаровидные и граненые битрапецеидные бусы с пояском встречаются на раскопе в притеррасной части селища, которая, как уже было сказано выше, датируется XI в.

К сожалению, сравнить количество находок бус на территории пойменной части селища и на остальной части поселения не представляется возможным из-за большой разницы в методике раскопок. На территории поймы весь культурный слой промывается, что позволяет получить гораздо более полную выборку материала. Для примера можно сказать, что сравнение количества бус, найденных на территории поймы и на территории городища, показало, что в пойменной части каменных бус в пересчете на 1 м² почти на 1/3 больше, чем на городище. Такой результат вызывает у меня большие сомнения.

В заключение хочу сказать, что эта работа является только началом исследования данного типа материала. Я прекрасно осознаю, что для решения проблем, связанных с хронологией и импортом каменных бус, необходимо привлечение материала всего Гнёздовского комплекса.

Д.П. Волков, Н.Н. Зайцев

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск

Городища Амурской области

С древнейших времен человек, наделенный природой инстинктом самосохранения, с целью защиты от врагов использовал для устройства своего жилища скрытые, труднодоступные и удобные для обитания места.

В археологической науке городища – это древние поселения, обнесенные оборонительным валом или многоярусными валами.

На Дальнем Востоке первые городища появляются в эпоху бронзы, однако широкое распространение получают в средневековье. Укрепления строились под различные объекты, в зависимости от их необходимости – города как центры торговли и ремесла или административные центры, крепостцы для защиты от нападения, военные наблюдательные пункты, ритуальные комплексы, остроги и др. В настоящее время они выражены на поверхности «пространством, окруженным валами и рвами» (Яковлев, 1962. С. 8) и встречаются практически повсеместно на территории Амурской области, в особенности в речных долинах.

На территории области, по различным источникам, имеется более ста городищ, отличающихся

друг от друга по размерам, форме, расположению на местности, количеству и качеству искусственных защитных сооружений, назначению, а также по времени возведения.

Ввиду слабой изученности городищ до настоящего времени не выработано единых критериев их классификации. В научной литературе они чаще всего классифицируются по их расположению на местности и размерам. Исходя из такой трактовки, можно отметить, что на территории области имеются следующие типы городищ: 1) малые равнинные; 2) большие равнинные; 3) малые мысовые; 4) большие мысовые.

Тип I, вид 1 – городища «даурского типа». Представляют собой небольшие площадки почти правильной прямоугольной формы (длина стороны от 20 до 60 м), защищенные двумя-четырьмя валами и имеющие сообщения для перехода с вала на вал.

Вход в городище, как правило, один. Он мог быть прямой, Г-образный, реже Z-образный. С напольной стороны вход почти всегда прикрыт небольшим земляным валом.

Городища этого типа имеют хорошо выраженные основания угловых башен, выступающие к напольной стороне; вершины их и в настоящее время возвышаются над гребнями земляных валов.

Располагаются такие городища вблизи водотоков, на небольшом расстоянии от берега – не более 200–250 м. У больших водных потоков они строились напротив острова, как бы прикрываясь им от основного русла реки. Для сооружения городища выбиралось сухое, но не самое высокое место, прикрытое хотя бы с одной стороны естественным препятствием (болото, сырая низина). Городища данного вида прятались в складках местности, и обнаружить их очень сложно.

Возводились эти городища из земли. Других материалов, использовавшихся при строительстве, не отмечено. Возможно, что главную защитную функцию выполняли валы, грунт для возведения которых брался при рытье рвов. Валы и рвы плавно обтекают внутреннюю часть городища, несколько изгибаясь в середине, что позволяло полностью исключить «мертвое» пространство.

Другой разновидностью данного типа городищ, по нашему мнению, являются оборонительные сооружения, идентичные описанным выше, за исключением того, что поверхности городища и напольной части находятся на одном уровне, и гребни валов возвышаются над поверхностью городища, прикрывая его территорию.

Назначение этого вида городищ не вполне ясно. Небольшая защищенная площадь его не позволяла вместить в случае опасности большое количество людей. К тому же из-за малых размеров нападающие могли простреливать его, как говорится, насквозь. Для того чтобы оно выполняло защитную роль, на валах должны были возводиться дополнительные сооружения типа плетня, забора и т. п. Но при осмотре таких городищ различными исследователями каких-либо дополнительных сооружений на валах не отмечено. Поэтому считать, что городища этого вида использовались как оборонительные сооружения, по нашему мнению, не верно.

Отнесение Г.С. Новиковым-Даурским этих городищ к «усадьбам богатых китайцев» (Новиков-Даурский, 1961. С. 34–35) также сомнительно. Ведь если предположить, что городище «даурского» типа является усадьбой, то на его территории должны быть остатки или полуподземных жилищ, или фундаменты наземных. Как на любом поселении, в городище должны быть остатки жизнедеятельности (кирпичи или камень, используемый для строительства кана или другого приспособления для обогрева, фрагменты посуды, кости животных и т. п., чего не отмечает ни один исследователь.

Тип I, вид 2. Ко второму виду малых равнинных городищ мы относим городища, подпрямоугольной формы, защищенные одним валом и рвом. Входов в

городище может быть от одного до трех. Располагаются они на невысоких релках, в непосредственной близости к водоему, и защищены им как минимум с двух сторон. Фортификационные сооружения таких городищ относительно слабы, что, по-видимому, связано с труднопреодолимой местностью вокруг них.

Городища имеют подпрямоугольную форму и ориентированы углами по сторонам света. Защитой их являются один вал и один ров. Длина сторон городищ достигает 70 и 60 м, ширина вала у основания – 2 м, при высоте 0,5 м относительно внутренней поверхности городища. Ширина рва – не более 2 м, глубина – 0,3 м. Угловые башни отсутствуют.

Как правило, в углах городища вал пересыпался для сооружения входа. Так же оборудовался вход примерно в середине юго-западной стенки городища. Ров проходит вдоль внешнего края вала, грунт для сооружения которого брался при рытье рва.

Внутренняя поверхность подобных городищ ровная, занята жилищными западинами округлой формы, диаметром от 2,5 до 4 м и глубиной от 0,5 до 0,8 м.

Городища данного вида, как уже отмечалось, имеют слабую защиту. Это, видимо, связано с особенностями местности вокруг этих сооружений, где основную функцию защиты играет водоем, преодолеть который очень трудно.

Тип II – большие равнинные городища. Количество выявленных городищ этого типа на территории области невелико. Располагаются они обычно на берегу реки или протоки, на невысокой релке. Одна из сторон, как правило, прикрыта естественным препятствием (рекой, протокой, иногда болотом). Площадь городищ может достигать значительных размеров и составляет от 1 до 15–20 га. Городища второго типа имеют геометрическую форму – квадратную, подпрямоугольную или трапецевидную.

Защитные сооружения состоят из одного вала и рва, реже – двух-трех валов и рвов. Башни у сравнительно небольших городищ располагаются по углам. Городища значительных размеров помимо угловых защищены фронтальными башнями, расположенными на расстоянии 50–100 м друг от друга.

Внутренняя поверхность больших городищ может быть разделена валами на несколько изолированных друг от друга площадей, вход в которые у части городищ возможен только с напольной стороны.

На поверхности городищ данного типа исследователи середины XIX – начала XX в. отмечали следы наземных сооружений, расположенных в определенном порядке, и часть поверхности, мощенной камнем. Количество входов внутрь городища различно и может колебаться от 1 до 4. Входы, как правило, прикрыты земляными валами, иногда очень сложной архитектуры.

Как и рассмотренные выше городища первого типа, они приурочены к большим водным потокам. Оборонительные сооружения – валы и рвы – представляли серьезную преграду для нападающих, и это видно даже в наше время, хотя они и значительно оплыли.

На территории городищ второго типа имеются следы постоянного проживания человека. Причем необходимо отметить присутствие на подобных памятниках не только жилищ полуподземного типа, но и наземных построек.

При строительстве укреплений возводились фронтальные и угловые башни как элемент укрепления обороны этих фортификационных сооружений. На некоторых из них предусмотрены дополнительные укрепления в виде валов.

Вход в городища был прямым, но ворота почти всегда прикрывались защитными сооружениями в виде валов или валов и рвов.

Количество башен могло быть различным, и, как правило, это зависело от размеров крепости, ее местоположения и назначения. Площадь вершин основных, угловых башен такова, что на ней можно было разместить как крупное метательное, так и небольшое огнестрельное орудие.

Тип III городищ – малые мысовые. Городища этого типа располагаются на вершине мыса, выступающего в пойму. Склоны мыса имеют значительную естественную крутизну, что повышало защитные свойства городища. Поверхность городищ, как правило, ровная, имеющая незначительный уклон в сторону водного потока. Вблизи почти всегда имеется источник питьевой воды.

Площадь таких городища защищена одним или двумя валами и рвами незначительных размеров. Древние строители умело пользовались рельефом местности и располагали городища на краю мыса, где с трех сторон оно защищено крутыми склонами и лишь одна нуждалась в возведении оборонительных сооружений. Эту не защищенную естественными препятствиями сторону они укрепляли валами и рвами, подходящими к краям мыса; очень часто на подобных городищах наблюдается ситуация, когда в процессе разрастания поселка к основной части пристраивались дополнительные валы и рвы.

Высота валов составляет от 0,6 до 1,5 м, при ширине у основания 3,5 м. Можно предположить, что высота их была в пределах 1,5–2 м. Ров, прикрывающий вал с напольной стороны, в настоящее время имеет ширину до 2,3 м, а глубину – до 0,6 м.

К IV типу – больших мысовых – мы относим городища, площадь которых превышает 1 га. Рас-

полагаются такие городища на мысах надпойменной террасы крупного водного потока, реже протоки, выступающих в его пойму. Высота мысов может быть различной, но не ниже 15–18 м над уровнем водного потока. Площадь этого типа городищ может достигать нескольких десятков гектаров.

Оборонительные сооружения состоят из валов и рвов, дополненных эскарпированием склонов. На некоторых наиболее труднопреодолимых участках валы и рвы могут отсутствовать вообще или иметь незначительные размеры, что на равнине не представляло бы какого-либо препятствия.

Башни как элемент, усиливающий оборону, на больших мысовых городищах возводились только на особо опасных участках и у ворот. На многих они отсутствуют вообще. Высота валов могла достигать 3–6 м, а ширина рвов – 2–4 м, при глубине до 2 м.

На защищенной оборонительными сооружениями площади довольно часто прослеживаются западины жилищ и хозяйственных ям. Вместе с тем, необходимо отметить, что на некоторых городищах следы жилищ не найдены. По нашему мнению, такие городища играли роль военных лагерей или подготовленных пунктов обороны.

Большие мысовые городища, имеющие значительный оборонный потенциал, могли длительное время сдерживать нападение противника, надежно защищать средневековое население укрепленных поселений.

Таким образом, мы рассмотрели все типы оборонительных сооружений, имеющих на территории области. Следует отметить, что количество их велико и в какой-то мере сравнимо с количеством оборонительных сооружений, обнаруженных в Приморском крае. Можно предположить, что на территории области в период средневековья было неспокойно, население ее подвергалось нападениям соседей, что вызывало необходимость строить оборонительные сооружения. Вполне возможно, что данная территория входила в состав какого-то средневекового государственного или протогосударственного образования, западная граница которого проходила по нынешней Амурской области, а восточная – по Приморскому краю, чем и объясняется наличие городищ на этих территориях и отсутствие их в Хабаровском крае и ЕАО.

Новиков-Даурский Г.С., 1961. Историко-археологические очерки. Благовещенск.

Яковлев В.В., 1962. История крепостей. СПб.

А.А. Карпухин
Институт археологии РАН

Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России*

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот новых данных об абсолютных дендрохронологических шкалах средневековых археологических памятников европейской части России, разработка которых продолжалась в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН последние 15 лет. Напомним, что наиболее полно и подробно результаты дендрохронологических исследований памятников Восточной Европы, проводившихся в Лаборатории со дня ее основания до 1992 г., опубликованы в монографии Н.Б. Черных (1996).

К настоящему времени составлены дендрохронологические шкалы 17 памятников – древнерусских средневековых городов. Основные данные об этих шкалах приведены в табл. 1 и на сводной диаграмме (рис. 1).

Тверь. Начало дендрохронологическим исследованиям материалов из раскопок средневековой Твери было положено Н.В. Жилиной (1987; Черных, Жи-

лина, 1997). В 1990-х гг. эта дендроколлекция значительно пополнилась благодаря раскопкам В.А. Лапшина и ТНИИР-Центра под руководством А.Н. Хохлова. Базовой выборкой, составившей своего рода костяк средневековой дендрошкалы Твери, явились материалы раскопа 11 в Тверском кремле. В настоящее время дендрохронологическая шкала Твери имеет протяженность в 850 лет (1064–1914 гг.). Наиболее разработанными ее частями представляются интервалы XIII – первой трети XV и второй половины XVI – первой половины XVIII вв. (Черных, Карпухин, 2004)

Торжок. Первые опыты дендрохронологического анализа материалов г. Торжка предпринимались во второй половине 1980-х гг. (Малыгин, 1983. С. 70; 1987. С. 80–81; Черных, 1996. С. 144–149) в связи с археологическими исследованиями Нижнего городища. Значительно пополнили дендрохронологическую коллекцию работы 1999–2001 гг.,

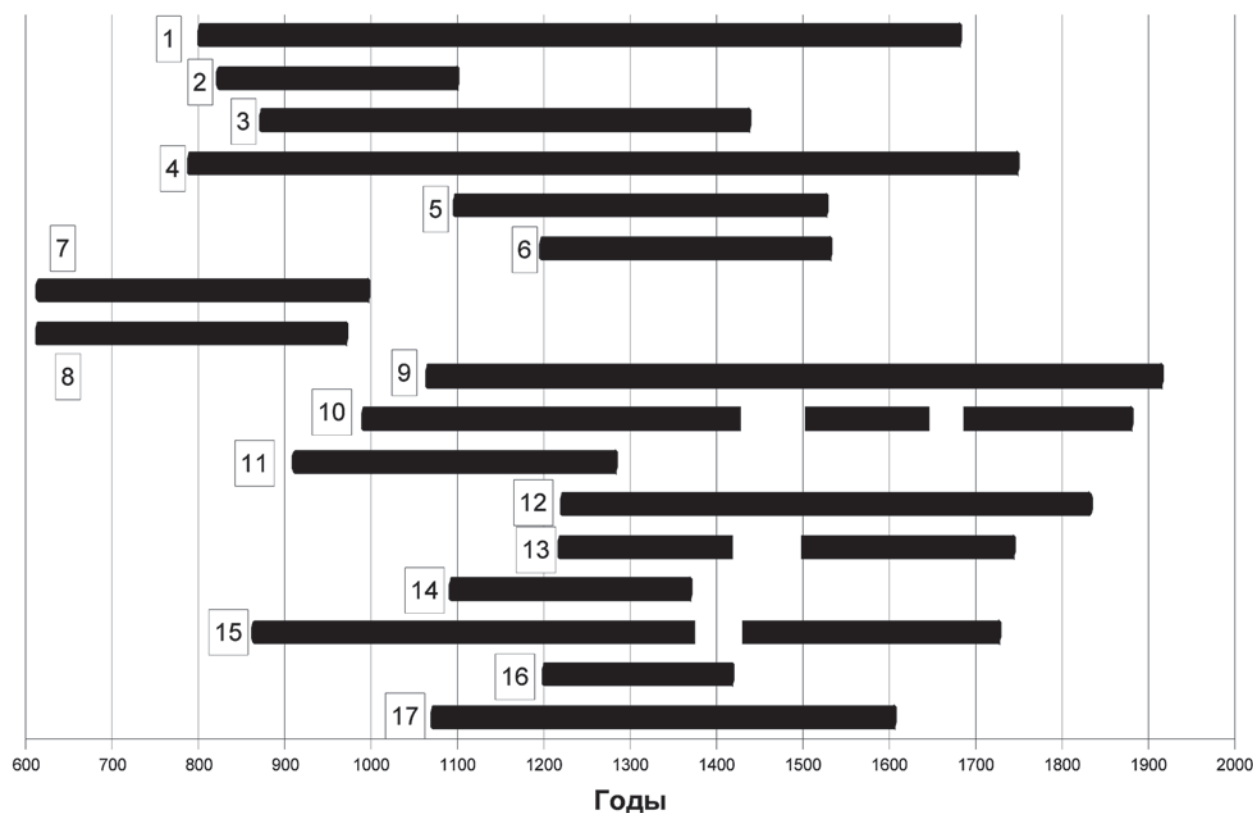

Рис. 1. Протяженность абсолютных дендрохронологических шкал археологических памятников Европейской части России (номера даны в соответствии с табл. 1).

Табл. 1. Встречаемость бус на различных участках пойменной части поселения

№	Памятник	Административный адрес	Количество датированных образцов	Абсолютная дендрошкала (гг.)
1	Новгород Великий	Новгородская обл., г. Новгород	7277	800–1680
2	Рюриково (Новгородское) городище	Новгородская обл., г. Новгород	52	822–1099
3	Старая Русса	Новгородская обл., г. Старая Русса	281	871–1436
4	Псков	Псковская обл., г. Псков	2422	788–1747
5	Орешек	Ленинградская обл., г. Петрокрепость	113	1096–1525
6	Корела	Ленинградская обл., г. Приозерск	35	1195–1530
7	Старая Ладога	Ленинградская обл., г. Старая Ладога	176	613–995
8	Староладожское (Земляное) городище	Ленинградская обл., г. Старая Ладога	313	612–969
9	Тверь	Тверская обл., г. Тверь	504	1064–1914
10	Торжок	Тверская обл., г. Торжок	373	990–1398, 1571–1618, 1648–1879
11	Белоозеро	Вологодская обл., с. Корхинские пески	156	910–1282
12	Кирилло-Белозерский монастырь	Вологодская обл., г. Кириллов	206	1220–1831
13	Вологда	Вологодская обл., г. Вологда	90	1217–1391, 1463–1742
14	Ярославль	Ярославская обл., г. Ярославль	50	1091–1368
15	Ростов Великий	Ярославская обл., г. Ростов	210	863–1348, 1397–1726
16	Коломна	Московская обл., г. Коломна	64	1199–1417
17	Смоленск	Смоленская обл., г. Смоленск	318	1070–1605

проводившиеся в Затверецкой части Торжка, на левом берегу р. Тверцы (Кильдюшевский и др., 2001. С. 91–92; Дубровин и др., 2001. С. 64–66; 2002. С. 144–146; Черных, Карпучин, 2001). По этим материалам удалось составить дендрохронологическую шкалу, рабочей частью которой можно считать отрезок последней четверти XI – первой половины XIV в.

Кирилло-Белозерский монастырь. Работы по дендрохронологическому изучению деревянных деталей (свай и связей стен) из каменных сооружений Кирилло-Белозерского монастыря проводились в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН еще в начале 1970-х гг. Уже тогда удалось не только определить порубочные даты для 43 бревен, но и установить время возведения некоторых построек (Черных, 1982. С. 209–213).

На протяжении 1980-х гг. сотрудником ВСРПО «Союзреставрация» Н.Ф. Сергеевой проводились сборы дендрообразцов из других архитектурных построек Кирилло-Белозерского монастыря.

С 1995 г. в различных частях территории Кирилло-Белозерского монастыря регулярные раскопки проводил НПЦ «Древности Севера» (г. Вологда) (Васильев и др., 1996. С. 29–31; Папин и др., 2004. С. 62–63).

Таким образом, к настоящему моменту имеется 206 датированных образцов (Черных, Карпучин, 2008). Построенная на их базе дендрохронологическая шкала охватывает промежуток с 1220 по 1831 г.

Вологда. Первые поступления образцов древесины из Вологды связаны с археологическими исследованиями 2004 г. НПЦ «Древности Севера» (Суворов и др., 2005. С. 70). Особенно удачной оказалась дендроколлекция, отобранная из свай фундамента ц. Вознесения конца XVII – начала XVIII в., полностью разобранный в 1920-е гг. На этой базе удалось составить дендрохронологическую шкалу, охватывающую хронологический диапазон 1463–1742 гг., рабочей частью которой, по-видимому, можно считать отрезок XVII – первой четверти XVIII в.

Ростов Великий. Появление образцов древесины связано с исследованиями, развернувшимися на

территории Ростовского кремля в 1980-х гг. Тогда же были получены и первые дендрохронологические результаты (Черных и др., 1996). Пополнение дендроколлекции произошло в ходе раскопок на территории т. н. Конюшенного двора и охранных исследований на ул. К. Маркса (Самойлович и др., 2002–2005; 2007).

Все эти материалы позволили составить дендрохронологическую шкалу с 863 по 1348 и с 1397 по 1726 гг. Рабочими отрезками дендрошкалы следует считать интервалы второй четверти X – первой четверти XIV и второй половины XVI – начала XVIII в.

Ярославль. Первые серии образцов древесины Ярославля были получены при археологических исследованиях В.В. Праздников на территории т. н. «Стрелки» (Праздников, 1994. С. 86–87). В настоящее время эта дендроколлекция несколько пополнилась материалами из раскопа 2007 г. в «Рубленном городе» (раскопки А.В. Энговатовой), что позволило проследить динамику погодичного прироста древесины с 1091 по 1368 г. Наиболее «разработанным» на данном этапе исследований является отрезок второй четверти XII – первой половины XIV в.

Коломна. Образцы древесины коломенских средневековых сооружений были собраны в процессе исследований, проводившихся Археологической службой г. Коломны. Все они происходят из раскопок, располагавшихся на территории, ограниченной деревоземляными укреплениями раннемосковского периода XIV–XV вв., которые предшествовали стенам кирпичного кремля 1525–1531 гг. (Мазуров, 2000. С. 56–72). Всего при работах на четырех раскопах было собрано 100 образцов строительного дерева. На базе этой выборки удалось составить дендрохронологическую шкалу с 1199 по 1417 г. Рабочей ее частью является хронологический отрезок последней четверти XIII – третьей четверти XIV в.

Заключение. Таким образом, к настоящему времени составлены дендрохронологические шкалы 17 археологических памятников – русских средневековых городов (табл. 1; рис. 1). По количеству датированных образцов и хронологическому охвату среди них, бесспорно, выделяются дендрошкалы Великого Новгорода, Пскова и Твери.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 06-01-00168а «Дендрохронология археологических и архитектурных памятников Европейской части России». Более полная версия настоящей статьи опубликована (Карпучин, 2009. С. 62–70).

Васильев С.Ю., Папин И.В., Суворов А.В., 1996. Исследования центра «Древности Севера» // АО 1995 г.

Дубровин Г.Е., Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А., Фараджева Н.Н., Шаповалов Р.Г., 2001. Исследования в Торжке // АО 2000 г.

Дубровин Г.Е., Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А., 2002. Археологические исследования в Торжке // АО 2001 г.

Жилина Н.В., 1987. Тверь в период XII–XIV веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Карпучин А.А., 2009. Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 1 (37).

Кильдюшевский В.И., Лагуткина Е.В., Олейников О.М., Степанова Ю.В., Малыгин П.Д., 2001. Исследования в Торжке на Воздвиженских раскопах // АО 1999 г.

Мазуров А.Б., 2000. Оборонительные сооружения Коломны XIV–XV вв. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья: Тр. Музея истории города Москвы. М. Ч. 3. Вып. 10.

Малыгин П.Д., 1983. Раскопки на Нижнем городище Торжка // АО 1981 г.

Малыгин П.Д., 1987. Работы в Торжке и его округе // АО 1985 г.

Папин И.В., Суворов А.В., Мокрушин М.Л., 2004. Исследования НПЦ «Древности Севера» в Вологодский области // АО 2003 г.

Праздников В.В., 1994. Раскопки в Ярославле // АО 1993 г.

Самойлович Н.Г., Асташова Н.И., Комаров К.И., Леонтьев А.Е., 2002. Раскопки в Ростове Великом // АО 2001 г.

Самойлович Н.Г., Асташова Н.И., Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., Орлов В.Н., 2003. Раскопки в Ростове Великом // АО 2002 г.

Самойлович Н.Г., Асташова Н.И., Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., Орлов В.Н., 2004. Раскопки в Ростове Великом // АО 2003 г.

Самойлович Н.Г., Леонтьев А.Е., Кашкин А.В., Комаров К.И., Асташова Н.И., 2005. Исследования Волго-Окской экспедиции в Ростове Великом и Ярославской области // АО 2005 г.

Самойлович Н.Г., Асташова Н.И., Кашкин А.В., Леонтьев А.Е., 2007. Исследования в Ростове Великом // АО 2005 г.

Суворов А.В., Папин И.В., Мокрушин М.Л., 2005. Работы центра «Древности Севера» в Вологодской и Архангельской областях // АО 2004 г.

Черных Н.Б., 1982. Результаты дендрохронологического изучения дерева из построек Кирилло-Белозерского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М. Вып. II.

Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

Черных Н.Б., Жилина Н.В., 1997. Культурный слой Твери по результатам дендроанализа древесины. Ч. I // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь.

Черных Н.Б., Карпучин А.А., 2001. Некоторые результаты дендрохронологического анализа образцов древесины из раскопок в Торжке (по материалам Воздвиженских раскопок) // КСИА. Вып. 212.

Черных Н.Б., Карпучин А.А., 2004. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX вв. // РА. № 3.

Черных Н.Б., Карпучин А.А., 2008. Основные итоги дендрохронологического изучения древесины из культурного слоя Кирилло-Белозерского монастыря // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.

Черных Н.Б., Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г., 1996. Частный аспект хронологии Ростова (по результатам дендрохронологического анализа материалов археологических раскопок) // История и культура Ростовской земли. Ярославль.

И.Н. Кузина
Институт археологии РАН

Стеклянные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки)

Экспедиция Отдела охранных раскопок ИА РАН ведет исследовательские работы в историческом центре Владимира (Мономаховом, или Печернем, городе; квартал 13, по современному административному делению) с 2006 г. За три полевых сезона вскрыто более 2000 м². Раскопками изучены культурные слои XII–XX вв., открыты остатки хозяйственных и жилых построек, в том числе раннего периода освоения этого участка города – середины XII – первой половины XIII в. (Зеленцова, Зоц, 2008; Зеленцова, Кузина, 2009). Многочисленные находки изделий из железа и цветных металлов, керамики, камня, от-

дельные предметы из кости и дерева, фрагменты ткани характеризуют материальную культуру древнего Владимира. Среди индивидуальных находок древнерусского времени на первом месте стоят изделия из стекла, прежде всего браслеты, составляющие около 60% вещевой коллекции. Среди других находок из стекла – бусы, перстни и фрагменты сосудов.

Как правило, при раскопках фрагменты стеклянных сосудов бывают немногочисленными, в городских слоях древнерусского времени они встречаются несоизмеримо реже стеклянных браслетов. Культурный слой Владимира на Клязьме не является исклю-

Рис. 1. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок в квартале 13 г. Владимира.

чением. В вещевой коллекции из квартала 13 соотношение «стеклянные браслеты – сосуды» составило 15 : 1 (исключение – раскоп II по ул. Володарского, 2. О нем будет сказано отдельно).

Среди сохранившихся остатков стеклянных сосудов много мелких, рассыпающихся при извлечении из слоя, фрагментов стенок, толщиной от менее чем 1 мм до 3 мм, однако часть находок все же позволяет реконструировать форму сосудов. Небольшим лампам принадлежали два прозрачных светло-оливковых фрагмента придонных частей. Более половины всех донцов представляют собой поддоны небольших воронкообразных сосудов, датируемых в литературе 30-ми гг. XII – 40-ми гг. XIII в. (рис. 1: 1) (Щапова, 1963). Три донца принадлежали небольшим слабоокрашенным стаканчикам без поддонов, с вертикальными тонкими ребрами. Среди стенок выделяются фрагменты бесцветных тонкостенных сосудов хорошей прозрачности, с горизонтальным рифлением. Несколько венчиков относятся также к тонкостенным сосудам бесцветного стекла, один полупрозрачный голубой. На одних прослеживается едва заметное утолщение, другие имеют четко выраженный загнутый край. Помимо вертикальных и горизонтальных ребер, отдельные сосуды были декорированы широкой голубой полосой и фиолетовыми неопределенной формы пятнами (рис. 1: 2).

Найденные фрагменты, без сомнения, принадлежат как импортным, так и древнерусским сосудам. Подавляющее большинство имеет крайне плохую сохранность, по ним угадывается светло-оливковый цвет стекла и некогда хорошая прозрачность. Видимо, их можно отнести к сосудам киевского производства из калий-свинцового стекла.

Среди этих находок выделяются фрагменты декорированных ближневосточных сосудов. Все они найдены в 2007 г. на раскопе II (ул. Володарского, д. 2) при раскопках жилого дома, погибшего, по всей вероятности, в пожаре монгольского нашествия, и непосредственно примыкавшей к нему территории. Найдены крупные фрагменты двух стакановидных кубков с расширяющейся верхней частью. Фрагменты первого (несколько фрагментов стенок) были найдены в заполнении заброшенного еще до пожара подполья. Стекло этих фрагментов отличной сохранности, бесцветное и прозрачное, с небольшими пузырьками воздуха внутри. Сосуд декорирован несколькими орнаментальными поясками. Основные элементы декора, расположенные в центральной части сосуда, выполнены в виде восьмилучевой розетки с изображением не определимой сейчас фигуры внутри нее. Таких розеток на сосуде было, видимо, две. Поле вокруг розеток и между ними заполнено рядами шариков белого стекла, обрамленными одним рядом синих. Двойной контур розетки, фигуры внутри нее и некоторые другие детали декора выполнены красной эмалью, а эмале-

вый контур заполнен золотом (рис. 1: 3). Вероятно, к этому же сосуду относятся фрагменты венчика с арабской надписью.

Четыре фрагмента второго сосуда (вместе составляющие единое целое) были найдены в заполнении подпола погибшего в пожаре дома, в скоплении зерна под деревянными плашками. Они несут на себе следы воздействия огня: стекло немного помутнело, местами оплавился декор. От первого его отличают округлая форма лучей розетки и размещение фигур: четырехлепестковая розетка, заполненная рядами синих шариков стекла в обрамлении одного ряда белых, расположена между двумя большими птицами (рис. 1: 4). Без сомнения, сосуды, судя по декору, являются парными и сделаны одним мастером.

По стилистическим особенностям оба сосуда относятся к группе изделий из сирийского города Ракка. Розетки-медальоны – в первом случае с прямыми, во втором со скругленными лучами, – дополненные белыми и синими непрозрачными шариками стеклянной зерни, датируются по находкам из Новогрудка XII – 70-ми гг. XIII в. (Гуревич, Джанполадян, Малевская, 1968).

Стиль надписи, красный эмалевый контур датируют сосуды более узко – второй четвертью XIII в. (по находкам в Турове и Слободке). Вероятнее всего, сосуд, найденный в слое пожара *in situ*, позволяет говорить о гибели постройки не позднее середины XIII в., а именно, в пожаре Батыева нашествия.

Вообще заполнения обеих ям подполий были буквально насыщены фрагментами очень мелкого стекла. На небольшом участке раскопа (64 м²) найдены 83 фрагмента сосудов. В заполнении сгоревшей постройки соотношение находок стеклянных браслетов и сосудов (даже без учета самых мелких фрагментов) составило 1:1, а в засыпанной до пожара – 1:2 (!).

Еще два фрагмента сирийских сосудов с широко распространенным декоративным сюжетом (нанесенными золотом с красным эмалевым контуром рыбками) найдены в верхнем, мешанном, слое и в заполнении другой, лишь частично исследованной ямы, в непосредственной близости от построек первой половины XIII в. Сосуды с рыбками относят к дамасской группе, их, как правило, датируют концом XIII – серединой XIV в. Именно так датируются подобные фрагменты из Переяславля Рязанского, Рюрикова городища, Новгорода и других памятников древней Руси (Судаков, Челябин, Буланкин, 1997).

Состав всей вещевой коллекции, собранной на раскопе II, свидетельствует о высоком материальном статусе владельцев располагавшейся здесь усадьбы. В их обиходе среди домашней утвари были как импортные (византийские и ближневосточные), так и древнерусские стеклянные сосуды, в основном кубки, а также лампы.

Новые находки существенно дополняют коллек-

цию импортных стеклянных сосудов древнерусского времени, найденных при раскопках во Владимире. Кроме того, они позволяют несколько пересмотреть существующее сегодня мнение о распространенности этих предметов роскоши среди древнерусской знати. На Рюриковом городище находки фрагментов аналогичных сосудов связываются с княжеской резиденцией (Плохов, 2007), а количество найденной в Новогрудке восточной посуды, объясняемое расположением города по отношению к торговым путям, является по сей день исключительным. Найденные сосуды, вне всякого сомнения, относятся к предметам очень дорогим и относительно редким. Последние находки, сделанные во Владимире и Ярославле, свидетельствуют о том, что и в городах Северо-Восточной Руси в обиходе богатых горожан такие сосуды не были исключительной редкостью.

- Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.
- Зеленцова О.В., Зоц С.А., 2008. Предварительные результаты охранных работ на территории «Печерного» города во Владимире в 2006 году // Археология Владимиро-Суздальской земли. М. Вып. 1.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., 2009. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // Археология Владимиро-Суздальской земли. М. Вып. 2.
- Плохов А.В., 2007. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб.
- Судаков В.В., Челяпов В.П., Буланкин В.М., 1997. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1995 гг. // Славянский средневековый город. М. (Тр. VI Междунар. Конгресса славянской археологии. Т. 2.)
- Щапова Ю.Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117.

Н.В. Лопатин
Институт археологии РАН

Характер развития форм керамики Изборска в XI–XIII вв.

Керамическая шкала в настоящее время признается одной из важнейших опор для исследования хронологии и периодизации истории древнерусских городов. Данное положение справедливо даже для Новгорода (Малыгин, Гайдуков, Степанов, 2001), где сохранность культурного слоя и основанные на ней стратиграфия и дендрохронологические разработки избавляют, на первый взгляд, от необходимости детальной работы с керамикой.

Керамика Изборска изучена до сих пор лишь в общих чертах. В монографии В.В. Седова «Изборск в раннем Средневековье» (Седов, 2007) подведены итоги многолетнего раскопного исследования этого памятника, сделаны наиболее важные обобщения материала. В то же время, эта книга делает очевидной необходимость дальнейшего изучения периодизации памятника при опоре на типологию и периодизацию керамического материала. В.В. Седов разделил историю Изборска на два крупных периода – протогородской и городской, хронологическим рубежом между которыми является конец X в. С первым периодом связано господство лепной керамики, со вторым – круговой.

В книге В.В. Седова приведены пять планов застройки площади памятника на разных хронологических этапах, два из которых относятся к протогородскому (рис. VII, VIII), а три – к городскому (рис. IX, XI, XII) периодам. Эта периодизация застройки сделана эскизно, без детальных обоснований. Керамика фактически также детально не исследована,

хотя в рамках как лепной, так и круговой указаны более ранние и более поздние формы. В целом городской период Изборска (до переноса города с Труворова городища на Жеравью гору) охватывает три столетия (XI–XIII вв.), для которых необходимо разработать по возможности детальную хронологическую шкалу круговой керамики.

В нижеследующем изложении основное внимание обращается на условные хронологические группы, составленные из разных типов, предположительно синхронных.

Не будем здесь углубляться в дискуссию о времени появления круговой керамики в Изборске (см.: Лопатин, 2007). Типичных для Северо-Запада Руси форм раннекруговой керамики X в. в материалах Изборска практически нет, или они крайне немногочисленны. Отчетливо просматривается лишь керамика первой половины XI в., наиболее архаичные варианты которой (рис. 1: 1, 2, 7, 8) появлялись еще в пределах X в. К этому периоду относятся, во-первых, эсвидные горшки с коротким прямо срезанным или слегка заостренным краем; во-вторых, сосуды с цилиндрическим горлом, в-третьих, немногочисленные экземпляры с горизонтальным срезом короткого венчика. Параллели присутствуют, к примеру, в керамике Новгорода – группы I и III по В.М. Горюновой (Горюнова, 2005, с. 98). С.В. Белецкий в материалах Пскова и Изборска называет такую керамику «богатоорнаментированной». Единичные фрагменты (рис. 1: 1, 2), вероятно, относятся к «предкруговой и

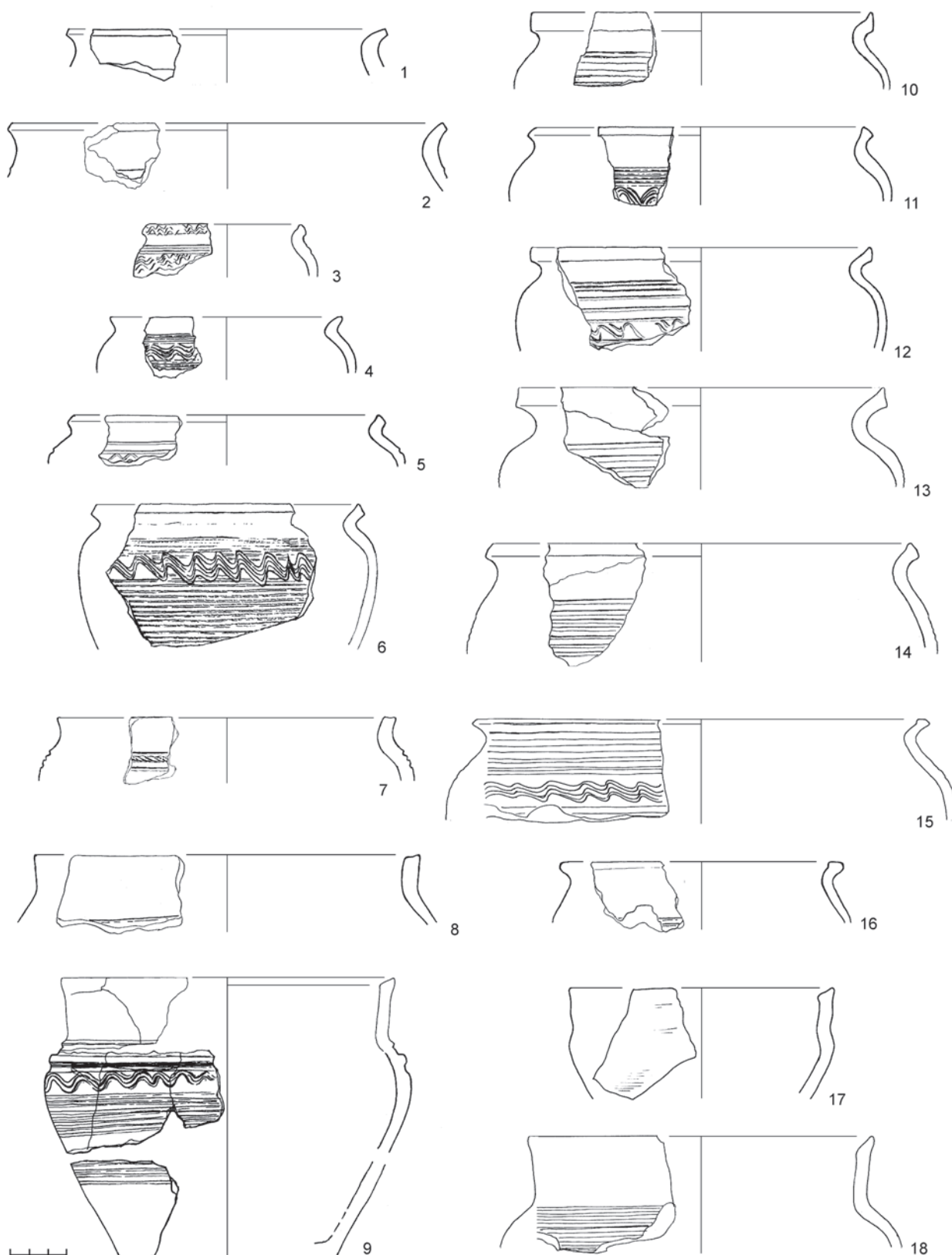

Рис. 1. Формы керамики Труворова городища.

Столбец 1: 1, 2, 5, 8 – ров, нижний слой; 3, 9 – вал, гор. 3; 4 – вал, гор. 2; 6 – площадка, раскоп 1977 г.; 7 – 77-уч.30-кв.М-30-пл.2.

Столбец 2: 10 – 78-уч.32-канавка 1; 11, 13, 14 – вал, гор. 3; 12 – 78-уч.32-кв.Н-23-пл.6; 15, 18 – вал, гор. 3А; 16, 17 – ров, нижний слой

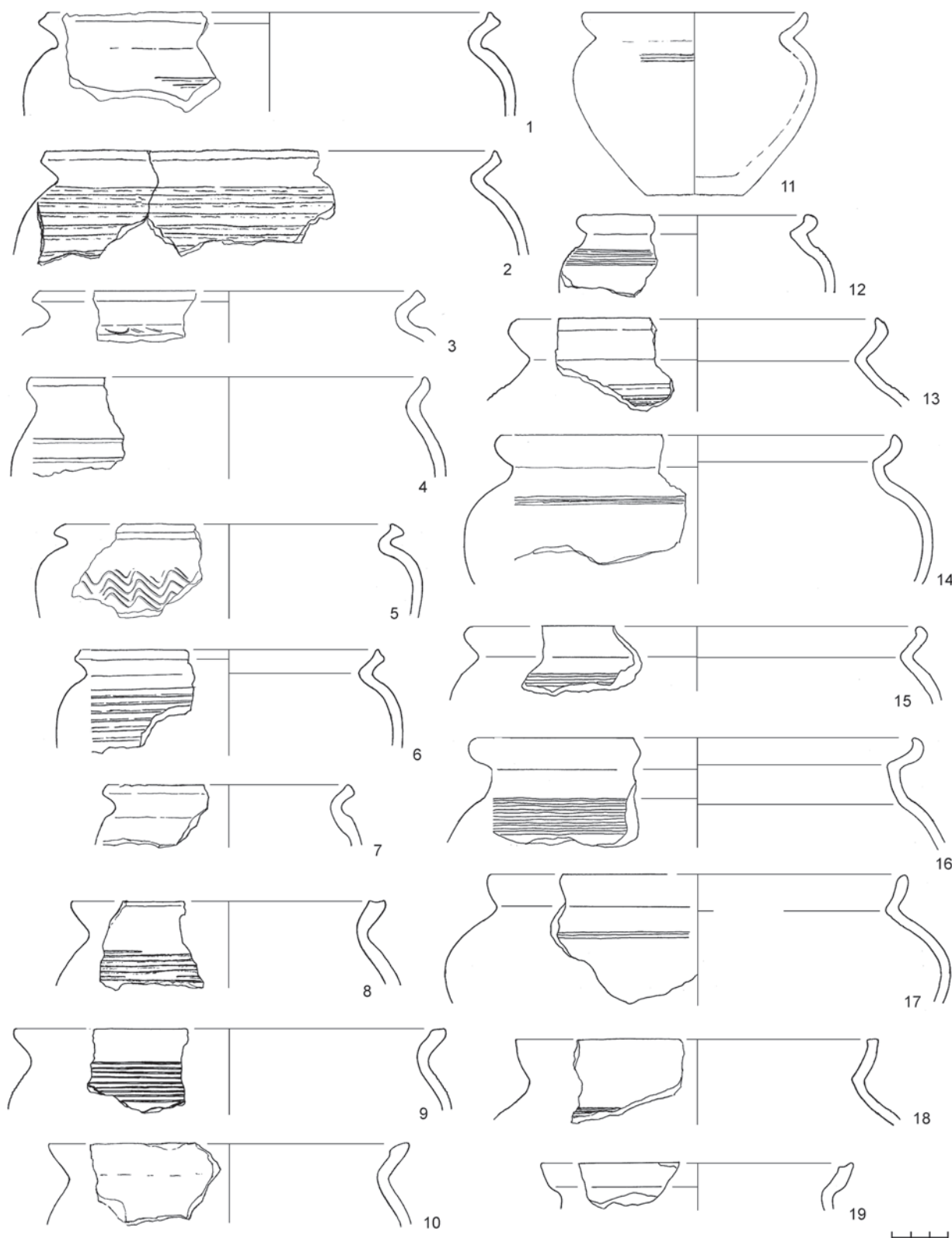

Рис. 2. Формы керамики Труворова городища.

Столбец 3: 1, 5 – ров, нижний слой; 2 – 78-уч.32-кв.П-24-пл.6; 3 – вал, гор. 3А; 4, 9 – вал, гор. 2; 6 – вал, гор. 3; 7 – 77-уч.30-кв.Е-29-пл.1; 8, 10 – 77-уч.30-кв.3-28, пл.2.

Столбец 4: 11 – 77-уч.31-кв.Т-31-пл.2; 12, 13, 14 – вал, гор. 2; 15, 16, 17, 19 – вал, гор. 1; 18 – 77-уч.32-кв.С-24-пл.3.

примитивнокруговой» керамике по С.В. Белецкому. Все эти формы можно объединить в условную хронологическую группу 1 (рис. 1: столбец 1). Они тяготеют к нижним горизонтам культурного слоя Трувора городища, встречаясь во многих случаях вместе с лепной керамикой, но в тенденции располагаясь выше последней. Наиболее вероятно, что эта керамика синхронна дубовому острогу, выделившему в мысовой части городища детинец. Это время можно считать одним из периодов расцвета Изборска, когда он приобрел городскую трехчастную структуру (детинец – окольный город – посад).

Часть керамики, найденной вместе с группой 1 (в тех же стратиграфических условиях), имеет относительно поздние признаки (рис. 1: столбец 2), из которых важнейший – разнообразные оттяжки края сосуда, особенно вверх, когда они образуют желобок или бортик по краю (рис. 1: 10–14). Аналогия – II группа Новгорода (Горюнова, 2005, с. 98). Для сосудов с цилиндрическим горлом поздний признак – скромная линейная орнаментация (рис. 1: 18). Можно предполагать, что бытование керамики данной группы захватывает вторую половину XI в. (условная хронологическая группа 2).

Другая очевидная и наиболее многочисленная группа круговой керамики Трувора городища (хронологическая группа 4) относится к периоду, предшествующему переносу города на новое место. Формы сосудов весьма однородны (рис. 2: столбец 4). Такая керамика хорошо известна также в Пскове и на других памятниках соседних регионов. Главным образом она относится к XIII в., частично заходя в XII и XIV вв. Изборск этого времени уже неоднократно отражен в письменных источниках в связи с событиями противостояния Руси с Ливонским орденом. Выполняя функции западного форпоста Псковской земли, Изборск был укреплен мощной каменной стеной с башней и имел значительное население, свидетельством жизнедеятельности которого является культурный слой, насыщенный остатками сооружений и находками, в том числе огромным количеством керамики. Отличительные особенности керамики этой группы – длинный отогнутый наружу венчик с загнутым вверх в виде бортика краем и заостренный перегиб профиля в области шейки. Распространен вариант, усложненный особым прямым участком профиля ниже шейки, который выделен уступом (рис. 2: 12, 13, 16).

Определив группы керамики XI и XIII вв. (обозначены здесь соответственно как типологические группы 1, 2 и 4), мы несколько неожиданно сталкиваемся с проблемой выявления отдельной группы XII в. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, культурные слои этого времени, очевидно, нарушены в результате строительной активности XIII в. Во-вторых, в материалах Трувора городища весьма малочисленна керамика, традиционно

относимая в Пскове к XII в. – с раструбообразным горлом, прямым или слегка загнутым и скошенным внутрь заостренным венчиком, часто с внутренним наплывом (Кильдюшевский, 2002, с. 11 – тип 2; Королева, Кулакова, Степанов, с. 76 – подгруппа V). В Изборске такие формы редки (рис. 2: 10) и даже отдаленно не могут сравниться с псковскими, для которых характерно многообразие вариантов. С.В. Белецкий считает, что керамика этого времени в Изборске превосходит числом более раннюю, «богатоорнаментированную». Однако ее образцов также приведено совсем мало (Белецкий, Лесман, 2005).*

В наличии напластований XII в. на Труворовом городище сомневаться, кажется, не приходится. В этом согласны сторонники разных точек зрения на историю Изборска (Седов, 2007; Белецкий, Лесман, 2005).** Соответственно, необходимо выявить набор форм XII в. и в керамическом материале. Исходя из неудовлетворительной сохранности комплексов XI–XII вв., обратимся к морфологии самой керамики, происходящей из разных горизонтов.

Удается выявить формы керамики, занимающие промежуточное положение между группами 2 и 4. Их отличительные признаки – удлиненный отогнутый край и тенденция к заострению (усилению резкости перегиба) в области шейки. Объединяем их в условную хронологическую группу 3 (рис. 2: столбец 3). Собранные здесь образцы керамики этой группы занимают стратиграфическое положение, сходное как с группами 1 и 2, так и с группой 4 (см. подпись к рис.). В связи с общей немногочисленностью керамики группы 3 данное наблюдение необходимо проверять на большой выборке материала.

Если изложенная здесь схема хронологических групп керамики верна, то из нее следует вывод об эволюционном развитии керамического набора Изборска на протяжении XI–XIII вв. и об определенных отличиях его от псковского. Первоначальный набор относительно разнообразных типов (рис. 1: столбец 1) развивается в направлении их сближения между собой, в конечном итоге которого складывается стандартизированная группа 4 (рис. 2: столбец 4). Вероятно, от первоначальных эсвидных форм она получает отогнутый венчик, а от форм с цилиндрическим горлом – удлиненность венчика и резкость перегиба в зоне шейки. В то же время, разные варианты оформления края прослеживаются на всех хронологических стадиях: прямые срезы эсвидных горшков через верхние оттяжки превращаются в загнутые бортики, а горизонтально уплощенные и скошенные внутрь края проявляются в сочетании с новыми формами, сохраняя свою относительную редкость.

* Определив перекрывающиеся датировки групп керамики Изборска (вторая половина XI – XII в. и XII–XIV вв.), С.В. Белецкий фактически отказался от выде-

ления здесь керамики собственно XII в. Небольшая подборка разнообразных форм второй половины XI – XII в. (Белецкий, Лесман, 2005, рис. 11), а также текст статьи не проясняют критерии отнесения того или иного фрагмента к данной хронологической группе в материалах статистических подсчетов (там же, табл. 7–10, 14–19).

**** Рассмотрение вопроса о возможной хронологической лакуне в материалах Труворова городища, занимающей часть XII в. и соответствующей времени бытования в Пскове керамики типа 2 по В.И.Кильдюшевскому, оставим за пределами данной статьи.**

Белецкий С.В., Лесман Ю.М., 2005. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В.В. Седова) // *Stratum plus*. № 5 (2003-2004). Кишинев.

Горюнова В.М., 2005. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси

X – начала XI вв. // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб.

Кильдюшевский В.И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб.

Королева Э.В., Кулакова М.И., Степанов С.В., 2002. Керамика средневекового Пскова X–XVII вв. // *АИППЗ. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг.* Псков.

Лопатин Н.В., 2007. Проблемы изучения керамики Изборска // *АИППЗ. Материалы LI заседания, посвященного памяти А.Р. Артемьева*. Псков.

Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // *Новгород и Новгородская земля: история и археология*. Вып. 15. Великий Новгород, 2001.

Седов В.В., 2007. Изборск в раннем Средневековье. М.

С.В. Меснянкина
Институт археологии РАН

Резная кость средневекового Луковца (обзор коллекции предметов из фондов Череповецкого музейного объединения)*

Луковец – одно из древнерусских поселений, возникших на р. Шексне во второй половине X в. Памятник располагался в устье притока Шексны, р. Суды, на территории села Луковец, затопленного в связи со строительством Рыбинского водохранилища. Особенности природного ландшафта участка, на котором располагался Луковец, способствовали формированию на памятнике мощного мокрого культурного слоя. Благодаря этому на Луковце получен обширный материал, существенный для изучения средневекового домостроительства, деревообработки, кожевенного и косторезного ремесла на поселениях, удаленных от столичных центров.

Хранящаяся в Череповецком музее археологии коллекция изделий из кости и рога с Луковца включает находки, собранные в качестве подъемного материала в 1940-х – 2000-х гг., и изделия из раскопок А.Н. Башенькина (1981 г.) и А.В. Кудряшова (1992, 1995, 1996, 1999, 2002 гг.). Она насчитывает 432 предмета, из них 289 являются подъемным материалом. Находки представлены 32 категориями, объединенными в основные группы исходя из их функционального назначения.

Украшения и детали костюма. В числе украшений имеются биконическая роговая бусина, пластинчатая каплевидная подвеска и роговая объемная подвеска-уточка с плоским основанием и вертикальным отверстием. Детали костюма включают

обломок рамчатой прямоугольной пряжки и пуговицы (10 экз.). В их числе 3 костыльковые застёжки и пуговицы с одним отверстием сегментовидного, трапециевидного и прямоугольного сечения. Отдельные находки хорошо заполированы. Одно изделие сплошь покрыто циркульным декором, пять находок украшены пропиленным концентрическим линейным декором. Идентичность форм и размеров отдельных находок с такими изделиями, как пряслица, не исключает того, что они могли использоваться в качестве пряслиц.

Предметы личной гигиены и туалета. Собранные на Луковце односторонние наборные расчески (10 экз.; рис. 1: 1, 2) представляют скандинавскую и балтийскую традиции изготовления этих предметов в X–XI вв. В числе целых предметов – расческа, составленная из трех пластин и двух длинных дугообразных накладок, орнаментированных геометрическим узором, с помощью железных штифтов, и футляр с треугольной спинкой, сложенный из одной пары накладок, украшенных циркульным орнаментом. Кроме того, встречены 7 длинных боковых накладок футляров и расчесок, орнаментированных геометрическим и циркульным декором, и концевая пластина футляра.

Найден единственный экземпляр одностороннего цельного гребня с фигурной спинкой в виде смотрящих в разные стороны головы коней и циркульным

Рис. 1. Поселение Луковец. Предметы личной гигиены и туалета
1, 2 – односторонние наборные расчески; 3–6 – двусторонние гребни; 7–11 – копоушки.

Рис. 2. Поселение Луковец. Приспособления для охоты, снаряжение коня и хозяйственный инвентарь
 1–3 – черешковые наконечники стрел; 4, 5 – томары; 6 – петля налучья; 7 – застёжка; 8 – затыльник;
 9–12 – рукояти ножей; 13 – рукоять шила; 14, 15 – иглы.

декором. По своим пропорциям и стилистическим особенностям находка с Луковца существенно отличается от гребней, известных на городище Крутик, в Прибалтике, Прикамье и Поволжье.

Среди двусторонних гребней (76 экз.; рис. 1: 3–6) преобладают цельные гребни типов Д, М, Л и Н, по классификации Б.А. Колчина. Более половины всех цельных гребней декорированы линейно-поясковым или циркульным орнаментом. Иногда линейный узор дополнялся волной или меандром. На отдельных предметах прорисованы буквы и знаки. Наборных гребней с трапециевидными и сегментовидными накладками найдено 12, часть из них относится к типу К, по Б.А. Колчину.

Найдены пластинчатые и стержневые копоушки (10 экз.; рис. 1: 7–11). Две пластинчатые копоушки сделаны из накладок футляров от наборных расчесок, орнаментированных геометрическим декором. В числе стержневых копоушек есть два предмета с зооморфными навершиями и копоушка со стержнем, декорированным винтовой резьбой.

Приспособления для охоты, походный инвентарь и снаряжение коня. На Луковце встречены два типа наконечников стрел (12 экз.; рис. 2: 1–5) – черешковые и томары. Все черешковые наконечники (9 экз.) относятся к характерным для Европейского Севера типам, существовавшим на протяжении длительного времени – с конца I в. до н.э. по XIV в. н.э. Набор томаров состоит из двух цилиндрических наконечников и одного кубковидной формы. Два точеных наконечника орнаментированы различными вариантами линейного декора, в одном случае дополненного растительным орнаментом. Томар, вырезанный вручную, украшен косыми насечками в нижней половине корпуса. Цилиндрические томары известны в Новгороде с момента основания города вплоть до XV в. (Смирнова, 1994. С. 152–153).

Фрагмент петли налучья (рис. 2: 6) с тремя отверстиями украшен по боковому краю широкими косыми насечками. Аналогичные находки встречаются в древнерусских городах, в Саркеле-Белой Веже и на целом ряде памятников Волжской Болгарии.

В категорию застежек (рис. 2: 7) предварительно включено изделие изогнутой формы с прямоугольным отверстием, вырезанным в поперечной плоскости. Отверстие имеет следы изношенности от длительного использования.

Домашний и хозяйственный инвентарь. Роговые детали рукоятей включают затыльники (5 экз.; рис. 2: 8) и обоймицы (4 экз.). К затыльникам, предназначенным для крепления на торце рукояток, относятся миндалевидные и пятиугольные по форме предметы с отверстиями, в единичных случаях – с двумя отверстиями и железным штырьком. Обоймицы, насаживаемые на черенок ножа, представлены двумя плоскими находками с прямоугольными прорезами. В эту категорию входят два близких по раз-

меру цилиндра, один из которых был выточен на токарном станке и украшен линейным декором.

Роговые и костяные рукояти ножей (21 экз.; рис. 2: 9–12) относятся к 2 типам – цельным с прямым и округлым навершием (15 экз.) и составным (6 экз.). В трех цельных рукоятках сохранились обломки ножей. Одна из рукояток украшена превосходной резьбой. Составные рукояти представлены накладками (5 экз.) и целой рукоятью, скрепленной с черенком ножа четырьмя штифтами. У 4 предметов сохранились железные штифты, 2 накладки декорированы циркульным узором и 1 – рифленным.

Несколько предметов с широким внутренним каналом условно объединены в категорию рукояти орудий (5 экз.). В их числе один фрагмент и четыре целых предмета округлого или овального сечения, длиной от 8,5 до 10,2 см. У одного изделия в стенке с торцевой стороны было высверлено отверстие.

В коллекции имеется фрагмент роговой рукояти шила (рис. 2: 13) со сквозным отверстием, выточенной на токарном станке и орнаментированной многорядным линейным и циркульным декором.

К орудиям труда относится сделанная из ребра прямоугольная пластина с неровным зубчатым краем. Похожие предметы рассматриваются как орнаменты или орудия для сбивания шерсти и скобления мездры (Флерова, 2002. С. 87, 88). Возможно, в качестве подобных орудий использовались еще три находки из плоских костей, имеющих сточенный или зубчатый край.

Иглы (21 экз.; рис. 2: 14, 15) включают целые и сломанные предметы, сделанные из кости и рога животных и костей крупной рыбы. Длина изделий составляет 7,8–9,2 см. Одна из иглок украшена нарезным геометрическим декором. У большинства находок (17 экз.) имеются различные по размеру ушки, расположенные на одном из концов или в средней зоне (14 экз.).

В число игольников (5 экз.) входят два роговых предмета длиной 9 см, цилиндрической формы с замкнутой полостью, украшенные вертикальными валиками и желобками. Изделия имеют по паре узких отверстий, предназначенных для крепления пробок (Флерова, 2001. С. 79). К ним же условно отнесены фрагмент цилиндрического декорированного изделия, размерами 7,5 × 2 см, с одним отверстием и тщательно обработанной внутренней поверхностью, и еще две находки в виде полых костяных трубочек длиной 9,5 и 10,2 см.

Пряслица (30 экз.) представлены дисковидными, цилиндрическими, линзовидными и подтрапециевидными изделиями, вырезанными из рога или выточенными на токарном станке, и полушаровидными пряслицами из эпифизов (12 экз.). Большинство точеных предметов украшено многорядным линейным декором, нередко покрывающим всю поверхность.

Проколки (49 экз.) сделаны из костей животных, отростков рога или плавниковых костей крупной рыбы путем заострения рабочего края. У многих предметов дополнительно обработана торцевая сторона, 18 находок имели округлое отверстие. Имеются экземпляры как с обломанными рабочими концами, так и целые предметы, рабочий край которых залощен. Исследователи полагают, что подобные орудия являлись инструментами для подбивания нитей на вертикальном ткацком станке (Смирнова, 2000. С. 240).

Кочедыки (47 экз.) представлены предметами из кости с заостренным рабочим краем, имеющим линзовидное сечение. Среди них есть достаточно большие по размерам предметы. 26 экземпляров имеют округлое отверстие, многие из них отличаются тщательностью обработки кости и заполированностью поверхности до блеска, что отражает специфику их использования.

Роговая ложка длиной 16 см имеет слегка углубленную округлую лопасть и прямоугольную в сечении ручку. С обратной стороны ручка декорирована поперечными нарезными линиями. Ложка с Луковца по своим деталям сильно отличается от известных находок из Белоозера и ложек Прикамья (Иванова, 1998. Рис. 73–76). Происходит из слоя начала XI в. (Кудряшов, 2006. С. 64. Рис. 15, 7).

Игровой инвентарь. В группу включены 11 предметов, относящиеся к двум категориям. Кости для игры в бабки (2 экз.) сделаны из астрагалов бобра и крупного рогатого скота. Находки имеют залитые свинцом отверстия. В игре использовались в качестве «биты».

Вторая категория – это однотипные кости с отверстиями (9 экз.). Некоторые исследователи трактуют их как брунчалки (гудалки) – духовые музыкальные инструменты; другие склонны видеть в них изделия разного круга – игральные кости, фурчащие детские игрушки, приспособления для сучения нитей, крепления снастей, катушки для ниток (Судаков, 1996. С. 168).

Амулеты. В данную группу включены 18 находок, представляющие две категории предметов – амулеты без отверстий (5 экз.) и подвески (13 экз.). Среди амулетов без отверстий – три клыка медведя, зуб и клык других животных. Пять подвесок сделано из клыков медведя, одна – из таранной кости бобра, шесть – из клыков мелких и средних хищников, и одна – из зуба травоядного животного.

Группа неопределенных предметов состоит из четырех категорий.

К печаткам (1 экз.) относится роговой предмет в форме конуса с ручкой высотой 3,2 см и системой подвешивания, характерной для печаток (Захаров, 2004. С. 223). Отсутствие у нее видимых следов врезного изображения, возможно, объясняется негативным воздействием речной волны на происходящие из размытого культурного слоя предметы.

В категорию накладок (5 экз.) входят различные пластины, как правило с отверстиями, иногда орнаментированные нарезным декором.

Стержни (4 экз.), в том числе и украшенные резьбой, по-видимому, использовались как булавки, копоушки и писала. Вероятность нахождения писал на Луковце косвенным образом подтверждается наличием предметов с процарапанными на них буквами и знаками. Оставшаяся часть находок определена обобщенно – как предметы. Некоторые из них с отверстиями, отдельные вещи сильно фрагментированы.

Группа производственных находок обработки кости и рога (71 экз.) состоит из отходов костной ткани, сопровождающих производственный процесс по изготовлению изделий, и бракованных или незаконченных предметов. В числе отходов опилки, обрезки, стружка, опиленные роговые отростки, расщепленные кусочки кости и рога (55 экз.). Имеются незаконченные или бракованные рукоятки, кочедыки, наконечники стрел и иные предметы.

Рассмотренная коллекция предметов с Луковца представляется весьма интересной. Несмотря на то что отдельные категории предметов нуждаются в дополнительной атрибуции и поиске аналогий, она в достаточной степени характеризует быт и различные стороны хозяйственной и производственной деятельности жителей поселка. Здесь присутствуют изделия, бытовавшие в X–XIII вв., а также в более позднее время. Значительные серии двусторонних гребней, кочедыков, проколов, выточенных на токарном станке пряслиц и других предметов косвенным образом свидетельствуют о существовании на этом памятнике профессионально развитого косторезного ремесла, удовлетворявшего бытовые потребности жителей поселка, и, по-видимому, других видов средневекового ремесленного производства.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М. Кудряшов А.В., 2006. Древности средней Шексны в X–XIV вв. Череповец.

Смирнова Л.И., 1994. Еще раз о тупых стрелах (к вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 8.

Смирнова Л.И., 2000. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. СПб. № 7.

Судаков В. В., 1996. Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань

Флерова В.Е., 2001. Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло: По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. М.

О.М. Олейников
Институт археологии РАН

Предварительные итоги раскопок в северо-западной части Людина конца средневекового Новгорода в 2008 г. (Десятинные I, III, IV раскопы)

В 2008 г. начаты работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода, к востоку от Десятинного монастыря (рис. 1). Точная дата основания монастыря неизвестна. Летопись Авраамки упоминает его под 998 г. В ней указано, что этот монастырь был основан первым епископом Новгорода Иоакимом Корсунянином. Запись гласит: «В Новгороде владыка Аким уряди себе монастырь Десятинный...» (ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 40). Следующее сообщение о монастыре отмечено в Новгородской Первой летописи под 1327 г.: «постави церковь святой богородици Рождество архиепископ Моисии в Десятине» (ПСРЛ. Т. III. Стб. 98). Из Десятинного монастыря сохранилась икона «Успение» начала XIII в., которая сейчас находится в Третьяковской Галерее.

Не совсем ясно также, что послужило причиной названия монастыря. Термин «десятина» в древнерусском языке был многозначен. Десятая часть дохода – церковная десятина – по уставу Владимира Святославича отделялась в пользу церкви. Десятиной называли также княжеские имения, и это, скорее всего, могло дать имя монастырю. Возникший на бывшем княжеском участке земли монастырь стали называть «на Десятине», а позднее – Десятинским или Десятинным (Кузьмина, Филиппова, 2000. С. 5, 6).

Общая исследованная площадь составила 2126 м² (раскоп Десятинный I, площадью 1250 м², располагался к югу от современной улицы Добрыни, раскопы Десятинный III, IV, площадью 876 м², – к северу от нее). Мощность культурного слоя X–XVIII вв. – до 2 м.

Обнаружено около 5000 индивидуальных находок из черного и цветных металлов, кости, янтаря, стекла, камня и керамики и более 345000 массовых находок: кости животных (определение А.В. Зиновьева), фрагменты кожи и обуви (определение Д.О. Осипова), керамика и др. Отобраны образцы зерен культурных и дикорастущих растений. А.В. Долгих выполнены физико-химические анализы образцов грунта ($C_{орг}$, $P_{вал}$, CO_2 карбонатов, pH, потеря при прокаливании, гранулометрический состав, валовое содержание микро- и макроэлементов). Анализ древесины показал, что при строительстве на изучаемой части Людина конца в основном использовалась ель, реже – сосна (настилы улицы и доски). Многие детали построек (подкладки, настилы и др.) изготов-

лялись из лиственных пород – березы, дуба и др. (определение О.А. Тарабардиной).

Проведенные исследования дали новые сведения по исторической топографии Людина конца. В X в. на изучаемой части Людина конца произошло деление территории на наделы канавками шириной 20–25 см, углубленными в материк на 20–30 см. Они располагались вдоль грунтовых дорог, ширина которых в то время составляла около 6 м. Вдоль дороги (впоследствии ул. Волосова), были вырыты широкие и глубокие канавы (рис. 1: Б). В это же время территория стала использоваться под пашню. Пахотный слой прослежен на всей исследуемой площади. В нем обнаружена лепная и раннекруговая керамика, глиняные пряслица, металлический наконечник рала, арабские монеты, стеклянные бусы, поясные бляшки, амулет из клыка медведя и пр.

В конце X в. произошло деление изучаемой территории плетнем на участки. Прослежено несколько хозяйственных ям, относящихся к этому времени, в заполнении которых обнаружены обожженные печные камни. В слое этого периода найдены арабские монеты, стеклянные бусы, накладки, обломки овальных скандинавских фибул, кресты и круговая керамика X – начала XI в.

В 20-е гг. XI в. вблизи Волосовой улицы было построено довольно сложное сооружение, которое можно соотнести с «порубом» (темницей). От этой постройки сохранилась только подземная часть в виде ямы диаметром 5 м и глубиной 3 м. Первоначально стены сооружения были составлены из вертикально установленных широких досок. Между собой они были скреплены перекладиной, вставленной в пазы столбов, расположенных по углам «темницы». В 30-е гг. XI в. это сооружение было перестроено. Поставлен новый сруб (230 × 240 см) высотой около 3,5 м. На дне располагались две лавки, от которых сохранились копылообразные столбы. Глиняный пол подвергался регулярной чистке (на нем не обнаружено культурных наслоений). В центральной части пола располагалось отхожее место в виде ямы. Данное сооружение было обнесено водоотводной канавой и просуществовало около 15 лет. Позже его верхняя часть из-за ветхости была разобрана, а яма заполнена навозом. В навозе обнаружены фрагменты арабских монет, амфор, круговой керамики и бытовые вещи X–XI вв.

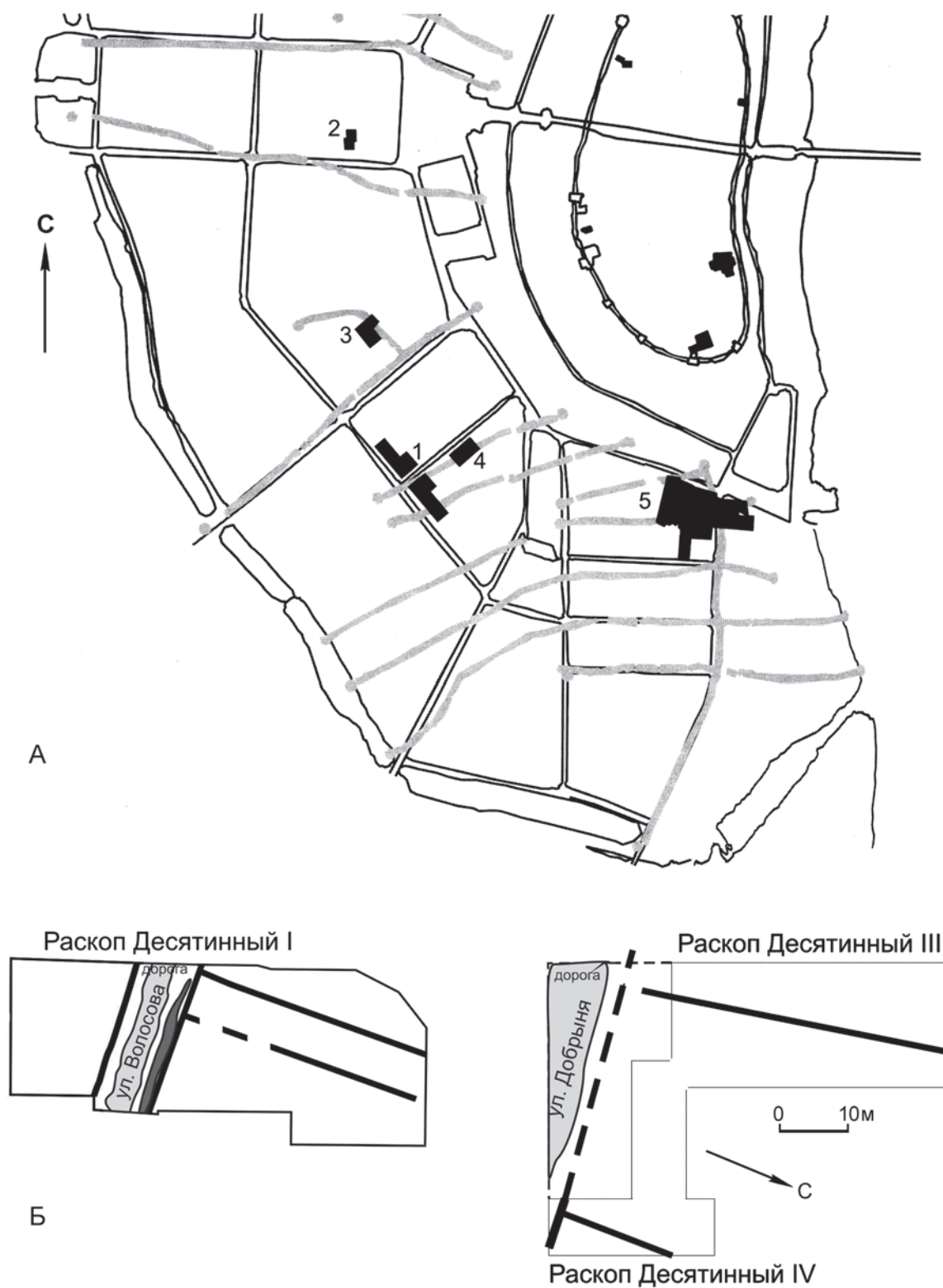

Рис. 1. Великий Новгород. Раскопы в Людином конце. А. Фрагмент опорного историко-археологического плана Великого Новгорода с указанием местоположения археологических исследований: 1 – Десятинный I, III, IV (2008); 2 – Чудинцевский (1947); 3 – Михайлоархангельский (1990–1991); 4 – Добрынин (1999); 5 – Троицкий. Б. Раскопы Десятинные I, III, IV. План межевых канавок X в.

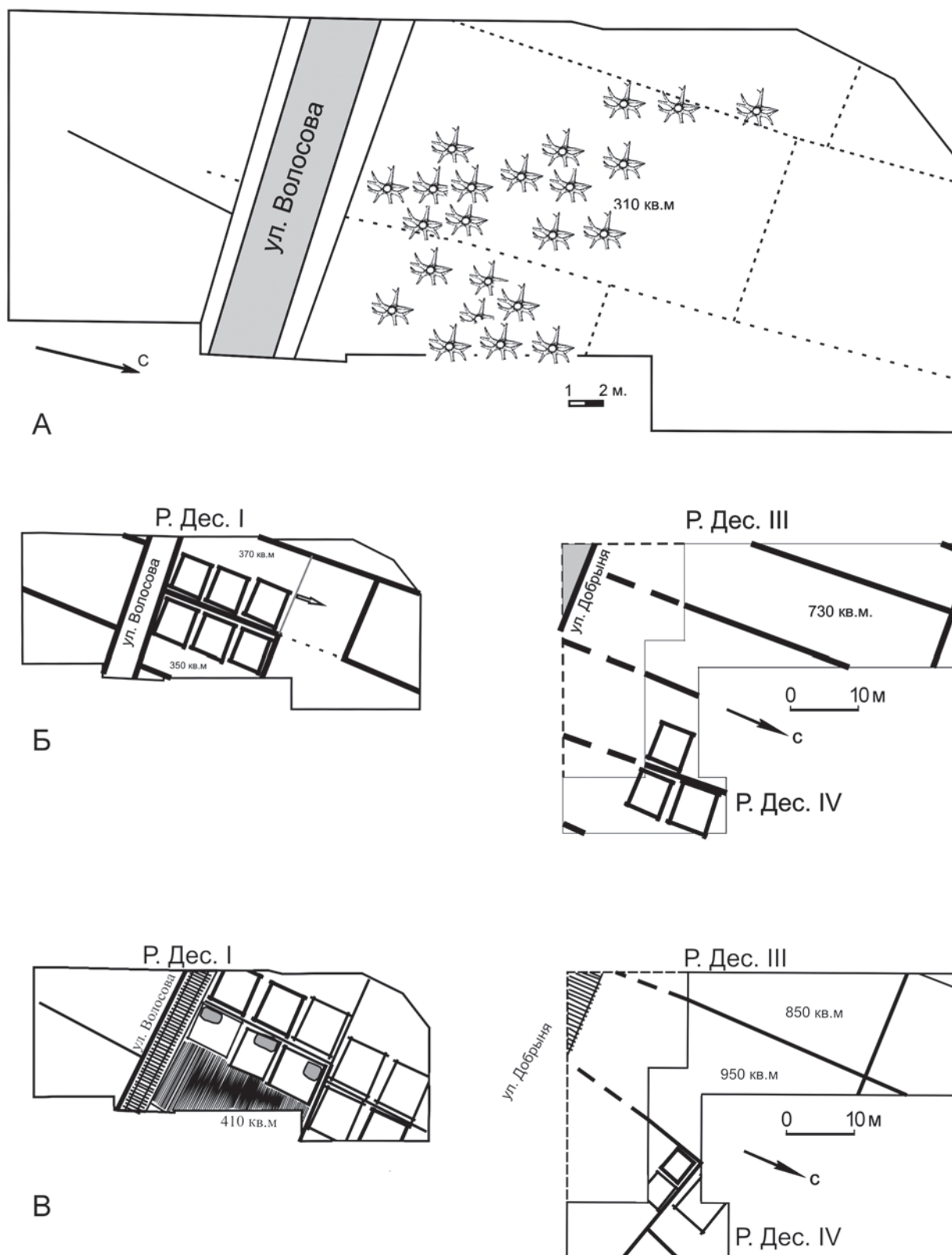

Рис. 2. Великий Новгород. Раскоп Десятинный I. А. План на уровне второй половины XI в. (огород с яблоневым садом). Б. План усадебной застройки в конце XI – начале XII в. В. План усадебной застройки в конце XIII – начале XIV в.

Рис. 3. Предметы «личного благочестия» из Десятинных I, III раскопов:
 1–4 – нагельные кресты (Дес-1-10-85; Дес-1-11-197; Дес-3-7-56; Дес-1-9-38);
 5–8 – кресты-реликварии (Дес-1-3-48; Дес-3-1-92; Дес-3-3-48; Дес-3-7-26);
 9–10 – амулеты-змеевики (Дес-1-1-65; Дес-3-4-2).

Во второй половине XI в. на изучаемой территории был высажен яблоневый сад, который был огорожен плетнем (рис. 2: А). Между яблонями возделывался огород. В этом слое обнаружены западноевропейские монеты, лопаты, косы, ременные накладки, нательные кресты и пр.

В конце XI в. пространство к востоку от Десятинного монастыря было поделено на участки под усадьбы (прослежено 17 наделов) (рис. 2: Б). Обнаружено до 5 ярусов сооружений. К сожалению, верхние ярусы были перемешаны огородом XIII в. На указанной территории обнаружено множество находок, характеризующих хозяйство и быт новгородцев, предметы вооружения, украшения, печати и пломбы. Встречено большое количество крестов (более 100 различных типов), два амулета-змеевика (один изготовлен из свинцово-оловянистого сплава и несет на себе изображение свв. Бориса и Глеба у Древа жизни, другой – бронзовый, с изображением Богоматери «Умиление»), несколько черневых крестов-реликвариев с изображениями Распятия, Богоматери «Оранта» и креста с сиянием в средокрестии (рис. 3). Также обнаружены металлические нагрудные иконки и другие предметы культа, которые указывают на возможное наличие поблизости церковных владений, что косвенно может говорить о ранней дате возникновения Десятинного монастыря в Великом Новгороде.

Прослеженные здесь усадьбы имели площадь от 370 до 1100 м². Дома располагались по одной стороне усадьбы. Обнаружены остатки столбовых опечков в углах домов и дощатые половые настилы. Вдоль столбовых оград усадеб обнаружены синхронные им водоотводные канавки.

Во всех усадьбах XII в. прослежены следы литейного производства с применением различных металлических сплавов (медь, бронза, латунь, олово, свинец, золото и др.) в виде выплесков и отломанных металлических литников, тиглей (один тигель был из железа и содержал остатки свинцово-оловянистого сплава на дне), льячек, литейных формочек, готовых предметов с остатками литейного брака и др. Анализы почвы показали сильную загрязненность ее тяжелыми металлами.

Ювелирное производство представлено пинцетом, ювелирным молоточком и напильником.

Обнаруженные на территории усадеб обрезки кожи говорят о существовавшем здесь производстве или ремонте обуви. Большое количество обрезков кости и рога указывает на наличие косторезного производства.

Значительным количеством и разнообразием форм представлены украшения и детали костюма:

ромбоштитковые и многобусинные височные кольца (золотые с зернью, цельнолитые из олова), колты, браслеты, перстни, стеклянные, каменные и металлические бусины, подковообразные фибулы, нашивные бляшки, металлические пуговицы, грузики, цепочки, бубенчики, привески и амулеты. Также найдены многочисленные ременные кольца, разделители, наконечники, накладки, бляшки, пряжки, крючки.

Предметы быта представлены почти всеми известными категориями: крюками, ушками и фрагментами бронзовых котлов, иглами, проколами, кочедыками, рыболовными крючками, грузилами и поплавками сетей, веслами, металлическими накладками поясных сумок, книжными застегивками, ножами, кресалами, фитильными трубками, топорами, косами, лопатами, оселками и точильными каменными кругами, ключами, замками, каменными жерновами, железными цепями и дверными пробоями, костяными гребнями и наперьями, копоушками, шахматными фигурками из кости и пр..

Обнаружено большое количество пломб и вислых печатей, несколько складных весов для взвешивания мелких предметов, разнообразные гири. Все это также говорит о высоком статусе жителей усадеб.

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и сулиц, боевыми топорами, железными втоками, бронзовым кистенем со знаком (двузубец), кольчужными кольцами, гардой меча.

В слое этого периода обнаружены фрагменты плинфы, половые керамические плитки, смальта, свинцовые витражные рамки.

В начале XIII в. изучаемая территория запустела. Это можно связать с мором (1187 или 1216 г.). С этого времени она была занята огородами. Улицы Волосова и Добрыня на изучаемом участке прекратили свое существование. Лишь в конце XIII в. по бывшим трассам этих улиц были проложены деревянные мостовые, имевшие по сравнению с предыдущими небольшое отклонение на север. Вдоль улиц возникли богатые усадьбы (прослежено 15 наделов площадью от 410 до 950 м²); некоторые дворы были вымощены плахами (рис. 2: В). Срубы размещались вдоль одной ограды, выходящей на улицу. В углу каждого дома обнаружена печь на опечке из бревен, который стоял на столбах. Полы были вымощены досками, уложенными на переводины. Прослежено 7 строительных ярусов, датируемых XIV–XV вв. Обнаружено множество вещей, характеризующих хозяйство и быт проживавших здесь новгородцев. Собрана довольно представительная коллекция печатей.

Слои XV–XVIII вв. сильно перемешаны огородами XVIII–XIX вв.

А.В. Степанов¹, С.В. Трояновский², О.В. Хархордин³¹Новгородская областная федерация подводной деятельности²Санкт-Петербургский институт истории РАН³Европейский университет, Санкт-Петербург

Новгородский Великий мост как археологический объект (по материалам подводных исследований 2005–2008 гг.)

Одним из древнейших гидротехнических сооружений Руси являлся деревянный Великий мост в Новгороде. Необходимость в нем была обусловлена расположением города вдоль берегов р. Волхов, а также гидрологическими особенностями реки, практически не замерзающей в городской черте. Самое раннее упоминание моста приходится на 991 год (ПСРЛ, Т. XXX, С. 38). С 1133 г. мост постоянно фигурирует в летописях (с 1228 г. прибавляется эпитет Великий) как в связи со стихийными явлениями, наносящими ему ущерб, так и в описании городских социально-политических конфликтов. В описаниях XVI–XVII вв. Великий мост выступает как место лавочной торговли, что было характерно в Средневековье для многих стационарных городских мостов.

До начала подводно-археологических исследований вопросы локализации и конструктивного устройства Великого моста рассматривались лишь на основе летописной информации и сравнения с традициями северорусского мостостроения. Иконографические и плановые изображения моста с конца XVI в. до 1820-х гг. показывают тупоугольный излом в его центральной части (Янин, 1999). Перпендикулярно отходя от правого берега (северное окончание аркады Гостиного двора), мост поворачивал на середине реки под углом ок. 25° к северо-западу и подходил к Пречистенской башне детинца. Вероятно, изгиб моста является вторичным и отражает изменения в топографии Софийской стороны, скорее всего, расширение территории детинца (рис. 1, по: Древнерусское градостроительство...).

Конструкции древнейшего периода существования Великого моста (X–XVI вв.) описываются источниками с упоминанием городней. По распространенному в литературе мнению, городне соответствует более поздний термин ряж – срубная конструкция, забученная камнем. (Иванова-Веэн, Хархордин, 2003). Летописные миниатюры и иконографические изображения Великого моста (XV–XVI вв.), с присущей им долей условности, указывают на два возможных варианта опорных конструкций моста: свайные и срубные. Свайные конструкции наиболее экономичны и просты в изготовлении. Из текста контракта 1782 г. и проектного чертежа 1808 г.* очевидно, что пятиугольные в плане срубы опирались на свайные основания опоры. Срубная часть начиналась выше меженного уровня воды и была разделена на горизонтальные и вертикальные секции,

утяжеленные каменной забутовкой в двух промежуточных перекрытиях (мостах), находящихся выше среднего уровня реки. Такая гибридная конструкция позволяла, при всех достоинствах опор гравитационного типа, умеренно стеснять живое сечение реки, а по низкой воде ремонтировать зону переменного уровня опоры, в т.ч. заменяя сваи (Книга записи контрактов...).

На первом этапе подводные исследования проводились дистанционными средствами. Для локализации участка работ была проведена гидроакустическая съемка гидролокатором бокового обзора С-Мах-2 с частотой съемки 780 кГц. Полученное гидроакустическое изображение (сонограмма) показало существование в 40–60 м вверх по течению от существующего пешеходного моста (совпадает с линиями мостов 1830 и 1900 гг.) донной структуры, поперечной руслу реки. Отдельные круглые и Г-образные положительные формы рельефа с интервалом ок. 20 м позволили предположить, что это основания опор деревянных мостов. Совмещение выявленных донных структур с планом 1808 г. позволило идентифицировать их как остатки мостовых опор XVIII века (рис. 2).

Радиозондирование дна георадаром «Лоза» (ВНИИСМИ, г. Химки) показало наличие на исследуемом участке дна погребенных структур, явно выраженных на профиле в виде локальных деформаций и разрывов напластований.

Подводно-археологическими работами 2006–2008 гг. на дне Волхова промыто четыре шурфа (рис. 3). Установлено, что положительные формы рельефа (шурфы 1 и 3) сложены валунами диаметром до 0,5 м, гравием и песком. По всей видимости, это обрушившаяся забутовка верхних строений опор XVIII в. Упомянутая Г-образная структура образовалась в результате разрушения внешних стен сруба, а круглая фиксирует обрушение нижнего моста.

Под валунами погребены верхушки обломанных свай из хвойных пород дерева. Между сваями выявлен культурный слой, сложенный супесью, мощностью до 0,5 м, с большим количеством органических остатков, щепы, раковин моллюсков и антропогенных включений. Верхний горизонт слоя датируется находками монет (до 1812 г.), а нижний – монетами XV–XVII вв. Подстилающий грунт сложен плотным трудно размываемым суглинком с редкими антропогенными включениями в пограничном слое. На этом

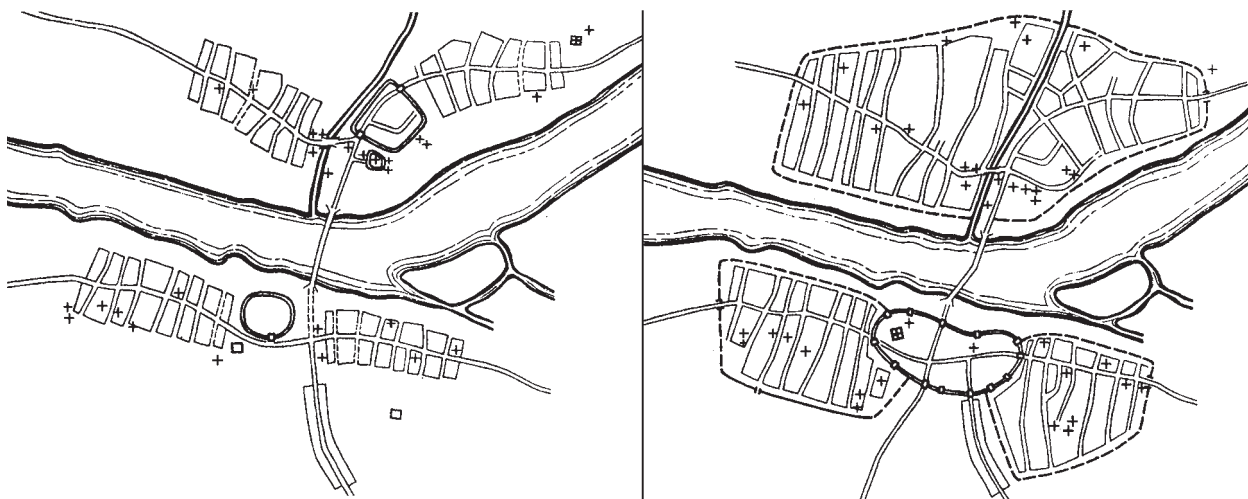

Рис. 1. Схема планировочного развития Новгорода:
 А – в X–XII вв., Б – в XII – конце XIII в.
 По: Древнерусское градостроительство...

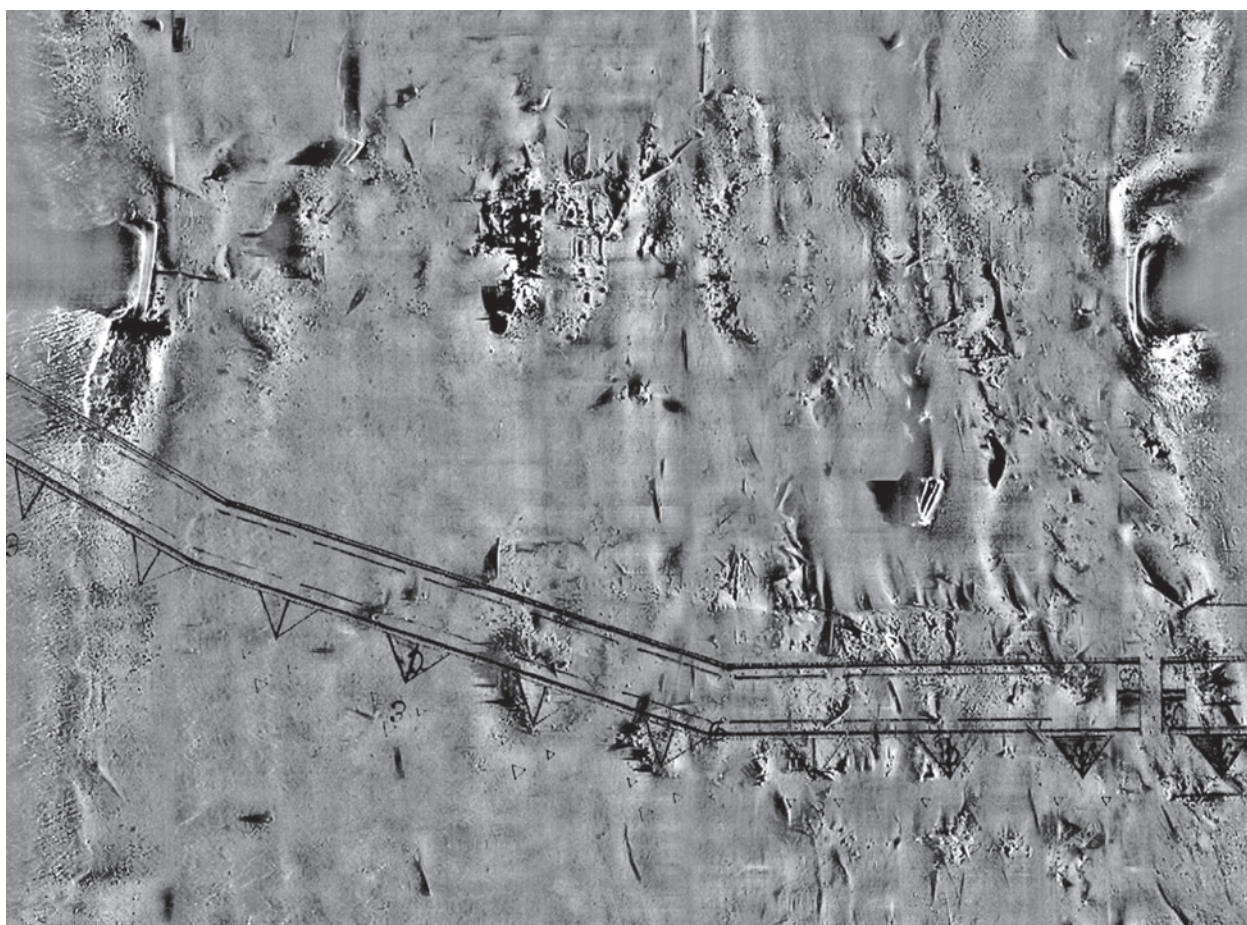

Рис. 2. Сонограмма дна реки Волхов с наложением контуров моста с плана 1808 г.

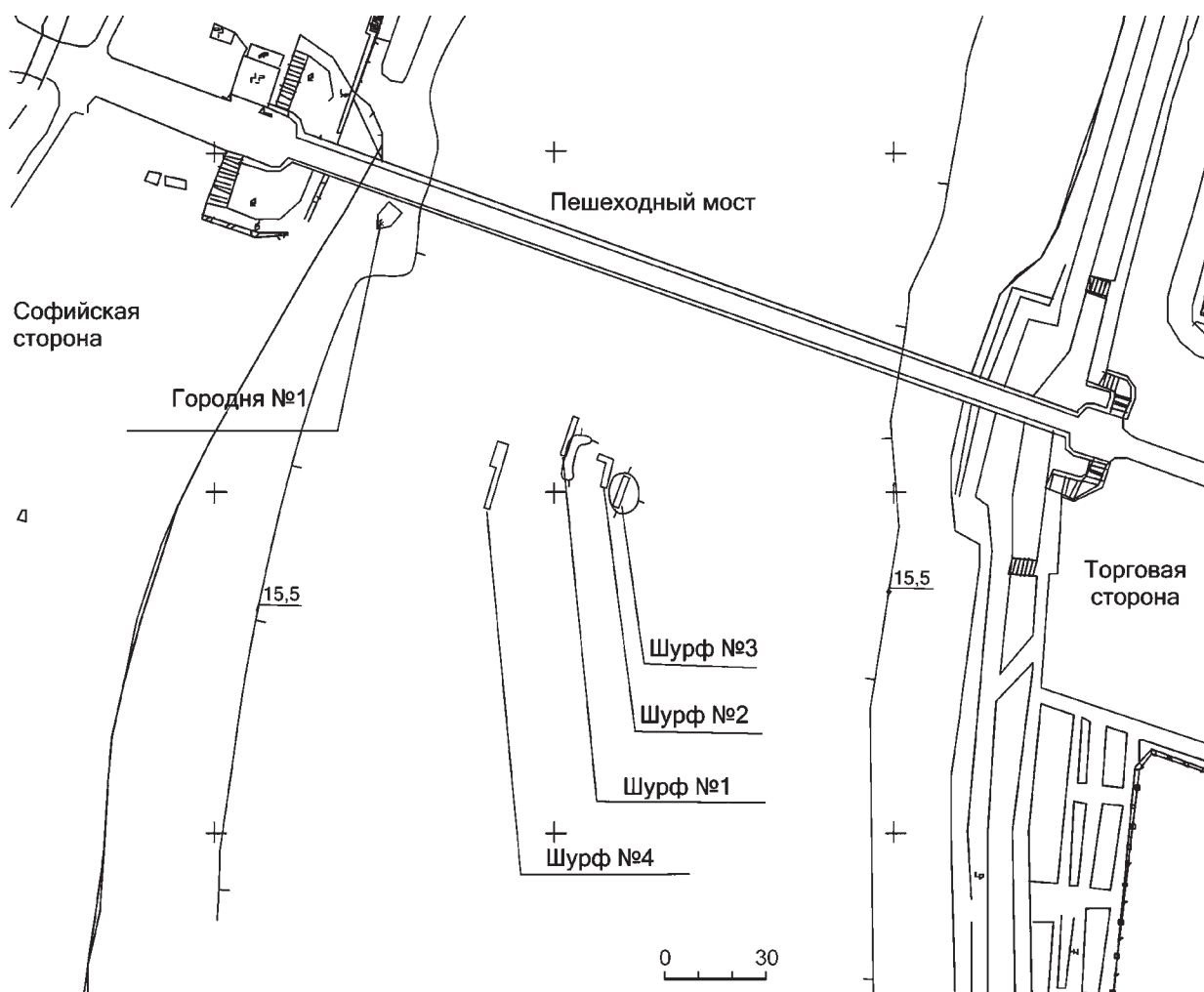

Рис. 3. Ситуационный план шурфов.

уровне при максимальном заглублении дна шурфа на 1,5 м от поверхности каменной осыпи углубление шурфа прекращено.

Плоские участки дна, вскрытые шурфами 2 и 4, не имеют перекрывающей культурный слой гравийно-валунной осыпи. Культурный слой шурфа 2, находящегося в центральной части русла Волхова, перекрыт тонким слоем (до 20 см) речного песка. В шурфе 4, который расположен у основания левого берегового склона, толщина перекрывающих слой наносов значительно мощнее, до 70–100 см.

Хвойные сваи датируются второй половиной XVIII – началом XIX в. (О.А. Тарабардина, ЦОАИ НГОМЗ). Их диаметр 30–40 см, (рис. 4: В), забивались они на глубину до 3 м, конец сваи отёсан на три грани. Между сваями обнаружены в горизонтальном положении фрагменты пластин (плах) имеющих врубки и квадратные отверстия с дубовыми нагелями. Дендрохронологическая дата – 1286 и 1354 гг. По всей видимости, это элементы фермовых конструкций – укосин и подвесок. В шурфах 3 и 4 найдены

дубовые сваи (рис. 4: А, Б). По выдернутым сваям установлено, что забивались они до 1,5 м, слегка затесанной верхушкой вниз. Диаметр свай невелик, в месте отлома не превышает 17 см. Радиоуглеродная датировка (Г.И. Зайцева, ИИМК РАН) показала принадлежность дубовых свай из середины реки к опорам моста XIV в., а у левого берега – XII в.

Состав археологических находок разнообразен и иллюстрирует активную хозяйственно-бытовую деятельность на мосту (рис. 5). Наибольшее количество находок составляют фрагменты керамической посуды и кухонные костные остатки. В среднем на 1 м² подводного раскопа приходится более 90 фрагментов керамики. Есть целые формы сосудов XII–XVII вв.

В шурфах 1–3 найдены 68 монет: 41 из них – пула XV–XVI вв.; 27 датируются от 1701 до 1814 г. В шурфе 4 – 163 монетные находки, лишь 8% из них представляют послепетровский период. Местами плотность монетных находок достигает 21 шт. на 1 м². В шурфе 4 найдена серебряная полтина XIV века.

Рис. 4. Извлеченные из грунта сваи. А, Б – дубовые XIV в., В – сосновая XVIII в.

Сфрагистические находки представлены западноевропейской товарной свинцовой пломбой, вислыми свинцовыми печатями, их фрагментами и заготовками. Найдены две разных государственных печати «Великого Новгорода» XV в., печать владычного наместника, булла тысяцкого Аврама (XIV в.).

Находки из цветных металлов представлены украшениями: шумящей коньковидной привеской, височными кольцами, перстнями, нательными крестами, иконками, медальонами, бубенчиками, пуговками и пряжками. Массово встречаются бронзовые булавки (пус йеппи), орудия рыболовства (крючки, каменные и свинцовые грузила, свинцовая блесна с железным пластинчатым сердечником).

Ювелирное производство представлено каменными формами для литья крестов, привесок и пуговиц, инструментом – железными молоточками, керамиче-

ским тиглем, керамическим соплом, большим количеством лома и выплесков цветного металла.

Вероятными следами торговли на мосту являются железная крица, сельскохозяйственный инструмент – лемех плуга, стопа из девяти лезвий кос. Сверла, бурав, ложка, пешни, лом, багры, ножи и топоры дополняют коллекцию инструментов.

Из бытовой утвари найдены сковорода из медного сплава, железный половник, медная английская ложка и железный двухрожковый светец. Многочисленны находки запорных приспособлений – замков, ключей, скоб и щеколд. Оружейные находки представлены наконечниками пик и стрел, кремневым колесцовым механизмом ружья, пушечными ядрами и пулями, оконечностью ножен меча (XIII в.). Среди изделий из камня – оселки и рыболовецкие грузила. Примечательна каменная нательная икона с изображением

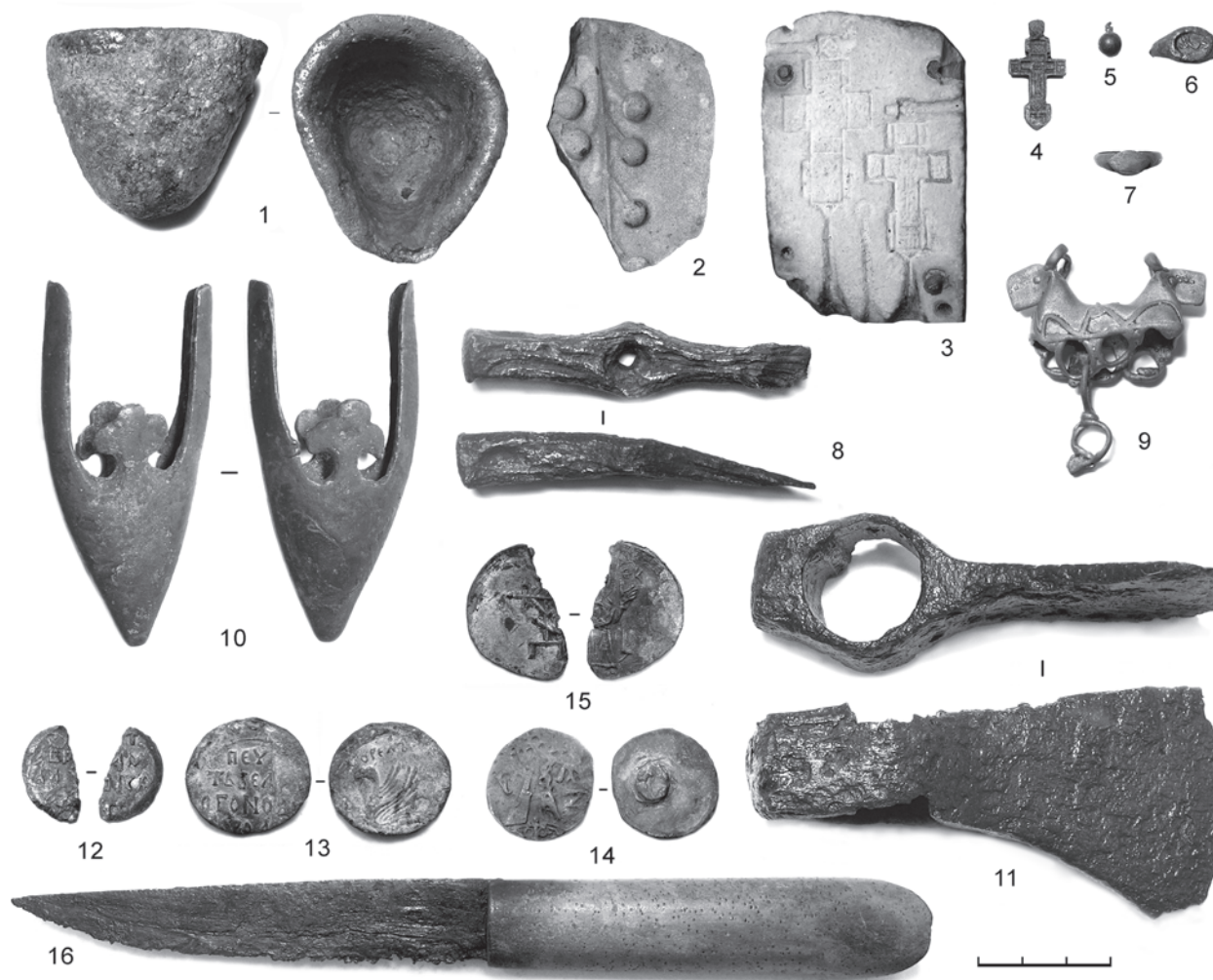

Рис. 5. Предметы из подводных раскопок Великого моста в 2006–2008 гг.: 1 — тигель, 2, 3 — литейные формы, 4–7 — ювелирные изделия, в т. ч. полуфабрикаты и брак, 8 — ювелирный молоток, 9 — зооморфная подвеска, 10 — наконечник ножен меча, 11 — топор, 12 — печать тысяцкого Авраама, 13 — печать «Великого Новгорода», 14 — европейская товарная пломба, 15 — печать владычного наместника, 16 — нож.

Святой Троицы в круге и апостолов, расположенных по периметру с текстом стихир. Обычны находки изделий из кости, кожи, стекла и дерева. Полной неожиданностью стала находка в слоях рубежа XVIII–XIX вв. множества фрагментов штукатурки, в т. ч. с фресковой росписью домонгольского периода.

В результате подводных археологических работ на дне Волхова локализовано местоположение средневековых мостовых опор, по крайней мере двух периодов — XII и XIV вв. Определен свайный характер конструкции средневековых мостовых опор и преемственность ей мостов позднейшей поры. Подтверждена взаимосвязь местоположения мостовых опор с зоной аккумуляции культурных отложений, в т. ч. массовых и индивидуальных находок. Намечены хронологические рамки существования торговой и мелкоремесленной деятельности на мосту (XIV–XVII вв.).

Задачи дальнейшего изучения Великого моста очевидны: поиск остатков древнейшего моста, дета-

лизация конструкции опор, периодизация мостового строительства, выявление факторов, повлиявших на возникновение тупоугольного поворота, характеристика хозяйственной активности на мосту по материалам археологической коллекции.

* Копия чертёжа 1808 г. любезно предоставлена директором музея МАРХИ Л.И. Ивановой-Везн.

Древнерусское градостроительство X–XV вв. Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1995.

Иванова-Везн Л.И., Хархордин О.В., 2003. Новгород как *res publica*: мост к величию // *Неприкосновенный запас*. № 30.

Книга записи контрактов, заключенных между казенной палатой и купечеством. ГАНО, ф. 528, оп. 1, д. 59. 1782 г. Л.1, 2.

Полное собрание русских летописей. Т. XXX. М., 1965.

Янин В.Л., 1999. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М.

А.Н. Федорина
Институт археологии РАН

Средневековое поселение Сунгирь

Сунгирское поселение, расположенное на высокой коренной террасе левого берега р. Клязьмы, на пути между средневековыми центрами Владимиром и Боголюбово, является важной частью системы расселения непосредственной городской округи. Комплекс состоит из городища («Чаша») и открытого поселения.

В научный оборот памятник ввел Н.Н. Воронин, осуществивший в 1954 г. шурфовку площадки и вала городища. Собранные материалы позволили датировать появление укреплений не ранее первой половины XII в., а также продемонстрировали существование предшествовавшего городищу открытого поселения с финно-угорским (мерянским) этническим компонентом в составе населения. На основании керамического материала (лепные гладкие банковидные сосуды и лепные горшковидные сосуды с грубой поверхностью и невысоким горлом) Н.Н. Воронин датировал время появления поселения IX–X вв. Находки гончарной керамики разных типов свидетельствовали о непрерывном существовании поселения до XIII–XIV вв. (Воронин, 1959. С. 77–81). Мерянский характер раннего поселения был подтвержден в работах Е.И. Горюновой, предложившей новую нижнюю границу существования поселения – VII? – VIII вв., – и А.Е. Леонтьева, оценивающего памятник как возможный центр владимирской мери (Горюнова, 1961. С. 61; Леонтьев, 1993).

К сожалению, интерес исследователей к древнерусскому поселению значительно ниже. Так, Н.Н. Воронин считал, что культурный слой расположен на территории городища и небольшой площадке к северу от него (площадь поселения можно оценить в 1 га; на плане памятника, снятом в 1954 г., границы открытого поселения не обозначены). В 1984 г. памятник был повторно обследован В.П. Глазовым, снявшим новый план городища и селища: на нем показана «приблизительная граница распространения культурного слоя» (охватывающая площадь около 6 га). Автор плана не уточняет датировку и культурную атрибуцию вновь зафиксированного слоя.

В результате на настоящий момент мы обладаем лишь самой общей, почти справочной, информацией о поселении: не определены размеры памятника в целом, динамика его границ на отдельных хронологических отрезках, характер материальной культуры населения. Материал, позволяющий по-новому осветить этот круг проблем, получен в ходе работ Суздальской экспедиции ИА РАН (рук. Н.А. Макаров)

в 2005–2008 гг. На памятнике проводился полный сбор лепных фрагментов и сбор профилированных и орнаментированных фрагментов круговой посуды с использованием координатной сетки со стороной квадрата 40 м, ориентированной по сторонам света. Помимо этого на плане фиксировались индивидуальные находки, проведена дополнительная шурфовка, в первую очередь в приграничной зоне. Сбор подъемного материала затруднен в связи с плотной задернованностью большей части площадки.

Проведенные работы зафиксировали распространение подъемного материала на площади около 10 га. Всего на селище собрано 1543 фрагмента глиняных сосудов различных эпох: 2 фрагмента лепной керамики с сетчатым декором, 19 – лепных подлощенных сосудов, 20 – лепных сосудов с заглаженной поверхностью и высоким прямым или слабоогнутым венчиком, 89 венчиков и 194 стенки лепных толстостенных сосудов с невысоким горлом и грубой поверхностью; 30 – раннекруговой посуды; 1209 фрагментов круговых сосудов, из них 819 фрагментов венчиков, которые можно разделить на четыре хронологические группы – XI – первая половина XII в. (115), XII–XIII вв. (468), XIII–XV вв. (228), XVI–XVII вв. (21), – а также 26 фрагментов с волнистым орнаментом, 261 с линейным и 10 – со штампованным, 18 фрагментов красноощенной посуды XIV–XV вв.

Вещевая коллекция содержит 194 индивидуальные находки. Преобладают изделия из цветных металлов (97), среди которых следует выделить монету – подражание золотоордынским денгам (1350-е гг. Гюлистан. Определение А. Пачкалова); фрагменты бронзовых гривен; детали ременной гарнитуры – 6 накладок различных форм, в том числе зооморфных, наконечник с растительно-геометрическим декором, 4 пряжки, в том числе одна лировидная; 4 шумящие подвески и их фрагменты, а также 7 привесок: трапецевидные (3), колоколовидные (2) и бутылковидные (1); 6 бронзовых и 2 билонных перстня (широкосрединные, рубчатый, овально-щитковые); височное перстнеобразное кольцо белого металла; книжную застежку; 3 креста-тельника (в том числе 1 – скандинавского типа); подвеску-топорик типа 1; подвеску-коготь; 5 пластинчатых браслетов, в том числе фрагмент с зубчатым декором; 4 предмета из свинцово-оловянистого сплава – печать (?), 2 грузика и фрагмент изделия с изображением хищника с процветшим хвостом. Среди изделий из черного ме-

талла преобладают ножи и их фрагменты (24, в том числе нож с прямой спинкой и нож с пластинчатой рукоятью); помимо этого следует отметить бочонковидную гирьку, втульчатый ключ от нутряного замка, замок навесной типа «В», ремennую фигурную накладку, шило ромбического сечения, фрагмент косы. Стекланные изделия представлены 10 бусами (в том числе навитыми с пластическим декором) и браслетами (2 крученых и 1 ребристый). Среди изделий из камня отметим форму для отливки пластинчатых браслетов с зооморфным и растительным декором, сердоликовую граненую бусину, серый прямоконечный крест из пироксилитового сланца, 7 пироксилитовых пряслиц. Среди изделий из кости и рога важны находки 5 астрагалов бобра со сверлинами, фрагментов двустороннего рогового гребня и рукояти ножа с циркульным декором. Среди изделий из глины следует упомянуть фрагмент амфоры и 3 фрагмента поливных сосудов.

Селище Сунгирь по итогам работ 2005 и 2007 гг. предстает крупным поселенческим центром, существовавшим на протяжении длительного времени без заметных хронологических лакун, начиная с середины I тыс. н.э. (сетчатая керамика, глиняный грибовидный грузик) и заканчивая XVII в. (белоглиняная керамика).

Собранный материал не позволил уточнить время появления первоначального мерянского поселения, т. к. предметов с узкой датировкой в пределах VII–VIII вв. ни керамическая, ни вещевая коллекции не содержат. В то же время, бытование древностей, характерных для этой группы населения (в первую очередь керамический материал, лощеная и гладкая лепная керамика), не противоречит такой датировке. Картографирование этой группы предметов позволяет оценить площадь первоначального поселения в 5,5 га.

Уже на первом этапе существования поселения (последняя треть I – начало II тыс. н.э.) хозяйственная деятельность населения охватывает значительную площадь, что не характерно для поселений изучаемого региона и подтверждает представление о Сунгирском поселении как о центральном для памятников региона, аналогично Сарскому городищу в ростовской части мерянского ареала. (Всего в изучаемом районе выявлено 44 пункта с культурным слоем второй половины I тыс., в т. ч. 8 – в нижнем

течение р. Нерль и непосредственной округе Владимира.) В тех случаях, когда границы распространения лепного материала надежно зафиксированы, площадь распространения культурного слоя составляет не более 0,5 га.

Важно отметить, что собранные материалы демонстрируют сосуществование местного финно-угорского населения с древнерусским населением уже в IX–X вв.

На основании анализа пространственного распространения находок отдельных хронологических групп можно выделить две зоны хозяйственной освоенности площадки поселения древнерусским населением: зона 1 – IX – середина XII в., площадь около 6 га; зона 2 – XII–XV вв., площадь 9,61 га. Материалы более позднего периода во всех случаях встречены единично, что не позволяет определить зону и характер хозяйственной активности. Круговая керамика трех основных периодов равномерно распределена по всей площадке селища, керамика четвертого хронологического периода встречена как в южной, так и в северной части памятника. Максимальных своих размеров поселение, по-видимому, достигает к середине XII в., но уже к концу XIII в. начинается спад хозяйственной активности, о чем свидетельствует снижение количества керамических и индивидуальных находок, относящихся к последующим периодам.

Наибольшее количество керамики и находок относится к периоду XI–XIII вв., при этом в коллекции содержатся как вещи широко распространенных типов (пряслица, оселки, бусы, браслеты, перстни), так и изделия (в первую очередь украшения), имеющие индивидуальный характер, а также статусные вещи (свинцовая печать, накладки и изделия индивидуальных форм с зооморфным декором, книжная застежка и др.). К XII в. относится и время появления городища (см. Воронин, 1959), что, так же как и значительная площадь неукрепленной части памятника, свидетельствует об особом статусе поселения.

Воронин Н.Н., 1959. Из ранней истории Владимира и его окрестностей (по данным археологических раскопок) // СА. № 4.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.

Леонтьев А.Е., 1993 Археология мери. М.

А.В. Энговатова
Институт археологии РАН

Результаты археологических исследований «Рубленого города» в Ярославле в 2007–2008 гг.

Начало археологическим исследованиям «Рубленого города» в Ярославле было положено П.Н. Третьяковым и М.К. Каргером в августе 1937 г. Были заложены шурфы и траншея в юго-западной и центральной частях городища. Отчет не сохранился, но краткое описание этих работ содержится в статье Н.Н. Воронина (1949). В задачи этих раскопок входили выявление ненарушенных участков культурного слоя и определение его мощности.

Археологические работы Н.Н. Воронина 1940 г. были начаты в охранных целях – в связи с предполагавшейся постройкой на территории Рубленого города Дома Советов. Целью исследований было определение стратиграфии и сохранности древнейших культурных отложений и фортификационных сооружений, а также определение места расположения домонгольского Успенского собора. Н.Н. Воронин не дал определенного ответа на вопрос о времени появления укреплений города, указав, впрочем, что в XII–XIII вв. они уже существовали (Воронин, 1949. С. 178). П.А. Раппопорт также отнес сооружение укреплений ярославского городища к XIII в.: «Здесь на мысу при слиянии рр. Которосли и Волги расположен детинец, отделенный от плато рвом, позднее превратившимся в овраг Медведица» (Раппопорт, 1961).

Шурф 1975 г., заложенный экспедицией ЛГУ (в 25 м к востоку от места исследования Н.Н. Воронина), выявил красную глину, соотнесенную исследователями с конструкцией вала городища (Дубов, Иоаннисян, 1980).

Наиболее масштабные археологические работы на территории Ярославля проведены Институтом археологии РАН в 2004–2008 гг.

Раскопы были заложены на месте строительства Успенского собора, на Волжской набережной в районе д. 1 (участок на месте предполагаемого строительства гостиницы «Мериотт») и на месте строительства жилых домов к северо-востоку от церкви Никола Рубленый город. Всего исследовано более 7000 м².

Вскрыты сотни археологических объектов разных периодов существования города, раскопаны остатки Успенского собора, относящиеся к XVII в. (под руководством Д.О. Осипова и Н.Н. Фараджевой). В 2007–2008 гг. исследованы два участка («Рубленый город» и «Волжская набережная, д. 1 – Мериотт»), на которых впервые удалось зафиксировать

культурный слой XI в. и сооружения, относящиеся к этому периоду.

На раскопе «Рубленый город» (2008 г., раскопки А.В. Энговатовой) обнаружены остатки вала и рва XI в. Выявлены остатки деревянных внутри-вальных конструкций – городней. Внутри городней и на слое, лежащем под ними, найдены фрагменты лепных керамических сосудов, в том числе целый горшок. Под валом на всей его площади зафиксирован слой тлена, также содержащий лепную керамику. Под слоем тлена находится слой серого грунта (пахота) с редкими фрагментами лепной керамики. Наличие деревянных конструкций, а также слоя под валом с большим количеством органики, позволило отобрать большую серию образцов для проведения радиоуглеродного датирования. Образцы были отправлены в лаборатории Санкт-Петербурга и Киева. Полученные результаты подтвердили датировку данного фортификационного сооружения и слоя под ним в пределах XI в.

Значительные площади с культурным слоем XI в. зафиксированы также в раскопе «Волжская набережная» (2007 и 2008 гг., раскопки А.В. Энговатовой). Это деревянные конструкции (часть из которых, возможно, жилища), остатки частоколов, хозяйственные ямы, фортификационные сооружения. Ранней датировке не противоречат и другие индивидуальные находки из этого слоя – фибулы, стеклянные бусы (серебро- и золотостеклянные, «лимонки» и др.), многочисленные фрагменты лепных сосудов, куфический дирхем и др. Из ранних деревянных конструкций взяты образцы для радиоуглеродного датирования. Результаты данного анализа также подтверждают существование поселения на территории Рубленого Города в Ярославле в XI в. Выявлены фрагменты древней фортификационной системы Ярославля: насыпи земляного вала, ее конструктивных элементов и рва. Определено два строительных периода возведения вала.

Летописные источники упоминают Ярославль среди городов, пострадавших во время татаро-монгольского нашествия на центральную часть Руси в 1237–1238 гг. Характер взятия города удалось уточнить в результате раскопок 2005–2009 гг. В 2005 г. на Успенском раскопе было обследовано сооружение 9, представляющее собой хозяйственную постройку (возможно, подклет), уничтоженную во время пожара. После пожара сооружение было ис-

пользовано в качестве вместилища для коллективного захоронения. В заполнении котлована обнаружены останки не менее 97 человек, беспорядочно (в 6–8 ярусах) уложенных друг на друга. Сверху погребение было завалено обгоревшими бревнами, плахами и отдельными крупными камнями. При разборе костяков найдены фрагменты проволоочных бронзовых височных колец, бронзовый перстень, железные кресало и пряжка, каменный нательный крест, стеклянные бусы, обломки стеклянных браслетов. На останках людей выявлены фрагменты льняных, шерстяных и шелковых тканей, а также остатки меха на одном из черепов (Энговатова, Фараджева и др., 2009).

Подобные массовые захоронения обнаружены и на других исследованных участках. В качестве вместилищ для коллективных погребений, содержащих останки жителей города разного пола и возраста, а также домашних животных, использовались не только заглубленные части построек, но и ямы хозяйственного назначения. Одна из наиболее выразительных находок – коллективное захоронение в колодце (яма 110) – раскопано в 2007 г. (раскоп «Волжская набережная», А.В. Энговатова). Достоверно определен пол и возраст 79 человек (53 мужчин, 17 женщин и 9 детей).

Само сооружение представляет собой остатки деревянного колодца, заглубленного в материк на 3,5 м. Время сооружения колодца по данным дендрохронологии определяется не позднее конца 20-х гг. XIII в. Верхняя часть колодца завалена костями людей и животных. Судя по расположению костей, к моменту захоронения трупы уже сильно разложились. На уровне 9 яруса (в середине колодца) фиксируются доски и бревна, сброшенные в колодец до того, как туда были свалены человеческие останки, либо служившие для транспортировки последних. Ниже (в нижней половине) в воде фиксировались провалившиеся сверху человеческие кости и кости животных. Благодаря воде вся органика в этой части колодца хорошо сохранилась.

При разборе захоронения обнаружены артефакты, связанные как с функционированием самого колодца, так и с помещенными сюда останками людей или с культурным слоем, которым их засыпали. Найдены многочисленные обломки керамических сосу-

дов, деревянный кубок, обломки деревянных ложек, чашек, фрагменты берестяных сосудов, плетеных корзин, обрывки льняных и шерстяных тканей, войлок, фрагменты кожаной и лыковой обуви, лыковые веревки, а также войлочная стелька, обшитая кожей. Большое количество деревянных колов и палок. Найден составной деревянный лук. Из украшений – фрагмент стеклянного браслета, проволоочное височное кольцо и др.

Материалы, полученные при разборе коллективных захоронений, были подвергнуты тщательному комплексному исследованию, включающему в себя дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование, анализ антропологических и археозоологических материалов.

Радиоуглеродный анализ образцов костей человека и животных (более 40 образцов) из массовых захоронений показал синхронность захоронений слою пожара, зафиксированного археологическими методами. Деревянные конструкции (в т. ч. колодец, использованный для захоронения) были исследованы методом дендрохронологии и дали аналогичные результаты. Все образцы были отнесены к первой половине XIII в.

Археологические находки, обнаруженные во всех девяти исследованных на настоящий момент коллективных погребениях, археологически синхронны. Украшения, детали одежды, орудия и фрагменты керамики из слоя, составляющего засыпку погребений, позволяют датировать объекты не позднее середины XIII в.

Совокупность всех археологических, антропологических, дендрохронологических, радиоуглеродных и летописных данных, на наш взгляд, свидетельствует, что археологами были раскопаны следы разорения города татаро-монголами, датируемого 1238 г.

Воронин Н.Н., 1949. Раскопки в Ярославле // МИА. № 11.
Дубов И.В., Иоаннисян О.М., 1980. К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения) // КСИА. Вып. 160.

Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV веков // МИА. № 105.

Энговатова А.В., Фараджева Н.Н., Осипов Д.О., Яганов А.В. Археологические исследования в историческом центре Ярославля // АО 2006 года. М., 2009

СЕКЦИЯ 11

АРХЕОЛОГИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Л.А. Беляев, О.Н. Глазунова

Институт археологии РАН

Особенности средневековых монастырских керамических комплексов Москвы (на примере Зачатьевского и Андроникова монастырей)

Описывая керамику, мы невольно задаемся вопросом, похож ли наш комплекс на комплекс из соседнего дома, квартала, другой части города, других городов региона, сельских поселений, чем они отличаются и какие имеют общие черты. Работая на протяжении многих лет в слоях города и его монастырей, сектор археологии Москвы ИА РАН накопил большой материал, позволяющий сравнивать их. Особенно важны широкие раскопки в Зачатьевском монастыре, где вскрыта практически вся центральная часть, и цельные, одномоментно отложившиеся комплексы позволяют проследить ряд особенностей подбора ассортимента посуды и пользования ею, которые остаются незамеченными при раскопках обычного городского культурного слоя.

Априори ясно, что не стоит ожидать серьезных различий в технологии производства или морфологии сосудов монастыря и города. Насельники монастыря использовали ту же бытовую керамику, что и жители окружающих слобод и улиц. Но особенности монастырского быта, отражаясь в осознаваемых и неосознаваемых предпочтениях спроса, придают монастырским комплексам некоторые специфические черты. Их мы и постараемся уловить.

Конечно, особые морфологические типы керамики в монастырях встречаются. Это сосуды, создаваемые специально для литургического использования и иного церковного употребления. Например, в Зачатьевском монастыре обнаружены фрагменты, датированные концом XV – началом XVI в. (от двух сосудов в 2003 г., от трех – в 2005, и еще от двух – в 2008 г.). Это верхние части небольших (диаметр венчика 11–12 см) горшочков со специально проделанными еще при изготовлении крупными (диа-

метр 5–6 мм) круглыми отверстиями, равномерно располагавшимися по плечу сосуда. Если исключить круглые отверстия, горшочки и по составу теста (красная глина с примесью мелкого песка), и по форме подтреугольного, загнутого внутрь венчика, и по форме самого сосуда напоминают красноглиняные гладкие горшочки раннего типа, характерного для московского керамического производства XV в. Внешняя поверхность шести из семи сосудиков покрыта равномерным белым ангобом. Ангоб слегка заходит и на внутреннюю поверхность в районе венчика и возле отверстий (на одном следов ангоба не обнаружено). Вероятно, горшочки имели ручки, похожие на ручки керамических кружек, на что косвенно указывают некоторые обломки. Мы интерпретируем горшочки как керамические кадилницы. Аналогичные известны в этнографии Болгарии (Бакаржиев, 1956. Табл. 122). Русские деревенские кадилницы («ладанницы») в XIX–XX вв. имели совершенно иную форму – округлую на поддоне, с овальным отверстием на тулове, сквозными дырочками в верхней части, трехконечным крестом на конце и прямой ручкой (Калмыкова, 1995. Кат. № 8, 9, 12, 170, 238). Важно, чтобы в дальнейшем подобные сосуды распознавались исследователями и в светских комплексах городов.

При раскопках трапезной в Зачатьевском монастыре (2007–2008 гг.) вокруг нее собрано довольно много (6) разнообразных ручек от поливных керамических ковшиков, подражавших по форме металлическим и в городских слоях Москвы весьма редких. Полива желтая и зеленая. Ручки преимущественно двух типов: округлые с изображениями растительного побега и характерными «звездочками», практичес-

ки точно повторяющими форму и рисунок красных и муравленых изразцов-городков; трапециевидные же разделены крестом на четыре части, каждая из которых украшена сетчатым круглым штампом. Такое скопление довольно редких керамических форм ясно свидетельствует, что в монастыре их использовали часто, возможно, в служебных целях.

Для культурного слоя монастыря характерно также изобилие обломков маленьких плошек-черпачков с завернутым внутрь венчиком и петлеобразной ручкой сбоку – масляных светильничков. Возможно, они частично использовались и как лампы. Особая роль света в благочестивом поведении христианина, его готовность жертвовать на возжигание в храме лампад и свечей, – важная черта средневекового поведения, восходящая к дохристианской религиозной практике Средиземноморья, широко утвердившаяся и оформившаяся в средневековье и сохраняемая как в Западной, так и в Восточной Европе до сего дня.

В культурном слое монастыря высок также процент встречаемости всевозможных кувшинов, кувшинчиков и кубышек самых разных размеров, форм и технологических характеристик. Возможно, это указывает на то, что изготавливавшиеся, хранившиеся и потреблявшиеся в монастырях напитки отличало особое разнообразие (эта особенность монастырской жизни привлекала внимание многих иноземных путешественников), однако нам пока трудно судить, меньше ли сосудов для хранения жидкостей было в домах обычных горожан (в дальнейшем мы попытаемся сравнить археологический материал с напитками, упоминаемыми в Домострое и других источниках).

При рассмотрении закрытых монастырских комплексов заметно, что в них присутствует посуда, которая существенно старше, чем остальные части тех же комплексов. Так, в погребах двух из сгоревших в первой половине XVI в. построек рядом с сосудами, типичными для конца XV – первой половины XVI в., стояли горшки, датирующиеся не позднее XIV в. При этом, согласно данным этнографов, горшки не живут более 20 лет, в основном же – гораздо меньше. Следует отметить при этом, что, например, в современном монастырском быту даже за разбитую тарелку налагается епитимья, а старую посуду ни в коем случае не выбрасывают, относятся к ней бережно (что отнюдь не вызвано ее нехваткой или дороговизной). Возможно, именно такое отношение к вещам на археологическом материале монастырей выражается в большем по сравнению с обычным городским слоем проценте пережиточной ранней керамики.

Демонстративной бережливостью, возможно, объясняется и присутствие в монастыре совершенно анахроничных с точки зрения технологии и, отчасти, морфологии изделий. Возможно, что их производили внутри самого монастыря кустарным способом.

Продукты деятельности таких «домашних» мастеров резко отличаются от товара, купленного на рынке или сделанного на заказ в специализированных мастерских. Для сосудов «домашнего изготовления» характерны кривые, неровные, необычно толстые (0,8–1,2 см) стенки, слабопрофилированный венчик, плохо промешанное тесто желтовато-серого цвета, плохой обжиг, нетипичные для городского гончарства добавки в тесте. Такие сосуды почти лепные, зачастую только слегка правленные на ручном круге. На их поверхности остаются следы не слишком аккуратного заглаживания. Процент посуды домашнего изготовления в Зачатьевском монастыре невелик, но постоянен; ее фрагменты есть по всей жилой зоне монастыря, в том числе и в заполнении построек. Какое-то время в Зачатьевском монастыре явно работала небольшая мастерская, производившая и более совершенные изделия: среди находок – гончарный инструмент (лощило), пробный отпечаток изразцового штампа на куске глины и некоторые другие свидетельства.

У керамики Зачатьевского монастыря есть ряд специфических черт, характерных, скорее всего, именно для данного места. В составе керамического комплекса ощутима примесь вещей неместного, немосковского происхождения, причем на разных участках монастыря формы этой привозной посуды не повторяются. В одних постройках стоят горшки, характерные для калужского региона, в других – кувшины из Можайска или Смоленска, Твери, Брянска и сосуды, изготовленные, возможно, в областях южнее Москвы; в тесте местами присутствуют шамот или органические добавки, не характерные для московского региона, и т. д. Возможно, это свидетельство обширной географии происхождения насельниц. Кроме того, среди массового керамического материала попадаются осколки экзотически редких драгоценных сосудов из Западной Европы, Кавказа, Китая, стран Ближнего Востока.

По комплексам керамики из построек можно заключить, что посуда неоднократно закупалась целыми партиями. Есть целые серии варочных горшков, отличающихся лишь размерами (как набор современных кастрюль), зачастую с серией же крышек. Есть комплекс крупных белоглиняных кувшинов из постройки, отличающихся лишь рисунком орнамента. В этой серии нет ни одного орнаментального повтора, при том, что сами по себе варианты рисунка элементарно просты. Создается впечатление, что они подобраны специально для того, чтобы легче находить в темном погребе нужный кувшин.

Есть находки, характерные не только для монастырских керамических комплексов, но и для любых крупных объектов, где по каким-либо причинам кормили большие группы людей: много порционных горшочков и одновременно обломки огромных крышек от больших котлов.

Интерес вызывают постоянно встречающиеся на керамике из монастырей знаки креста. На чернолощенной посуде поверх лощения есть ряд граффити, среди которых – знак креста на ручках кувшинов, наносимый вместо знаков принадлежности или вместе с ними, отдельные буквы. Знаки наносил, видимо, владелец после приобретения изделия. Ручки от таких кувшинов с процарапанным голгофским крестом найдены при раскопках в Зачатьевском и Троице-Сергиевом монастырях; на ручке кувшина из Андроникова монастыря процарапана буква А. Сам по себе знак креста достаточно обычен и в городе, однако в данном случае он может указывать на предпочтения монастырского заказчика.

Такое предположение поддерживает явная предпочтительность выбора глиняных сосудов с крестообразными клеймами на донцах. Их процент для XIV–XVII вв. довольно высок: внутри комплексов он достигает 10, причем при раскопках 2008 г. в Зачатьевском монастыре отмечен комплекс, отложившийся в одну из ям, где все красноглиняные горшки имели клеймо «крест в круге» на донце. Сравнивая рисунок клейм, мы обнаружили, что в ряде случаев он идентичен, что позволяет предположить покупку у одного мастера. Клейма встречены на донцах практически всех бытовавших в то время типов сосудов (миски, плошки, кубышки, сковородки, кувшинчики-кружки, горшки) и всех типах керамики (красноглиняная, ангобированная пятнами, ангобированная сплошь, чернолощенная и даже белоглиняная грубая; исключение – крупные кувшины). Рисунок клейма в основном представляет собой различные варианты схемы «крест в круге» (крест в круге, крест в двойном круге, крест со сдвоенными перекладинами, двойной крест в двойном круге), есть несколько солярных клейм, возможно тоже воспринимаемых как вариация креста в круге.

Часто появляются знаки креста и на изразцах из слоев монастырей. Широко известная композиция

«беседка в саду» на муравленых изразцах-городках из Зачатьевского монастыря превратилась в процветший крест; в крест же преобразована и скромная цветочная композиция на изразцах из Андроникова монастыря. Наибольшее количество лицевых муравленых ковровых изразцов из коллекции Зачатьевского монастыря имеет рисунок в виде Вифлеемской звезды, причем угловые части композиции при соединении образуют равносторонний крест.

Следует сказать несколько слов и о специальном отношении, существующем в церковном быту к испорченным, сломанным, не годным более предметам, которые ранее использовались в церковном обиходе. Существует, как известно, ритуальный запрет на выбрасывание их вместе с обычным мусором; их предписывается (если невозможно сжечь или «пустить по воде») убраться в такое место, которое в дальнейшем не будет потревожено. При раскопках в западной части трапезной Рождественского собора Зачатьевского монастыря под лестницей расчищен кирпичный сухой колодец (?) незначительных размеров, содержимое которого составляли обломки разных предметов, ранее, по-видимому, использовавшихся в храме; в неглубокой ямке в южной части монастыря был скрыт целый чернолощенный ручной-баран с отбитой нижней частью левой передней ножки – возможно, это церковный ручной, после повреждения закопанный в укромном месте.

Перечисленные наблюдения позволяют утверждать, что особенности воззрений, каждодневного быта и потребностей церковной службы в монастырях Москвы XV–XVII вв. породили своеобразную культуру потребления, которая наложила отпечаток на состав керамики. Дальнейшие наблюдения покажут, верна ли наша гипотеза.

Бакаржиев Г., 1956. Болгарская керамика. София.

Калмыкова Э.Л., 1995. Народное гончарство Московской области XIX – начала XX вв. М.

С.И. Валиулина

Казанский государственный университет

Материальная культура раннего Казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения

Период Казанского ханства в настоящее время является, пожалуй, наименее изученным в археологии Среднего Поволжья. Результаты развернувшихся в последние десятилетия широких исследований в Казани и других исторических городах не позволяют представить в полной мере материальную культуру

этого постордынского государства. На археологической карте Татарстана (Фахрутдинов, 1975) период отмечен узким кругом поселенческих памятников, среди которых самыми исследованными являются Казань, Камаевское городище, Арск, Лаишев и некоторые другие. Большим числом представлены по-

Рис. 1. 1–5, 7 – детали ремной гарнитуры, 6 – крестик, 8–10 – кресала, 11 – ключница с ключом, 12–13 – ключи, 14–18 – замки, 19, 32–33 – клещи кузнечные, 20–28 – наконечники стрел (25 – арбалетный болт), 29 – боевой нож, 30–31 – наконечники копий, 34–35 – топоры; 1–35 – железо.

Рис. 2. 1 – иконка, 2 – пломба, 3 – матрица, 4 – зеркало, 5–7 – фрагменты сосудов; 1 – сланец, 2 – оловянно-свинцовый сплав, 3–4 – бронза, 5–7 – бронза, серебро (инкрустация).

гребальные комплексы, маркированные эпиграфическими памятниками. При этом все памятники имеют высокую плотность в Предволжье и Предкамье. На территории центральной части Западного Закамья памятники Казанского ханства единичны, и Торецкое поселение – один из них.

Поселение занимает мысовую часть пологого юго-западного склона второй надпойменной террасы правого берега р. М. Черемшан и правый берег Торецкого ручья. Площадь поселения составляет не менее 12 га. Памятник известен с конца XVIII в., за это время неоднократно осматривался и исследовался разведками, особенно интенсивно во второй половине XX в. (Фахрутдинов, 1975; Халиков, 1983). По результатам разведок поселение вошло в археологическую карту Татарстана как поздняя булгаро-татарская деревня, «жители которой в XV–XVI вв. охраняли древности Билярска и Балынгуза» (Археологические памятники... 1990). Уже первые годы раскопок показали, что памятник имеет иной характер – является ремесленно-торговым поселением городского типа (Валиулина, 2001). Стационарные раскопки поселения ведутся Билярской экспедицией Казанского университета с 1998 г., за эти годы на площади более 4000 м² исследованы жилые постройки, хозяйственные ямы, производственные комплексы, погребения, клады.

Поселение имело разреженную застройку, очевидно усадебного характера. Ремесленная специализация выразительно отражена в исторической топографии памятника: отдельные мастерские ювелиров, медников, замочников располагались в западной и центральной частях поселения (раскопы I, V, XI), гончарная мастерская – на северной периферии (раскоп VI), основной ремесленный центр поселения – металлургическая слобода – находился в восточной части, на берегу Торецкого ручья. Здесь получали черный металл, в том числе чугун, есть следы бронзолитейного производства, работали кузнецы (раскопы III, IV, IX). В центре поселения раскопом XII выявлена незастроенная территория, возможно рыночная площадь или центральный проезд.

На памятнике исследовано 7 жилых построек, 5 из которых были наземными срубными домами (раскоп V: постройка 1, яма 3; раскоп I: сооружение 1, яма 19; раскоп XII: яма 1), а 2 – полуземлянками (раскоп VII); к жилищам относится и легкая, очевидно сезонная, шатровая постройка (юрта?) круглой формы, со столбовыми ямками по периметру от крепежных жердей и печью внутри (раскоп I). Большая часть построек (5 из 7) – прямоугольной формы, ориентированы углами по сторонам света с ЮВ на СЗ; 2 постройки длинными сторонами направлены строго по линии С–Ю (раскопы I и XII). Площадь бревенчатых построек колеблется от 9 до 26,6 м², площадь шатра достигала 36 м².

Крупные жилища имели каркасно-столбовую конструкцию, иногда возводились на цоколе из сырцового кирпича (раскоп I, сооружение 1), два жилища были рублены «в обло» (раскоп V, постройка 3; раскоп XII, постройка 1).

Особенностью памятника является малое количество гвоздей, из чего можно заключить, что крепление деревянных конструкций производилось посредством врубок и шипов. Кроме того, на поселении найдено довольно много кусков глиняной обмазки, очевидно, из щелей бревенчатых стен: глина повторяет округлости бревен. Ввиду малой мощности культурного слоя (25–40 см), длительной распашки площадки памятника и почвенной эрозии склона большая часть сооружений имеет плохую сохранность. Иногда о площади постройки можно судить по отопительной канавке, расположенной по периметру сооружения, с осколками гончарных труб (раскоп I, сооружение 1). Лучшую сохранность демонстрирует полуземляночное жилище размерами 4 × 4 м (раскоп VII, сооружение 1), заглубленное в грунт на 1,2 м, с печью в северо-восточном углу, П-образной суфой и канами. Печи в торецких домах располагались обычно в северо-западных и северо-восточных углах, иногда возводились в овальных ямах со ступеньками с юга (раскоп I, сооружение 1), в одном случае отмечены остатки деревянного опечка – печь находилась в юго-западном углу постройки (раскоп I, яма 19).

Все печи круглые, диаметром около 100 см, кирпичные, кирпично-глиняные, иногда с использованием битых жерновов и плит песчаника. Полы в жилищах были дощатые, земляные и земляные, обмазанные глиной. Дома имели подполья меньших, чем жилые помещения, размеров, иногда в подпольях устраивались кладовки-тайники (раскоп I, сооружение 1). В двух случаях в подпольях обнаружены погребения – младенца до 1 года под крыльцом (раскоп I, сооружение 1) и женщины (раскоп VII, сооружение 1). Внутри жилища имели пристенные земляные лавки, «оконтуренные» глухими деревянными стенками (раскоп I, яма 19), или суфу, украшенную мозаичными кашинными плитками (раскоп VII, сооружение 1).

Памятник отличается богатейшей коллекцией вещевого материала, характеризующей материальную культуру поселения конца XIV–XV в., которое по обилию материала, его серийности, разнообразию и сохранности является на настоящий момент единственным в регионе.

Номенклатура ремесленной продукции насчитывает до 90 наименований, в этом перечне наиболее представительны серии замков (126 экз.), ключей (91), ножей (133), фрагментов и осколков чугунных котлов (более 600), инструментов и оборудования кузнецов и ювелиров (рис. 1: 19, 32–33; рис. 2: 3), пряслиц (более 200). Спецификой ремесленного

производства Торецкого поселения было изготовление замков, ножей, металлической посуды, возможно оружия. Объемы производства показывают, что основная продукция поселка предназначалась для внешнего рынка.

Жители поселения пользовались замками и ключами типов В, Г, Е и гибридных форм типа Д, по новгородской типологии (рис. 1: 14–17). Тип Е был ведущим на памятнике (рис. 1: 18) (Валиулина, 2004а. С. 65. Рис. 8, 1–7; 9, 16–17).

На Торецком поселении найдено несколько кресал разных типов (рис. 1: 8–10). Особенно интересно по перечню аналогий пластинчатое, подпрямоугольное, со слегка вогнутыми длинными гранями (рис. 1: 9). Аналогичные кресала найдены на Троицком и Редикорском городищах в Прикамье (Макаров, 2001. Рис. 68, 13; 73, 17, 18). Фрагменты пластинчатых кресал обнаружены в двух погребениях Новоядринского могильника, датируемого монетами Михаила Федоровича (Зубарева, Краснов, 1972. С. 103. Рис. 4, 5). Подобные изделия происходят из горизонта конца XV – начала XVI в. городка Эмдер и синхронного Ендырского могильника (Зыков, Кокшаров, 2001. С. 104. Рис. 45, 26; 80, 15, 20). Наиболее ранние подобные кресала отмечены в Приуралье, в погребении 1 Ореховского могильника, вместе с монетами Ивана III и Василия III. Самые поздние кресала известны в хантыйском могильнике Перегребное 9 XVIII–XIX вв. (Там же. С. 105).

Многочисленна коллекция металлической (медной, бронзовой) посуды (рис. 2: 5–7), найдены также железные сковороды, чугунные котлы, уникальная медная курительница высотой 37,5 см (Валиулина, 2010).

В процессе раскопок обнаружены бронзовые зеркала (рис. 2: 4) разной степени сохранности (11 экз.), детали ременной гарнитуры (рис. 1: 1–5, 7), ювелирные украшения (Валиулина, 2004б). Большая часть изделий производилась на месте, в своих мастерских – медницких, кузнечных и чугунолитейных.

Керамический комплекс памятника представлен прежде всего тремя группами, по Т.А. Хлебниковой: I – общебулгарской, XIV – древнерусской и XVI – славяноидной. Керамика двух последних групп на большинстве раскопок составляют примерно треть от общего числа, при значительном преобладании древнерусской посуды. В коллекции присутствуют также отдельные фрагменты белоглиняной горшковой керамики.

Эти материалы дополняют предметы православного культа: сланцевая иконка (рис. 2: 1), железный нательный крестик (рис. 1: 6), фрагмент бронзового энколпиона XV в. Важно отметить также наличие костей свиньи в слое и объектах на разных раскопах памятника.

Коллекцию воинского снаряжения составляют наконечники копий (рис. 1, 30, 31), сабли, боевые

ножи (рис. 1: 9), кинжалы, кистени, топоры (рис. 1: 34, 35), кольчуги, доспешные пластины и др., наиболее многочисленны железные наконечники стрел – 40 экз. (Валиулина, 2009). Бронебойных наконечников найдено всего 6, все остальные универсальные; показательно, что среди находок отсутствуют срезни. Ведущие типы – ромбовидные и клиновидные (рис. 1: 22–24, 28), а также треугольные наконечники стрел (рис. 1: 21), имеющие широкий круг аналогий в памятниках XV–XVII вв. от Закарпатья (Дзембас, 2006. С. 163. Рис. 4, 17) до Мангазеи (Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 67, 14). Таким образом, коллекция торецких наконечников стрел соответствует тенденции, которую О.В. Двуреченский выявил на основе анализа материалов памятников Московской Руси и Русского государства: сокращение специализированных, прежде всего бронебойных и широколопастных (рассекающих), и преобладание универсальных типов (Двуреченский, 2006. С. 284, 285).

На поселении найдено 18 топоров: 10 целых и 8 фрагментов. Самые многочисленные в коллекции топоры (8 экз.) – тип I – имеют расширяющееся, оттянутое книзу лезвие и уплощенный обух, переходящий в мысок, с треугольным проушным отверстием (рис. 1: 34, 35). Длина лезвий – 150–155 мм, ширина – 85–110 мм. Эти топоры близки типу V, по А.Н. Кирпичникову (1976. Табл. 127, 19, 20), и типу II, по типологии Болгара (Савченкова, 1996. С. 16). Такие топоры являются самыми многочисленными в Белоозере (тип V) (Захаров, 2004. С. 199. Рис. 144, 4). По мнению исследователей, своим происхождением эти топоры связаны со славяно-финским миром (Кирпичников, 1996. С. 38; Ligī, 1993. S. 39. Tahv. I, 3; II, 3, 4; Измайлов, 1997. С. 91. Рис. 62, 1). «Подобного рода топоры имели специфически клиновидное лезвие шириной 7–9 мм и еще в первой половине XVI в. (о чем свидетельствуют образцы, найденные в Москве в Ипатьевском переулке и в Орешке) входили в состав снаряжения знатного горожанина или его двора» (Кирпичников, 1976. С. 22. Табл. II, 5). Близкими аналогиями торецким топорам четвертого типа являются топоры из Мало-Галовского (Кельчиюрского) «клада» в Республике Коми, который датируется XV в. (Розанова, Балина, Стоколос, 2001. С. 210. Рис. 2, 3).

С поселения происходят более 200 мозаичных кашинных плиток с бирюзовой, кобальтовой, редко белой и зеленой, глазурью. Иногда плитки имеют сверленное отверстие, очевидно, для крепления на штифтах, что говорит об их вторичном использовании. Товарный характер торецкого ремесла и международные связи поселения подтверждают найденные здесь импортные изделия: сирийское и западноевропейское стекло, янтарь, фрагменты крымской, среднеазиатской, египетской, иранской поливной керамики и китайского селадона, ганзейская оловянно-

свинцовая пломба (рис. 2: 2), торговый инструмент: весы, гири, крымские, иранские и русские монеты, кости верблюдов в составе остеологических материалов.

Таким образом, особенностью материальной культуры памятника является ее богатство и многообразие, обусловленные ремесленно-торговым характером Торецкого поселения и полиэтничным составом его населения.

Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Казань, 1990.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазья: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. Ч. 2.

Валиулина С.В., 2001. Золотоордынские памятники округа Билярского городища // Поволжье в средние века. Нижний Новгород.

Валиулина С.И., 2004а. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. № 1–2 (12–13).

Валиулина С.И., 2004б. Изделия из цветного металла Балынгузского (Торецкого) III селища // Древность и средневековые Волго-Камья. Казань-Болгар.

Валиулина С.И., 2009. Наконечники стрел Торецкого поселения // Уч. зап. Казанского ГУ. Т. 151. Сер.: Гуманитарные науки. Кн. 2. Ч. 1.

Валиулина С.И., 2010. Уникальное произведение средневековой торевтики Торецкого городского поселения // Уч. зап. Казанского ГУ (в печати).

Двуреченский О.В., 2006. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Поволжья. Вып. 3.

Дзембас О.В., 2006. Деякі наслідки дослідження Невицького замку у 2005 р. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ; Запоріжжя.

Зубарева В.М., Краснов Ю.А., 1972. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино // КСИА. Вып. 129.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2001. Древний Эмдер. Екатеринбург.

Измайлов И.Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань; Магадан.

Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. М.

Никитина Т.Б., Михеева А.Н., 2006. Аламнер: Миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола.

Розанова Л.С. Балина Н.Н., Стоколос В.С., 2001. Железные предметы XV – первой половины XVII вв. из Припечорья: технологические характеристики и исторический контекст // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск.

Фахрутдинов, 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.

Халиков А.Х., 1984. Отчет Билярской археологической экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР и КГУ за 1983 г. // Архив ИЯЛИ КФ АН СССР. Ф. № 105, № 21. Казань.

Ligi P., 1993. Vadjarased Kalmed Kirde–Eestis (9.–16. sajand) // Vadjarased Kalmed Eestis 9.–16. sajandil. Muinasaja teadus. 2. Tallinn.

М.А. Воронцова

Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Изразцы из культурного слоя позднесредневековой Тулы

За последние несколько лет стараниями тульских археологов, проводивших охранные археологические исследования в историческом центре города, собрана небольшая, но достаточно интересная коллекция печных изразцов конца XVI – XVII в. Большая ее часть еще не публиковалась.

К сожалению, до сих пор нет единого подхода к классификации изразцов. Выбранная датировка достаточно условна: понятно, что печью, изготовленной в конце XVII в. могли пользоваться и в XVIII в., к тому же в провинциях долгое время выпускали архаичные формы изразцов (Беляев, 1993. С. 17). В своей работе мы будем рассматривать изразцы, выполненные в готическом стиле и стиле ренессанс (Немцова, 1989; 1993), т. е. изготовленные по «допетровской» моде. В основном это следующие типы изразцов: рамочные рельефные неполивные, ковровые поливные (муравле-

ные) и рельефные эмалевые полихромные (ценнинные).

Рамочные неполивные рельефные изразцы представлены изделиями, выполненными из красножгущихся и беложгущихся глин (рис. 1). Находки красноглиняных изразцов в Туле немногочисленны и известны пока только на территории кремля (Екимов, 2007). Среди них очень интересен фрагмент изразца с богато орнаментированной рамкой и латинскими буквами (рис. 1: 1), скорее всего западного производства (Наумов, 2008). На фрагменте хорошо читается ряд вертикально стоящих пик, что дает возможность предположить военный характер сюжета изразца. К сожалению, изразец найден в слое перекопа (Наумов, 2007). Другие фрагменты (рис. 1: 2–5) относятся к коробчатым рельефным рамочным изразцам, выполненным в московском стиле (Розенфельдт, 1968. Табл. 20). На одном из них хорошо виден бородастый

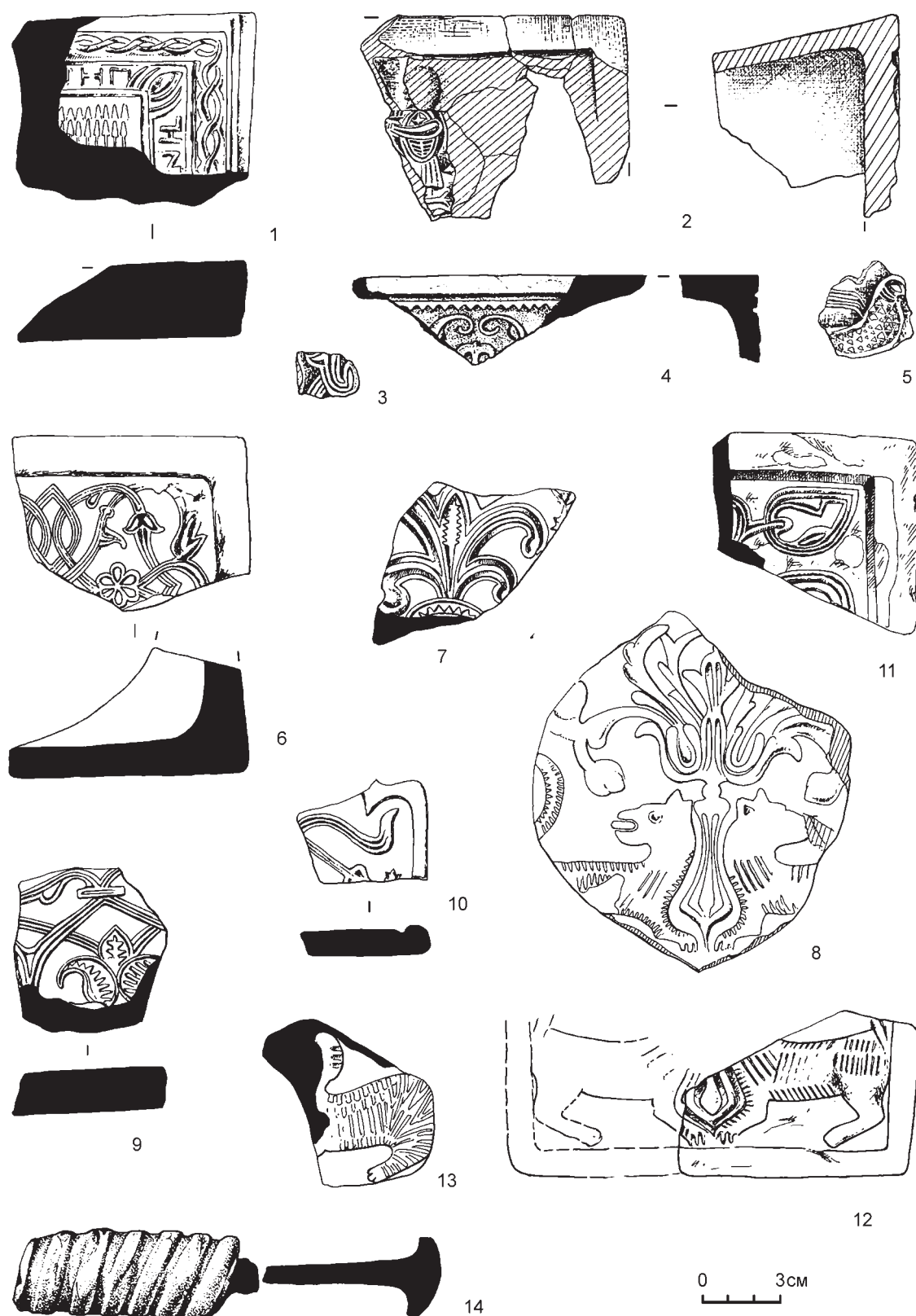

Рис. 1. Рамочные рельефные неполивные изразцы готического печного набора из культурного слоя Тулы. 1–5 – изразцы красноглиняные, 6–14 – изразцы белоглиняные; 1–5 – Тульский кремль (раскопы 1999–2000, 2007 гг.), 6–10 – Никитский конец (раскоп 2007 г. по ул. Советской, 67), 11, 12 – юго-западная граница Никитского конца (раскоп 2005 г. на пересечении ул. Советской и Менделеевской), 13, 14 – Гончарная слобода (раскоп 1991 г. по ул. Луначарского, 25).

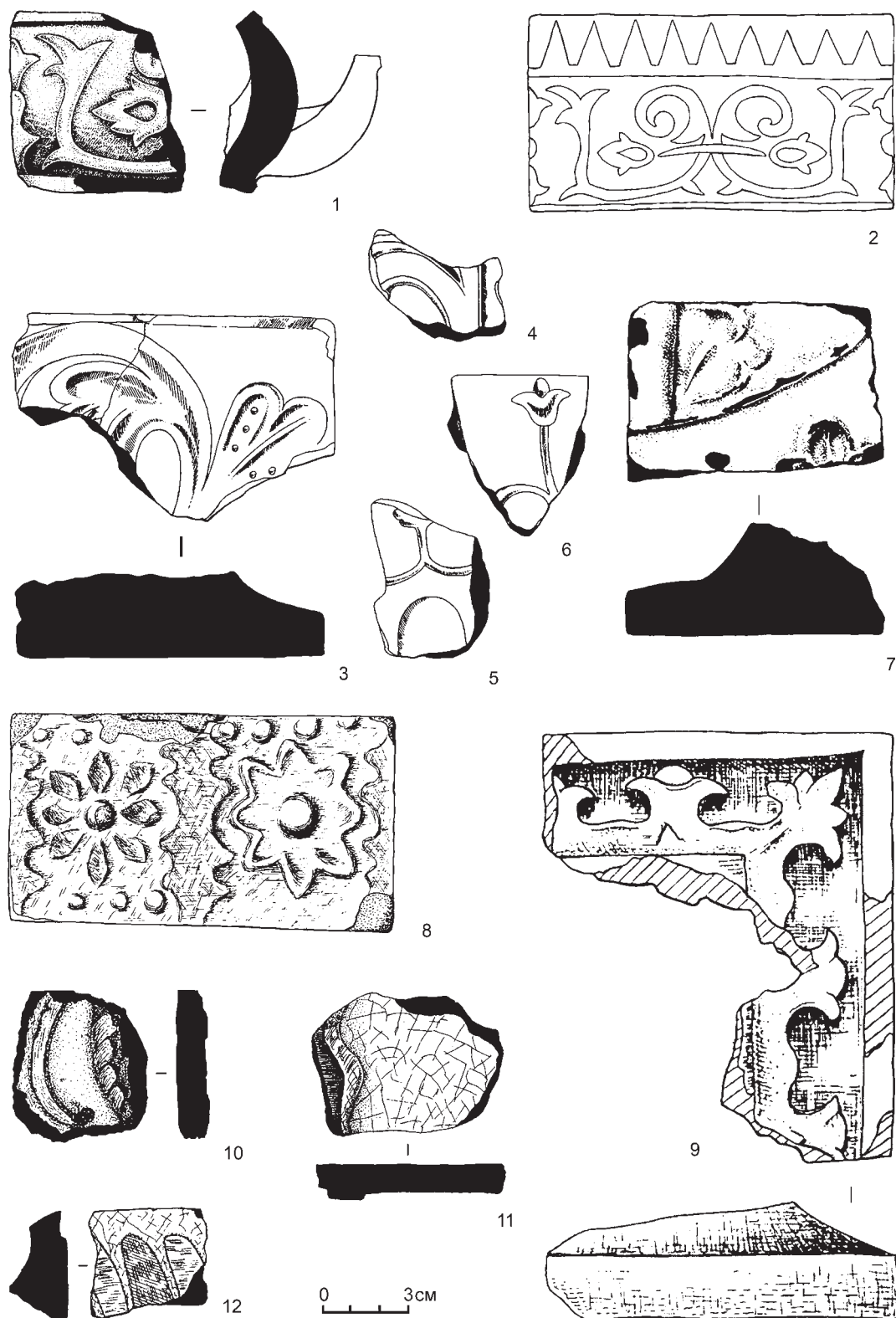

Рис. 2. Рельефные печные изразцы, выполненные в стиле ренессанс из культурного слоя Тулы.
 1–8 – рельефные белоглиняные изразцы с зеленой поливой (муравленные), 9–12 – рельефные полихромные эмалевые (ценинные) изразцы; 1, 10–12 – Оружейная слобода (раскоп 1996 г. по ул. Октябрьской), 2–4 – Пушкарская слобода (раскоп 1996 г. по ул. Революции.), 5, 6, 9 – Тульский кремль (раскопы 1992, 1999–2000 гг.), 7 – Гончарная слобода (раскоп 1991 г. по ул. Луначарского, 25), 8 – Никитский конец (раскоп 1999 г. по ул. Менделеевской).

воин в пластинчатом доспехе (рис. 1: 2). Скорее всего, этот изразец входил в серию «осада крепости» и изображал войско, едущее на штурм (Розенфельдт, 1961. С. 233. Рис. 1, в). Остальные фрагменты настолько малы, что их интерпретация не представляется возможной. Все изразцы найдены в слое заполнения постройки XVII в. (Екимов, 2007. С. 79).

Несколько белоглиняных рамочных изразцов и фрагмент витой перемычки найдены на территории посадов (рис. 1: 6–14). В 1991 г. при проведении охранных работ в Гончарной слободе (ул. Луначарского, 25) в раскопе рядом с гончарными горнами были найдены фрагмент неполивного изразца с изображением барса и фрагмент витой перемычки (рис. 1: 13, 14). Они находились рядом с горнами, что дает повод предположить наличие местного изразцового производства (Гриценко, 1991). Серия рамочных изразцов, возможно принадлежавших одной печке, получена в ходе работ 2007 г., проводившихся на месте сгоревшего здания военкомата по ул. Советской, 67 (рис. 1: 6–10). Среди них встречаются фрагменты стенных коробчатых изразцов, поясных стенных изразцов и городков. Все они имеют растительный орнамент. Интересен фрагмент с изображением двух барсов, стоящих под раскидистым деревом (рис. 1: 8). В этом же стиле выполнены два изразца (рис. 1: 11, 12), найденные по соседству, на пересечении улиц Советской и Менделеевской (Фомин, 2005). Данный сюжет также хорошо известен на московских изразцах (Розенфельдт, 1961. Рис. 3. а; 1968. Табл. 20, 7; Маслих, 1976. Рис. 19, 30). Все найденные изразцы покрыты белым ангобом с примесью слюды, что также встречается на московских находках (Розенфельдт, 1961. С. 232).

Появление поливных (муравленых) изразцов связывают с деятельностью литовского мастера О. Евермера и относят к 30-м гг. XVII в. (Баранова, 2004. С. 116). Причем покрывались поливой изразцы, выполненные как в готическом стиле, так и в стиле ренессанс (Немцова, 1993. С. 31). Ни один из муравленых изразцов, найденных в Туле, нельзя с полной уверенностью отнести к готическому стилю. Однако изразцы, которые можно отнести к стилю ренессанс, иногда встречаются. Это так называемые безрамочные рельефные (ковровые) поливные изразцы (рис. 2: 1–8). В основном все они либо связаны со слоем перекопа, либо залегали в слое, датированном XVII–XVIII вв. (Гриценко, 1991; Наумов, 1992; 1996; Воронцов, 1999; Екимов, 2007. С. 79). Два профильных изразца (рис. 2: 1, 2) можно отнести к так называемому типовому «московскому» печному набору, не имеющему местных особенностей (Немцова, 1989. С. 7).

К стилю ренессанс также относятся рельефные полихромные эмалевые (ценинные) изразцы (Немцова, 1989. С. 4). В Туле их находки чрезвычайно редки. На сегодняшний день известно всего не-

сколько фрагментов (рис. 2: 10–12), происходящих из раскопа в Оружейной слободе, недалеко от Николо-Зарецкой церкви (Наумов, 1996, Воронцов, 1998. С. 30; Воронцова, Касаткин, 2007. С. 260). Они явно не местного производства, т. к. выполнены из красножгущейся глины, которая тульскими гончарами не использовалась. Еще один фрагмент полихромного изразца с богатой орнаментальной рамкой происходит из Тульского кремля (рис. 2: 9).

Как видно из вышеизложенного, наиболее ранние типы изразцов (красноглиняные рамочные неполивные) на сегодняшний день выявлены только на территории кремля. Это вполне объяснимо, т. к. современная Тула, основанная в начале XVI в., долгое время была пограничным малонаселенным городом, основными жителями которого являлись служилые люди (Фомин, 2007. С. 47). Внутри же Кремля находились осадные дворы знатных бояр, поэтому существование изразцовых печей не кажется чем-то невероятным. Тула сильно пострадала в Смутное время. Население небольшого пограничного города стало еще меньше. Документы фиксируют большое число нищих. Понятно, что тулянам в это время было не до роскошных изразцовых печей. В XVII в. граница Московского государства отодвигается на юг. Тула начинает приобретать значение производственного и торгового центра. Активно развиваются слободы: Оружейная, Гончарная, Пушкарская, Никитский конец (Фомин, 2007. С. 49). Появляются зажиточные граждане. Именно из этих мест происходят находки изразцов середины – второй половины XVII в. Одними из самых богатых жителей города являлись оружейники, освобожденные от тягла. Николо-Зарецкая церковь в Оружейной слободе была одной из самых богатых в городе. Возможно, именно с ней связаны находки ценных изразцов.

Несколько слов скажем о происхождении описанных изразцов. Красноглиняные изразцы – несомненно привозные, т. к. тульские гончары для изготовления керамики использовали исключительно беложгущиеся глины. Не исключено, что белоглиняные изразцы могли изготавливаться в Гончарной слободе. Об этом говорят находки фрагментов изразцов возле гончарного горна (Гриценко, 1991; Воронцова, Касаткин, 2007. С. 253). К тому же, тульских кирпичников (они же гончары) Приказ каменных дел часто направлял на строительные работы в другие московские города, где они вполне могли освоить изразцовое дело (Воронцова, Касаткин, 2007. С. 256). К сожалению, письменные данные на этот счет пока отсутствуют.

Необходимо отметить, что, согласно документам XVIII в., в Туле изразцовое производство было (Воронцова, Касаткин, 2007. С. 254, 255). Судя по тому, что в 1731 г. при строительстве летнего дворца Анны Иоанновны В. Растрелли пригласил для устройства изразцовых печей калужских и тульских мастеров

(Салтыков, 1963. С. 505, 506), изделия их ценились достаточно высоко.

Дальнейшая перспектива исследований тульских изразцов требует, в первую очередь, полной публикации существующих коллекций.

- Баранова С.И., 2004. «Изразцов набор различных...» // Антиквариат. М. № 9.
- Беляев Л.А., 1993. Московские печные изразцы до начала XVIII века: Опыт археологической систематизации // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 5. Ч. 1.
- Воронов Н.В., 1960. Русские изразцы XVIII в. // Памятники культуры. М. Вып. 2.
- Воронцов А.М., 1999. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Воронцова М.А., Касаткин В.А., 2007. Изразцы из раскопок 1996 года на территории Оружейной слободы города Тулы // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей. В 2-х ч. Тула. Ч. 1: Изучение позднесредневековой Тулы.
- Гриценко В.П., 1991. Отчет об охранных археологических исследованиях в Туле и области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16555.
- Екимов Ю.Г. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей. В 2-х ч. Тула. Ч. 1: Изучение позднесред-

невековой Тулы.

- Маслих С.А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М.
- Наумов А.Н., 1992. Отчет об охранных археологических исследованиях в Кремле г. Тулы в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17178.
- Наумов А.Н., 1996. Отчет об исследовании в г. Туле и на Куликовом поле в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20421.
- Наумов А.Н., 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории кремля г. Тулы в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Немцова Н.И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII вв.: Методические рекомендации. М.
- Немцова Н.И., 1993. О стилях архитектуры русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. // Коломенское: Материалы и исследования. М. Вып. 5. Ч. 1.
- Розенфельд Р.Л., 1961. Красные московские изразцы // Памятники культуры: Исследования и реставрация. М. Вып. 3.
- Розенфельд Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1-39.
- Салтыков А.Б., 1963. Изразцы // Русское декоративное искусство. Восемнадцатый век. М. Т. 2.
- Фомин К.Н., 2005. Отчет об археологических исследованиях в г. Туле и Тульской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Фомин К.Н., 2007. Отчет об охранных археологических исследованиях в г. Туле в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Т.В. Гусева

ООО «Археологическая Служба», Нижний Новгород

Морфология культурного слоя русского средневекового города (на примере Нижнего Новгорода)

Нижний Новгород – один из древнейших русских городов в Среднем Поволжье. Он был основан в 1221 г. на восточной окраине русских земель и на протяжении всего средневековья сохранял свое пограничное положение, периодически подвергаясь разрушительным татарским набегам. При этом он практически не отличался от других городов Северо-Восточной Руси: общий исторический контекст, сходное географическое положение, одинаковая материальная и духовная культура, влияние одних и тех же процессов на темпы и характер развития. Это дает основание считать, что средневековый культурный слой как археологическое отражение общих исторических процессов в русских городах средней полосы России, включая и Нижний Новгород, имеет сходные характеристики и типологически одинаковый состав.

Как это ни парадоксально звучит, именно интенсивное городское строительство начиная с 1990-х

гг. открыло для изучения культурного слоя Нижнего Новгорода почти безграничные перспективы, позволило от характеристики отдельных локальных участков перейти к обобщениям и говорить о морфологии культурного слоя города в целом. Исключение пока составляет приречная подгорная часть, известная в письменных источниках под названием Нижнего посада. В ней из-за высокого уровня грунтовых вод строительно-земляные работы нерегулярны и ограничены по объему.

Охранный деятельность частной научно-исследовательской организации «Археологическая Служба» в Нижнем Новгороде охватывает почти двадцатилетний период. Она носит характер тотальных археологических обследований исторической территории города и включает в себя не только раскопки, но и надзор за различными земляными работами, в том числе и при повторном вскрытии коммуникацион-

ных колодцев и траншей. Это дает возможность обследовать, сравнивать, сопоставлять состав городского культурного слоя под одним и тем же научным углом зрения, проверять и перепроверять полученные на разных локальных участках данные, «складывать» их в общую картину, выяснять причинно-следственные связи и закономерности генезиса городских напластований. Особенно продуктивными в этом направлении стали работы последних лет, которые выявили уникальные по полноте стратиграфии участки как в Кремле (прокладка коммуникаций к зданию УФК в 2002–2005 гг.), так и на территории так называемого Верхнего посада: на ул. Ульянова, 10 (2006 г.), ул. Минина, 1а и ул. Варварская, 4–6 (2007 г.), Верхне-Волжской наб., 2а (2008 г.).

Сегодня с полным основанием мы можем утверждать, что средневековый культурный слой Нижнего Новгорода, так же как и других русских городов, – многокомпонентный объект археологического наследия, имеющий двойственную (антропогенную и естественную) природу формирования. Так же как и в других городах, в нем выделяются следующие компоненты: грунты, остатки конструкций и сооружений, археологический материал.

Грунты подразделяются на естественные (почвенные), антропогенные и комбинированные. К естественным следует отнести почвенные горизонты A1, A1A2, A2. К антропогенным – слои угля, глины, печины, прослойки песка. К комбинированным – аккумулятивно-гумусные почвенные горизонты, при переработке (копка, распашка) вбирающие в себя нижележащие антропогенные прослойки и образующие так называемые пестроцветы. Пестроцветы отличаются по основному грунту, включениям, степени измельченности (мелкие, крупные, насыщенные, разреженные). В Нижнем Новгороде толщина пачки средневековых (XIII–XVII вв.) напластований в горизонтальном состоянии редко превышает 40–50 см.

Естественные грунты представлены разновременными гумусными горизонтами, между которыми залегают чаще всего пестроцветы (в качестве слоев) и локальные антропогенные прослойки. Сверху они обычно бывают перекрыты темно-коричневым суглинком – освоенным почвенным гумусным горизонтом, сформировавшимся не ранее XIX в. Почвенные грунты практически повсеместно имеют однородную структуру, что свидетельствует об их освоении. Толщина почвенных горизонтов редко превышает 20 см. Это бурые (более ранние) и темно-серые суглинки (на цветность, видимо, влияет степень сохранности их гумусной окраски). Предматерик – белесая обесцвеченная прослойка естественного происхождения над «археологическим» материком. Она обычно сильно фрагментирована, что также говорит в пользу ее переработанности. Целинные грунты встречаются чрезвычайно редко, на очень ограниченных участках.

Антропогенные и комбинированные слои лежат между почвенными. Пятна ям и канавок читаются под почвенными слоями или на них. Характерно, что под бурым суглинком, повсеместно лежащим непосредственно на предматерике, фиксируются пятна ям (в том числе подполий) и канавок от оград. Это служит неоспоримым доказательством существования под первым снизу (в стратиграфической колонке) почвенным горизонтом несохранившихся «жилых» напластований, которые по керамике и вещевому материалу из соответствующих им ям могут быть датированы не позже XIV в.

Остатки конструкций и сооружений представлены в виде заглубленных в материк ям, которые, по сути, являются основным источником сведений о городской застройке: наземные части построек практически не сохраняются. Ямы включают в себя подполья наземных домов (как с вертикальной, так и с горизонтальной деревянной обшивкой стен), круглые и прямоугольные хозяйственные ямы, столбовые ямы и канавки от усадебных оград. Дневная поверхность ям чаще всего бывает разрушена в процессе формирования последующих напластований. Особый стратиграфический интерес представляют заполнения «крупногабаритных» ям (чаще всего подполий). В них проседают не только наземные части построек и остатки печей. Как правило, верхнюю часть заполнения составляют напластования, относящиеся к последующим периодам. Проседание в ямы не только оберегает их от разрушения, неизбежного на поверхности. Они часто сохраняют свою стратиграфическую последовательность. Это служит бесценным источником для реконструкции утраченных элементов культурного слоя.

В археологическом материале выделяются предметы и их обломки, производственные отходы, строительный, литологический и остеологический материал. Не ставя перед собой цель дать его исчерпывающую характеристику, отметим лишь, что он не содержит каких-либо существенных отличий от аналогичных материалов других древнерусских городов.

Характеризуя средневековый культурный слой Нижнего Новгорода, следует отметить и его особенности. Наблюдается высокая степень переработанности его отдельных горизонтов, вплоть до их полного исчезновения, и как следствие этого – сравнительно небольшая общая толщина более чем полувековых напластований. Объяснение этому следует искать не только в почвенных преобразованиях. Аккумуляции напластований препятствует медленное накопление культурного слоя в сочетании с его частой переработкой.

Расположение остатков жилых и хозяйственных комплексов носит скученный характер. Это свидетельствует об усадебном принципе застройки городской территории. Наличие значительных по протяженности участков, содержащих исключительно по-

чвенные горизонты, говорит о различном характере использования городских земель.

Антропогенные («жилые») слои последовательно чередуются с почвенными гумусными. Это дает ключ к пониманию динамики развития городской территории, указывает на прерывистый характер ее освоения, позволяет выделять периоды активности и спада городской жизни.

Совокупный анализ всех компонентов культурного слоя свидетельствует о том, что наиболее ярко и разнообразно в археологическом выражении Нижний Новгород представлен во второй половине XIV в. и второй половине XVII – начале XVIII в. Обращает на себя внимание отсутствие на значительной территории Кремля и на Верхнем посаде слоев и комплексов XV–XVI вв. Это устойчивое наблюдение следует рассматривать в тесной связи с военно-политической ситуацией на восточной окраине русских земель и социально-экономическим

положением Нижегородского края в это время. По всей видимости, в этот период в городе увеличилось число «пустых» дворов, уменьшилось число «зажиточных» усадеб, что не могло не сказаться на формировании культурного слоя и насыщении его вещевым материалом. Медленные темпы накопления не смогли обеспечить ему «неприкосновенность» в последующие периоды городской жизни.

Таким образом, на наш взгляд, результаты охраных археологических работ в Нижнем Новгороде убедительно показывают перспективность применения комплексного подхода к изучению городского культурного слоя, основанного на выделении его морфологических компонентов с последующим анализом их как в отдельности, так и в совокупности. Это позволяет расширять его информативные возможности, превращая из археологической иллюстрации городской средневековой жизни в надежный индикатор ее развития.

Е.А. Калашников

ГУК ННЦ по учету и охране памятников, Калининград

Курительные трубки голландского типа в Калининграде

Археологические работы проводились в 2006 г. на месте строительства культурно-этнографического центра «Рыбная Деревня» в исторической части г. Калининграда (бывш. Кёнигсберг), которая до окончания Второй мировой войны имела название Ломзе и представляла собой большой заболоченный остров между двумя рукавами р. Преголя (Старой и Новой). Официально о. Ломзе был включен в Альштадт (один из трех средневековых городов, которые образовали позднее г. Кёнигсберг) в 1404 г. К началу XVII в. Ломзе являлась складским кварталом Альштадта. Первые жилые дома на Ломзе начали возводить в XIX в.

Находки происходили из слоев XVIII–XIX вв. По всей видимости, этот грунт был перемещен сюда для поднятия затопляемого берега из близлежащего жилого района, скорее всего, после расчистки кварталов, пострадавших от пожаров (следы огня несут на себе многие предметы).

Белые керамические трубки – вторая по численности после керамической посуды категория находок, происходящих с данной территории. Обнаруженные фрагменты трубок датируются третьей четвертью XVII – началом XX в. Подавляющее большинство трубок относится к первой четверти XVIII в. – середине XIX в. Табак и мода на курение глиняных трубок из западных регионов Европы в XVII в. распространились и на восточную Европу –

Восточную Германию, Польшу, балтийские государства и Россию (Mezya, 2004. S. 133. № 17). В отличие от Британии, где мода на курение табака, а значит на трубки, сначала распространилась в низшем сословии, а затем перешла к высшему, в Голландии, Германии и других регионах Восточной Европы она привилась сначала в высшем сословии и постепенно захватила низшее.

В ходе работ обнаружено 12222 фрагмента курительных трубок, из них 49 из фарфора и 3 глиняные турецкого типа (2 из них с цветной поливой, одна – без), остальные – белоглиняные каолиновые голландского типа. Среди последних – 10846 фрагментов мундштуков (82% от общего количества), из них 9334 не орнаментированы (86% от количества мундштуков), 1512 орнаментированы (14%), и 1324 головки и их фрагменты (18%), из них 983 не орнаментированы (74% от количества головок) и 341 орнаментирована (26%).

Поверхность трубок голландского типа имеет различные оттенки белого и серого цвета, с орнаментом или без него. Высота головок до 45 мм, диаметр отверстий в верхней части 13–25 мм. Головки в основном по обрезу украшены колесиковым орнаментом, а некоторые имеют растительный орнамент, или изображение птиц, театральной маски, иногда – геральдические и сюжетные изображения (рис. 1). Мундштуки украшены линейным, геометрическим

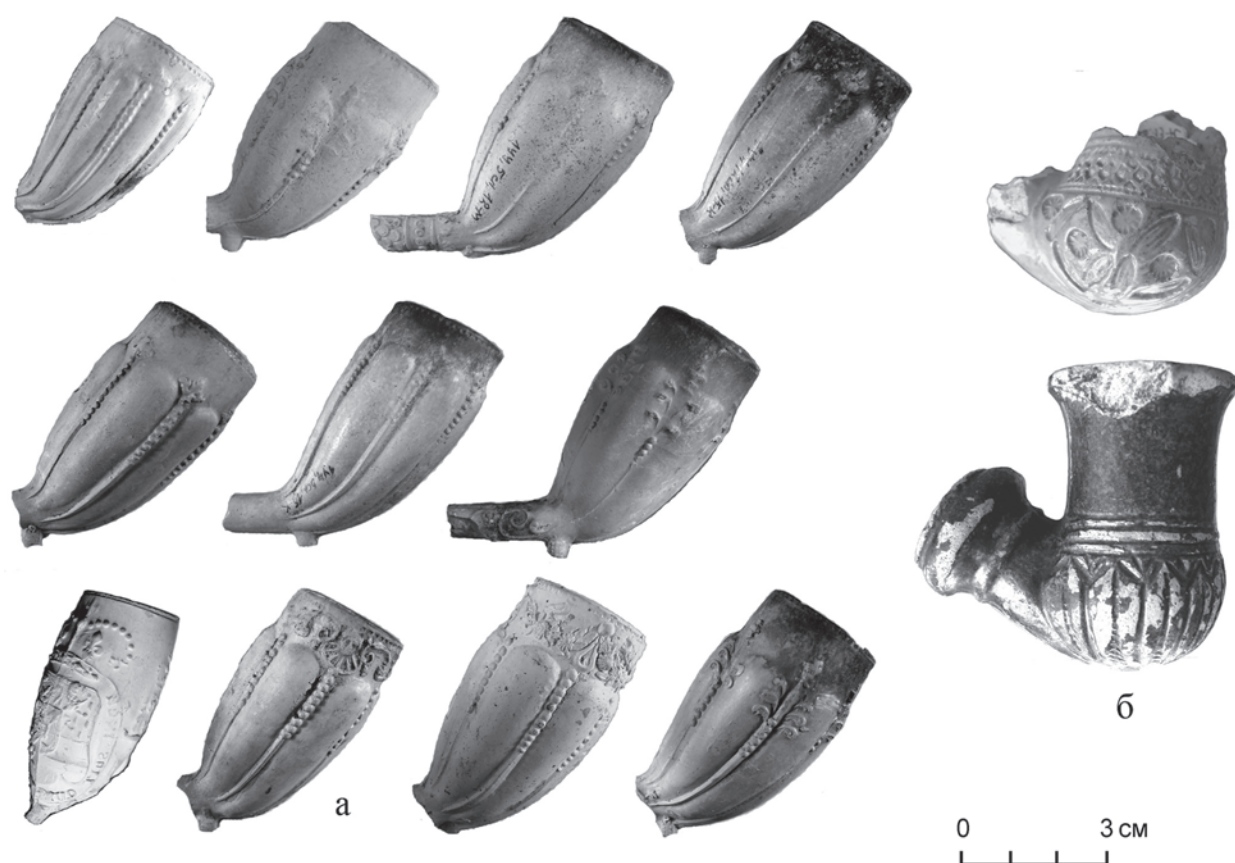

Рис. 1. Виды орнаментированных головок: а) голландского типа; б) турецкого типа.

орнаментом, выполненным колесиковым штампом, а также чешуйчатым орнаментом, стилизованным растительным орнаментом с изображениями птиц и животных (рис. 2). В отдельных случаях мундштуки имеют надпись. Нижняя часть выступов головок (пятка), как правило, снабжена клеймом в виде букв и цифр (как коронованных, так и некоронованных), сюжетов (изображения людей и животных) и символов (в том числе геральдических), обозначающих мастера или мастерскую (мануфактуру) – зарегистрированный товарный знак (рис. 3; 4); одна или обе боковые стороны пяток зачастую также имеют символические изображения (герб г. Гауда, точки, буквы и другие символы).

В процессе камеральной обработки выделены 5 основных групп головок (табл. 1):

Группа 1 – биконические. Отличаются небольшими размерами (высота 25–32 мм) и объемом (диаметр 13–18 мм), биконической формой, невысокой пяткой. Подразделяются на равноплечные и неравноплечные. На пятке присутствует товарный знак мастера или мастерской (мануфактуры), в ряде случаев товарные знаки расположены на боковых поверхностях пяток в виде точек, литер и изображений, отсутствуют щиты на боковых сторонах. Датируются

третьей четвертью XVII в. Со временем у трубок увеличивался объем головок и длина мундштуков, что было связано с возрастающей модой на табак и его доступностью, т. е. удешевлением.

Группа 2 – воронкообразные. Их отличают от группы 1 более крупные размеры (высота 35–45 мм), больший объем (диаметр 18–24 мм), форма принимает вид «воронки» – головка расширяется от нижней части к верхней. Пятка становится более выраженной, головка лучше отшлифована. На пятке присутствует товарный знак мастера или мастерской (мануфактуры), в ряде случаев, так же как и в группе 1, товарные знаки расположены на боковых поверхностях пяток в виде точек, литер и изображений, отсутствуют щиты. Товарный знак наряду с пяткой появляется и на теле головки со стороны мундштука. Датируются первой половиной XVIII в. – 1739 г.

Группа 3 – овальные. Отличаются крупными размерами (высота до 53 мм, диаметр до 22 мм), хорошей шлифовкой, тело головки приобретает овальную форму. Пятка становится высокой и ярко выраженной. На пятке по-прежнему присутствует товарный знак мастера или мастерской (мануфактуры), на боковых частях появляется щит с двумя полями, в каждом из которых вертикально расположены по три

шестиконечные звезды – герб г. Гауда (Голландия) – защита от имитации (рис. 5), сначала щит только с левой стороны пятаки, а затем с обеих сторон, позже над щитами появляется литера «S». Данная группа датируется по времени появления щитов на головке; с одним щитом – 1739–1740 гг., с двумя щитами и литерой «S» – от 1740 г. до конца XIX в. Эта группа разделяется на головки орнаментированные и неорнаментированные.

Группа 4 – округлые. Подразделяется на головки без пятаки и с пятакой. Отличается округлым основанием головки, обрез верхней части головки расположен параллельно мундштуку. Высота головки до 45 мм, диаметр 20–25 мм. Товарный знак мастера или мастерской (мануфактуры) расположен на теле головки со стороны мундштука. Датируется серединой – концом XVIII в.

Группа 5 – прямоугольные. Эту группу отличает угол наклона головки по отношению к мундштуку, который приближается к 90°. Обрез верхней части головки, так же как и у трубок группы 4, расположен параллельно мундштуку. Высота головки до 48 мм, диаметр до 25 мм. В этой группе особняком стоит короткая головка (высота 32 мм, диаметр 22 мм), угол которой больше 90°, но меньше, чем у преды-

дущих групп, обрез верхней части головки также параллелен мундштуку. В этой группе, кроме трубок с короткой головкой, у которых клеймо стоит на мундштуке около головки, имеются хорошо выраженные пятаки с товарным знаком мастера или мастерской (мануфактуры) и защита от имитации. Датируются серединой – концом XVIII в. Трубки с короткой головкой являются, скорее всего, импортом из Англии или Шотландии (Reinfelde, 2005. Knasterkopf № 18. S. 69, 70).

Из 1324 головок и их фрагментов, обнаруженных при раскопках в «Рыбной Деревне», только 737 имели товарные знаки (клейма), остальные фрагменты принадлежали частям головок, не несущим эти знаки. Клейма распределились следующим образом: на пятаках – 165 клейм, на теле головки – 68. Всего зафиксирован 181 вид товарных марок (клейм) (рис. 3), некоторые из них имеют общую внешнюю схожесть, но отличаются деталями (различное написание литер, цифр и символов, наличие или отсутствие жемчужного обрамления, наличие или отсутствие короны над литерами и цифрами и разновидности ее формы).

До 1739 г. на головки трубок ставили только товарный знак мастера или мастерской, который был

Рис. 2. Мундштуки трубок голландского типа.

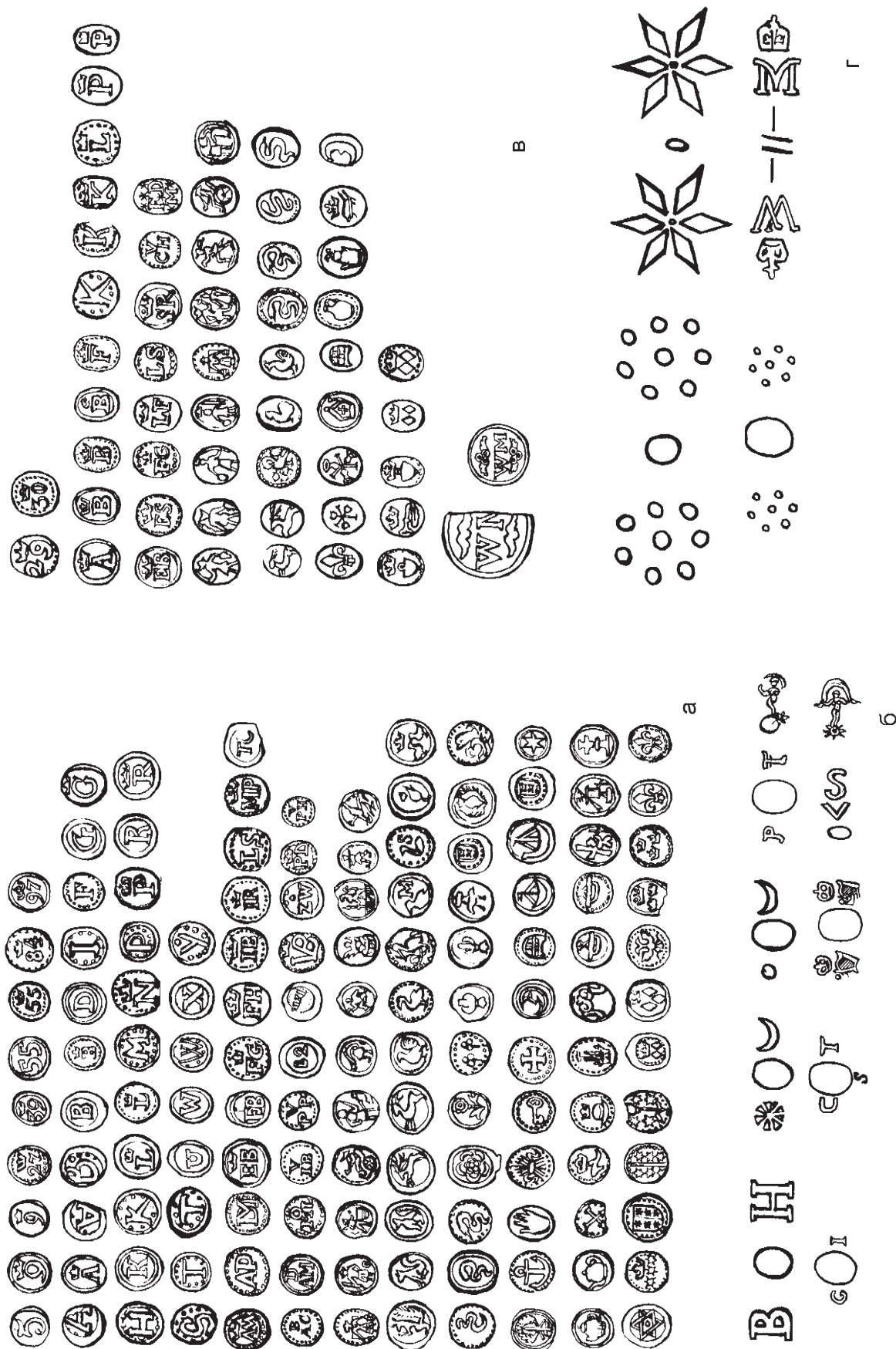

Рис. 3. Виды клейм на пятках и головках трубок голландского типа.

а

б

Рис. 4. Фотографии некоторых видов клейм на головках и пятках головок трубок голландского типа.

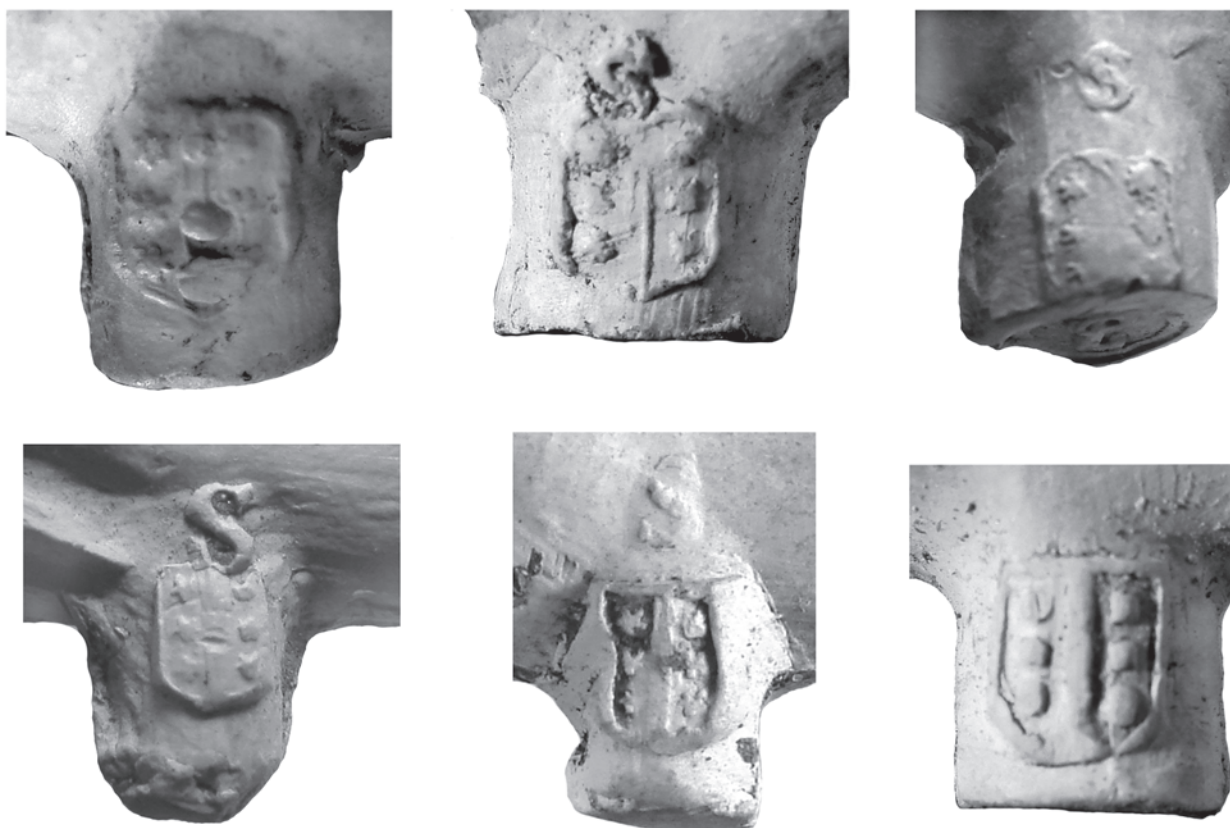

Рис. 5. Защита от имитации на боковых поверхностях пяток головок трубок голландского типа.

зарегистрирован в г. Гауда. С 1739 г. была введена защитная марка от подделок (имитации) в виде герба г. Гауды, которая ставилась на левой стороне пятки, а с 1740 г. герб Гауды появляется уже с двух сторон пятки и сверху над щитом располагается литера «S» (Articus, 2000. S. 45, 46).

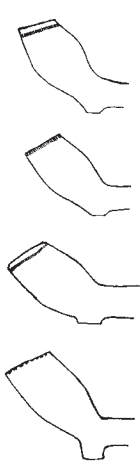
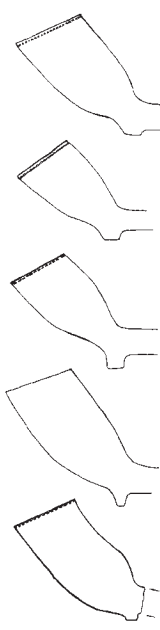
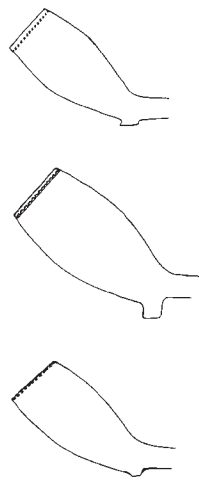
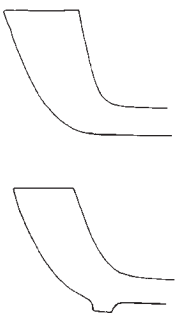
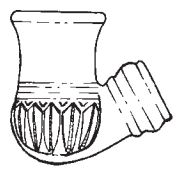
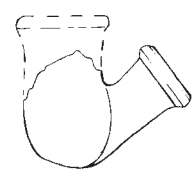
Надо отметить, что защита от имитации явилась необходимой мерой, т. к. количество подделок возросло, а герб Гауды означал качество изделий г. Гауды, откуда первоначально стали распространяться курительные трубки в Германию, в частности Пруссию, в Польшу и страны Балтии. Но в итоге и это не помогло, т. к. местные мастера достаточно быстро научились имитировать и защитную марку, что заметно на многих щитах, где вместо звезд присутствуют точки. По большому счету, подавляющее большинство этих трубок было имитациями, уступающими по качеству трубкам, произведенным в Голландии, в частности по качеству шлифовки и четкости изображений.

Фрагменты мундштуков составляют большую часть материала (82%). Основная их масса относится к середине XIX в. Для орнаментированных мундштуков этого периода характерны как линейные и геометрические орнаменты, так и растительные, в виде усиков цветов, виноградных лоз, оплетающих мундштук, среди которых встреча-

ются повторяющиеся как отдельно, так и в сочетании друг с другом, грозди винограда, цветы, птицы (встречаются изображения перепелки, глухаря, сокола, курицы, петуха, похожих на соловья мелких птиц), животные (медведь, стоящий на задних лапах, бегущая собака, похожая на пуделя, сидящая лиса, лежащий лев), охотник с ружьем. Встречаются мундштуки с надписями, самые распространенные из них: IN GOUDA, FABRIQUE ROSTIN, OVERWESEL, F. VERZIL, WEISSEN SPRING, LUCKAS DE IONG, BOOMPHOG, VALKENBURG, M. HOOF, A. DAMM. Для более ранних орнаментированных мундштуков (до 1740 г.) характерны геометрические орнаменты по окружности, орнамент, выполненный колесиковым штампом по спирали вдоль мундштука, ромбы с лилиями внутри, боковые вдавления. В отличие от более поздних, которые хорошо отшлифованы и достаточно изящны, у ранних мундштуков поверхность слегка шлифованная и грубоватая.

Основная масса трубок, обнаруженных в Калининграде на месте строительства культурно-этнографического центра «Рыбная Деревня», произведена на мануфактурах в Rostin (королевство Пруссия), Weissenspring (королевство Пруссия), Sborovsky (район Верхняя Силезия – королевство Пруссия; Kluttig-Altman, 2005. S. 24, 25), Wesel (ко-

Табл. 1. Курительные трубки голландского типа. Типы головок.

КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ГОЛЛАНДСКОГО ТИПА ТИПЫ ГОЛОВОК				
БИКОНИЧЕСКИЕ XVII в.	ВОРОНКОВИДНЫЕ I пол. XVIII в.	ОВАЛЬНЫЕ сер. XVIII - XIX в.	ОКРУГЛЫЕ сер. XVIII в. - кон. XVIII в.	ПРЯМОУГОЛЬНЫЕ сер. XVIII в. - кон. XIX в.
РАВНОПЛЕЧНЫЕ НЕРАВНОПЛЕЧНЫЕ 				 КОРОТКИЕ
КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ТУРЕЦКОГО ТИПА				
			ПОЛИВНЫЕ 	НЕПОЛИВНЫЕ

0 3 см

ролевство Пруссия), что подтверждают и надписи на мундштуках. Тем не менее, довольно часто встречаются и производители из других регионов Европы, в том числе из Голландии, Германии, Польши, возможно Англии и Шотландии, а обнаружение трех головок турецкого типа говорит и о торговых связях Кенигсберга с Балканами (Mezya, 2004. S. 58; Kluttig-Altman, 2005. S. 22, 23, 26).

На сегодняшний день разрешение проблемы происхождения трубочного материала в г. Калининграде (вопросы импорта и наличие местного производства) находится только на начальном этапе, т. к. до этого у исследователей региона этот вопрос не стоял, а ведь трубочный материал служит достаточно твердым хроноиндикатором поздних культурных слоев городов Калининградской обл. и может позволить решить вопросы датировок как археологических объектов, так и других находок, встречающихся вместе с фрагментами труб.

Articus R., 2000. Tonpfeifenfunde vom Rande der Großstadt – Grabung in der Schloßstraße in Hamburg-Harburg // Knasterkopf №13. Helms-Museum. Hamburg.

Kluttig-Altman R., 2005. Tonpfeifenfunde im Südlichen Ostseeraum und in Schlesien erste ergebnisse einer internationalen ausstellung im Ostpreussischen landesmuseum Lünenburg// Knasterkopf №18. Helms-Museum. Hamburg.

Mezya K., 2004. Die Herstellung von Tonpfeifen in einer warschauer Töpferwerkstatt vom ende des 17. und 18. Jarhunderts // Knasterkopf №17. Helms-Museum. Hamburg.

Reinfelde I., 2005. 18. un 19. gadsimta baltmala pipes Rigas arheologiskaja materiala // Sena Riga. Pētījumi pilsētas arheologija un vēsturē. Riga.

Reinfelde I., 2005. Arhāologische Tonpfeifenfunde in Riga-Ein erster überblick. // Knasterkopf № 18. Helms-Museum. Hamburg.

Sprainaitis R., 1989. XVII-XIX a. Olandiško tipo pypkės Klaipėdos kultūrinioose sluoksniuose // Vakarų Baltū arheologija ir istorija. Klaipėda.

Г.К. Патрик, М.Г. Гусаков
Институт археологии РАН

Археологические следы польской интервенции (первая четверть XVII в.)

В 2007–2008 гг. в Смоленске были найдены очень интересные фрагменты изразцов. Первый из них принадлежит к типу поливных изразцов с лицевой пластиной в виде прямоугольника размерами 23 × 20 см. Он покрыт поливой зеленого цвета. Рисунок выпуклый, оттиснутый в форме. По краю пластины проходит отчетливая рамка шириной 0,6–0,7 см. На внутренней стороне имеется коробчатая румпа. Глина красножгущаяся, хорошо промешанная.

На лицевой стороне изображена следующая композиция: в углах помещены четыре ангела (лицо и крылья), центральную часть занимает монограмма из букв I, H, S, увенчанная крестом, а под ней находится сердце с трезубцем. Монограмма окружена круговой надписью «GENU : FLECTATUR : INNOMINE : IESU : OMNE», шириной 1,6–2 см. Все слова надписи отделены друг от друга с помощью двух ромбиков. Расстояние между словами варьирует от 1 до 2 см. Таким образом, весь облик изразца указывает на его религиозное содержание (рис. 1).

Прежде всего наше внимание привлекла латинская фраза, которая в переводе звучит следующим образом: «КОЛЕНИ ПРЕКЛОНИМ ВО ИМЯ ГОСПОДА ВМЕСТЕ». Чтобы понять значение этой фразы, пришлось проконсультироваться в московском католическом храме Святого Людовика. Оказалось, эти слова являются очень древним девизом и написаны во всех католических храмах. Эта фраза – один из элементов католического храма и отчасти символизирует его.

Доступная нам европейская литература, посвященная изразцам, содержит довольно много примеров применения изразцов именно в интерьерах соборов и официальных зданий; на них изображены отдельные святые и сцены из Священного писания, но нигде мы не встретили хотя бы отдаленные аналогии нашему изразцу из Смоленска (Holcik, 1978; Strauss, 1966; Dambrowska, 1987; Ambrosiane, 1910; Tautavicius, 1969; Voit, Holl, 1963). Приведенные этими авторами надписи немногочисленны и носят несколько иной характер.

Размещенная в центре изразца монограмма уже встречалась на изразце из Полоцка, хотя там она была помещена над букетом цветов, стоящим между двух колонн, которые образуют алтарную нишу (Розенфельдт, 1969. Рис. 2, 1). Р.Л. Розенфельдт интерпретировал монограмму как имя Христа: буквы I и S, несомненно, означают имя Иисуса, а между ними находится крест (Там же. С. 182). Изразец из Полоц-

ка также покрыт зеленой поливой и датируется первой половиной – серединой XVII в. Присутствие в этой монограмме имени Христа не подлежит сомнению, но Р.Л. Розенфельдт, ничего не говорит о букве H, стоящей в центре. Считать ее просто орнаментальной «подставкой» для креста, простым связующим элементом, не несущим смысловой нагрузки, вряд ли возможно. В многочисленных публикациях изразцов, на которых имеются буквы, даны расшифровки слов, скрытых за каждой литерой. Знакомство с историей католицизма подсказало мне другой вариант прочтения этой монограммы. Но прежде необходимо вспомнить исторические реалии смоленской жизни XVII в., в свете которых станет понятен скрытый текст.

В начале XVII в. Смоленск и Москва подверглись польской интервенции, идейным вдохновителем которой был польский король Сигизмунд III Ваза (1566–1632), активный приверженец католицизма и сторонник контрреформации. Современники называли его «Филиппом II Севера». На рубеже XVI–XVII вв. насаждение Сигизмундом воинствующего католицизма в Речи Посполитой получило поддержку мощных и влиятельных группировок дворянства, которые «отказались от традиционных воззрений междворянской веротерпимости» (История... Т. 3. С. 429). В 1596 г. под прямым давлением правительства была заключена Брестская уния между православной и католической церквями, ставившая православную церковь в зависимое положение. Уния должна была содействовать упрочению католицизма на белорусских и украинских землях Речи Посполитой и создать благоприятные условия для экспансии католицизма на восток, на русские земли. С первых дней похода на Москву Лжедмитрия I сопровождали два иезуита, Николай Чижевский и Андрей Лавицкий, выполнявшие роль советников и помощников (Пирлинг, 1902. С. 100; Скрынников, 1988а. С. 280). Рим пристально следил за событиями в Московии. Известно имя доверенного лица Ватикана в Польше, Петра Арсудия, информировавшего Рим даже о секретных переговорах под Кромами (Скрынников, 1988б. С. 192). Епископ Рангони, папский нунций в Кракове, был очень хорошо осведомлен о польско-русских делах. Более того, он отправил своего племянника Александра Рангони с посланцами папы Павла V в Москву. Из документов известно, что иезуитская миссия была в Москве в начале 1606 г. (Пирлинг, 1902. С. 62). Обращает на себя

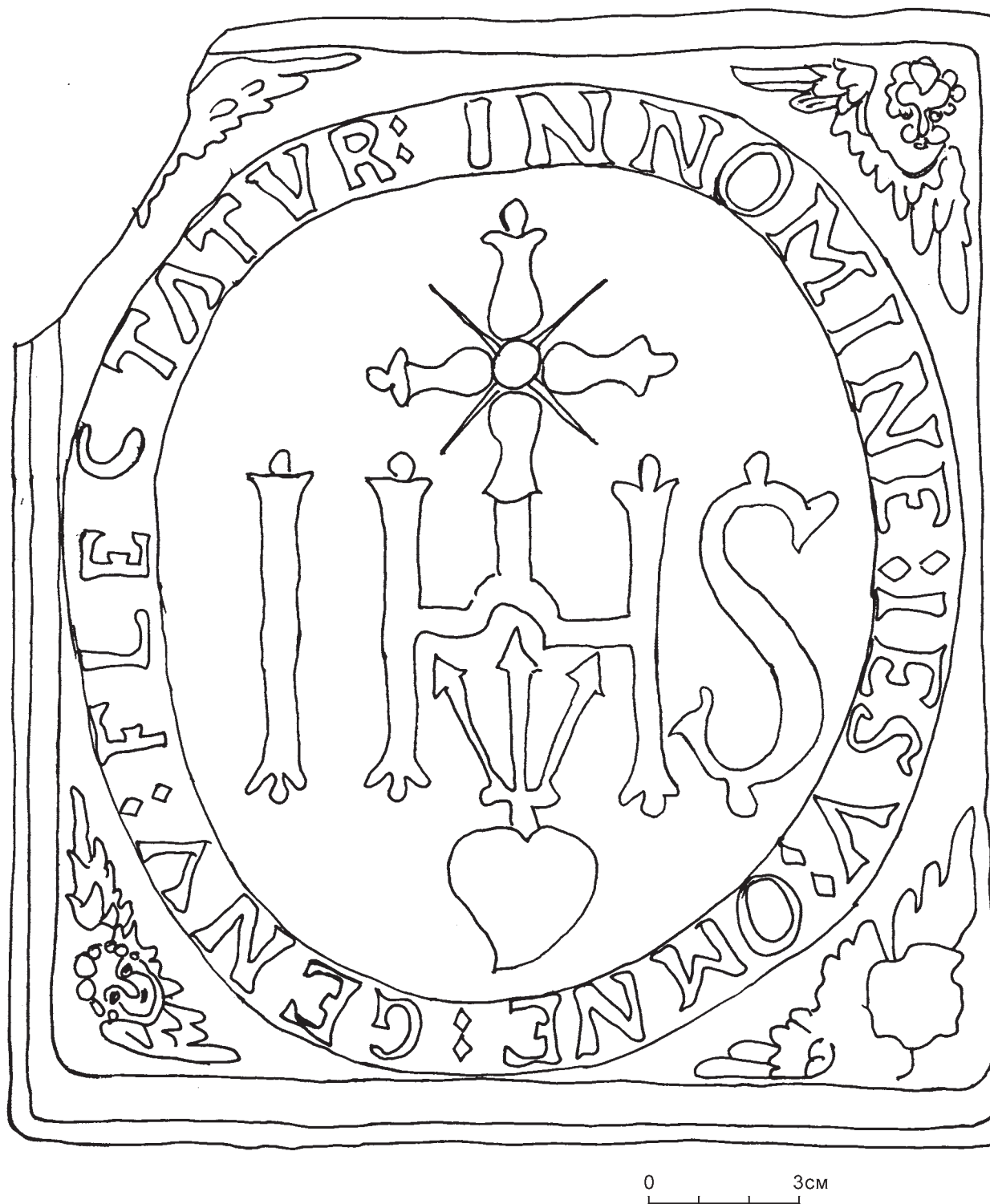

Рис. 1. Реконструкция лицевой части изразца с латинской монограммой и надписью.

внимание и тот факт, что посол папы Климента VIII, Франциск Коста, возвращаясь из Персии, пребывал в Калуге (Там же. С. 66). Для историков очевидна многолетняя активность ордена иезуитов на территории Московии, что вполне логично: Московия бы-

ла населена большим количеством людей, которых следовало привести в правильную католическую веру. Кроме того, часть московских бояр из Тушинского лагеря заключила 4 февраля 1610 г. с королем Сигизмундом III соглашение о порядке передачи

Рис. 2. Фрагменты второго вида изразцов с монограммой.

московского трона польскому королевичу Владиславу Жигимонтовичу (Сигизмундовичу) (Скрынников, 1988б. С. 463). Таким образом, документы свидетельствуют о том, что в бурных событиях начала XVII в. постоянно участвуют представители ордена иезуитов. Знакомство с историей ордена иезуитов и подсказало другое прочтение этой монограммы: IHS = IESUS HOMINUM SALVATOR – Иисус людей спаситель. Эти слова были написаны Игнатием Лойолой на алтаре подземной часовни Монмартра 15 августа 1534 г. и стали девизом для всех его сторонников (Андреев, 2002. С. 281).

Изображенные под монограммой сердце и трезубец также входят в эмблему ордена иезуитов. Подчиненное положение сердца по отношению к церкви говорит о том, что необходимо служить церкви всем сердцем. И последний элемент – трезубец. Он символизирует три обязательных для иезуита качества: послушание, целомудрие и нестяжательство.

Кроме рассмотренного выше изразца в том же раскопе есть еще два примыкающих к нему по стилю эк-

земпляра: один только с монограммой, но без круговой надписи (рис. 2), второй – с растительным орнаментальным элементом в виде буквы X, по бокам которого изображены два двойных креста, аналогичные кресту на первом изразце (рис. 3). Еще один изразец с монограммой опубликован Н.И. Зданович и О.А. Трусковым. Он найден в г. Мстиславле и датирован концом XVII в. (Зданович, Трусак, 1993. С. 81. Рис. 141). Отсутствие прорисовки не дает возможности понять, что расположено вокруг монограммы – деградировавшая надпись или черточки в виде лучей. В углах вместо изображения ангелов оттиснуты буквы: в левом верхнем углу R, в левом нижнем – S. Другие углы, к сожалению, отбиты. Также не указан и цвет поливы. Авторы уверенно связывают фрагменты этих изразцов с присутствием ордена иезуитов на территории Белоруссии и упоминают, что они были найдены «в Полоцке, Смоленске, Мстиславле, Минске и других городах» (Зданович, Трусак, 1993. С. 81).

Когда же такой изразец мог появиться в Смоленске? С 1514 до 1611 г. Смоленск входил в Московское

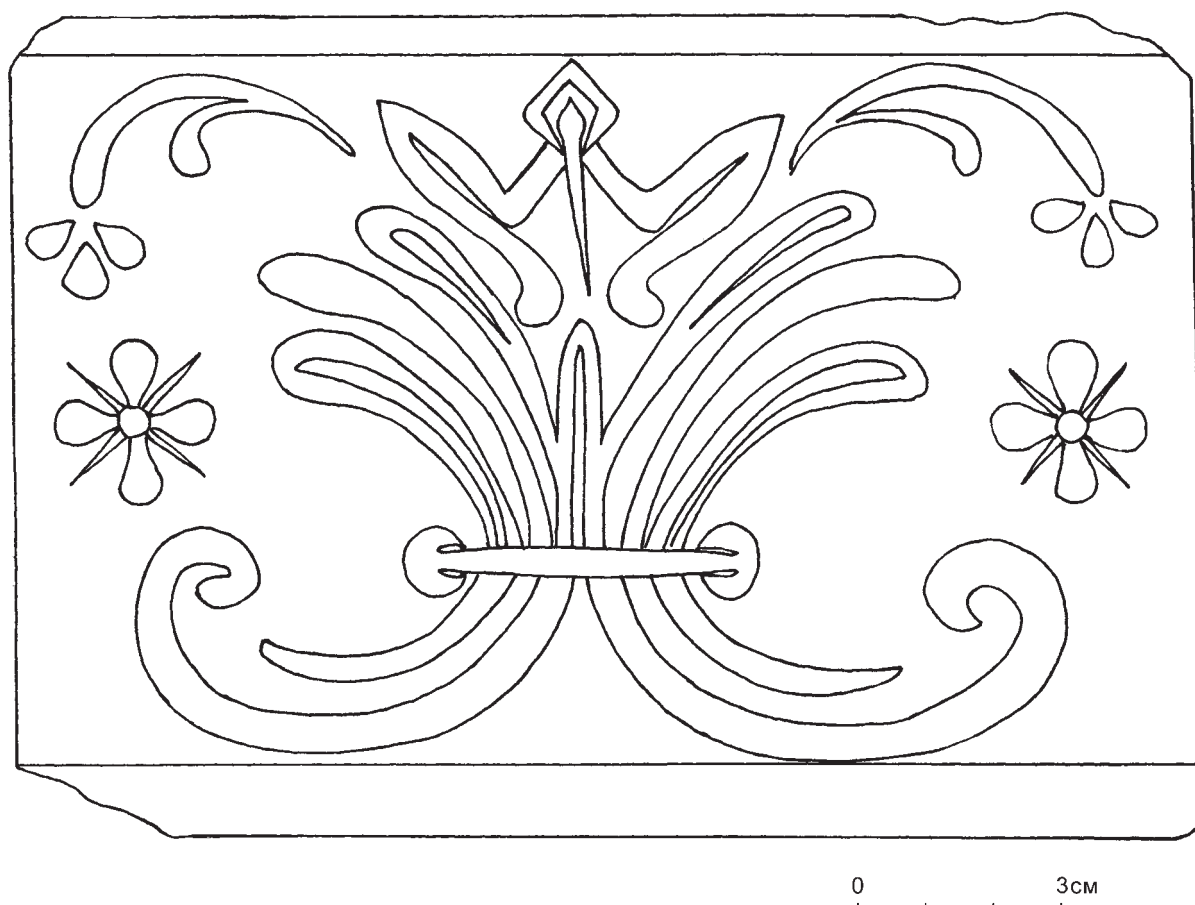

Рис. 3. Декоративный изразец с католическим крестом в орнаменте.

государство, и присутствие там иезуитской миссии нигде не упомянуто. Следовательно, только после захвата Смоленска 3 июня 1611 г. войсками Сигизмунда III и до возвращения его под власть московского правительства в 1667 г. здесь могли присутствовать католики. Эти временные рамки могут быть сужены, т. к. мы знаем, что наибольшая активность ордена имела место при жизни короля Сигизмунда III (умер в 1632 г.). Его сын, король Владислав IV, не мог продолжать политику отца. Поэтому возьмем на себя смелость предположить, что печь, облицованная этими изразцами, была сложена через несколько лет после взятия Смоленска, когда здесь создавалась иезуитская миссия. Изготовление таких изразцов не требует много времени. Заключение в них набор символов вполне позволяет сделать из любого помещения временный католический храм или создать ясную религиозную доминанту в светском помещении.

Второй изразец, привлечший наше внимание, принадлежит к немногочисленной группе гербовых изразцов. Это плоский рельефный изразец размерами 28 × 21 см, покрытый такой же зеленой поливой, как и предыдущий. На его поверхности изображен щит со знаком «Огоньчик или Повала». Над щитом находится корона, над которой помещены две возде-

тые к небу женские руки. В верхних углах оттиснуты четыре буквы «I : I» и «O : D» (рис. 4). Облик этого гербового изразца весьма лаконичен и традиционен. В книге А.Б. Лакиера помещен именно такой герб, владельцами которого были Радзивиллы (Лакиер, 1990. С. 282. Табл. XXIV, 21).

Княжеский род Радзивиллов владел обширными землями на территории княжества Литовского, в состав которого входили земли Белоруссии. Представители этого рода до второй половины XVI в. были кальвинистами. Под влиянием книг знаменитого виленского иезуита Петра Скарги Юрий Радзивилл (1556–1600 гг.) стал католиком, получил сан краковского епископа, а с 1584 г. – кардинала. В 1592 г. он стал папским нунцием в Польше. Ю. Радзивилл был одним из ближайших соратников короля Сигизмунда III в деле распространения католицизма и преследовании кальвинистов. Еще один представитель этой фамилии, Альбрехт Станислав Радзивилл (1565–1656), был активным борцом против православия, участником войны 1632–1634 гг., а также историком и автором мемуаров. Христофор Радзивилл (умер в 1640 г.) – также участник Смоленской войны 1632–1634 гг. и заключения Поляновского мира. Его сын Януш Радзивилл (1612–1655) возглавлял

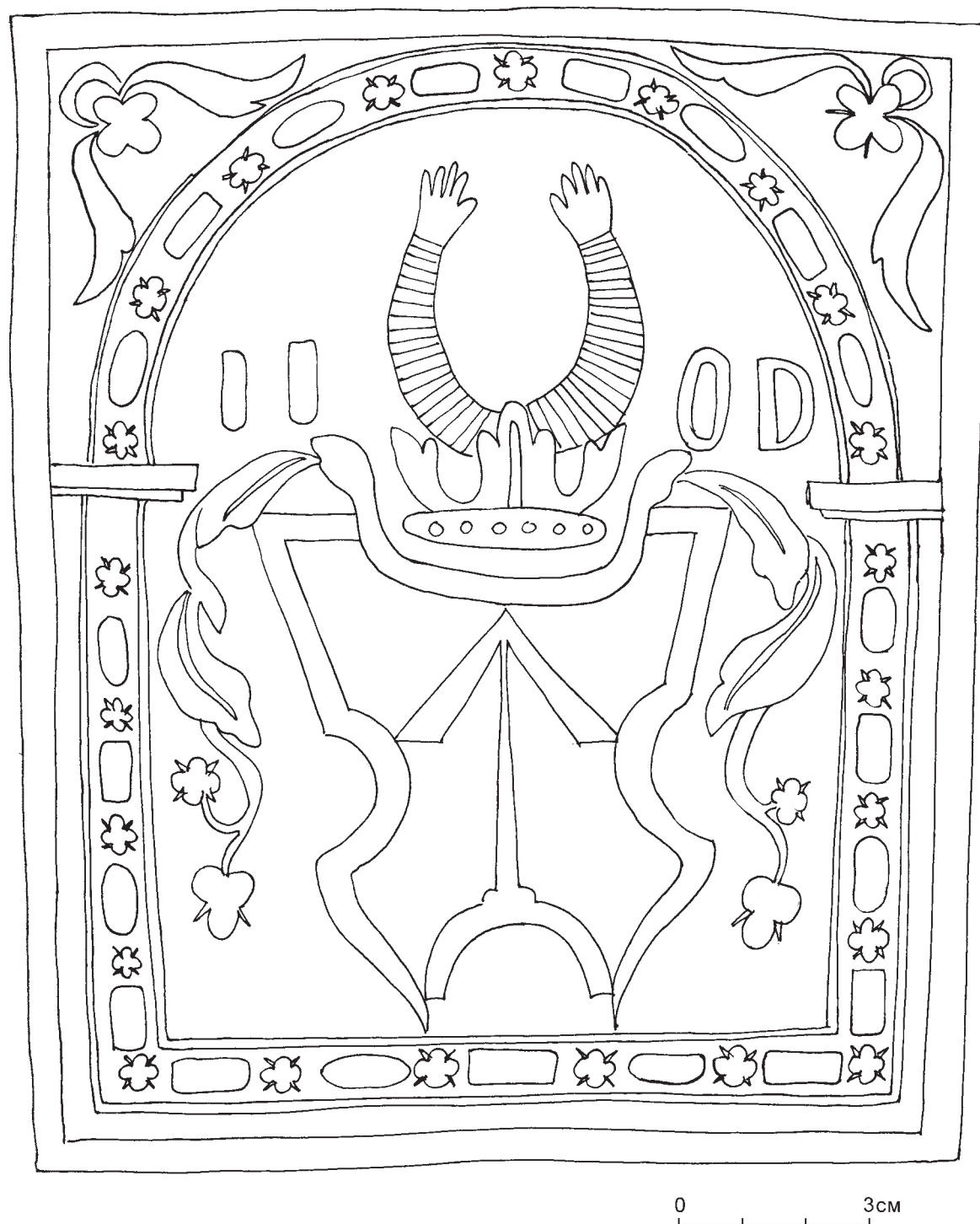

Рис. 4. Реконструкция гербового изразца Радзивиллов.

литовские войска, подавлявшие восстание в Белоруссии в 1648–1649 гг. Таким образом, мы видим, что в этот период несколько представителей фамилии Радзивиллов принимают активное участие в событиях – как политических, так и религиозных, – на восточной границе Речи Посполитой.

Период между второй половиной XVI – началом XVII в. характеризовался очень напряженными отношениями и регулярными пограничными войнами между Польшей, в состав которой входило Литовское княжество, и Московским государством. Мы думаем, что в главной пограничной московской кре-

пости, каковой был Смоленск, не могло быть подвора литовских магнатов Радзивиллов. С большой долей уверенности можно предположить, что смоленский изразец относится к периоду 1611–1667 гг., когда город находился под властью Польши.

Для определения датировки важно восстановить надпись, состоящую из начальных букв (I: I : O : D). Среди этих букв нет инициалов Радзивиллов, т. к. нет главной буквы – R. Значит, надпись является какой-то фразой, имеющей религиозное содержание. Буква I очень часто и у православных, и у католиков заменяет имя Иисус, как это было в девизе иезуитов. Согласно словарю И.Х. Дворецкого (2000), латинская буква I также заменяет слово «imperator», буква O – слово «optimus» (лучший) и «omnes» (весь, все), буква D – «deus» (бог) и «dominus» (повелитель). Итак, можно предположить, что эта фраза звучит следующим образом: ИИСУС ПОВЕЛИТЕЛЬ ВСЕХ ПОВЕЛИТЕЛЕЙ или, говоря современным языком, Иисус выше всех земных владык. Такой девиз в сочетании с гербом Радзивиллов мог появиться как знак того, что Радзивиллы были активными участниками распространения католицизма на смоленских землях. Таким образом, время появления этого изразца в Смоленске – 1611–1650 гг.

Итак, рассмотренные нами смоленские изразцы могли быть сделаны при восстановлении города в 1613–1615 гг. или после войны 1632–1634 гг. Труд-

но сказать, были ли они изготовлены на месте или привезены из соседних белорусских земель, где находились владения Радзивиллов. Ответ на этот вопрос могут дать только дальнейшие изыскания. На наш взгляд, эти изразцы были сделаны если и не в Смоленске, то не очень далеко от него.

- Андреев А., 2002. Монашеские ордена. М.
 Дворецкий А.Х., 2000. Латинско-русский словарь. М.
 Зданович Н.И., Трусау А.А., 1993. Беларуская паліваная кераміка стст. Мінск.
 История Европы. М., 1993. Т. 3.
 Лакиер А.Б., 1990. Русская геральдика. М.
 Пирлинг П.О., 1902. Из смутного времени. СПб.
 Розенфельдт Р.Л., 1969. Белорусские изразцы // Древности Восточной Европы. М.
 Скрынников Р.Г., 1988а. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М.
 Скрынников Р.Г., 1988б. Россия в начале XVII в. «Смута». М.
 Amdrosiane S., 1910. Zur Typologie der alteren Kacheln. Stockholm.
 Dabrowska M., 1987. Kafle i piece kaflowe w Polsce do konca XVIII wieku. Wroclaw.
 Holcik S., 1978. Sredoveke kachliarstvo. Brno.
 Strauss K., 1966. Die Kachtlkunst des 15. und 16. Jahrhunderts in Deutschland, Osterreich und der Sweiz. Strasbourg.
 Tautavicius A., 1969. Vilnaus pilles kokliai (XVI–XVII a.). Vilnius.
 Voit P., Holl I., 1963. Alte ungarische Ofenkacheln. Budapest.

А.Б. Сиволапова¹, Е.Л. Хворостова², А.Н. Хохлов³

¹ Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр

² Научно-проектное реставрационное предприятие «Симаргл», Москва

³ Институт археологии РАН

Успенский монастырь в г. Старице на Верхней Волге по данным археологических исследований 2004–2007 гг.

Археологическое изучение территории Успенского монастыря в городе Старица Тверской области проводится экспедицией Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра (ТНИИР-Центра) совместно с Научно-проектным реставрационным предприятием (НПП) «Симаргл» с 2002 г. Работы были начаты сотрудником ТНИИР-Центра М.Е. Нестеровой, продолжены сотрудниками ТНИИР-Центра А.Б. Ивановой и А.Б. Сиволаповой. Работы на объектах архитектуры проводятся главным археологом НПП «Симаргл» Е.Л. Хворостовой. Изыскания связаны с восстановлением монастыря и носят спасательный характер.

Основание монастыря легендарно относится к 1110 г., когда два инока, Трифон и Никандр, прибыли в урочище «Старый бор» «из Киева по Днепру до Смоленска, затем через Вазузу к верховьям реки Волги» (Арсений, 1895. С. 23, 24). Считается, что упомянутое урочище располагалось выше монастыря по склону берега, на месте, где в XVIII в. стояла Богоявленская церковь.

Возрождение монастыря традиционно связывают с именем Андрея Ивановича, младшего сына Ивана III. Строительство каменного монастыря началось, вероятно, после того, как Андрей был отпущен великим князем Василием III в свой удел в Старицу. Андрей перенес монастырь ближе к Волге, располо-

жив его на мысу напротив кремля. В 1551 г., при его сыне Владимире Андреевиче, в монастыре «...была собрана братия и назначен настоятель» (Арсений, 1895. С. 34). Во второй половине XVI в. Иван Васильевич Грозный построил церковь Введения Божьей Матери. Архитектурный ансамбль Старицкого Успенского монастыря на протяжении последующих столетий дополнялся различными сооружениями и строениями. Архитектурно-археологические исследования, проводимые на территории монастыря, дали принципиально новый материал, позволяющий существенно дополнить письменные источники по истории Старицкого Успенского монастыря.

В ходе многолетних исследований были выявлены остатки жилой застройки, предшествующей строительству каменных зданий монастыря. Следует отметить, что расположенный на материке слой, а также слой заполнения сохранившихся частей подклетов, отличается от слоя строительства плотностью и отсутствием включений кирпичной и известняковой крошки. Последние обнаружены в подклетах «докаменного» строительства, что объясняется использованием изобилующего местного строительного материала.

Остатки жилой застройки представлены нижними частями жилых и хозяйственных построек – заглубленными в материк подклетами; в некоторых из них прослежены остатки отопительных сооружений – печей. Остатки печей представляют собой скопления либо камней, скрепленных глиной, либо печных кирпичей с фрагментами элементов оформления устья печи. Некоторые из элементов украшены различными орнаментами. Интересна находка печи, сложенной из кирпича и украшенной керамическими ангобированными баялинами. На торцевых гранях (тычках) некоторых кирпичей прослежены клейма.

Материковые стенки котлованов подклетов укреплены вертикально забитыми в материк кольями или бревнами диаметром около 15 см. В некоторых подклетах прослежены остатки деревянных столбов по углам и прикрепленные к ним горизонтально доски или плахи. Наземные части построек не сохранились.

В заполнении подклетов выявлены железные ключи от цилиндрических замков, железные замки, ножи, поливная посуда со штампованным орнаментом, черно- и белолощеные сосуды-рукомой, светцы. Керамическая посуда представлена многообразием форм. Выявлены фрагменты и целые формы горшков, мисок, крышек. Посуда изготовлена из красно- и беложгущихся глин, практически половину коллекции составляют ангобированные сосуды (из красножгущейся глины, ангоб белого цвета, чаще всего сплошной) и чернолощеная керамика. Последняя представлена в основном фрагментами мисок и крышек, кувшинов и рукомоев. Качество лощения очень высокое, внешняя поверхность сосудов почти зеркальная.

Керамика, по аналогиям с московской керамикой, может быть отнесена к концу XV – первой половине XVI в. Однако выделяются находки и более раннего времени (XIV–XV вв.)

Таким образом, археологический материал позволяет считать, что на территории, которую впоследствии занял монастырь, существовало поселение. Вероятно, начало освоения участка правого берега Волги началось в XIV в. Прослежены системно расположенные постройки, разграниченные частоколами. Первоначально заселялся более высокий участок берегового мыса, а более низкие использовались под огороды или в других хозяйственных целях. В XV в. поселение развивалось, формировались улицы, придомовые участки разграничивались и огораживались частоколами. Основная часть жилых построек по-прежнему концентрировалась на высоких участках площадки, а более низкие, вероятно подтапливаемые, места берега Волги продолжали использоваться в качестве хозяйственной зоны. Здесь зафиксированы отдельно стоящие жилые постройки, хозяйственные сооружения. При изучении церкви Иоанна Богослова Е.Л. Хворостовой на участке хозяйственной зоны обнаружен небольшой погребок, стенки которого были укреплены вертикально забитыми в материк бревнами.

Постройки ориентированы по линии северо-запад – юго-восток, причем сооружения более раннего этапа существования поселения незначительно развернуты к северо-западу.

В центральной части изучаемой территории обнаружены остатки кладбища, синхронного ранней жилой застройке. Выявленные погребения безынвентарные, заполнение могильных ям представлено супесчаными слоями с незначительными включениями угля. Следует отметить, что в слоях строительства каменных культовых монастырских построек в переотложенном состоянии найдены разрозненные кости человека, вероятно, из разрушенных погребений. Возможно, здесь располагалась деревянная церковь (на месте которой, предположительно, и был построен в начале XVI в. Успенский собор), а вокруг нее – кладбище.

С началом строительства каменного монастыря раннее поселение прекратило свое существование. Раскопки показали, что при возведении каменных монастырских строений существовавшие ранее постройки были разрушены и перекрыты прослойками, связанными с каменным строительством.

Со временем строительства монастыря связаны остатки трех надворных кирпичных печей. Две из них сохранились хуже, одна прослежена в плане на уровне трех рядов кладки. Это кирпичное сооружение с двухчастным округлым восточным краем и прямоугольной западной частью. Вероятно, на округлые в плане части конструкции могли устанавливаться котлы для приготовления пищи. Возможно,

над печью был установлен навес: по углам сооружения зафиксированы столбовые ямы. Не исключено, что во время строительства монастыря такие печи могли использоваться для приготовления пищи артелям мастеров.

Кроме культовых и жилых построек монастырю требовались хозяйственные сооружения. При изучении западной части монастыря – участка между надвратной церковью Иоанна Богослова и западной угловой башней – выявлены остатки белокаменного фундамента. Южной стенкой строения служил северный фасад церкви Иоанна Богослова, западной – монастырская стена. В северном углу строения обнаружены остатки круглого в плане кирпичного сооружения, во внутренней нижней части которого зафиксированы уголь и зола. Выявленная конструкция может быть интерпретирована как существовавшая во второй половине XVIII в. «кирпичная о двух стенах пивная поварня» (РГАДА. Ф.280. Оп. 3. Д. 717. 1764 г. Л. 25), размерами 4 сажени на 3 сажени 2 аршина.

В начале XX в. у западного прясла с внутренней стороны монастыря стоял деревянный сарай на белокаменном фундаменте. Остатки его были обнаружены в 20 м к северу от церкви Иоанна Богослова.

На участке вокруг монастырского собора продолжало действовать кладбище. К XVI в. относятся погребения, в заполнении могильных ям которых обнаружены медные монеты (пулы). С этими погребениями, вероятно, связаны находки могильных плит с узким ободком треугольного орнамента, характерного для XVI в. (Компанец, 1990. С. 8), выявленные в переотложенном состоянии. Обнаружен фрагмент еще одной белокаменной плиты, на лицевой стороне которой по краям расположен геометрический орнамент, состоящий из небольших треугольников с вершинами, направленными в разные стороны. В орнаментальную рамку вписана двухъярусная композиция. В нижнем ярусе отмечены пять расположенных рядом арок. В верхнем ярусе расположены три более крупные арки. На боковой стороне фрагмента белокаменной надгробной плиты вырезана полоса треугольного орнамента, которая, вероятно, обрамляла розетку. Слой заполнения могильных ям содержит включения кирпичной и белокаменной крошки. Могильные плиты с арочным орнаментом зафиксированы также в кладке восточного прясла монастырской ограды, а также в северном контрфорсе Введенской церкви.

В двух погребениях XVII в. найдены металлические оковки наперсных крестов, деревянные ча-

сти которых не сохранились. К XVIII–XIX – началу XX в. относятся погребения в кирпичных и белокаменных склепах, выявленные к югу от Успенского собора, а также в деревянных гробах – к западу от Успенского и Троицкого храмов. В этих погребениях найдены нательные кресты, пуговицы и одежные крючки с петлями, обувные подковки, остатки украшений одежды (тесьма с металлической нитью), стеклянный стакан-слезница.

В перемешанных слоях различных периодов выявлены находки архитектурной керамики: чернолощенная черепица «бобровый хвост» из красножгущейся глины, поливная городчатая черепица из светложгущейся глины, фрагменты кирпичей-«пальчаток», фрагмент изразца из красножгущейся глины с рельефным орнаментом, керамические плитки с ковчежцем (в основном – небольшие квадратные). Отметим находку фрагмента индивидуальной керамической формы – фрагмент носа из красножгущейся глины, покрытый белым ангобом. Размеры находки позволяют отнести ее к ростовой скульптуре.

Таким образом, при археологическом изучении территории Старицкого Успенского монастыря кроме отложений культурного слоя, формирование которых происходило в период строительства и дальнейшей жизни обители, прослежены слои предшествовавшего монастырю поселения. Выявленные находки очень качественной ангобированной и чернолощенной посуды, фрагмента керамического сосуда с подглазурной росписью, фрагментов поливных сосудов со штампованным орнаментом говорят о неординарности поселения. Деление территории на усадьбы свидетельствует о наличии владельческих прав на отдельные земельные участки, что не характерно для территории монастыря.

Вхождение находившейся напротив Старицкой крепости территории мыса правого берега Волги, расположенного между двумя небольшими водотоками, освоенного и достаточно плотно застроенного к началу XVI в., в орбиту имущественных и политических интересов Андрея Ивановича и Владимира Андреевича Старицких, вероятно, могло привести к смене владельцев земельных участков и строительству Успенского монастыря.

Арсений, 1895. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь.

Компанец С.Е., 1990. Надгробные памятники XVI – первой половины XIX вв.: Практическое пособие по выявлению и научному описанию. М.

СЕКЦИЯ 12

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

М.Е. Килуновская, Вл.А. Семенов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Тувинская археологическая экспедиция в XXI веке

Тувинская экспедиция, которая является преемницей Саяно-Тувинской экспедиции (СТАЭ) ЛОИА АН СССР, появилась в 1985 г. в связи с прекращением финансирования археологических работ, проводимых СТАЭ в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Первоочередные задачи Тувинской экспедиции оставались теми же, что и у СТАЭ – спасательные работы на новостройках республики по трассам строящихся дорог, оросительных систем и т. п. В 2001 г. были возобновлены работы в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, т. к. сезонные колебания уровня воды в водохранилище и береговая абразия являются факторами разрушения памятников археологии. За минувшие 8 лет в зоне затопления работы проводились на могильниках Алды-Бель, Куйлуг-Хем, Сумэ-Беш, Чинге (правый берег), Аргалыкты. Также проводится мониторинг на памятниках наскального искусства в зоне затопления и за ее пределами.

Наибольшую тревогу вызывает состояние берегов Чаа-Хольского залива, где в зону береговой абразии попадают могильники Урбюн, Сумэ-Беш, Аймырлыг, Аргалыкты и Терезин, буддийская ниша Чурумал-Бурханыг. В устье р. Чинге на скалах Устю-Мозага и Алды-Мозага сохранилось большое число петроглифов, часть которых практически затапливается и несколько месяцев в году бывает открыта, часть находится на границе максимальных уровней набора воды в резервуаре. Такая же картина наблюдается на памятниках Бижикиг-Хая и Мозага-Хомужап на правом берегу Енисея. На том же берегу Енисея обследованы местонахождения петроглифов на горе Алага, скальном останце Шолде-Тей (Улуг-Хая) и Йиме (Куйлуг-Хем), где зафиксировано более 2 тыс. рисунков различных исторических эпох.

В результате спасательных работ в водохранилище раскопаны курганы с наземными камерами-

цистами монгун-тайгинского типа на могильнике Куйлуг-Хем, большой алды-бельский курган «восьмерка» на правом берегу р. Чинге, под кольцом которого найдены три комплекта конского снаряжения, включающего удила, псалии двух типов (У-видные и изогнутые с грибовидным шпеньком в центре), трочные или подпружные пряжки, фрагменты наборного бронзового пояса, который позволяет датировать этот памятник VII в. до н.э. На могильниках Сумэ-Беш и Алды-Бель исследованы два кургана с погребениями в камерах-срубках и сопутствующими им захоронениями в каменных ящиках. Серия дат 14С, полученных для сруба с Сумэ-Беш, согласуется с археологической датировкой по погребальному инвентарю IV–III вв. до н.э.

Помимо работ в зоне затопления проводятся исследования в гроте на р. Куйлуг-Хем, где в стратиграфической последовательности залегают три слоя эпохи палеолита, датируемые по 14С 25–12 тыс. л. до н.э., и два слоя с неолитической керамикой верхнеенисейской культуры VI–IV тыс. до н.э., согласно радиоуглеродному датированию.

В Тоджинском кожууне раскопаны попавшие в строящуюся дорогу Бояровка – Тоора-Хем курганы могильника Дарган-Даг на р. Эм-Суг (левобережье Бий-Хема): один с каменным сооружением, вероятно кыргызский, второй земляной – скифский, с прекрасной бронзовой пряжкой, украшенной головками грифонов. По 14С он датируется V–IV вв. до н.э.

Практически ежегодно экспедиция исследует вновь открытые памятники наскального искусства – делаются планы, фотографии и прорисовки петроглифов. Это местонахождения петроглифов Шанчиг в долине р. Чыргакы (Дзун-Хемчикский кожуун), Шолде-Тей на правом берегу Улуг-Хема (Улуг-Хемский кожуун), Чайлаг в долине р. Хендерге (Чеди-Хольский кожуун), Саамчыр около п. Кызыл-Даг

(Барун-Хемчикский кожжун) и др. В результате получен очень большой пласт изображений эпохи бронзы, в котором выделяют три художественные традиции – чайлагскую, чыргакскую и варчинскую, на основе которых происходит сложение скифского звериного стиля. Среди рисунков эпохи бронзы особенно выделяются фигуры быков и оленей, выполненные в различных манерах, а также изображения колесниц. На скалах фиксируется большое количество рисунков, выполненных в скифском зверином стиле. В них тоже наблюдаются различные направления – петроглифы в монголо-забайкальском, в аржанском стилях, классические, в позе размашистой рыси и др. Но, конечно, большую массу рисунков составляют схематичные фигуры козлов, которыми маркировали скалы от эпохи бронзы до настоящего времени.

В 2008 г. экспедиция приступила к раскопкам земляного кургана на могильнике Кош-Пей в Уюкской котловине, который расположен в зоне отчуждения дорожного карьера. Могильник Кош-Пей уже исследовался экспедицией в 1987–1991 гг. В 2008 г. благодаря финансовой поддержке МК РФ появилась возможность возобновить работы и начать раскоп-

ки большого кургана с земляной насыпью (курган 3) диаметром 54 м и высотой около 3 м. Насыпь кургана сложена из земли и облицована камнем. Для изучения конструкции погребального сооружения расчищен западный сектор насыпи (восточный уничтожен ранее при дорожных работах). Выявлено, что пола земляной насыпи была покрыта каменным панцирем из плит и обломков скал, уложенных в один слой. Рва, характерного для такого типа курганов в Центральной Азии, на данном памятнике не зафиксировано. Для снятия земляной насыпи арендовалась землеройная техника. Сделано 5 продольных траншей по направлению запад – восток на ширину хода бульдозера (2 м), между которыми оставляли бровки шириной 1 м. Всего было проведено 8 разрезов, что позволило выявить все этапы сооружения кургана. В насыпи попадались фрагменты дерева – остатки перекрытия погребальной ямы, следы ограбления. В центре кургана выявлен грабительский ход. К югу от большого кургана раскопано поминальное сооружение – круглая каменная выкладка диаметром 4 м, в центре которой в небольшое углубление были уложены кости коня, а в насыпи использовались обломки зернотерок.

А.Н. Марьяшев

Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН Республики Казахстан

Культовые сюжеты в петроглифах гор Кульжабасы

В 2008 г. в отрогах гор Кульжабасы в Семиречье были обнаружены петроглифы урочища Ак-Кайнар. Среди них – несколько культовых сюжетов, уже известных по другим памятникам наскального искусства, наиболее древним в Семиречье. Для ак-кайнарских петроглифов характерны крупные размеры (от 0,4 до 2 м), глубокая выбивка, отсутствие или крайне редкое использование граффити, отсутствие рисунков с колесницами либо крайне редкое их изображение.

Эти петроглифы, вместе с крупными скоплениями их в горах Кульжабасы и в Тамгалы, позволяют выделить из разновременных памятников наскального искусства Семиречья наиболее древнюю группу рисунков эпохи бронзы. Эта группа локализуется в невысоких отрогах Чу-Илийских гор и занимает территорию в западной части Семиречья от предгорий Тянь-Шаня до Прибалхашья.

В Ак-Кайнаре на крупных скальных блоках обнаружено также несколько неизвестных ранее культовых сюжетов, среди них фигуры диких быков-туров. На одной из плит выбита фигура быка, размерами более 2 м, с двумя парами рогов, на конце рогов вы-

сечены фигуры четырех человек, взявшихся за руки (рис. 1). М.Е. Килуновская, анализируя изображения из Тывы, обратила внимание на фигуру быка из Самчыыра с людьми на нем. Она видит в этом сюжете зороастрийские мотивы, связывая его с мифологическим быком Сарсаоком, перевозящим умерших в другой мир (Килуновская, 2008. С. 130). Наличие двух пар рогов у быка можно было бы считать случайностью или поздними подновлениями, но в том же ущелье Ак-Кайнар есть еще одно аналогичное изображение с двумя парами рогов.

На ровных темных плитах найдены две крупные фигуры быков с солярными кольцами на концах рогов (рис. 2). Эти рисунки быков можно отнести к числу «меченых». К таковым относятся и петроглифы с фигурами, декорированными пятнами и лунками. Украшение быков не ограничивается лунками, нередко встречаются и косые линии, реже в форме сетки. Большинство исследователей считает, что это связано с культом священного быка.

Изображения этих животных занимают особое место в петроглифах Ак-Кайнара. Бык является доминирующим образом в первобытном искусстве. Ри-

Рис. 1. Петроглифы урочища Ак-Кайнар. Быки и козлы.

сунки с быками имеют множество вариантов. Встречаются изображения быков с кистями на концах хвостов в форме шаров, с рогами лировидной формы, с выгнутыми и вытянутыми вперед рогами, с рогами в форме кольца и полукольца, в форме кольца с точкой внутри.

Некоторые рисунки пересекает знак очковидной формы (рис. 3), известный и на рисунках эпохи бронзы в Тамгалы (Максимова и др., 1985. Фото 54) и в горах Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977. Рис. 31).

Изображения быков из ущелья Ак-Кайнар имеют широкие аналогии в Монголии (Кубарев, Цэвэ-эндорж, Якобсон, 2008. С. 64), в Тыве (Килуновская, 2007. С. 28–30), на Енисее (Дэвлет, 1993).

Большинство специалистов датируют их от эпохи неолита до эпохи бронзы (Кубарев и др., 2005. С. 48–54; Дэвлет, 1993), причем основную и наиболее многочисленную группу относят к эпохам энеолита и бронзы, исходя из того, что в это время

происходила domestикация этих животных. Для некоторых авторов главным датирующим являются стилистические признаки.

Однако перечисленные выше признаки, которые должны соответствовать разновременным рисункам, в Ак-Кайнаре часто встречаются на одной и той же плоскости, что затрудняет их датировку. Аналогичные описанным изображения быков обнаружены в западной части гор Кульжабасы (Байпаков, Марьяшев, 2004. Фото 12, 72), в горах Хантау (Медоев, 1979. Рис. 3), в Тамгалы (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985. Фото 23).

В Ак-Кайнаре имеется изображение солнцеголового антропоморфного персонажа, иконографически близкое аналогичному изображению в Тамгалы, где наиболее древнюю группу рисунков разные авторы относят к эпохе бронзы (Максимова и др., 1985. Фото 54; Рогожинский, Аубекеров, Сала, 2004. С. 48).

Кроме быков, есть еще несколько культовых сюжетов в восточной оконечности хребта Кульжабасы.

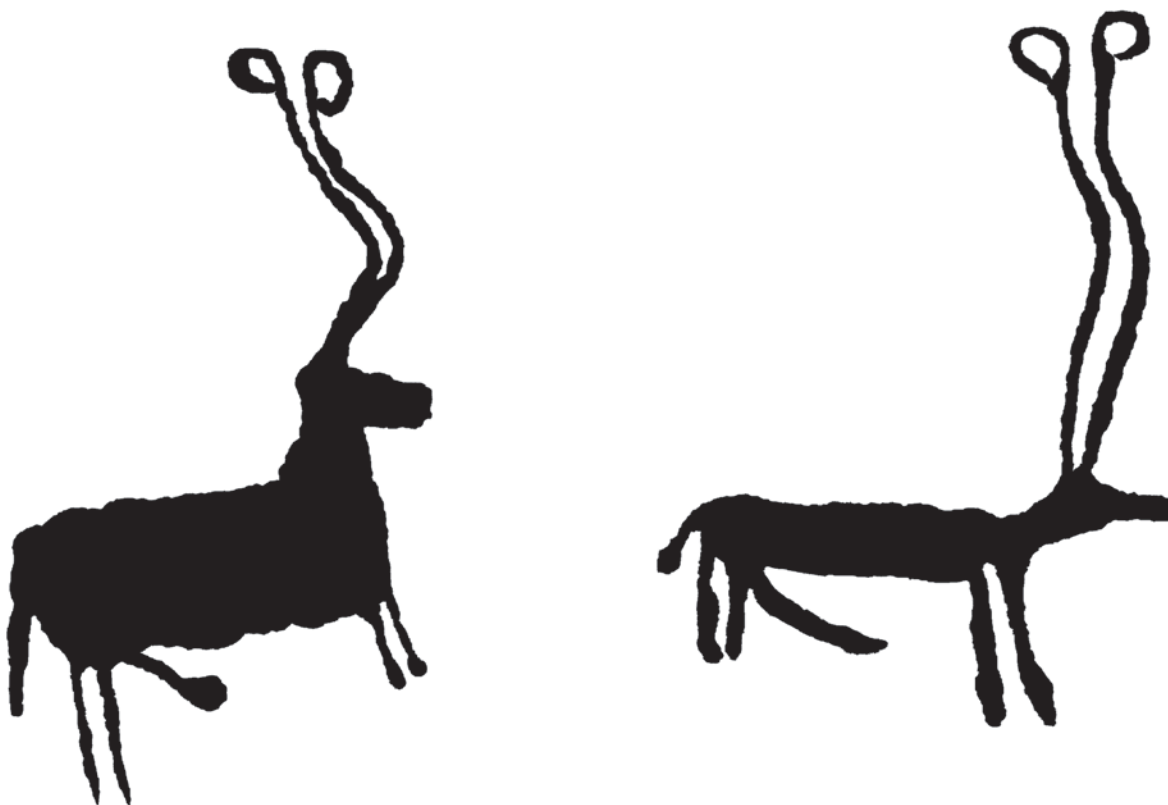

Рис. 2. Быки с солярными знаками на рогах.

Дважды повторяются изображения людей, стоящих попарно и обращенных друг к другу с волчьими головами. Можно допустить, что это стоящие на лапах хищники, однако они выполнены в той же манере, что и люди в позе адорантов с поднятыми руками. Смысл этого сюжета неясен, однако изображение человека в волчьей маске, выполненное достаточно искусно, обнаружено вблизи сюжетов с быками. Аналогичная фигура человека с волчьей головой известна и в центральной части гор Кульжабасы и в Тамгалы, что может указывать на то, что этот хорошо знакомый образ для населения был известен еще в глубокой древности.

Учитывая, что большинство культовых сюжетов встречается среди других петроглифов эпохи брон-

зы Семиречья, в том числе и в Тамгалы, где несколько лет велись раскопки могильников эпохи бронзы, видимо, и петроглифы в Кульжабасы и в восточной части хребта в Ак-Кайнаре тоже следует отнести к этому времени.

Однако следует отметить, что эти рисунки древнее петроглифов из Ешки-Ольмеса и Баян-Журека в восточной части Семиречья. В западной части этого региона почти нет рисунков колесниц, тогда как в других регионах Казахстана они исчисляются десятками и сотнями.

В Западном Семиречье запечатлены сюжеты, типичные для скотоводов степной полосы. Этим и объясняется выбор сюжетов и их распространение на обширной территории. Учитывая, что многие об-

Рис. 3. Бык, пересеченный знаком очковидной формы.

разы, в том числе и образ мифического быка, сложился еще в эпоху энеолита, а может быть, и ранее, следует отметить, что искусство населения эпохи бронзы предстает уже вполне оформившимся, с развитой мифо-ритуальной системой. Ценность новых материалов заключается в том, что с открытием каждого нового памятника расширяются представления исследователей о первобытном искусстве.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., 2004. Петроглифы в горах Кульжабасы. Алматы.

Дэвлет М.А., 1993. О наскальных изображениях в Туве // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н., 1977. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата.

Килуновская М.Е., 2008. Быки Саамчыра // Петроглифы на кочевой тропе. М.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э., 2005. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура. Новосибирск; Улан-Батор; Юджин.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н., 1985. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата.

Медоев А.Г., 1980. Гравюры на скалах. Алма-Ата.

Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р., 2004. Памятники Казахстана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы.

Н.В. Федорова

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского, Салехард

Древнее и средневековое искусство Ямала

Древнее и средневековое искусство в археологических материалах севера Западной Сибири представлено крайне неравномерно. Рассматривать его в качестве некоего определенного массива артефактов с набором характерных признаков, формирующих достаточно ярко выраженный местный стиль, возможно только для эпохи железа. В этом небольшом очерке будет сделана попытка рассмотреть историю развития западносибирской изобразительности для трех периодов: раннего железного века, раннего и развитого средневековья, позднего средневековья.

Искусство раннего железного века. В черте г. Салехарда (Ямало-Ненецкий АО) расположено древнее святилище Усть-Полуй (I в. до н.э. – первые века н.э.). Основным результатом его раскопок, начатых еще в 1930-е гг., стало открытие огромного количества великолепных произведений искусства, созданных в разных материалах (бронза, камень, глина, дерево, кость), в разных техниках (литье, резьба, лепка, гравировка), в разных видах (объемная и плоская скульптура, бронзовая пластика, рисунок). Найденные на памятнике художественные предметы имеют много общего с изделиями, обнаруженными на других территориях, в том числе в бассейне Иртыша – Оби, на Урале, в Прикамье, в Прибалтике. В свое время В.И. Мошинская писала о «западносибирском очаге искусства», выделяющемся, по ее мнению, наряду с берингоморским, дальневосточным и восточносибирским (Мошинская, 1976. С. 9). Уходящие в глубокую древность изобразительные традиции, вероятно, позволяют говорить, что Усть-Полуй демонстрирует не стиль эпохи, как, например,

скифо-сибирский, но стиль этноса в самом широком его понимании – как уральского или финно-угорско-самодийского.

Косторезное искусство Усть-Полуя представлено скульптурой – круглой и плоской, орнаментами и рисунками на плоскостях, украшающих рукоятки ложек-черпаков, режущие рукоятки ножей и проколов. Изображаемые персонажи – это местные звери и птицы. В технике круглой скульптуры у животных всегда изображались только голова и шея: так, ложки украшены головами водоплавающих и хищных птиц, пушных зверей, копытных (рис. 1: 1), моржа; нож – головой хищной птицы. Лишь однажды вырезана целая композиция – изображение утки, сидящей на голове животного. Аналогии изделиям Усть-Полуя среди известных находок произведений искусства из Шигирского и Горбуновского торфяников заставляют ставить вопрос о глубокой древности этого стиля изображений (см., напр.: Археологические памятники... 2007. Рис. 21; Мошинская, 1976).

Плоская скульптура* встречается на гребнях, проколках и плоских ложках-лопаточках. Изображаются фигурки хищных птиц, головы копытных – иногда две, сопоставленные шеями; однажды (на пояском крючке) вырезаны две головы хищных птиц, сопоставленные затылками. Часто встречаются композиции – «клюющая птица» и «грызущий пушной зверь», причем объектом приложения для них, как правило, является голова копытного. На плоской скульптуре зафиксирован орнамент в виде прямоугольников и кругов, уложенных в желобки; меандров; вертикальных зигзагов.

Рис. 1. Художественные предметы севера Западной Сибири. 1 – Голова оленя; 2 – антропоморфные фигуры на рыбе; 3 — бляха с изображением антропоморфного существа; 4 – навершие в виде головы оленя; 5 – голова антропоморфной скульптуры; 6 – крышка коробки с изображением лебедей; 7 – ножны с изображением птиц. 1, 2 – Усть-Полуй; 3 – р-н г. Салехарда; 4 – п-ов Ямал; 5–7 – Войкарский Городок. 1 – Кость, 2–4 – бронза, 5 – дерево, 6, 7 – береста.

Рисунки на плоскости на севере Западной Сибири и в Приуралье чаще всего встречаются в виде так называемых гравировок – процарапанных ножом или иным острым металлическим предметом силуэтов на поверхности плоских бронзовых блях, позднее – привозной металлической посуды. В материалах Усть-Полюя такие рисунки на небольших бронзовых бляхах, как правило, содержат одну или несколько антропоморфных фигур (Усть-Полуй... 2003. С. 18, 19).

Реализм костяной скульптуры Усть-Полюя контрастирует с его бронзовыми отливками, изображающими, по-видимому, сложный, многообразный, трудно уловимый мир духов, предков, хозяев окружающего мира. В бронзе и кости изображали разных персонажей; так, в бронзе лидируют антропоморфные фигуры или личины, изображения медведя в профиль и в так называемой ритуальной позе, совы или орла анфас с распахнутыми крыльями. Встречаются и редкие композиции – например, три человекоподобные фигуры в головных уборах в виде голов животных или птиц, стоящие на огромной рыбе (рис. 1: 2).

Общество усть-полуйского времени на севере Западной Сибири находится на перепутье – от монотонного, относительно замкнутого существования в начале железного века к бурному всплеску военной и торговой активности в начале средневековья. Усть-полуйское искусство бронзового литья также находится на перепутье – от чисто сакральных отливок предыдущего периода к знаковым изделиям последующего.

Средневековые бронзы Северного Приобья. В течение двух тысячелетий таежное население Западной Сибири воплощало в художественном бронзовом литье свои идеи об устройстве мира и общества, о духах и предках, о месте конкретного человека – воина, вождя – в этом обществе, его красоте и силе. Язык этого вида искусства важен, тем более что до самого конца периода – XIV в. н.э. – практически не сохранялось артефактов из других материалов: кости, дерева, бересты.

Период раннего средневековья – его можно обозначить в пределах III–VIII вв. н.э. – известен с точки зрения искусства бронзового художественного литья не самым лучшим образом. Основное содержание – осязаемый переход к отливкам из улучшенного сплава, так называемой белой бронзы, в области технологии и окончательная смена отчасти бесформенных, не обработанных после отливки изделий явно предназначенными для ношения, с петельками для крепления, отполированными бляхами. Символика на них продолжает усложняться (рис. 1: 3): помимо трехголовых изображений птиц появляются такие трехголовые изображения, у которых центральная голова – человеческая (Зыков, Федорова, 2001. С. 104. Рис. 19); антропоморфные фигуры, фланкированные профильными фигурами животных (Там

же. С. 102. Рис. 15). Реалии антропоморфных персонажей, лишь намеченные в усть-полуйское время, – головные уборы в виде птиц, кинжалы на пластине из китовой кости – теперь точно соответствуют времени и месту ношения.

К IX в. на севере Западной Сибири наступил «золотой век» бронзолитейного искусства: ни до, ни после не отливалось такое количество великолепно сделанных, по-настоящему художественных изделий, теперь почти все, что изготавливается, украшает если не костюм, то самого человека и его оружие: браслеты, подвески, пряжки, бляшки, рукоятки ножей, щитки для защиты руки от удара тетивы, наворачивающие плетей (?), кресала, гребни. Вещи отлиты в виде фигурок зверей и птиц (рис. 1: 4) – или украшены изображениями зверей и птиц. Зооморфный декор выполнен в одном стиле, вариации художественных приемов, применяемых мастерами, вполне укладываются в его рамки.

Фигуры людей-воинов, появившиеся в искусстве бронзовой пластики около рубежа эр и бывшие наряду с птицевидными изображениями основными сюжетами отливок в период I в. до н.э. – VIII в. н.э., к IX в. еще сохраняются, некоторое время существуют параллельно «звериному» стилю, поистине ставшему выразителем инноваций этого периода, но исчезают около X в.

Столь развитая зооморфная символика вне сакральной сферы, основанная на использовании в качестве основных элементов изображений представителей местной фауны, – уникальная черта северотаяжских культур Западной Сибири эпохи развитого средневековья (IX–XIII вв.). Нигде более это явление не зафиксировано, хотя само по себе распространение разнообразных «звериных стилей» хорошо известно в различных регионах и в различные времена.

Внимательное изучение массива изделий IX–XIII вв., насчитывающего не одну сотню изображений, с неизбежностью приводит к выводу о том, что как изготовителей, так и потребителей, интересовала передача не столько видовых признаков животного, сколько некоего особого смысла, закодированного в зооморфных символах. Используемые мастерами изобразительные приемы, призванные усилить эту символику, сделать ее более понятной, были строго канонизированы, причем настолько жестко на всей территории бытования вещей, что невольно возникает мысль о существовании единого центра или, по крайней мере, нескольких близких и достаточно тесно взаимодействующих центров, из которых эти идеи, каноны, образы – а может быть, просто вещи – распространялись по всему северу Западной Сибири и сопредельным территориям.

Бытовое искусство позднего средневековья. В приполярных и полярных областях Западной Сибири исследуются археологические памятники с мерзлым культурным слоем. Суровый климат, а

также обильные остатки дерева и продуктов его обработки в виде щепы, опила, фрагментов бересты способствуют консервации мерзлоты. В результате в слое таких памятников сохраняются изделия из дерева, бересты, кожи, тканей и т. д. Благодаря этому нам стали известны деревянная скульптура и орнаментированные изделия из бересты, датируемые XIII – началом XIV в.

Деревянная скульптура относится по большей части к типу плоской скульптуры, которую выделил С.В. Иванов (1970). Это изображения водоплавающих птиц, зверей и антропоморфных персонажей, чаще всего переданных анфас (рис. 1: 5). По сравнению с бронзовыми отливками изобразительная манера значительно упрощена, антропоморфные образы как будто вновь возвращаются к глубокой древности – некоторые напоминают шигирскую скульптуру (Археологические памятники... 2007. С. 167).

Берестяные ножны (рис. 1: 7) и коробки из слоев XIII–XIV вв., раскопанных на городище Усть-Войкарском (Войкарском Городке), донесли до нас изображения животных и птиц, выполненные в той же манере, что и бронзовые отливки. Береста позволяет изображать целые сценки: например, одна птица – хищник – гонится за другой, водоплавающей; несколько птиц, по-видимому тетерок, что-то делают среди елок. На дне (крышке) круглой коробки изображена пара лебедей, вокруг которых читаются маленькие фигурки птенцов (рис. 1: 6). Один лебедь больше другого, его поза позволяет предположить,

что это лебедь-самец, охраняющий семью. Фон разделан короткими штрихами, а вокруг – кольцо орнамента, в котором чередуются темные и светлые лучи, сгруппированные по три.

В целом, несмотря на стилистические особенности и различия в назначении отдельных категорий артефактов, можно с уверенностью констатировать, что западносибирское древнее и средневековое искусство развивалось в едином художественном пространстве, в изделиях последующего периода четко прослеживается преемственность по отношению к предыдущему. То есть оно функционирует в рамках «стиля этноса», о котором упоминалось в самом начале.

* Термин «плоская скульптура» был предложен одним из крупнейших знатоков традиционного искусства народов Западной Сибири, С.В. Ивановым; он включал в это понятие изображения, имеющие незначительный объем – плоские, но предназначенные для осматривания со всех сторон (Иванов, 1970. С. 6).

Археологические памятники Шигирского торфяника. Екатеринбург, 2007.

Зыков А.П., Федорова Н.В., 2001. Холмогорский клад. Екатеринбург.

Иванов С.В., 1970. Скульптура народов севера Сибири. Л. Мошинская В.И., 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.

Усть-Полуй: I в. до н.э.: Кат. выставки. Салехард; СПб., 2003.

СЕКЦИЯ 13

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.В. Зеленцова
Институт археологии РАН

Из опыта проведения экспертиз по фактам нанесения ущерба памятникам археологии

В соответствии с действующим законодательством, строительные и другие работы, которые могут создать угрозу существованию памятника археологии, проводятся после согласований с государственными органами охраны памятников и осуществления специализированными организациями мероприятий, обеспечивающих их сохранность. Однако на практике нередко фиксируются случаи нарушения этих норм и причинения ущерба памятнику. Ущерб наносится в ходе несанкционированного строительства различных объектов юридическими либо физическими лицами, в ходе индивидуального строительства или в результате грабительских раскопок. Ущерб памятнику археологии выражается в разрушении целостности культурного слоя, его срытии, перемещении, нарушении стратиграфии, выемки находок, т. е. уничтожении историко-культурной информации, которую он потенциально несет.

Согласно статье 61 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» лица, причинившие вред объекту культурного наследия, обязаны возместить стоимость мероприятий, необходимых для его сохранения. Таким образом, в законе декларируется обязанность граждан возместить ущерб, нанесенный памятнику археологии.

Однако механизм возмещения ущерба не разработан, подзаконные нормативные акты, регламентирующие методику установления размера ущерба в количественном и качественном выражении и подсчета стоимости ущерба в денежном эквиваленте, отсутствуют. Таким образом, на практике мы сталкиваемся с невозможностью реализации этой нормы закона. Поэтому одним из инструментов реагирования на факты разрушения памятников становится экспертиза по факту нанесения ущерба.

Экспертизы проводятся на основании обращений частных лиц, государственных органов охраны памятников, судебных органов или адвокатуры. Перед экспертами стоят задачи различного характера:

- 1) установление факта наличия памятника археологии и его историко-культурное определение;
- 2) установление факта разрушения памятника или его участка, определение количественных характеристик – площади и объема ущерба;
- 3) установление размера ущерба в денежном эквиваленте с разъяснением методики определения стоимости ущерба;
- 4) установление соответствия проведенных охранных мероприятий размеру, уровню и качеству необходимых работ на данном памятнике;
- 5) установление соответствия технического и научного отчетов о проведенных охранно-спасательных мероприятиях на памятнике требованиям методики проведения археологических работ.

Таким образом, предметами экспертиз становятся факты производства земляных работ на памятниках археологии без предварительного согласования с госорганами охраны памятников либо неисполнения обременений по охране памятников, а также разрушений культурного слоя в ходе грабительских раскопок. В то же время, другой блок вопросов касается целесообразности проведенных охранных мероприятий и соответствия их необходимому объему.

Экспертиза по факту нанесения ущерба памятнику археологии включает:

- архивные исследования: сбор данных о памятнике в научно-отраслевом архиве ИА РАН и в госорганах охраны памятников, в том числе установление наличия паспорта и присутствия его в реестре памятников истории и культуры. Анализ всей документации по памятнику археологии, в том числе

научных отчетов о результатах предыдущих исследований, который позволяет установить характер и мощность культурного слоя, историко-культурную интерпретацию памятника, его размеры и прочие характеристики. Анализ картографического материала и документов, подтверждающих факт нанесения ущерба (акты, предписания и пр.);

- натурные исследования (при необходимости) с целью определения площади нанесенного ущерба, характера и мощности культурного слоя;

- анализ и обобщение результатов архивных и натурных исследований, в ходе которых определяются качественные и количественные характеристики предмета экспертизы;

- определение размера ущерба в денежном эквиваленте – расчет сметной стоимости.

В настоящее время не существует утвержденной методики расчета стоимости ущерба, нанесенного памятнику археологии. В 1990-е гг. в ряде субъектов Российской Федерации существовали временные положения. Так, согласно «Временной методике», принятой Законодательным собранием Нижегородской области, вред, причиненный памятнику археологии, исчислялся на основании стоимости проведения полного научного исследования 1 квадрата (2×2 м) памятника в соответствии со сборником цен на научно-проектные работы и с применением повышающих коэффициентов, в том числе коэффициента, учитывающего историческую значимость памятника. Этот коэффициент устанавливался в зависимости от категории памятника: городской кремль – 20, посады городов – 10, городища – 20, стоянки – 10 и т.д. (Постановление... 1994). Примерно такая же методика расчета ущерба существовала на территории Новгородской, Тверской и других областей РФ. После принятия Федерального закона № 73 (ФЗ-73) в 2002 г. все региональные Постановления и «Временные методики» утратили силу или были приведены в соответствие с действующим законодательством.

В 2003 г. Институтом наследия Министерства культуры РФ была разработана методика оценки ущерба (Гусев, Шульгин, Загорюлько, 2003). В ней учитывались материальные факторы, включающие стоимость затрат на полноценное исследование памятника археологии в разрушенной его части по СЦНПРам. Сюда входили полевые работы, камеральная обработка материала, графические, реставрационные работы, анализы, стоимость коллекций, утраченных в результате разрушения памятника и стоимость консервационных работ по восстановлению памятника и его ландшафта. Кроме того, учитывались специальные факторы – культурная атрибуция памятника, насыщенность культурного слоя артефактами, ценность артефактов, – что обосновывало применение удорожающих коэффициентов к материальному фактору.

Таким образом, во всех существовавших ранее методиках не только учитывалась стоимость археологических исследований, но и оценивалась информация, в том числе и утраченная в результате разрушения, т. е. нематериальная составляющая памятника археологии, – информация, ради которой, собственно, и проводятся археологические исследования.

В настоящий момент при расчете материального ущерба, нанесенного памятнику археологии, мы можем опираться только на статью 61 ФЗ-73 и статью 15 Гражданского кодекса РФ о возмещении убытков. К убыткам Гражданский кодекс относит: утраты и повреждения имущества, расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, и неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

В ФЗ-73 под возмещением ущерба понимается стоимость мероприятий, необходимых для сохранения объекта культурного наследия, которые перечислены в статье 40 этого закона. Под сохранением объекта археологического наследия в этой статье понимаются спасательные археологические полевые работы, с полным или частичным изъятием находок из раскопов. Таким образом, исходя из статей закона, материальный ущерб памятнику может исчисляться из расчета стоимости научных охранных археологических раскопок адекватного участка памятника. Расчет стоимости проводится в соответствии со «Сборником цен на научно-проектные работы по памятникам истории и культуры», утвержденным Министерством культуры РФ, с применением инфляционных коэффициентов. При расчете ущерба учитывается стоимость камеральной обработки материала и составления отчета.

Ввиду отсутствия утвержденных методик, у судов возникают вопросы о правомерности включения в сметные расчеты кроме полевых работ таких составляющих археологического исследования, как фотофиксация, камеральная обработка материалов, составление научного отчета и пр., из-за их фактического невыполнения. И необходимость каждого вида работ приходится доказывать, опираясь только на методические рекомендации по проведению археологических раскопок, что не всегда может удовлетворить судью и тем более адвоката. По причине отсутствия юридического обоснования невозможно и применение коэффициентов, учитывающих историко-культурную значимость памятника. Хотя здесь, вероятно, можно было бы трактовать потерянную информацию как «упущенную выгоду», о восполнении которой говорится в Гражданском кодексе РФ.

Таким образом, из-за отсутствия соответствующей нормативной базы в области установления административных и иных санкций за нанесение ущерба памятнику археологии реальная возможность на-

казания за эти нарушения в настоящее время минимальна, и нерадивому застройщику выгоднее снести памятник и уплатить штраф, чем провести весь комплекс охранных мероприятий.

Гусев С.В., Шульгин П.М., Загорулько А.В., 2003. Методика оценки стоимости реального ущерба, нанесен-

ного памятнику археологии. М. // http://arch.tr21.ru/spec_factory.htm.

Постановление Законодательного собрания Нижегородской области об утверждении временной методики расчета возмещения стоимости ущерба, причиненного памятнику археологии от 27 декабря 1994 г. № 149.

Л.Н. Концева, Е.А. Калашников
ГУК НПЦ по охране памятников, Калининград

Проблема сохранения памятников археологии в Калининградской области

Проблема сохранения памятников истории и археологии на территории Калининградской области сложна и многогранна. Составные части общей проблемы можно сформулировать в виде отдельных тезисов, и на первом месте здесь стоит поставить саму историю Калининградской обл., основанной в 1946 г. на части территории Восточной Пруссии, входившей до этого в состав Германии.

1. Регион имеет богатейшую историю, отличительной чертой которой было наличие многих культур и народов, оставивших следы на его территории в виде многочисленных памятников истории и археологии. Наиболее важный вклад в наследие внесли мезолит с поселениями свайного типа, неолит с культурой боевых топоров и шнуровой керамикой, эпоха бронзы, оставившая многочисленные курганы, эпоха римского влияния и «великого переселения народов» с масштабными «полями погребений», эпоха викингов, расцвет прусской культуры, с ее могильниками, поселениями и городищами, орденовский период и свое, неповторимое Средневековье с величественными замками, кирхами и городами. Эта пестрая лента исторических эпох и народов с момента образования Калининградской обл. должна была быть вплетена в общую концепцию истории СССР, но именно это стало следующей составной частью общей проблемы сохранения культурного наследия.

2. Местные памятники археологии, истории, архитектуры в лучшем случае не получали широкого освещения, а зачастую естественным образом или целенаправленно, как носители клейма враждебной культуры, разрушались. Политически продиктованный отказ от использования наработок немецких историков и утрата за годы войны их научных архивов, — а без этого опыта исследование местной истории не могло быть полным и объективным, — заставили первое поколение советских археологов начинать все практически с нуля.

Предыдущий опыт изучения и сохранения памятников археологии был недоступен для широкого круга исследователей, а новые изыскания проводились скорее по остаточному принципу. Росла и строилась новая советская область с новой историей. Памятники археологии выявлялись, ставились на учет, но реальные действия по их изучению и сохранению были недостаточными. Первый пик активности пришелся на 1946–1959 гг., когда в области работали экспедиции под руководством Ф.Д. Гуревич. Было обследовано и взято на учет около 30 памятников, проведены стационарные раскопки. В течение 1960-х гг. изучение памятников археологии в Калининградской обл. практически не проводилось.

Положение начало улучшаться с 1970-х гг., когда в область были направлены новые экспедиции, чему способствовали и создание в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, и то, что в 1974 г. Областное Управление культуры поддержало идею МК РСФСР о создании «Свода памятников истории и культуры Калининградской области». С целью сбора фактических данных для «Свода» при содействии В.В. Седова была организована Балтийская экспедиция ИА АН СССР. Новые исследования позволили открыть для науки большое количество ранее неизвестных памятников, В.И. Тимофеевым был совершен прорыв в изучении эпохи неолита.

Активность исследовательской деятельности пошла на спад с начала 1990-х гг., когда государственное финансирование науки практически было сведено к нулю. Одновременно рыночные отношения пробудили повышенный интерес к памятникам со стороны так называемых «черных копателей», и если памятники археологии в советское время разрушали в основном в ходе хозяйственной деятельности и по незнанию, то с наступлением рынка это разрушение стало носить целенаправленный и системный характер.

3. Наличие огромного количества памятников и невозможность контролировать их, простота в работе при использовании современных приборов, близость границы, наличие спроса, – все это позволяет процветать рынку «черной археологии». Особенно активному разграблению подвергаются грунтовые могильники, содержащие зачастую богатые захоронения, ювелирные изделия, оружие, монеты. Это еще одна составная часть общей проблемы сохранения памятников на территории области.

На сегодняшний день в Калининградской обл. паспортизировано 320 памятников археологии. Паспортизация была проведена в 1970–1980-х гг. в рамках создания «Свода памятников истории и культуры Калининградской области». За 1990–2000-е гг. выявлено еще около 300 памятников, а возможно и больше (археологи часто не подают отчеты о проведенных работах в органы охраны памятников). И это только малая часть того, что скрыто под землей. Насыщенность области памятниками археологии очень высока, но какова она на самом деле, до сих пор не очень ясно, т. к. сплошное археологическое обследование территории всей области ранее не проводилось. Можно привести такой пример. В 2006 г. при строительстве межпоселковых газопроводов общей протяженностью 124 км были проведены линейные археологические разведки, во время которых выявлено 24 ранее неизвестных памятника (грунтовые могильники и селища) и уточнены границы двух памятников, стоящих на учете. Т. е. на всей трассе известными считались лишь 2 памятника из 26, что составляет менее 10% от общего количества. Таких примеров можно привести множество. Каждый год сотрудники нашей организации выявляют более десятка новых памятников. С 2002 по 2007 г. научно-исследовательским отделом при НПЦ открыто 120 новых памятников. В нашем регионе работают также экспедиции ИА РАН и ИИМК. Но, к сожалению, исследователи не дают краткой информации о проведенных за сезон работах, что затрудняет постановку на учет новых объектов археологического наследия, а также не дает возможности оперативно информировать застройщиков в ответ на их письменные запросы о наличии известных памятников, что зачастую приводит к конфликтным ситуациям.

4. Изменения в экономической ситуации в стране с конца 1990-х гг. привели к формированию еще одного комплекса проблем в деле охраны историко-культурного наследия. Масштабные инвестиции в экономику области дали жизнь многочисленным бизнес-проектам. Калининградская обл. становится привлекательной для инвестиций курортно-рекреационной территорией, здесь планируется создать одну из «игорных зон» РФ. Все это подразумевает сооружение новой масштабной инфраструктуры (сеть автомобильных дорог, линии связи, нефте- и газопроводы) и новых строительных объектов (гости-

ниц, домов отдыха, коттеджных поселков). Ведется и строительство промышленных, портовых, энергетических сооружений, растут и развиваются города и поселки. Активность хозяйственной деятельности превышает темпы археологических исследований и приводит зачастую к разрушению памятников. И это стало еще одной стороной общей проблемы.

В силу вышеуказанных причин, не успев завершить в нужных объемах процесс выявления и регистрации памятников, мы, в отличие от других областей РФ, перешли сразу ко второму этапу охранных мероприятий – охранным аварийным раскопкам. Экономика является более приоритетной, нежели сохранение исторического наследия, и здесь мы опять отстаем от Западной Европы, где начиная с 1980-х гг. утверждается понимание археологического наследия как важного государственного ресурса, требующего грамотного управления. Это понимание важности сохранения своей истории нормативно закреплено в Конвенции об охране археологического наследия, разработанной Советом Европы и подписанной 25 европейскими странами в 1992 г. (Россия ее не ратифицировала). Основная идея конвенции – приоритет сохранения археологического наследия при разработке «городской и планирующей политики».

Решение этой проблемы, возможно, будет найдено на примере попыток сохранения археологического и исторического наследия Калининграда (Кёнигсберга). Кёнигсберг, начавший официальный отсчет своего существования с 1255 г., как местоположение имеет гораздо более глубокое историческое прошлое. Самые древние находки, обнаруженные в пригородах, относятся к V–III тыс. до н.э. Немецкие археологи фиксировали на территории города памятники и находки, относящиеся к эпохам бронзы и раннего железа (конец III – начало II тыс. до н.э. – I в. до н.э.), римского влияния (I–IV вв. н.э.), позднеславянского периода. Не атрибутированный, но заведомо древний слой был обнаружен профессором Й. Хейдеком в конце XIX в. при раскопках на горе Твангесте, в самом сердце Кёнигсберга.

С 1255 г. начался немецкий период, интереснейшее и богатое средневековье, новая история. Город постоянно расширялся, выходил за свои прежние границы, оставляя земле свое прошлое в виде старых оборонительных сооружений, городских стен, рвов и валов.

5. Вся эта богатейшая история, определяемая сейчас как «культурный слой», находится под угрозой разрушения. В 2006 г. директор ИА РАН Н.А. Макаров на «открытом столе» при обсуждении темы «Проблемы сохранения культурного слоя в исторических поселениях и организация контроля при проведении спасательных археологических раскопок» акцентировал внимание на максимально бережном отношении к древним культурным отложениям на

территории исторических городов, контроле за действиями организаций, осуществляющих строительную деятельность в исторических местах. В Калининграде проблема «культурного слоя» образовалась по следующей причине.

Наиболее интересный в этом отношении центр средневекового Кёнигсберга был разрушен в августе 1944 – апреле 1945 г. В последующие годы он практически не застраивался и был превращен в «зеленую зону». Разрушенные в годы войны здания были разобраны на кирпич, улицы и фундаменты засыпаны землей и заасфальтированы. Центр нового Калининграда не совпадает с центром старого Кёнигсберга. Сейчас, в связи с бурным экономическим ростом, в городе началось массовое строительство, в первую очередь ориентированное на большие свободные площади, куда попадает и центр старого города. Необходимо решать две взаимосвязанные проблемы – осуществлять застройку и проводить «охранные» археологические работы. Но в связи с высоким темпом строительства мест, требующих проверки и проведения раскопок, гораздо больше, чем специалистов, которые могут осуществить эту работу. Для решения этой задачи нужно переходить на новый уровень понимания проблемы, предложенный, как мы уже упоминали, в Западной Европе. Его конкретное осуществление имеет место уже и в отечественной археологии.

Примером здесь может служить создание городской археологической карты, как это было сделано для Москвы. При ее составлении удалось решить следующие задачи: показать памятники на фоне ландшафтно-гидрографической обстановки прошлого с целью обозначить структуру расселения и основные зоны хозяйственного использования в древности; показать основные современные ориентиры и максимально полно отразить сведения о локализации археологических памятников, их датировке и состоянии, указать существующие и утраченные объекты, местоположение которых доподлинно известно. Цветом на карте были выделены долины рек, подвергавшиеся наиболее интенсивному освоению в древности.

Подобная методика была применена и в отношении Калининграда/Кёнигсберга. Был утвержден генеральный план, в составе которого разработано археологическое зонирование г. Калининграда соответственно основным этапам его развития. Выделены 3 зоны:

1) зона исторического центра Кёнигсберга подразумевает обязательные археологические раскопки при проведении любых работ, связанных с нарушением «культурного слоя»;

2) зона городского пространства в пределах второй линии городских укреплений, построенных до конца XIX в., – обязательные археологические обследования;

3) пригородная на начало XX в. зона – обследования в пределах памятников, известных по упоминаниям в немецких источниках.

Это только начало, за которым должно последовать полное картографирование по московскому опыту, что позволит значительно облегчить осуществление строительных работ и их согласование с органами охраны, проектирование охранных мероприятий. Здесь возможны простой надзор, предварительные обследования, масштабные раскопки. При этом полезным делом является и фиксация стратиграфии отдельных городских районов при любых масштабных земляных работах, с последующим созданием общей базы данных, позволяющей реконструировать этапы развития городского «культурного слоя».

В охранный калининградской археологии есть положительные примеры точного попадания на районы, имеющие большую историческую ценность. Это раскопки района Лебенихта (одного из трех средневековых городов, вошедших в состав Кёнигсберга) в 1999 г., осуществлявшиеся совместно Балтийской и Деснинской экспедициями ИА РАН, в процессе которых под современными напластованиями был обнаружен средневековый «мокрый слой», хорошо сохранивший изделия из кожи, кости, дерева и остатки средневековых фахверковых строений; раскопки 2006 г. на месте строительства «Рыбной Деревни», давшие большое количество материала XVII–XVIII вв. – фрагменты одежды и обуви, посуды, предметов быта и др.

Подобную методологию нужно вводить в действие для охраны исторических мест и в пределах области, где разрушению в ходе хозяйственного освоения подвергаются малые города и населенные пункты, имеющие богатое историческое прошлое. Масштабные исследования, картографирование и районирование помогут выделить приоритетные направления в охранный деятельности и там. В качестве положительного примера можно привести опыт работы в г. Черняховске, где до начала строительства супермаркета раскопки были проведены в радиусе 300 м от средневекового орденского замка.

Усиление контроля за проведением строительных работ, надзор со стороны государственных и общественных организаций, открытое обсуждение будущих бизнес-проектов должны привести к сокращению, а затем и к ликвидации проблемы разрушения «культурного слоя» и памятников археологии в целом. Важную роль в этом деле должно сыграть и совершенствование законодательства об охране объектов культурного наследия, например разъяснение в нормативных документах наиболее спорных вопросов.

Часть средств из строительных инвестиций должна выделяться при этом на осуществление мероприятий по охране памятников, и чем масштабнее

проекты, тем большая отдача от них должна быть в деле изучения и сохранения исторического наследия региона, если сталкиваются интересы науки, культуры и бизнеса.

6. Этим положительным сдвигам в деле изучения и сохранения исторического наследия края препятствует недостаток в самой области специалистов, знакомых с местной археологией и ее проблемами. Профессиональный уровень отвечающих за охрану памятников истории и культуры чиновников (не имеющих опыта проведения археологических работ и не владеющих их методикой) не всегда соответствует историко-культурному значению археологи-

ческих древностей. Мобильность и оперативность государственных органов, контролирующих соблюдение режимов охраны, отстает от интенсивности городской жизни. Наиболее актуальным является создание структур, способных на профессиональном уровне, систематически, а главное оперативно, выполнять различные виды охранных работ.

Деятельность НПЦ по координации охранных и исследовательских мероприятий различных групп, созданию единого центра с хорошей справочной, научной и материальной базой очень важна для решения всего комплекса проблем сохранения и исследования памятников на территории Калининградской обл.

Е.В. Лылова

Департамент по культуре и искусству Оренбургской области

Из практики взаимодействия госоргана по охране объектов культурного наследия Оренбургской области с правоохранительными структурами

На территории Оренбургской обл. департаментом по культуре и искусству как государственным органом охраны объектов культурного наследия учтено 1627 объектов археологического наследия – одиночных курганов, курганных могильников и поселений. Из них 2 памятника федерального значения, 1300 поставлены на государственную охрану региональными правовыми актами, остальные выявлены. Благодаря ежегодно проводимым исследованиям на археологическую карту области наносятся новые объекты.

Много курганов и древних поселений утеряно в ходе хозяйственного освоения края. Однако в последнее время появился еще один значимый фактор – грабительские раскопки. За повреждение или уничтожение памятника истории и культуры предусмотрена ответственность по ст. 243 Уголовного кодекса РФ, а за хищение предметов, имеющих особую ценность, – по ст. 164.

За последние 6 лет в Оренбургской обл. разграблению подверглись десятки памятников. По причине отсутствия мониторинга объектов археологического наследия в нашем регионе мы можем только предполагать размах этого вида деятельности и количество поврежденных и уничтоженных памятников. Однако необходимо отметить, что в 2008 г. проведены мониторинг и картографирование памятников Александровского р-на, в ходе которых обнаружены следы свежих грабительских раскопок на 6 памятниках из 40 обследованных. Как показывает практика, объектами особо пристального внимания грабителей являются сарматские курганы, относя-

щиеся к категории так называемых «царских». Этому способствует немало объективных факторов. Насыпи выделяются на местности своими размерами, и не нужно быть специалистом, чтобы определить в них курганы. Обряд погребения сарматских вождей предполагал положение в могилы изделий из золота, которое так привлекает грабителей. А расположение на господствующих высотах водоразделов, как правило, вдали от современных населенных пунктов, обеспечивает благоприятные условия для совершения преступлений. Как показывает практика расследования уголовных дел по подобным фактам, свидетелей происшедшего практически не бывает.

По фактам грабительских раскопок органам охраны объектов культурного наследия приходится тесно сотрудничать с правоохранительными структурами. Казалось бы, в первую очередь именно здесь можно рассчитывать на взаимопонимание. Однако сотрудники правоохранительных органов относятся к ведению подобных дел далеко не с должным вниманием. С житейской точки зрения подобное отношение вполне объяснимо. Видимо, на фоне таких преступлений, как убийства, наркоторговля, кражи, денежные махинации и т. д., разграбление памятников археологии с точки зрения сотрудников РОВД выглядит чуть ли не невинно. К тому же уголовные дела об уничтожении или повреждении объектов археологического наследия работниками прокуратуры и отделов внутренних дел воспринимаются как заведомые «висяки», т. е. нераскрытые преступления. Этому способствует ряд объективных причин: от-

сутствие свидетелей, сведений о точном времени совершения преступления и похищенных вещах, специфика уголовно-процессуального законодательства.

В результате в 2003–2008 гг. в соответствующие РОВД области были направлены заявления о разграблении 10 памятников археологии, на которые получены ответы о прекращении дела из-за отсутствия состава преступления. Чтобы не допустить подобного «висяка», работникам ОВД порой приходится прибегать к немалой изобретательности. Так, например, в отказе ОВД г. Бузулука и Бузулукского р-на в возбуждении уголовного дела по разграблению курганного могильника Шиханы у с. Липовка происхождение траншей, проделанных при помощи землеройной техники до основания насыпи кургана, высота которого около 4 м, объяснено весьма оригинальным образом. Траншея представляет собой след от проехавшего трактора, размытый весенними дождями. А в действиях неизвестных лиц, случайно прокатившихся на тракторе по насыпи четырехметрового кургана, состав преступления отсутствует. Таким образом, делает вывод следователь, факт ограбления кургана не подтверждается.

По факту совершавшегося в течение нескольких лет разграбления курганного могильника Три Шихана, расположенного в Первомайском р-не Оренбургской обл., в РОВД района в июне 2007 г. было подано соответствующее заявление, на которое его сотрудники ответили постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях лиц, ограбивших курган, состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Необходимо отметить, что личности граждан, совершивших ограбление курганов, были установлены. Департамент по культуре и искусству данное решение обжаловал в прокуратуре области, которая отменила вынесенное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и направило его в ОВД Первомайского р-на для дополнительной проверки. В результате, после седьмого обжалования, уголовное дело было возбуждено в августе 2008 г.

Точно так же дело обстоит с заявлениями о повреждении археологических объектов при ведении хозяйственной деятельности различными хозяйствующими субъектами. Так, в мае 2008 г. департамент по культуре и искусству направил заявление в ОВД Пономаревского р-на с просьбой возбудить уголовное дело по факту повреждения одного из курганов могильника у с. Алексеевка, насыпь которого оказалась под обваловкой скважины НГДУ «Сорочинскнефть». Сотрудниками ОВД Пономаревского р-на также было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по причине отсутствия состава преступления. В качестве одного из предлогов указывался факт отсутствия открытого листа на составление акта технического состояния данного памятника у членов комиссии – археологов

Е.В. Лыловой и Е.В. Мишаниной, – подтвержденный письмом из Полевого комитета ИА РАН, и сделан вывод об отсутствии полномочий на проведение археологических экспертиз у данных экспертов. В качестве другого предлога сотрудники правоохранительных органов использовали то обстоятельство, что на момент пуска в эксплуатацию скважины разрушенный ее обваловкой курган не был признан в установленном законом порядке объектом культурного наследия и на нем не были установлены информационные надписи и обозначения. Госорганом уже несколько раз были обжалованы постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту через прокуратуру Оренбургской обл., однако в возбуждении уголовного дела было отказано.

Подаявая заявления о возбуждении уголовных дел по фактам ограбления археологических памятников, одновременно госорган обращается к органам внутренних дел с требованием пресечь незаконный доступ к курганам. Так было и в случае с Филипповским могильником. В связи с тем, что на курганах появлялись новые грабительские шурфы, а организовать постоянную охрану не представлялось возможным, в обязанности местного участкового было вменено совершать рейды с периодичностью раз в три дня. К сожалению, этого промежутка времени хватило, чтобы преступники с целью ограбления раскопали при помощи землеройной техники две насыпи. Однако виновных удалось задержать по «свежим» следам. В результате проведенного расследования возбужденное по данному факту уголовное дело было квалифицировано по ст. 243 УК РФ. Квалифицировать его по ст. 164 УК РФ не удалось. При всей очевидности деяний, совершаемых с целью хищения предметов, имеющих особую историческую, научную и художественную ценность (наем землеройной техники, вскрытие насыпей курганов, целенаправленный поиск предметов), доказать вину бывает практически невозможно. В результате разграбление кургана было отнесено к преступлениям небольшой тяжести и рассматривалось мировым судьей, который, учитывая смягчающие обстоятельства (чисто-сердечное раскаяние в содеянном, наличие на иждивении двух несовершеннолетних детей), назначил наказание в виде года лишения свободы условно.

На этом «детективные истории» с археологическим наследием у с. Филипповка Илекского р-на не закончились. Весной 2008 г. специалисты-археологи вновь составили акт о повреждении кургана из могильника Филипповка II. И снова – постановление об отказе в возбуждении уголовного дела со стороны Илекского РОВД. Причина все та же – отсутствие состава преступления. Предлог – отсутствие на курганах информационных надписей и обозначений. В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела фигурируют ссылки на опрос местных жителей, которые не знают, какие из холмов в окрестно-

стях поселка являются природными, а какие курганами. Также сотрудники Илекского РОВД поясняют госоргану, что к объектам культурного наследия относятся материальные ценности, имеющие историческую и культурную значимость, а это относится к предметам, найденным в кургане, но не к насыпи. Насыпи же, с их точки зрения, относятся к объектам археологического наследия, раскопки которых без открытого листа образуют состав административного правонарушения. Таким образом, делается вывод об отсутствии в действиях неизвестных лиц признаков состава преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ. Конечно, такое постановление вновь было обжаловано. А чтобы сохранить памятник, сотрудники Приуральской экспедиции, работавшие летом 2008 г. на курганном могильнике Филипповка I, засыпали грабительские раскопы на соседнем кургане могильника Филипповка II. Однако осенью раскопы появились вновь.

При рассмотрении дел о незаконных раскопках полномочия госоргана заканчиваются на стадии подачи заявления в органы внутренних дел. Дальше судьба того или иного заявления зависит от работы правоохранительных структур. Практика взаимодействия госоргана с правоохранительными структурами доказала невозможность привлекать к ответственности лиц, разграбляющих и разрушающих объекты археологического наследия. Статью 164

УК РФ по подобным делам привлекать невозможно, поскольку отсутствуют список украденных из памятников предметов, заключение об их культурной ценности и постановка на учет. Эта статья на практике может быть применена только в случаях кражи предметов из музейных коллекций.

Статья 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение памятников истории или культуры» также не отвечает складывающимся потребностям в вопросе защиты памятников археологии. Так, диспозиция ст. 243 предусматривает уголовную ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, взятых под охрану государства, что не во всех случаях позволяет привлечь к уголовной ответственности лиц, совершающих разграбления археологических памятников, т. к. далеко не все они поставлены на охрану. Кроме того, данная статья относится к категории преступлений небольшой тяжести и предусматривает лишение свободы на срок не более 2 лет. Как показывает практика, суд при рассмотрении дел о преступлениях небольшой тяжести ограничивается наказанием в виде небольшого штрафа либо лишения свободы «условно». Столь мягкое наказание не пугает злоумышленников. В связи с изложенным, разграбление и уничтожение памятников археологии продолжается. Данная проблема является не столько региональной, сколько общероссийской.

И. А. Сапрыкина
Институт археологии РАН

Теория и практика определения охранных зон памятников археологии

Одной из побудительных причин акцентирования внимания на проблеме определения охранных зон памятников археологии является сложившаяся в результате длительного периода времени следующая ситуация.

В апреле 2008 г. Правительством РФ было принято постановление № 315 «Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» во исполнение ст. 34 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации».

К моменту принятия этого постановления около 60% исторических городов (из более чем 400, утвержденных Министерством культуры РФ и Госстроем России) не имели разработанных и утвержденных зон охраны; более 75% известных памятни-

ков археологии находилось в аналогичной ситуации.

Документация по уже разработанным зонам охраны памятников археологии и территории исторических городов в большинстве случаев, за исключением отдельных регионов, например Краснодарского края, Иркутской и Тверской областей, не утверждена даже на местном уровне, и, соответственно, не дает оснований для их легитимации.

Существовавшие до недавнего времени параметры для определения охранных зон памятников были отражены в ряде современных нормативных документов субъектов РФ (к примеру, в Приложении № 6 к постановлению главы администрации Краснодарского края от 20 июня 1994 г. № 343 «Временная методика установления охранных зон на памятниках археологии Краснодарского края», и т. д.).

В ряде случаев в субъектах РФ, когда нормативных документов не существует, определение охранных зон выявленных памятников археологии осуществляется на основании либо нормативов ВО-ОПиК, либо рекомендаций археолога, открывшего памятник. Рекомендации археолога, как правило, основаны на результатах шурфовки, сбора подъемного материала, анализа особенностей рельефа и т. д.

Однако принятие подзаконного акта к ФЗ-73 требует разработки зон охраны памятников археологии с точки зрения нормативных документов, регулирующих эту деятельность. Соответственно, существует необходимость выработки единого стандарта в подходах к определению параметров охранных зон памятников археологии с точки зрения методики проведения подобных работ.

И здесь выявляется первая проблема, с которой сталкивается любой проектировщик, имеющий дело с объектами археологического наследия, – проблема разработки обоснования для определения границы собственно территории памятника как предмета охраны. Эта проблема особенно остро встает при подготовке документов территориального планирования любой масштабности, в частности, на стадии проектирования схем территориального планирования муниципальных районов, городских округов, сельских поселений.

В ФЗ-73, а также в его немногочисленных подзаконных актах, понятие «предмет охраны», неотъемлемой частью которого является описание его границ, отсутствует – и об этой проблеме уже неоднократно говорилось на разных уровнях.

Почему здесь необходимо поднять эту проблему, которая на первый взгляд не имеет ничего общего с охранными зонами, и тем более – с практическим археологическим знанием?

Прежде всего потому, что основная часть известных на данный момент памятников археологии не состоит на государственной охране, в том числе в формате выявленных памятников археологии, а значит – не имеет никаких официальных документов (т. е. паспортов, где приводится описание границ территории памятника как определение непосредственно предмета государственной охраны), позволяющих в последующем рассматривать возможность включения его в Единый государственный реестр.

В ст. 7 «Положения о зонах охраны объектов культурного наследия» говорится следующее:

«Материалы по обоснованию проекта зон охраны объекта культурного наследия включают в себя: а) сведения об объекте культурного наследия, внесенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 20 Федерального закона “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации”...».

Таким образом, в этом постулате заключена коллизия, которая негативным образом скажется на возможностях работы по определению зон охраны памятников археологии, истории и культуры в недалеком будущем.

Вторым серьезным методическим аспектом является установление параметров для определения границ охранных зон памятников археологии.

Практика работы с архитекторами-проектировщиками показала, что в значительной степени установление параметров охранных зон обусловлено индивидуальными особенностями памятников и больших проблем не возникает при работе с курганами, городищами. Как правило, радиус охранной зоны в этом случае, исходя из существовавших нормативных документов, равен либо полной высоте памятника, либо ее половине, что тоже является нормой, установленной не в результате специального анализа, а в силу устоявшейся традиции.

Возникает вопрос с определением зон охраны памятников, не выделенных в ландшафте – селищ, стоянок, грунтовых могильников и т. д. По каким параметрам определять зоны их охраны, тем более что, согласно ст. 30 Федерального закона «Об объектах культурного наследия...», объектом историко-культурной экспертизы являются проекты зон охраны объектов культурного наследия?

Таким образом, сейчас можно обозначить две основные проблемы, с которыми мы столкнемся в самом ближайшем будущем, особенно в свете изменений в ФЗ-73 и в связи с принятием нового градостроительного кодекса РФ, – это согласованная с Росохранкультуры методика определения границы территории памятника археологии и методика определения параметров для определения границ охранных зон памятников археологии.

Этот вопрос тем более важен, что в постановлении № 315 «Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» говорится буквально следующее:

«26. Правообладатели земельных участков, объектов капитального строительства или их частей в случае, если их права и законные интересы нарушаются или могут быть нарушены в результате утверждения границ зон охраны объекта культурного наследия, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон, вправе оспорить решение об их утверждении и (или) соответствующий проект зон охраны объекта культурного наследия в судебном порядке.

27. Органы государственной власти и органы местного самоуправления вправе оспорить в судебном порядке решение об утверждении границ зон охраны объекта культурного наследия, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон в случае несоответствия

проекта зон охраны объекта культурного наследия законодательству Российской Федерации».

Таким образом, здесь заложен механизм так называемого «обратного» действия закона, позволяющего отменять прописанную в нем же норму государственной охраны объекта культурного наследия; в особенности эта тема может стать актуальной для памятников археологии.

Одной из наиболее активных сфер практического применения разработанных зон охраны памятников археологии является, в первую очередь, раздел «Охрана объектов культурного наследия» – неотъемлемая часть документов территориального планирования и градостроительного зонирования, а также всех других видов проектной документации, утвержденной Градостроительным кодексом РФ.

В частности, этот раздел входит обязательной составной частью в такие виды документов территориального планирования, как схемы территориального планирования Российской Федерации (ст.10), схемы территориального планирования субъектов РФ (ст.14), схемы территориального планирования муниципального района (ст.19), генеральные планы поселений и городских округов (ст. 23), проекты планировки территории (ст. 42), проекты межевания территории (ст. 43), градостроительные планы земельных участков (ст. 44).

Таким образом, на каждом этапе разработки градостроительной документации и осуществления градостроительной деятельности законодательно закреплена возможность обеспечения условий сохранения памятников истории и культуры, в том числе памятников археологии.

Важной деталью здесь является разработка градостроительных регламентов особого назначения, обеспечивающих соблюдение ограничений в зонах охраны памятников истории и культуры при осуществлении на данной территории проектирования и любой хозяйственной деятельности. Это и зонирование территории, и полный запрет на строительство или иной вид хозяйственной деятельности на определенном расстоянии от границ территории памятника (культурного слоя), и детализация возможностей выдачи разрешения на определенные виды хозяйственной деятельности с разработанными ограничениями, действующими на территории охранной зоны памятника, и т. д.

Практическое участие специалистов-археологов в разработке соответствующих разделов в составе градостроительной документации разного уровня показало как плюсы, так и минусы тех возможностей, которые предоставляет действующий Градостроительный кодекс для обеспечения сохранности памятников археологии при разработке как генеральных планов городов, так и проектов планировки территории, схем территориального планирования муниципальных районов.

Минусы:

1) малый процент памятников археологии, в том числе расположенных на территории исторических городов, имеет разработанные и утвержденные зоны охраны, с утвержденными соответствующими органами охраны памятников регламентами;

2) все предложения по градостроительным регламентам, сформулированные в составе необходимых разделов, посвященных охране объектов культурного наследия, в особенности памятников археологии, носят рекомендательный характер. Не секрет, что разработчики градостроительной документации испытывают большое давление со стороны заказчиков, для которых большинство установленных регламентов становится препятствием для получения инвестиционной прибыли;

3) разработанные рекомендации по охране культурного наследия, соответственно, не имеют юридической силы. Юридическую силу разработанные зоны охраны, границы территорий памятников имеют только тогда, когда происходит выделение территории памятника и его охранной зоны в отдельный кадастровый номер, что на деле практически не происходит, за исключением отдельных случаев;

4) схемы территориального планирования, в которые составной частью входят материалы по охране объектов культурного наследия, разрабатываются в масштабах 1:5000, 1:10 000 или 1:25 000 (с учетом прилегающих территорий), что не позволяет учитывать все нюансы даже обозначения границ памятника археологии на разрабатываемой схеме. Таким образом, здесь отсутствует достаточная степень детализации и присутствует известная доля условности.

Плюсы:

1) возможность определения градостроительных регламентов, зонирования территории, режимов охраны для памятников археологии и культурного слоя на территории, в частности, городов, которые проходят утверждение в составе градостроительной документации по установленной законодательством процедуре;

2) в ходе разработки и затем соответствующего утверждения разработанной градостроительной документации, определенной действующим Градостроительным кодексом РФ, в органы госучета поступают данные о реальном на момент разработки соответствующей документации количестве памятников археологии с краткими сведениями об их местоположении, датировке, культурной принадлежности и т. д. Все это позволяет более полно представлять реальный объем известных на данный момент памятников археологии, выявленных специалистами при полевых работах.

3) при разработке соответствующих разделов проводится глубокий и всесторонний анализ всех имеющихся источников, что позволяет определить зоны наиболее вероятного расположения памятни-

ков археологии, работы по натурному выявлению которых еще только предстоит провести. Подобная работа позволяет дать предварительную прогнозную оценку перспективности территории с точки зрения археологии, что позволяет минимизировать последующие экономические затраты;

4) в рамках подготовительных работ по разработке разделов по охране объектов культурного наследия проводится мониторинг современного состояния отдельных памятников археологии, находящихся на государственном учете;

5) проводится анализ выполнения рекомендаций по охране объектов культурного наследия, в част-

ности памятников археологии, разработанных в предшествующий период (напомню, что новая градостроительная документация разрабатывается для города, района или субъекта РФ один раз ориентировочно в 10 лет).

Если брать последний аспект, то он скорее может быть отнесен к минусам, чем к плюсам. Анализ разработанной в 1990-е гг. проектной документации, в частности для территории Московской области, показывает практически полное отсутствие выполнения тех рекомендаций, которые были определены соответствующими разделами по обеспечению сохранности памятников археологии.

СЕКЦИЯ 14

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИИ

И.И. Ёлкина
Институт археологии РАН

Полевая консервация, исследование и реставрация археологического текстиля. Российский и зарубежный опыт

1. Текстиль, как и любая органика, встречается на археологических памятниках значительно реже и сохраняется значительно хуже предметов из металла и керамики. Часто после изъятия из земли текстильный предмет при соприкосновении с воздухом через какое-то время начинает просто рассыпаться. Нередки случаи гибели текстильных находок из-за неумения предохранить их от распада. Некоторые археологи считают, что проще проигнорировать текстиль, как будто бы его не было вовсе, или же ограничиться одной-двумя фразами в полевом дневнике. Такое упоминание из одной-двух фраз часто подтверждает лишь сам факт наличия текстиля в раскопе и не несет никакой дополнительной информации. Текстильный предмет является памятником эпохи и при внимательном и профессиональном изучении способен дать массу дополнительных сведений.

В последнее время возрастает интерес к археологическому текстилю в России и за рубежом, постепенно осознается его значение, т. к. он несет в себе массу информации: о волокне; о технологии изготовления и орнаментации ткани; о покрое костюма и способах его украшения; кроме того, текстиль из погребений может указать на половозрастные признаки и статус погребенного, помочь в датировании археологического объекта в целом.

2. Археологический текстильный объект – предмет довольно хрупкий. На всех этапах от момента нахождения до окончательного поступления в музейное хранение с ним надо обращаться очень бережно, т. к. существует постоянная опасность, что предмет пропадет.

3. На начальном этапе возможно прогнозирование наличия текстильного предмета в раскопе. Существует ряд благоприятных условий, при которых текстиль сохраняется. Основной фактор – это постоянные температура и влажность.

Текстиль может хорошо сохраняться: в песках пустыни, где постоянно сухо; в болотах и глинистых местах, где предмет постоянно находится во влажном состоянии; в условиях вечной мерзлоты (эффект холодильника); в замкнутых пространствах, таких как склепы и саркофаги, где веками сохраняется особый микроклимат без доступа кислорода; в угольном слое, который является стерильной прослойкой, препятствующей размножению гнилостных бактерий. Хорошая сохранность отмечается также в слое, находящемся между двумя угольными прослойками, при контакте с металлическими предметами (происходит армирование волокон солями металла).

4. На раскопе должны быть в наличии мелкий металлический инструмент (шпатели, скальпель, пинцет с тупыми концами), прямоугольные листы картона, крафт-бумага, белые бумажные салфетки или полотенца, плоские картонные коробки, мягкие кисти, спирт, глицерин. Ни в коем случае нельзя использовать вату, марлю, полиэтиленовые пакеты. Исключено использование клея любой природы.

5. При обнаружении текстильного предмета необходимо по возможности его обмести (не стараясь полностью удалить частицы грунта) и как можно быстрее провести тщательную фотофиксацию с применением макрофото съемки наиболее значимых фрагментов, т. к. впоследствии возможно изменение цвета и частичная утрата текстиля. Также необходимо записать в полевой дневник данные о находке с четким указанием слоя, в котором она найдена. Если это погребение, то провести его зарисовку с указанием точного расположения текстильных остатков и их пронумеровать.

6. Выбор способа полевой консервации зависит от того, в каких условиях находится текстильный предмет. Если предмет находится в слое, он сухой и крепкий, то его надо приподнять с одной стороны,

подвести под него лист картона и аккуратно перенести. Затем немного отряхнуть при помощи кисти, слегка расправить, переложить бумажными салфетками и поместить в картонную коробку.

Если предмет мокрый, то, переложив на картон, его следует перенести в затемненное проветриваемое место и оставить на постепенную просушку. По мере высыхания от него будут отлетать частицы грунта, которые надо удалять и, по возможности, расправлять предмет.

Нельзя оставлять расчищенные текстильные предметы в раскопе на долгое время. Свет (особенно прямые солнечные лучи) и ветер пагубно влияют на текстиль.

Обычно шерстяные ткани неплохо сохраняются после просушивания. Но этого нельзя сказать про шелк и ткани из растительных волокон. Шелковые фрагменты могут начать скручиваться, растительные – рассыпаться. В таких случаях после первичной очистки мягкой кистью от грязи используется глицерин, которым надо пропитать каждый фрагмент. Затем, спустя некоторое время (несколько минут), фрагменты надо переложить бумажными салфетками, накрыть листом картона, завернуть в крафт и поместить в бумажную коробку для транспортировки.

Ткани при контакте с металлическим предметом часто «прикипают» к нему. Если металл снять не удастся, то надо оставить предметы вместе, слегка просушить, затем переложить бумажными салфетками и упаковать в коробку.

Особого отношения требуют предметы из саркофагов, т. к. при снятии крышки происходит резкая смена температурно-влажностного режима, начинается сильный процесс окисления и следующее за ним разрушение. Яркие краски начинают тускнеть на глазах. Очень важно в первые секунды провести тщательную фотофиксацию. Идеально, чтобы при вскрытии присутствовал реставратор. Бывает сложно снять текстиль из погребения, т. к. образовавшиеся гуминовые кислоты порой «склеивают» ткань с костяком. Для такого случая существует методика, суть которой сводится к использованию органического растворителя перхлорэтилена и неразбавленного глицерина.

Упакованные предметы должны сопровождаться описанием и схемой их расположения *in situ*. Подготовленные таким образом предметы необходимо передать исследователям по текстилю как можно быстрее.

7. В последнее время у нас и за рубежом складывается тенденция как можно меньшего внедрения в структуру предмета во время реставрационных работ. К операциям, проводимым над большинством текстильных археологических фрагментов, относятся щадящая очистка, пластификация и укрепление

(по необходимости), правильное хранение в фондах музеев, комплексное проведение исследований и, на основе проведенных исследований, изготовление графических реконструкций.

8. В реставрационных мастерских в России и за рубежом применяются механический (при помощи иглы, скальпеля, кистей различной жесткости с использованием бинокулярного микроскопа МБС-10), водный (применение дистиллированной воды, смеси спирт + вода + глицерин, бытового препарата L.O.C. производства фирмы «AMWEY») и безводный (применение органического растворителя перхлорэтилена) методы очистки – в зависимости от природы и состояния предмета. Для укрепления крайне ветхих тканей используется пропитывание фторлоном, полимерами на акриловой основе, поли-пара-ксилиленами. Для уничтожения грибов на поверхности текстильных предметов используются тимол, нипагин и т. п.

9. Чаще всего археологический текстиль не имеет экспозиционного вида даже после проведения реставрационных работ. Первоначальный вид предмета и способ его изготовления воссоздают графические и технологические реконструкции.

Для получения необходимых сведений о предмете предварительно проводится ряд исследований: определение природы волокон (шелк, шерсть, растительные волокна, металлические нити); определение типа текстильного изделия (ткань, лента, тесьма, вязаное изделие, кружево, шнур, вышивка); структурный анализ (толщина нитей, крутка; для тканей и лент – плотность по основе и утку, тип переплетения); анализ на красители (хроматографический, спектральный).

Для выявления орнамента проводятся исследования в ультрафиолетовых лучах (для гладких цветных тканей); фотофиксация в косых лучах света (для фактурных тканей, например камчатных); используются компьютерные технологии (для фактурных тканей), рентгенограмма (для выявления орнамента вышивок золотными нитями).

10. Судьба предмета во многом зависит от последующего хранения и грамотного экспонирования при передаче его в фонды музея. К сожалению, в российских музеях имеются большие проблемы: недостаток площадей, невозможность создания условий постоянной температуры и влажности. Часто, по незнанию музейных работников, текстильные предметы находятся на выставках в вертикальном положении, при ярком освещении, что пагубно влияет на их состояние.

Обращение к зарубежному опыту хранения и экспонирования поможет сохранить текстильные археологические предметы в неизменном виде как можно дольше.

СЕКЦИЯ 16

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОЛЕВОЙ И КАБИНЕТНОЙ АРХЕОЛОГИИ

А.В. Кислов¹, А.В. Чернышев¹, З.Х. Албегова²

¹Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

²Институт археологии РАН

Некоторые методические предложения по исследованию климатического фактора миграции алан*

Первое упоминание об аланах на Кавказе относится к I в. н.э. С этого же времени на равнинной части Предкавказья, и в частности в Северной Осетии, возникают и начинают распространяться аланские поселения. Время активного функционирования этих поселений относится к первой половине I тыс. н.э. Согласно последним, готовящимся к публикации, исследованиям Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева** на могильнике у городища Брут, жизнь на поселениях и вокруг них продолжалась и в VI–VII вв.

Как показывает пространственный анализ аланских памятников, расположенных на территории Северной Осетии, после VII в. они исчезают с равнинной части, их ареал смещается в горы и предгорья. Важно отметить, что на освобожденные аланами равнинные земли не приходят другие племена. Здесь наступает период запустения, который продолжается до X–XII вв. (Албегова, 2007). Пока нам известен только один памятник, бытовавший в X–XII вв. в предгорной части Северной Осетии, – Змейский могильник. Число памятников на равнине заметно возрастает только в золотоордынское время (рис. 1).

Очевидно, что подобные миграции, связанные с перестройкой всего образа жизни алан, и в частности изменением способов ведения сельского хозяйства (террасированное земледелие, требующее несравненно больших усилий по сравнению с равнинным), должны быть обусловлены достаточно серьезными причинами. Одно из объяснений этого явления может быть связано с неблагоприятной ландшафтно-климатической обстановкой, сформировавшейся в данном регионе в указанное время. По некоторым данным, в период с V по XVI в. н.э. в районе Кавказа наблюдались значительные колебания климата от

теплого и сухого (даже засушливого) в V–IX вв. до холодного и влажного в X–XV вв. (Кислов, 1989).

В настоящее время, с развитием геоинформационных методов исследований, появилась возможность выполнить численные эксперименты по моделированию климата для различных временных интервалов и спроецировать результаты подобного моделирования на состояния ландшафтно-климатической обстановки в пределах определенных территорий. Подобная работа была проделана недавно в процессе исследования изменений климата в районе Пятигорья (Афанасьев, Кислов, Чернышев, 2002; Кислов, Чернышев, 2003). Исследования археологических памятников в Кисловодской котловине свидетельствуют о том, что население котловины в V–IX вв. размещало свои укрепленные поселения и сельскохозяйственные угодья не на равнинах, а на склонах гор, на высоте 900–1500 м над уровнем моря. Авторы убедительно доказывают, что выбор мест для проживания зависел от климата (Афанасьев, Коробов, 2007).

Результаты исследований климатических изменений в V–IX вв. в Кисловодской котловине дали возможность, с одной стороны, в определенной мере объяснить динамику расселения аланских племен, а с другой – предложить некоторую методику подобных работ, имеющую достаточно универсальное значение. Оригинальность методики заключается в модельной оценке чувствительности локального состояния растительности к вариациям климата и, как следствие, определении устойчивости ландшафтов к этим вариациям (Кислов, Чернышев, 2003).

Моделирование локальных особенностей климата осуществляется в несколько этапов. Вначале посредством компьютерной модели общей циркуляции

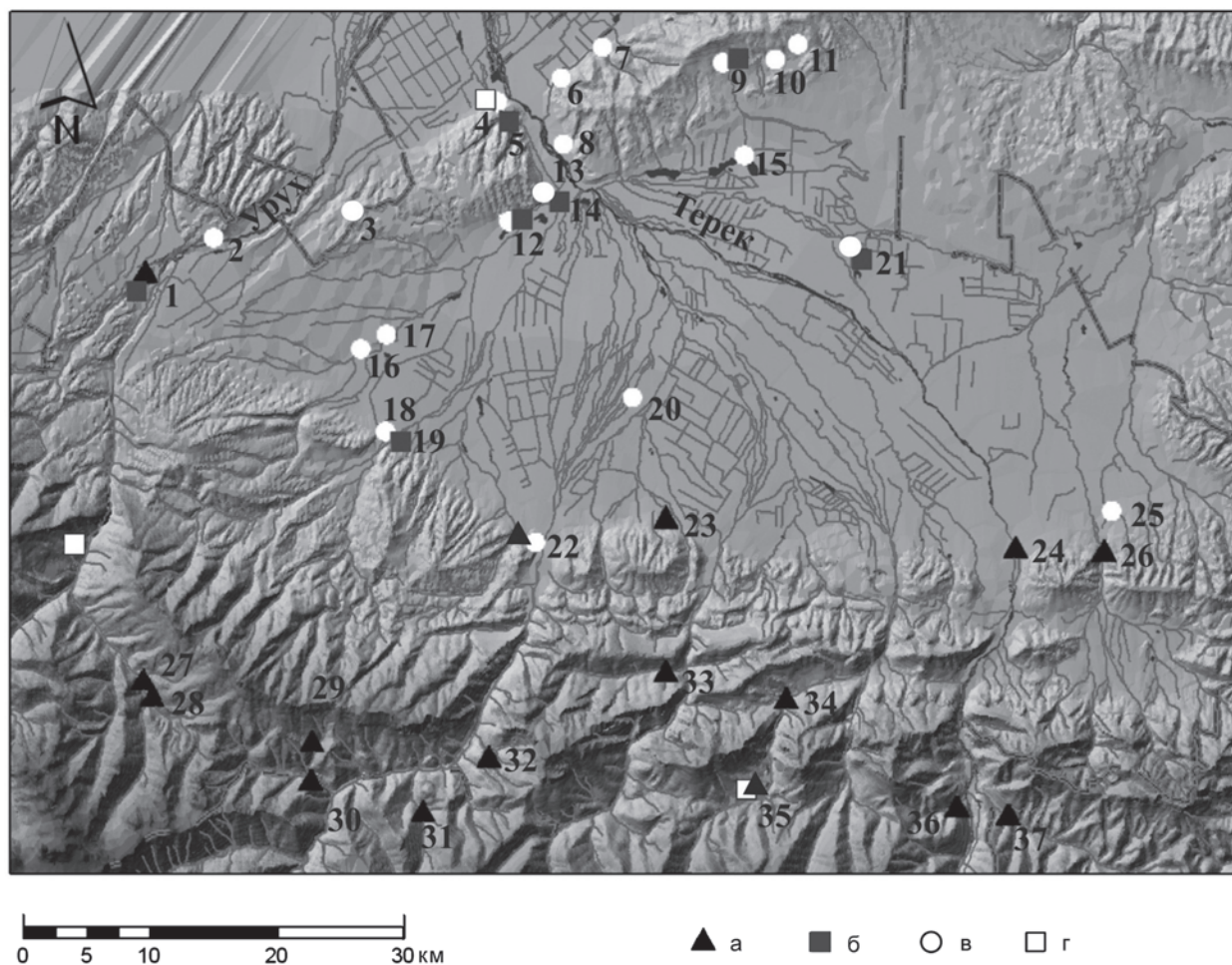

Рис. 1. Карта археологических памятников в I – XIV вв. а – катакомбные могильники VI–IX вв.; б – золотоордынские поселения и находки золотоордынской керамики; в – аланские городища первой половины I тыс. н.э., VI–VII вв.; г – катакомбные могильники IX–XII вв. 1 – Хазнидон, 2 – Новый Урух, 3 – Гой, 4 – ст. Змейская, 5 – Верхний Джулат, 6 – Эльхотово, 7 – Комсомольское, 8 – Эльхоты ком, 9 – Заманкул, 10 – Раздзог 1, 11 – Раздзог 2, 12 – Дур-Дур 2, 13 – Дур-Дур 1, 14 – Блин-гора, 15 – Брут, 16 – Дур-Дур 3, 17 – Дур-Дур 5, 18 – Хур хоры сар, 19 – Карагасы обау, 20 – Кадгарон, 21 – Зилги, 22 – Алагир, 23 – Хаталдон, 24 – Владикавказ, 25 – «Шамилевский курган», 26 – Тарское, 27 – Галиат, 28 – Дунта, 29 – Ход, 30 – Садон, 31 – Архон, 32 – Дагом, 33 – Гусара, 34 – Кобан, 35 – Даргавс, 36 – Чми-Суаргом, 37 – Гоуст.

атмосферы (МОЦА) воспроизводится планетарный климатический режим. Далее значения переменных модели, относящихся к исследуемому региону, преобразуются в региональной модели, «привязываясь» к его специфическим формам рельефа (что особенно актуально для территории Кавказа). На заключительном этапе осуществляется локальная адаптация метеорологических величин к особенностям растительного и почвенного покрова.

В качестве МОЦА целесообразно использовать модель T21L15 (21 гармоника в пространственном разрешении уравнений гидротермодинамики атмосферы на сфере, 15 σ -уровней по вертикали), имеющую в основе соответствующую версию модели Гидрометцентра РФ.

Особенность эксперимента заключается в том, что глобальные климатические модели имеют грубое пространственное разрешение, с точки зрения показателей локального микроклимата. Площадь участков правдоподобного воспроизведения климатических полей составляет порядка 1000 $\times$ 1000 км. Для перехода на локальный уровень с пространственным разрешением порядка 1 км² для каждой «элементарной» ячейки координатной сетки, покрывающей исследуемую территорию, рассчитывается специальная передаточная функция. Здесь осуществляется привязка данных МОЦА (температура, влажность, потоки тепла и др.) к абсолютной высоте и условиям рельефа каждой микроячейки (Кислов, Чернышев, 2003). Для рельефа горных и предгорных террито-

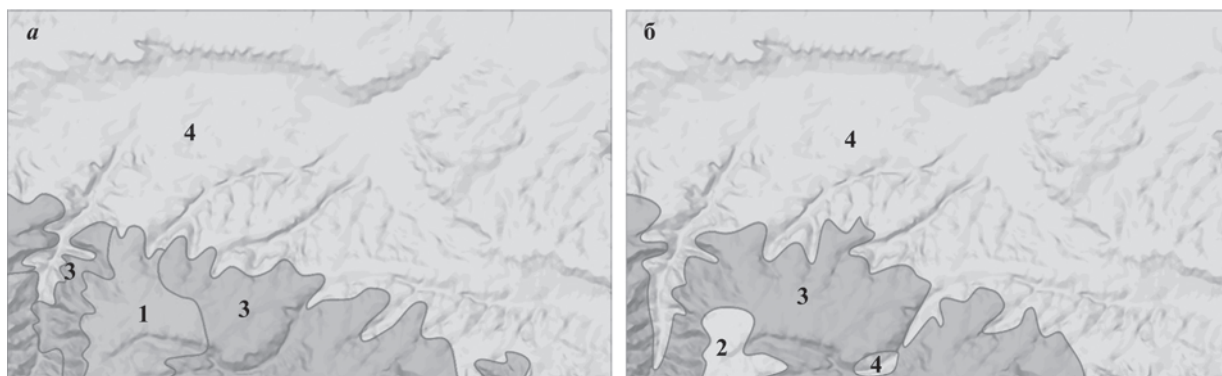

Рис. 2. Растительные формации территории Пятигорья (Северный Кавказ), воспроизведенные в модели для современного (а) и «возмущенного» (б) климата. Условные обозначения:

- 1 – субальпийские луга и рододендровники, 2 – субальпийское криволесье, 3 – лес (хвойный, буковый), 4 – горные степи и горное редколесье.

рий используется показатель усредненного градиента, который вычисляется как линейный тренд по узлам цифровой модели рельефа (ЦМР), попавшим в пределы данной ячейки, методом наименьших квадратов. Частные производные получившейся линейной функции берутся в качестве координат вектора градиента F_x , F_y . По значениям вектора градиента вычисляются углы наклона ячеек сетки γ

$$\gamma = \arctg \sqrt{(F_x^2 + F_y^2)},$$

и их экспозиция, как угол направления вектора, отсчитываемый от положительного направления оси x . Кроме того, для каждого элемента сетки вычисляется показатель «закрытости» горизонта. Начало координат помещается в центр текущей ячейки сетки. Ее плоскость разбивается на 24 сектора шириной 15° . Первый сектор соответствует направлению на запад (направление на запад является биссектрисой соответствующего угла), далее сектора нумеруются против часовой стрелки. Например, направлению на юг соответствует сектор 7, а направлению на север – сектор 19. Для каждого сектора вычисляется угол α , при котором конус, определяемый уравнением

$$z = tg\alpha \sqrt{(x^2 + y^2)},$$

касается земной поверхности, скорректированной с учетом кривизны Земли. Это означает, что источник света, находящийся на данном направлении и расположенный ниже полученного угла, не будет освещать центр ячейки. Угол α отсчитывается по вертикали от плоскости, касательной к земной сфере в центре ячейки, и вычисляется с точностью до 1° .

Для расчета ЦМР, с учетом пространственного разрешения ячеек локальной климатической модели, используются топографические карты в масштабе не мельче 1: 1000 000.

На заключительном этапе рассчитывается распределение температуры и влагосодержания воздуха и почвы – в приземном слое атмосферы и деятель-

ном слое почвы соответственно. Эти характеристики определяются из решения уравнений баланса энергии и влаги, записанных для следующих переменных: температура и влажность воздуха внутри двухъярусной растительности, температуры и влагосодержания в почве, представленной 3-слойной моделью.

Моделирование вариаций ландшафтно-климатической обстановки заключается в том, чтобы исследовать отклик модели климата и компонентов локального ландшафта на изменение глобального состояния одной из взаимосвязанных сред – атмосферы или океана. При исследовании климата на участках суши естественно принять за причину дестабилизации системы атмосфера – океан изменения состояния океана. В этом случае параметры МОЦА изменяются («возмущаются») в соответствии с установленными в системе связями. В результате модель отражает параметры измененного по отношению к исходному (или «возмущенного») климата. При этом характер «возмущения» должен отражать некоторую концепцию по состоянию климата в определенные исторические эпохи. Так, например, в процессе моделирования ландшафтных границ Пятигорья предполагалось, что аномалия температуры океана затрагивает только северную часть Атлантического океана, поскольку именно данный район действительно является одним из ключевых с точки зрения генерации климатической изменчивости Северного полушария. Пространственное распределение аномалий температуры представляло собой диполь: положительные отклонения в субтропиках, отрицательные – в умеренных широтах. Максимальная величина аномалий задана менее $0,8^\circ$ (по модулю).

В результате интегрирования глобальной модели по двум наборам данных – современного и «возмущенного» климата, – а также интерпретации климатических показателей в терминах состояния растительности на основе установленных связей (Кислов, 1989), составлены карты распределения растительности для

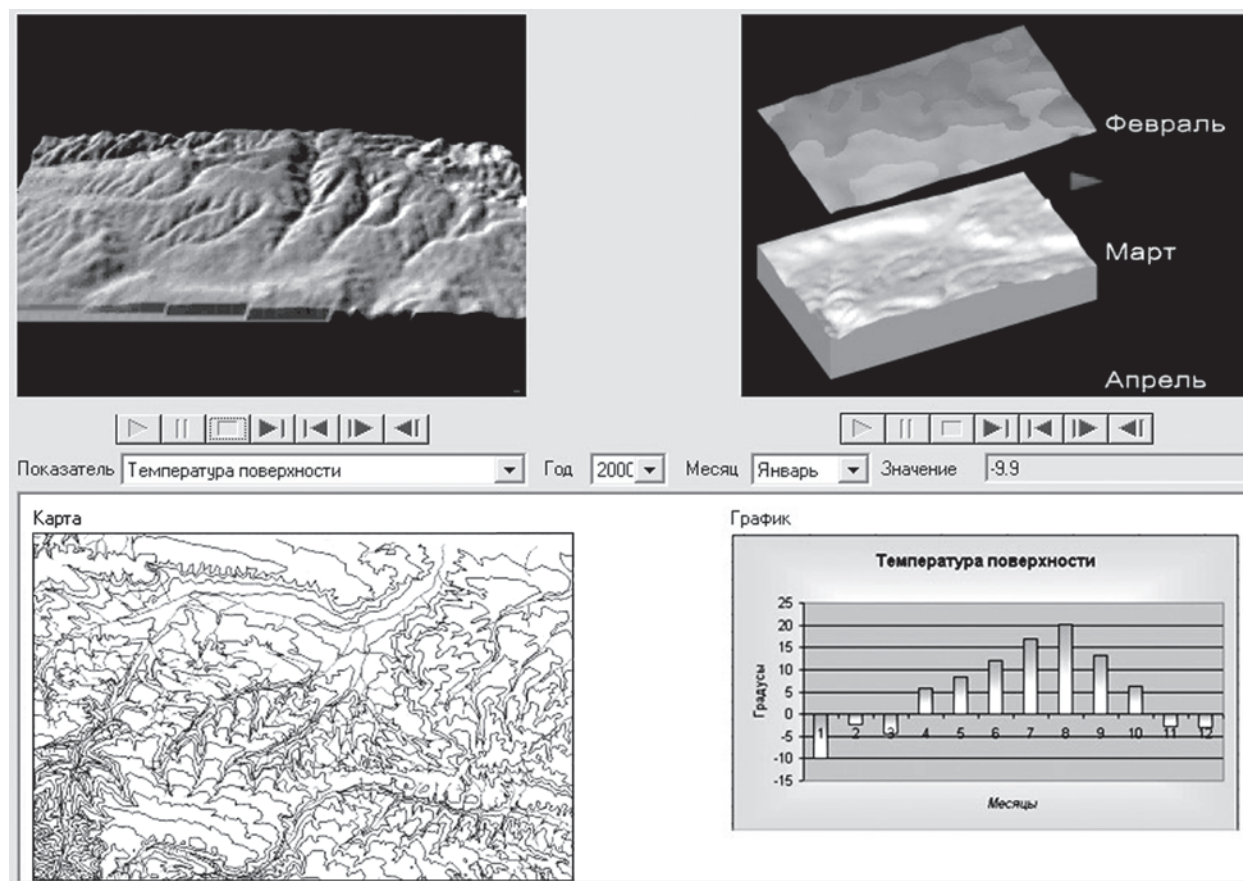

Рис. 3. Интерфейс информационно-картографической системы для Северной Осетии.

современного и «возмущенного» климата на территории 20×30 км, принадлежащей району Пятигорья (рис. 2: а, б). Локально-климатическая модель рассчитана по координатной сетке с шагом 0,7×0,7 км.

Видно, что для данной территории в современных условиях типичен лес (хвойный, буковый), горные степи и горное редколесье, а также субальпийские луга и рододендронники. В возмущенном состоянии климата появляется субальпийское криволесье, а субальпийские луга исчезают. Изменяется конфигурация границ растительных формаций – в частности, степи проникли в верховья долин, заместив лесную растительность. Лес, в свою очередь, также продвинулся вверх. Важно отметить, что изменения захватили зоны, лежащие выше абсолютных значений высоты 1500 м. Растительные формации более низких участков территории не претерпели принципиальных изменений (более устойчивы к изменениям климата). Тем не менее, характер изменений границ ареалов растительности вполне соответствует представлениям об изменении климата на Кавказе в первой половине прошлого тысячелетия в сторону более сухого и теплого (Кислов, 1989). Это могло способствовать перемещению оселений древних алан из зоны предгорных степей (где в условиях усиления аридности

климата возрастает вероятность засух) вверх по склонам Кавказского хребта, «вслед» за перемещением зон относительно стабильного земледелия.

В настоящее время начаты работы с применением изложенной методики и для исследования причин миграций раннесредневекового населения на территории Северной Осетии (составлены электронные карты размещения поселений алан на исследуемой территории с учетом временного фактора и рассчитаны основные морфометрические характеристики рельефа для их использования при построении локально-климатических моделей). Как убедительно доказывают археологические источники, вектор миграций в этом регионе также направлен с территорий равнинных участков горной степи в зону склонов Кавказских гор.

Для подтверждения гипотезы о решающем влиянии климатического фактора на миграционные процессы на Северном Кавказе в настоящее время разрабатывается специализированная информационно-картографическая система для территории Северной Осетии. Посредством системы предполагается реализовать возможность анализа электронных карт и анимационных картографических изображений (отражающих динамику рассматриваемых процессов во

времени) в сопоставлении с графиками, таблицами и другими данными (рис. 3).

Накопление археологического материала привело к пересмотру существовавшего ранее представления о вариантах и развитии аланской культуры. Сегодня практически все алановеды склоняются к выводу о том, что выделенные более полувека назад западный (горный и предгорный) и восточный (степной и предгорный) варианты аланской культуры отражают не только и не просто культурные и географические различия, а во многом и последовательные хронологические этапы (Alemany, Arzhantseva, 2007; Ковалевская, Албегова. В печати).

* Работа проводилась при поддержке гранта РФФИ (проект 08-06-00032а).

** Авторы выражают глубокую признательность В.Ю. Малашеву и Т.А. Габуеву за возможность использования результатов их исследований, а В.Ю. Малашеву – также за консультации по вопросам датировки подъемного материала с аланских городищ Северной Осетии.

Албегова З.Х., 2007. Расселение алан на территории Северной Осетии в I–XII вв. по материалам картографи-

рования археологических памятников // Археология и геоинформатика. М. Вып. 4. (CD-издание.)

Афанасьев Г.Е., Кислов А.В., Чернышев А.В., 2002. К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. статей. М. Вып. 1-2.

Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., 2007. Житницы аш-тигоров и палеоклимат VII–XII вв. на Северном Кавказе // Археология и геоинформатика. Вып. 4. (CD-издание.)

Гребенщиков О.С., 1974. Опыт климатической характеристики основных растительных формаций Кавказа // Ботанический Журнал. Т. 59. № 2.

Кислов А.В., 1989. Теория климата. М.

Кислов А.В., Чернышев А.В., 2003. Опыт моделирования чувствительности растительных зон Северного Кавказа к климатическим изменениям // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. № 3.

Ковалевская В.Б., Албегова (Царикаева) З.Х. Новые данные по пространственному анализу поселений Центрального Предкавказья. В печати.

Alemany A., Arzhantseva I., 2007. Alanica Bilingua: Sources vs. Archaeology. The Case of East and West Alania // Scythians, Sarmatians, Alans – Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes. Autonomous University of Barcelona, 7–10 May 2007.

СЕКЦИЯ 17

АРХЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Е.В. Буланкина

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

Археологические коллекции РИАМЗ: формирование и экспонирование

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник – один из старейших музеев России. Истоки его уходят в XIX в., когда в июне 1884 г. членами Рязанской ученой архивной комиссии был организован историко-археологический музей.

Распоряжением Совета Министров от 5 июля 1968 г. был образован Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник на базе областного краеведческого музея, комплекса архитектурных памятников XV–XIX вв., Рязанского кремля, городища Старая Рязань.

Указом Президента РФ от 6 декабря 1995 г. РИАМЗ включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов РФ.

Собрание музея насчитывает 230000 музейных предметов (196989 – основной фонд, 33011 – научно-вспомогательный). Археологические коллекции составляют значительную часть фонда – 113399 музейных предметов основного фонда, н.в. – 22142.

Археологические коллекции РИАМЗ охватывают период с XII тыс. до н.э. по XVII в. н.э. и отражают все периоды освоения территории и все ступени развития человеческого общества на территории края.

В 1887–1918 гг. в фонды музея РУАК поступают случайные находки и коллекции, полученные в результате раскопок. Собранные в то время археологами коллекции имеют свои особенности – не брались в музей вещи, казавшиеся обычными, неинтересными, не включались в музейные коллекции обломки предметов, практически отсутствует массовый материал. Музей РУАК в 1889 г. выпустил каталог археологической коллекции (Краткий каталог... 1889), насчитывающий 975 предметов, из них археологическими в современном понимании являются толь-

ко 660, остальные – элементы народного костюма, предметы декоративно-прикладного искусства, бытовые, т. е. все те вещи, которые объединяло в то время понятие «археология», – предметы старины. К 1918 г. количество музейных предметов фонда археологии выросло до 13875 (Списки поступлений...). Среди них – коллекции из раскопок А.В. Селиванова в Старой Рязани (1888, 1889 гг.), А.И. Черепнина из раскопок Кривишинских, Графчиковских курганов (1896, 1897 гг.), Шатрищенского могильника (1894, 1903 гг.), В.Н. Крейтона из раскопок близ с. Арцыбашево (1904 г.). В книгу поступлений музейные предметы записывались в хронологическом порядке по мере поступления в музей (Списки поступлений...). В своей экспозиционной работе музей РУАК не отличался от современных ему музеев. В музейном деле не произошло еще разделения музейной деятельности на виды, фонды и экспозиция являлись одним целым, и музей предлагал к осмотру посетителям все, что в нем хранилось. Собрание музея РУАК экспонировалось в витринах, напольных и подвесных, шкафах, на подставках, подоконниках (Опись вещей...), как и хранилось. Археологический материал был выставлен поколлекционно.

В 1918 г. на базе музея РУАК, епархиального Древлехранилища, кустарного музея и еще нескольких небольших музеев был образован Рязанский губернский музей. Археологическая коллекция музея в первые годы Советской власти пополнялась случайными находками, сделанными сотрудниками музея при осмотре памятников археологии, школьниками во время экскурсий.

Основная часть коллекции 1920–1930-х гг. – результат разведок. Из раскопок поступают коллекции

Старорязанской экспедиции В.А. Городцова 1926 г., Пронской экспедиции Милонова и А.А. Мансурова (1929, 1930 гг.), Куфтина и Лебедевой с Подборновской стоянки (1925 г.), О.Н. Бадера, А.А. Мансурова, Кितिцина с Владычинской стоянки (1928 г.)

В довоенное время коллекция музея пополняется более чем 40000 музейных предметов.

Для обеспечения первичного учета археологического фонда в 1922 г. Н.И. Лебедевой была составлена «Инвентарная опись археологического отдела», дополненная С.Д. Яхонтовым. Опись была сделана как охранный, но содержание ее было гораздо шире – она содержала все сведения о коллекциях.

Целью научной работы музея в первой половине 1920-х гг. стала разработка структуры музея, системы хранения и изучения коллекций, определение экспозиционно-выставочной политики музея. Все собрание музея делилось на два отдела – естественно-исторический и общественно-исторический, внутри отделов музейные предметы делились на «инвентаризационные группы». Была разработана учетная карточка музейного предмета, но эта форма учета оказалась неудобной для описания больших коллекций. Была введена новая система инвентарного учета музейных коллекций, в основе которой была коллекционная опись. Как бы ни изменялась впоследствии форма первичного учета и форма инвентаря, описи археологических коллекций остались неизменными, они являются рабочими документами хранителя, могут дополняться по мере необходимости. Хранились археологические коллекции в специально изготовленных шкафах, внутри которых были сделаны выдвижные ящики. Музейные предметы укладывались в коробки, в зависимости от величины предметов и состава коллекций размером в 1/8, 1/4, 1/2 ящика. Громоздкие предметы складывали в нижней части шкафа, где для подобных вещей было оставлено место (Мансуров. Техника... Л. 29). Была разработана и система указателей для коллекций.

В 1922 г. Рязанскому губернскому историко-художественному музею было предоставлено здание архиерейских палат в кремле, другое название которого – «Дворец Олега», т. к. по преданию, каменные палаты построены в XVII в. на месте деревянного княжеского дворца. Первая экспозиция музея продолжает традиции музея РУАК. Экспонаты размещались в залах музея по коллекционному принципу (План архиерейского дома...).

Такая экспозиция не удовлетворяла ни посетителей, ни сотрудников музея (Бирюков. Из опыта...). В середине 1920-х гг. экспозиционерами рассматриваются разные принципы экспонирования музейных предметов, и в основу экспозиции кладется принцип социологический, цель которого, по мысли авторов, в том, чтобы «помочь народным массам освободиться от вековых предрассудков и, согласно материали-

стическому мировоззрению, выявить перед народом движущие силы культурного развития края» (Яхонтов. Объяснительная...). Главной задачей экспозиции становится задача просветительная. Основной экспозиции социально-экономического отдела были общественно-экономические формации: первобытнообщинная, феодальная, капиталистическая, социалистическая.

Это время характеризуется поисками форм и методов изучения и экспонирования музейного собрания на «основе марксистско-ленинского учения, совершался переход от кунсткамерного типа музеев к новым революционно-просветительским». Задачи музея формулируются следующим образом: «Задача современной музейной экспозиции – служить подъему культурного и политического уровня масс... Музей должен дать массовому посетителю основные и достоверные знания края; умение его строить и понимание целей краестроительства в плане социалистического переустройства страны. Выполнить это он сможет, если его экспозиция будет понятной, интересной, связанной с практическими выводами, имеющими современное значение и построенной диалектически, с ярким подчеркиванием причинности явлений. Характер экспозиции должен быть таков, чтобы внимание посетителей сосредотачивалось не на предметах, а на тех идеях, которые они выражают» (Яхонтов. Объяснительная... Л. 1). Последовательный подбор комплексов музейных предметов и копий должен был дать образную, хорошо усвояемую и логически связанную цепь понятий и представлений о местном крае во всем его многообразии. «Всякое выставление предмета в музее имеет целью вызвать в посетителе переживания и ассоциации, заставить остановиться перед вещью, пробудить пытливые мысли, зажечь фантазию, если это произойдет – цель достигнута» (Там же. Л. 31). Начало создания новой экспозиции в музее было положено построением в 1927 г. зала Старой Рязани. Экспозиция должна «нарисовать по материалам археологических раскопок облик бытовой жизни города» (Соколова. Композиция...).

Это была комплексно-тематическая экспозиция, сделанная очень профессионально и соответствовавшая всем требованиям музейной науки того времени. Она просуществовала до середины 1950-х гг.

В послевоенное время коллекция пополняется за счет поступления вещей из раскопок Старой Рязани А.Л. Монгайта, затем В.П. Даркевича, раскопок в Пронске, Переяславле Рязанском, других памятников Н.П. Милонова, М.В. Фехнер в Пронске, И.К. Цветковой на стоянке Черная Гора, Поповой и Б.А. Фоломеева на стоянке Фефелов Бор и др. В 1970–1980-х гг. велась большая работа по сбору материалов для составления Свода памятников археологии, поэтому в фондах музея появляется много коллекций из разведок.

Экспозиции музея перестраивались в 1950-х гг. Самостоятельная музейная мысль была изжита в предвоенное время. Нормативными документами определялось содержание экспозиции, почти во всех музеях экспозиции были стандартными. Открывалась экспозиция Отделом природы, затем шел раздел о происхождении человека, далее в хронологической последовательности был представлен исторический процесс развития общества по формациям.

Следующая перестройка экспозиций музея была осуществлена после ремонта здания и замены печного отопления на центральное в 1969 г. Экспозиция была дополнена тематическими диорамами, графическими изображениями, картами, рельефными топографическими планами. Эта экспозиция просуществовала до 1985 г. и была разобрана в связи с крупными реставрационными работами в здании, которые закончились к 1995 г.

В 2001 г. создана концепция развития музея, которая включает раздел «Экспозиционно-выставочная работа». Экспозиция музея рассматривается как комплекс экспозиций отделов, объединенных одной экспозиционной целью, но в то же время достаточно самостоятельных. Экспозиция должна иметь несколько уровней, используемых разными категориями посетителей. При этом она не должна иллюстрировать учебник истории, отрывочность экспозиции предопределена рядом объективных причин, таких, как состав коллекций, ограниченность экспозиционных площадей и т. д.

Планировалось размещение экспозиции «Древнейшая история человечества» на первом этаже Дворца Олега, который освобождался после строительства нового фондохранилища. Из-за изменившихся условий работы музея строительство фондохранилища остановлено. В отсутствие постоянной экспозиции работает выставка «До нашей эры», строятся временные выставки, подводящие итоги сезона, демонстрирующие новые находки, коллекции фонда археологии; дополняются предметами из нашего фонда привозные выставки.

Новая экспозиция музея по истории Отечества была открыта в 2006 г. Ее площадь 500 м², экспонируется более 1000 музейных предметов из археологической коллекции, в основном из раскопок Старой Рязани, Переяславля Рязанского, Пронска.

Посвящена экспозиция истории русского средневекового города. Археологические коллекции предметов, найденных при раскопках на городище Ста-

рая Рязань, позволили рассказать о возникновении города, городских укреплениях, различных ремеслах, повседневной жизни горожан. Художественное оформление экспозиции, выполненное народным художником России Е.В. Богдановым, своим образным решением помогает раскрыть основную мысль экспозиционеров. Посетитель, войдя в зал, попадает на улицу средневекового города. Причем, это не точное следование реконструкциям, а лишь образ средневекового города, создающий настроение, дающий некую зрительную опору, но не повторяющий приемов средневековых строителей, использующий другие материалы и технологии. Большой экспозиционный зал разделен на несколько экспозиционных комплексов. Маркируют комплексы сооружения-символы, обозначающие их содержание. Так, над макетом города – крыша как символ дома, укрытия, убежища; комплекс, рассказывающий о внешних связях города, в том числе и о торговых, обозначен макетом ладьи; символом комплекса, рассказывающего о духовной жизни горожан, стал макет одного из старорязанских соборов. В нескольких витринах рядом с подлинными вещами – макеты жилых и производственных сооружений, помогающие посетителю понять назначение предметов, представить, как жили горожане, как работали ремесленники – кузнецы, гончары, ювелиры. Дополняют экспозицию электронные носители информации, рассчитанные как на одиночного посетителя, так и на экскурсионные группы.

Бирюков И.Н. Из опыта проведения экскурсий // Научный архив РИАМЗ. Д. 552. Л. 6.

Краткий каталог Рязанского музея. I: Отдел археологический. Рязань, 1889.

Мансуров А.А. Техника музейного дела. Учет и хранение коллекций // Научный архив РИАМЗ. № 399. Л. 29

Опись вещей, находящихся в Рязанском музее // Научный архив РИАМЗ. № 43.

План архиерейского дома // Научный архив РИАМЗ. № 1017.

Соколова Е.В. Композиция материала в зале Старой Рязани // Научный архив РИАМЗ. № 960.

Списки поступлений в музей Архивной комиссии // Научный архив РИАМЗ. № 42.

Яхонтов С.Д. Объяснительная записка к переустройству Рязанского областного музея // Научный архив РИАМЗ. № 258.

СЕКЦИЯ 18

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

**И.А. Аржанцева¹, М.А. Бронникова², В.А. Завьялов³,
О.Н. Иневаткина⁴, А.В. Кошурников⁵, И.Н. Модин⁵, А.В. Панин⁵**

¹ Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

² Институт географии РАН, Москва

³ Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

⁴ Государственный музей искусства народов Востока

⁵ Московский государственный университет

Пор-Бажын: опыт междисциплинарных исследований

Археологический памятник Пор-Бажын (с тув. дословно – Глиняный Дом) расположен на юго-востоке Тувы (Тере-Хольский кожуун), на одном из островов оз. Тере-Холь, в 8 км к западу от п. Кунгуртук.

Впервые памятник упоминается в 1701 г. в «Чертежной книге Сибири» (1882. Л. 17 (15)). В 1891 г. памятник был обследован и описан этнографом и археологом Д.А. Клеменцем. Клеменц же первым отметил сходство с древним городом Кара-Балгасун – столицей Уйгурского каганата (Клеменц, 1895). В 1957–1963 гг. на памятнике работала Тувинская экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством С.И. Вайнштейна. На основании некоторых находок и по ряду аналогий С.И. Вайнштейн, вслед за Д.А. Клеменцем и другими учеными, датировал Пор-Бажын серединой VIII в. н.э. (Вайнштейн, 1964).

Памятник, общая площадь которого составляет 3,5 га, имеет сложную архитектуру: крепостные стены образуют правильный прямоугольник (215 × 162 м), вытянутый по оси восток – запад, внутри прямоугольника находятся два больших смежных двора, монументальное здание на центральной оси, а также цепочка смежных дворов вдоль северной, западной и южной стен. Южная и северная стены частично разрушены, относительно хорошо сохранились западная и восточная. В середине восточной стены находятся ворота с сильно разрушенными привратными башнями.

Пор-Бажын является не только археологическим и архитектурным, но и природным памятником. Он

практически целиком занимает небольшой остров, скованный многолетней мерзлотой. Именно с этим связаны две группы проблем.

1. История и интерпретация памятника. Из легенд следует, что крепость строили на суше, а озеро возникло позднее (Вайнштейн, 1964. С. 104). В связи с этим возникают вопросы: имеем ли мы дело лишь с фольклорным сюжетом или он как-то связан с действительной историей озера? Если легенды отражают реальную действительность, то когда именно возникло озеро и что стало причиной его возникновения? В ходе обсуждения проекта перед первым полевым сезоном в 2007 г. возникали версии, что озеро вообще может быть искусственного происхождения.

2. Процессы разрушения памятника. Одним из стимулов к скорейшей организации экспедиции послужили сведения о быстром разрушении острова, о котором упоминалось уже в статье Вайнштейна (1964). Берега острова обнаруживают отчетливые признаки разрушения. Невооруженным глазом заметно отступление береговой линии, которая местами находится уже в опасной близости от стен крепости.

Говорить о серьезной угрозе памятнику заставляло и состояние внешних стен, наполовину разрушенных. Какова была роль природных процессов в этом разрушении, и как быстро оно происходило? И какие меры следует предпринять для защиты памятника, если она вообще возможна?

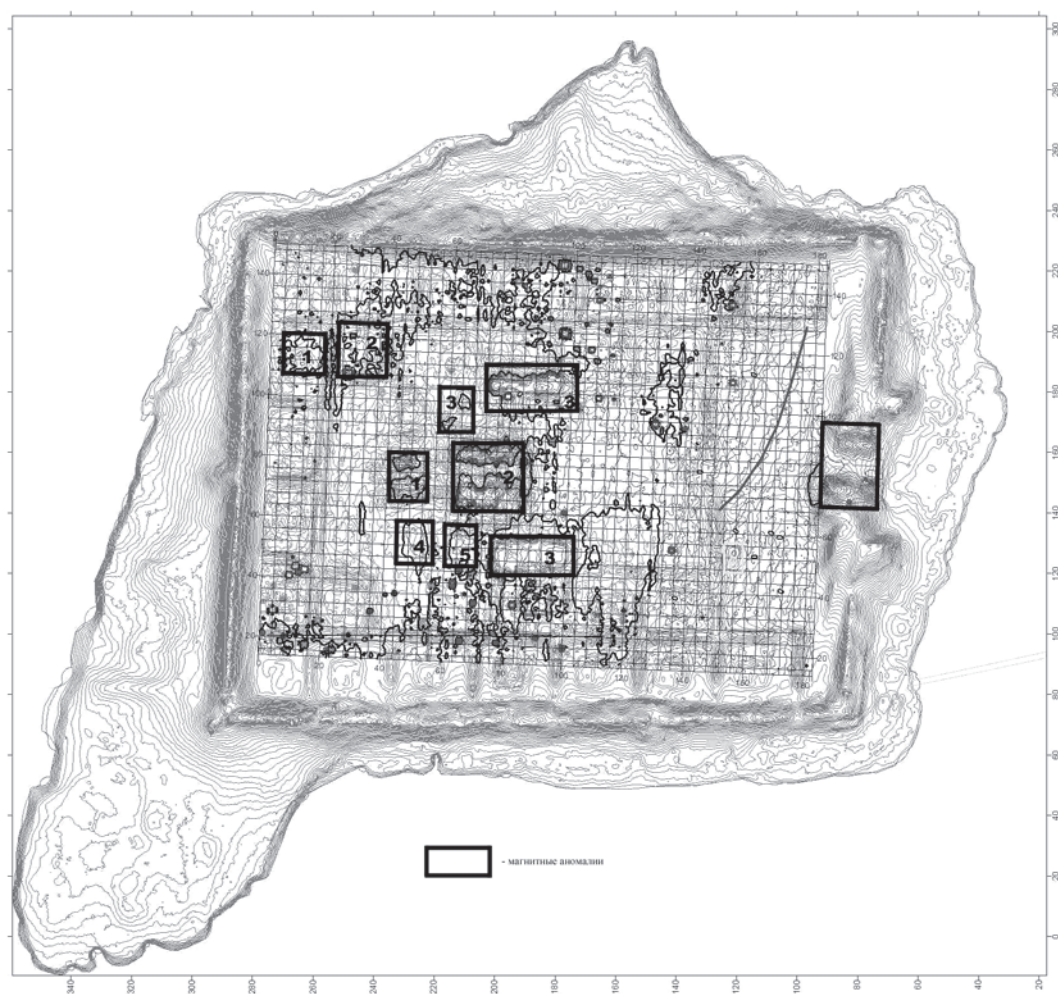
Ответить на эти вопросы без организации специальных полевых работ было нельзя, т. к. район

Рис. 1. Цифровая модель Пор-Бажына.

памятника оказался настолько слабо изученным, что отсутствовали даже самые элементарные сведения. Например, о самом озере: его глубинах, сезонных изменениях уровня, строении берегов и т. д. Неизвестно было строение острова: сложен ли он скальными породами или рыхлыми. На осно-

вании общих соображений было высказано предположение о развитии там вечной мерзлоты, но точных данных не было. А наличие их чрезвычайно важно, т. к. в условиях мерзлоты меняются подходы как к исследованию, так и к консервации памятника.

РРис. 2. Карта магнитных аномалий

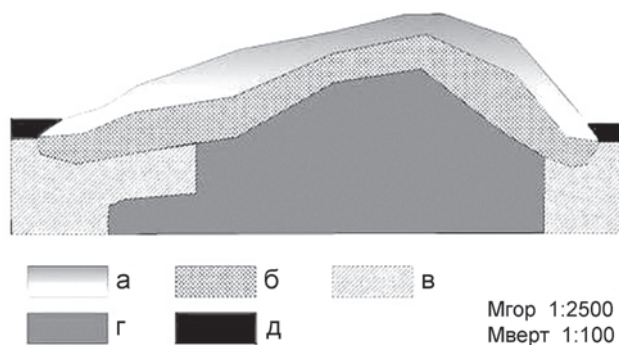

Рис. 3. Структура острова по данным геофизики. а – верхний талый слой; б – слой сезонного протаивания; в – талые озерные отложения; г – материковый мерзлый слой; д – вода.

Для ответа на эти вопросы была сформирована специальная программа исследования и в состав экспедиции были включены специалисты-естественники:

- геофизики – для изучения глубинного строения острова и дна озера;
- геоморфологи – для реконструкции истории озера и окружающих ландшафтов, а также для изучения процессов разрушения острова;
- гидрологи – для изучения современного состояния озера;
- почвоведы – для изучения истории природной среды (вместе с геоморфологами) и особенностей строительства и эксплуатации памятника;
- геокриологи – для изучения многолетнемерзлых пород, обнаруженных под островом в ходе работ 2007 г.

До начала археологических работ было сделано лазерное сканирование всего острова и памятника, в результате которого созданы топографический план (1:200) и трехмерная цифровая модель объекта (сканирование проводило ЗАО НПП «Новгеоком», исполнители С.И. Котельников, М.Н. Аникушкин). Полученная цифровая модель объекта стала основой всех дальнейших работ на памятнике (рис. 1). Также до начала археологических работ геофизики провели магнитную разведку всего памятника и составили карту аномалий (рис. 2). Все аномалии были исследованы в ходе археологических работ (Arzhantseva et al., 2009. Р. 13–15)

В результате проведенных в ходе полевых работ 2007–2008 гг. комплексных естественнонаучных исследований и анализа полученных данных сделаны важные выводы, касающиеся истории возникновения, функционирования и запустения памятника и прогнозов его существования на будущее.

1. По результатам непрерывных электрических зондирований удалось реконструировать положение песчано-галечных конусов выноса боковых притоков, предшествовавших появлению озера. Во время формирования этих конусов открытая водная по-

верхность располагалась только в юго-западной части современной акватории. В северо-восточной части в это время также существовало озеро, которое соединялось узким проливом с юго-западной акваторией. Однако происходило это в конце плейстоцена, а в течение последних 10–12 тыс. л. озеро уже существовало в близких к современным границах, т. е. образовалось оно задолго до появления памятника.

2. Изучение острова Пор-Бажын показало, что он сложен озерными отложениями, которые накапливались в течение большей части голоцена. Остров образовался в период от первых столетий до 2–3 тыс. л. перед строительством крепости путем поднятия озерного дна, по-видимому, в результате вспучивания донных отложений при их промерзании на мелководье.

3. Согласно историческим источникам и разновременным космическим снимкам, в начале 1890-х гг. (посещение Д.А. Клеменца) уровень озера был близок современному или несколько ниже его. В начале 1930-х гг. (посещение П.П. Маслова) уровень озера был выше современного на 0,5–1,0 м. Еще в конце XIX в. острова Промежуточный и Пор-Бажын представляли единый остров. Пролив между ними образовался в основном между 1890-ми и 1930-ми гг.

4. Повсюду, кроме акватории озера, обнаружены многолетнемерзлые породы. Центр острова покоится на мерзлых породах, имеющих высокую несущую способность (рис. 3). Однако процессы таяния мерзлоты (термокарст) – источник потенциальных просадок и деформаций сооружений и основной современный фактор разрушения памятника (Кошурников и др., 2010).

5. Бурение дна озера к западу и к югу от острова Пор-Бажын, радиоуглеродное датирование (более 50 дат) и определение генезиса осадков показали, что остров, скорее всего, никогда не соединялся с берегом, т. е. строительство происходило на острове.

6. Для строительства крепости, выделки кирпичей и черепицы использовались местные озерные отложения. Непосредственно на острове, с внешней

стороны западной крепостной стены, обнаружен неглубокий карьер, откуда производилась выемка грунта для строительства. При этом черепица выдвигалась со строгим соблюдением определенного низкотемпературного режима (в ее составе сохранились фрагменты органического вещества), а при обжиге плитки и кирпича определенный термический режим не выдерживался.

7. Датирование озерных отложений обнаружило чрезвычайно низкие скорости осадконакопления – 20–40 см за 1000 лет на разных этапах существования озера. В озерных отложениях времени сооружения памятника не обнаружено никаких следов активной антропогенной деятельности на берегах озера. Возможно, безлюдность послужила одним из факторов выбора места для строительства. Несколько позже сооружения крепости в озерных отложениях обнаружены следы крупного лесного пожара: многочисленные угольки, изменение состава спорово-пыльцевых спектров, указывающее на уничтожение лесной растительности и ее последующее восстановление с соответствующими сукцессионными последовательностями (данные Н.С. Болиховской). Возможно, этот лесной пожар послужил причиной пожара на Пор-Бажыне, ставшего основным фактором разрушения памятника. Следы активной хозяйственной деятельности на берегах озера в виде повышенного содержания биогенного фосфора выявлены лишь в верхних 10–12 см озерных отложений, соответствующих последним 2–3 столетиям.

8. На раскопанных участках в крепости идентифицированы поверхности полов, на которых должна была разворачиваться деятельность жителей крепости (бытовая, хозяйственная и т. п.). Для определения характера этой деятельности грунт с поверхности полов был подвергнут ряду геохимических и биологических анализов. Анализы не обнаружили никаких следов интенсивной бытовой и/или производственной деятельности человека, из чего следует, что крепость после строительства практически не использовалась.

9. Сопоставлены космические снимки 1970 и 2007 гг., и на этой основе определены скорости отступления береговой линии. Оказалось, что часть берегов, преимущественно низменных, стабильна и даже наступает на акваторию в связи с падением уровня озе-

ра в последние десятилетия. Разрушаются высокие (2–3 м) берега со скоростью не более 1 м в год, преимущественно 0,3–0,5 м в год. Экстраполяция этих данных на конкретные участки береговой линии показывает, что вплотную к стенам крепости береговая линия подойдет не ранее чем через 100 лет – конечно, если разрушение берегов не ускорится в будущем. Прогнозы гидрологов на первую половину XXI в. достаточно оптимистичны: уровень озера останется стабильным или даже будет снижаться. В таких условиях разрушение берегов ускоряться не будет.

10. В результате рекогносцировочного изучения Тере-Хольской котловины на ее бортах обнаружены признаки активных движений земной коры – сдвигов и провалов. Движения земной коры по линиям этих разломов могут происходить постепенно, но могут и скачкообразно – в виде землетрясений. Следы землетрясения зафиксированы и на памятнике в ходе раскопок. Естественный процесс разрушения зданий и стен под действием дождей и ветра ускорился землетрясениями. Землетрясений выявлено как минимум два – первое относится ко времени функционирования памятника (середина VIII в.), второе обрушило южную и восточную стены и вызвало просадки поверхности острова вместе с располагающимися на ней искусственными сооружениями (ориентировочно – между серединой XVIII и 30-ми гг. XX в.). Именно землетрясения послужили основной причиной разрушения стен памятника.

- Вайнштейн С.И., 1964. Древний Пор-Бажын // СЭ. № 3.
- Клеменц Д.А., 1895. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г. // Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб. Ч. 2.
- Кошурников А.В., Зыков Ю.Д., Панин А.В., Сизых Е.М., Петрухина Е.С., Константинов Е.А., Селезнева Е.В., Просунцов К.С., Алексютина Д.М., 2010. Изучение мерзлого основания археологического памятника «Крепость Пор-Бажын» (Тува) // www.msu-geophysics.ru (раздел «Наши проекты»).
- Крепость Пор-Бажын: Научный альманах. М., 2008
- Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым. СПб., 1882.
- Arzhantseva I.A., Andreev M.A., Akulenko S.A., Kats M.J., Modin I.N., 2009. Geophysical investigation on Por-Bajin island, Tuva // *Archeosciences, revue d'archeometric. Suppl. au № 33. Memoire du sol, espace des homes. Rennes.*

ФОТОХРОНИКА СЪЕЗДА*

Регистрация участников.

*Фото Алексея Нешина. Другие авторы отдельных снимков указаны особо.

П.М. Долуханов и Н.И. Дроздов.

Фиксация прибывающих участников на карте России: Т.Ю. Шведчикова.

Открытие съезда. На трибуне академик А.П. Деревянко.

В президиуме (слева направо): А.В. Кибовский, Н.А. Макаров, В.Л. Янин.

Пленарное заседание.

Пленарное заседание.

Е.Г. Дэвлет и Е.Н. Носов.

Х.А. Амирханов и Н.И. Дроздов.

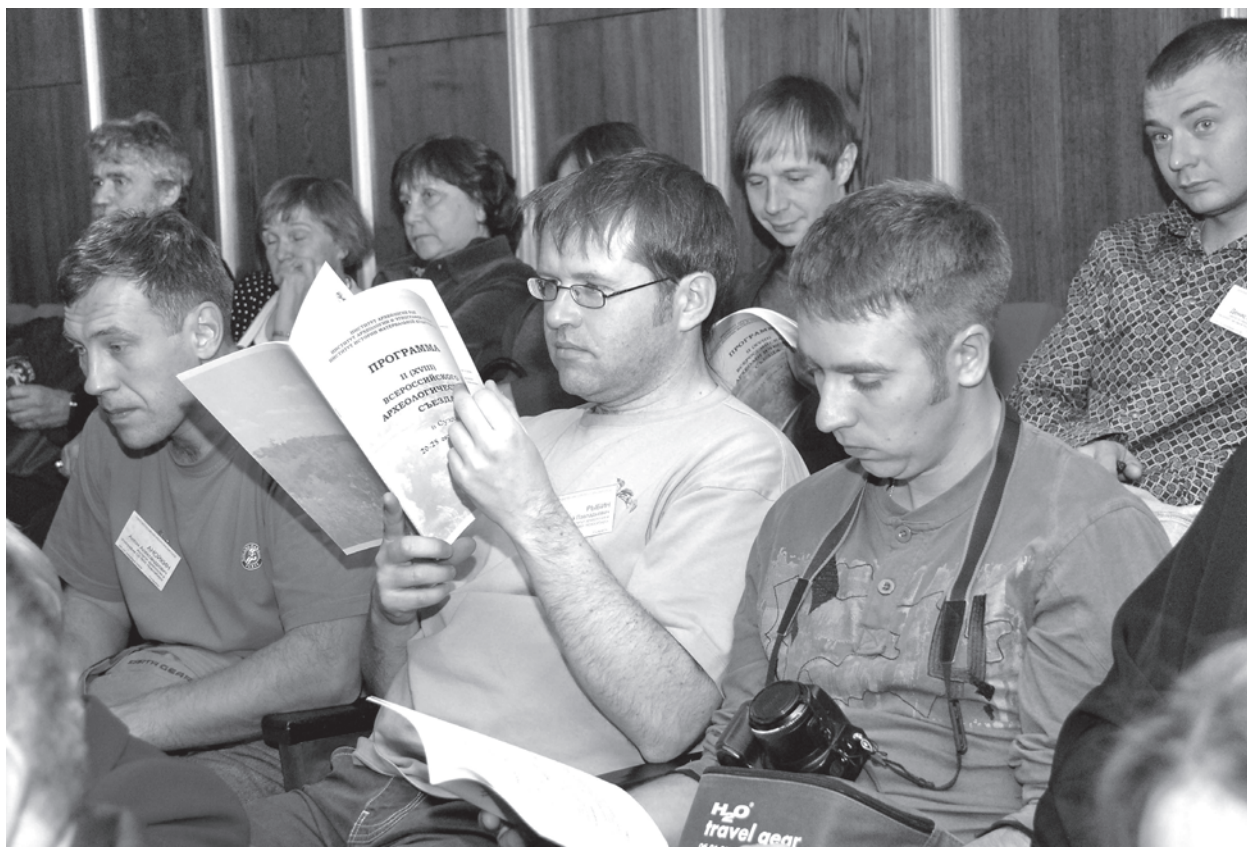

Интервью прессе: Н.А. Макаров и Е.Г. Дэвлет.

Секретариат за работой. Слева направо: В.Е. Родинкова, А.В. Ковальчук, А.Н. Федорина.

Пленарное заседание.

Г.И. Зайцева и П.М. Долуханов.

В.И. Молодин и Ю.П. Чемякин.

Пленарное заседание.

Е.Г. Дэвлет, О.С. Советова и Д.Г. Савинов.

Слева направо: В.Л. Янин, А.В. Юрасов, Е.Н. Носов, Е.А. Рыбина, Н.В. Хвоцинская.

Р.М. Мунчаев и С.В. Ольховский.

Слева направо: Л.П. Гайдукова, П.Г. Гайдуков, Т.В. Гусева.

Слева направо: А.И. Иванчик, В.Д. Кузнецов, В.А. Гаилов.

Слева направо: А.В.Шмидт, В.А.Кисель, О.С.Шерстобитова, А.А.Тишкин.

Слева направо: У.Ю. Кочкаров, Ю.Б. Цетлин, А.А. Выборнов, Ю.П. Чемякин.

Длклад А.Н. Гея на секции 4. Фото: Р. Мимоход.

Г.В. Синицына и А.Н. Хохлов.

В кулуарах съезда. Новые книги.

Н.А. Мажитов (слева) и А.И. Мартынов.

И.Э. Любчанский.

Заключительное пленарное заседание. В президиуме (слева направо): П.Г. Гайдуков, Н.А. Макаров, А.П. Дервянко, А.Г. Векслер, Е.Г. Дэвлет. Фото: С. Ольховский

Доклад Ю.Ю. Пиотровского о Б.Б. Пиотровском. Фото: С. Ольховский.

Экскурсия С.В. Шполянского. Фото: Р. Мимоход.

Подготовка общего фото участников. Е.Ю. Гиря и П.Г. Гайдуков. Фото: С. Ольховский.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА*

№	Фамилия	Имя, отчество	Город, страна	Том, страница	Участие в съезде			
					6	7	8	9
1	2	3	4	5				
1	Авдусина	Светлана Андреевна	Москва	IV: 83	*	*		
2	Авилова	Людмила Ивановна	Москва	I: 285				
3	Агеева	Кира Евгеньевна	Москва		*			177
4	Адмакина	Татьяна Анатольевна	Санкт-Петербург	III: 5				
5	Акимов	Денис Валерьевич	Воронеж	II: 187				
6	Акимова	Елена Васильевна	Красноярск	I: 161				
7	Акулов	Алексей Гаврилович	Москва	II: 5				
8	Алаева	Ирина Павловна	Челябинск	I: 375				
9	Албегова (Царикаева)	Зарина Хаджи-Муратовна	Москва	IV: 165	*	*		36
10	Александрова	Олеся Игоревна	Москва		*			174
11	Александровский	Александр Леонтьевич	Москва	III: 314, 351	*	*		
12	Алексеев	Анатолий Николаевич	Якутск	III: 7				
13	Алексеев	Андрей Юрьевич	Санкт-Петербург	II: 9				
14	Алешинская	Анна Сергеевна	Москва	III: 317			*	
15	Алибеков	Сергей Якубович	Йошкар-Ола	II: 320				
16	Алпаткина	Татьяна Геннадьевна	Москва	II: 302				
17	Амирханов	Хизри Амирханович	Москва	IV: 8	*	*		102
18	Андреев	Сергей Иванович	Тамбов	II: 308				
19	Андрианова	Лариса Сергеевна	Вологда	I: 110	*			94
20	Аникович	Михаил Васильевич	Санкт-Петербург	I: 100				
21	Анисюткин	Николай Кузьмич	Санкт-Петербург	I: 100				
22	Анойкин	Антон Александрович	Новосибирск	I: 34	*	*		
23	Аношко	Оксана Михайловна	Тюмень	I: 377; II: 488	*	*		
24	Аржанцева	Ирина Аркадьевна	Москва	IV: 173	*	*		25
25	Арсланов	Хикматулла Адиевич	Санкт-Петербург	III: 351				
26	Артемьев	Евгений Владимирович	Красноярск	I: 120				
27	Артемьева	Надежда Григорьевна	Владивосток	II: 305	*			46
28	Асланян	Степан Александрович	Санкт-Петербург	I: 380				
29	Асташенкова	Елена Валентиновна	Владивосток	III: 10				
30	Асылгараева	Гульшат Шарипзяновна	Казань	II: 320				
31	Атаев	Гамзат Дибирович	Махачкала		*	*		37
32	Ахметгалеева	Наталья Борисовна	Курчатов	I: 102	*	*		
33	Базалийский	Владимир Иванович	Иркутск	I: 182, 234				
34	Балабина	Вера Игоревна	Москва	III: 321	*			
35	Баранов	Максим Юрьевич	Нефтеюганск	II: 191	*	*	*	
36	Баранов	Юрий Михайлович	Екатеринбург	II: 191				
37	Бачура	Ольга Петровна	Екатеринбург	III: 325				
38	Башенькин	Александр Николаевич	Вологда	II: 149, 194	*	*		
39	Баштанник	Сергей Васильевич	Кемерово	III: 327				
40	Баянкин	Владимир Яковлевич	Ижевск	III: 100				
41	Беликова	Ольга Борисовна	Томск	II: 422	*	*		131
42	Белинский	Андрей Борисович	Ставрополь	III: 260; IV: 64	*	*		147
43	Беломестнова	Нина Васильевна	Санкт-Петербург	III: 152				
44	Белорыбкин	Геннадий Николаевич	Пенза	III: 292	*	*		

* В таблице цифрами обозначены колонки: 1 – № по порядку; 2 – фамилия; 3 – имя, отчество; 4 – город (Россия) или: зарубежная страна, город; 5 – публикация в «Трудах... съезда» (том: страница); 6 – присутствие на съезде в Суздале; 7 – устный доклад; 8 – стендовый доклад; 9 – № на общем фото (см. вклейку). Указатель составлен Н.В. Лопатиным.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
45	Беляев	Леонид Андреевич	Москва	II: 424; IV: 116	*	*		133
46	Беляева	Валентина Ивановна	Санкт-Петербург	I: 36	*	*		
47	Беляева	Елена Владимировна	Санкт-Петербург	I: 105				
48	Бердников	Иван Михайлович	Иркутск	II: 428	*	*		
49	Бердникова	Наталья Евгеньевна	Иркутск	I: 53; II: 428	*	*		
50	Березин	Александр Алексеевич	Москва	II: 113				
51	Березин	Александр Юрьевич	Чебоксары	I: 108				
52	Березина	Наталья Степановна	Чебоксары	I: 108				
53	Беркович	Владимир Адольфович	Москва	II: 432	*		*	160
54	Берлина	Светлана Владимировна	Тюмень	II: 152				
55	Берсенева	Наталья Александровна	Челябинск	II: 10; IV: 41	*	*		22
56	Бессуднов	Александр Александрович	Санкт-Петербург	IV: 23	*	*		
57	Бессуднов	Александр Николаевич	Липецк	IV: 23	*	*		
58	Бобковская	Наталья Евгеньевна	Екатеринбург	III: 330			*	
59	Бобринский (†)	Александр Афанасьевич	Москва	III: 333				
60	Бобров	Владимир Васильевич	Кемерово	I: 288	*	*		39
61	Боброва	Анна Ивановна	Томск	II: 430	*		*	1
62	Богаткина	Ольга Григорьевна	Казань	III: 335				
63	Богданов	Евгений Сергеевич	Новосибирск	I: 12				
64	Бойко	Андрей Леонидович	Ростов-на-Дону		*	*		48
65	Бойцов	Игорь Александрович	Москва		*			111
66	Болдин	Владислав Иннокентьевич	Владивосток	II: 247				
67	Бондарь	Ксения Михайловна	Украина, Киев	III: 278				
68	Борисов	Александр Владимирович	Пушино	III: 336	*	*		
69	Бородин	Петр Анатольевич	Москва		*			
70	Бородовская	Елена Львовна	Новосибирск	III: 293			*	
71	Бородовский	Андрей Павлович	Новосибирск	II: 14	*	*		150
72	Боруцкая	Светлана Борисовна	Москва	I: 198				
73	Боталов	Сергей Геннадьевич	Челябинск	III: 154				
74	Бродянский	Давид Лазаревич	Владивосток	III: 193	*	*		42
75	Бронникова	Мария Артемьевна	Москва	IV: 173				
76	Бужилова	Александра Петровна	Москва	I: 7, 38	*	*		
77	Буланкин	Валентин Матвеевич	Рязань	II: 399				
78	Буланкина	Елена Владимировна	Рязань	IV: 170	*	*		2
79	Буровский	Андрей Михайлович	Санкт-Петербург	III: 97				
80	Бутягин	Александр Михайлович	Санкт-Петербург	II: 114	*	*		
81	Бухтоярова	Ирина Михайловна	Воронеж	I: 41				
82	Быстров	Сергей Геннадьевич	Ижевск	III: 100	*	*		
83	Бычкова	Яна Вячеславовна	Москва	II: 312				
84	Валиулина	Светлана Игоревна	Казань	IV: 118	*	*		32
85	Варенов	Андрей Васильевич	Новосибирск	I: 381				
86	Васенина	Марина Германовна	Вологда	II: 149	*	*		
87	Василевский	Александр Александрович	Южно-Сахалинск	III: 340				
88	Василиненко	Дмитрий Эдуардович	Краснодар	III: 295				
89	Васильев	Дмитрий Викторович	Астрахань	II: 224; III: 299				
90	Васильев	Сергей Александрович	Санкт-Петербург	III: 194	*	*		
91	Васильев	Сергей Владимирович	Москва	I: 42, 198				
92	Васильев	Станислав Александрович	Санкт-Петербург	I: 380				
93	Васильева	Ирина Николаевна	Самара	III: 156	*	*		167
94	Васильева	Наталья Борисовна	Вологда	I: 110				
95	Васильева	Татьяна Афанасьевна	Владивосток	II: 315				
96	Васина	Юлия Валерьевна	Челябинск	I: 204				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
97	Васютин	Александр Сергеевич	Кемерово	II: 197				
98	Васютин	Сергей Александрович	Кемерово	II: 197				
99	Вахтина	Марина Юрьевна	Санкт-Петербург	II: 116				
100	Вдовин	Александр Сергеевич	Красноярск	III: 197, 199				
101	Вдовченков	Евгений Викторович	Ростов-на-Дону	IV: 78	*	*		132
102	Вебер	Анджей	Канада, Эдмонтон	I: 182, 234, 410, 431				
103	Векслер	Александр Григорьевич	Москва	II: 432, 435; III: 103	*	*	*	12
104	Веретюшкин	Роман Сергеевич	Курск	II: 317				
105	Верещагин	Сергей Борисович	Чита	III: 45				
106	Визгалов	Георгий Петрович	Нефтеюганск	II: 438	*	*		
107	Виноградова	Екатерина Александровна	Москва	I: 45	*	*		108
108	Вискалин	Александр Викторович	Ульяновск	I: 186				
109	Вихляев	Виктор Иванович	Саранск	II: 199				
110	Вишняцкий	Леонид Борисович	Санкт-Петербург	I: 50				
111	Водолажская	Лариса Николаевна	Ростов-на-Дону	III: 261				
112	Воевода	Михаил Иванович	Новосибирск	III: 342				
113	Волков	Виктор Витальевич	Казань	II: 200				
114	Волков	Денис Павлович	Благовещенск	IV: 85	*	*		123
115	Волкова	Елена Витальевна	Москва	I: 291				
116	Воробьева	Галина Александровна	Иркутск	I: 53; II: 428				
117	Воронин	Василий Тимофеевич	Новосибирск	III: 288				
118	Воронин	Константин Владимирович	Москва	II: 435; IV: 37	*	*		
119	Воронцов	Алексей Михайлович	Тула	II: 202	*	*		164
120	Воронцова	Мария Александровна	Тула	IV: 123	*		*	165
121	Ворошилов	Алексей Николаевич	Воронеж	IV: 49	*	*		
122	Воскресенская	Екатерина Владимировна	Москва	I: 113				
123	Вострецов	Юрий Евгеньевич	Владивосток	III: 263	*	*		
124	Выборнов	Александр Алексеевич	Самара	I: 191, 217	*	*		
125	Габдрахманова	Зульфия Миниахметовна	Томск	III: 264				
126	Гаврилов	Константин Николаевич	Москва	I: 55, 113	*	*	*	106
127	Гавритухин	Игорь Олегович	Москва	II: 206	*	*		152
128	Гаджиев	Муртазали Серажутдинович	Махачкала	II: 209	*	*		30
129	Гаджиева	Елена Александровна	Нижний Тагил	III: 202				
130	Гаиров	Васиф Абидович	Москва	II: 118	*	*		
131	Гайдуков	Петр Григорьевич	Москва	I: 30; III: 203	*	*		8
132	Гайдукова	Людмила Павловна	Москва		*			91
133	Галимова	Мадина Шакировна	Казань	I: 108				
134	Гарковик	Алла Викторовна	Владивосток	I: 194	*	*		98
135	Гаркуша	Мария Александровна	Омск	II: 441	*	*		
136	Гвоздева	Ирина Георгиевна	Владивосток	III: 394				
137	Гей	Александр Николаевич	Москва	I: 294	*	*		38
138	Гельман	Евгения Ивановна	Владивосток	III: 159				
139	Герасимов	Юрий Викторович	Омск	II: 443				
140	Герасимова	Маргарита Михайловна	Москва	I: 198				
141	Герман	Константин Энрикович	Петрозаводск	I: 202				
142	Герман	Павел Викторович	Кемерово	II: 17; III: 37				
143	Гирия	Евгений Юрьевич	Санкт-Петербург	I: 117; III: 12	*	*		
144	Глазунова	Ольга Николаевна	Москва	IV: 116	*	*		53
145	Гласкок	Майкл	США, Колумбия	III: 372				
146	Глушкова	Тамара Николаевна	Сургут	III: 162	*	*		29
147	Голотвин	Александр Николаевич	Воронеж	III: 206				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
148	Гонозов	Андрей Владимирович	Нижний Новгород	III: 108	*	*		
149	Гоняный	Михаил Иванович	Москва		*	*		
150	Горбенко	Анатолий Александрович	Азов	II: 20				
151	Горбенко	Кирилл Владимирович	Николаев	I: 384, 387				
152	Горлов	Юрий Викторович	Москва	II: 122				
153	Горюнова	Валентина Михайловна	Санкт-Петербург	II: 211				
154	Горюнова	Ольга Ивановна	Иркутск	I: 410, 431				
155	Готлиб	Андрей Иосифович	Абакан	I: 390	*	*		87
156	Гребенников	Андрей Владимирович	Владивосток	III: 372				
157	Григорьев	Дмитрий Владимирович	Красноярск	II: 124				
158	Григорьев	Дмитрий Николаевич	Санкт-Петербург		*			146
159	Григорьев	Станислав Аркадиевич	Челябинск	I: 204, 438	*	*		80
160	Гринченко	Сергей Николаевич	Москва	III: 184, 190				
161	Гришин	Артем Евгеньевич	Новосибирск	I: 325; III: 391	*	*	*	
162	Грищенко	Вячеслав Александрович	Южно-Сахалинск	I: 206	*	*		168
163	Грушин	Сергей Петрович	Барнаул	I: 392	*	*		
164	Губина	Марина Александровна	Новосибирск	III: 342	*	*		
165	Гуляев	Валерий Иванович	Москва	II: 22	*	*		14
166	Гуркин	Владимир Александрович	Ульяновск	III: 209				
167	Гурьянов	Валерий Николаевич	Брянск	II: 214, 446				
168	Гусаков	Михаил Георгиевич	Москва	IV: 136	*		*	
169	Гусев	Андрей Васильевич	Салехард	II: 175				
170	Гусева	Татьяна Владимировна	Нижний Новгород	III: 111; IV: 127	*	*		
171	Данченко	Евгений Михайлович	Омск	II: 155				
172	Дашковский	Петр Константинович	Барнаул	II: 216	*	*		35
173	Двуреченская	Нигора Давлятовна	Москва	IV: 59	*	*		
174	Дегтярева	Анна Давыдовна	Тюмень	I: 299				
175	Демиденко	Юрий Викторович	Москва	II: 90				
176	Демкин	Виталий Александрович	Пушино	III: 344, 345, 414	*	*		73
177	Демкина	Татьяна Сергеевна	Пушино	III: 344, 345, 414	*	*		20
178	Деревянко	Анатолий Пантелеевич	Новосибирск	I: 10	*	*		11
179	Джопа	Аркадий Иванович	Абхазия, Сухум	II: 69				
180	Дикова	Маргарита Александровна	Анадырь	I: 57; III: 372				
181	Дирксен	Вероника Геннадьевна	Петропавловск-Камч.	II: 27				
182	Добровольская	Елена Всеволодовна	Москва	III: 347	*	*		
183	Добровольская	Мария Всеволодовна	Москва	I: 7, 301, 321; II: 219	*	*		
184	Долуханов (†)	Павел Маркович	Великобритания, Ньюкасл	I: 61, 209, 217; III: 351	*	*	*	151
185	Дроздов	Николай Иванович	Красноярск	I: 61, 120; III: 15, 28, 113; IV: 19	*	*		
186	Дружинина	Инга Александровна	Москва		*			84
187	Дружинина	Ольга Александровна	Калининград	I: 125				
188	Дубов	Владимир Николаевич	Нижний Новгород	III: 116	*	*		
189	Дубовин	Геннадий Евгеньевич	Москва	II: 448				
190	Дураков	Игорь Альбертович	Новосибирск	I: 425				
191	Дьякова	Ольга Васильевна	Владивосток	II: 222	*	*		72
192	Дэвисон	Кэйт	Великобритания, Ньюкасл	I: 209				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
193	Дэвлет	Екатерина Георгиевна	Москва	III: 12	*	*		7
194	Дэвлет	Марианна Арташировна	Москва	III: 211				
195	Егорейченко	Александр Андреевич	Беларусь, Минск	I: 395	*	*		127
196	Екимова	Лариса Викторовна	Чита	III: 45				
197	Ёлкина	Ирина Игоревна	Москва	IV: 163	*	*		148
198	Ениосова	Наталья Валерьевна	Москва	II: 312				
199	Енуков	Владимир Васильевич	Курск	II: 451	*	*		89
200	Енукова	Ольга Николаевна	Курск	II: 451	*	*		64
201	Епимахов	Андрей Владимирович	Челябинск	I: 398, 403; IV: 41	*	*		
202	Ермоленко	Андрей Васильевич	Екатеринбург	II: 454				
203	Ермоленко	Любовь Николаевна	Кемерово	II: 25	*	*		51
204	Есин	Юрий Николаевич	Абакан	III: 21				
205	Ефремова	Диана Юрьевна	Йошкар-Ола	II: 320	*	*		153
206	Жамбалтарова	Елена Дашиевна	Улан-Удэ	I: 212	*	*		75
207	Жемков	Алексей Игоревич	Саратов	I: 304				
208	Жилина	Наталья Викторовна	Москва	II: 324	*	*		
209	Житенёв	Владислав Сергеевич	Москва		*	*		172
210	Жихарев	Александр Владимирович	Ижевск	III: 100				
211	Жукова	Елена Николаевна	Тверь	III: 214				
212	Журавлев	Алексей Николаевич	Пушино	III: 344				
213	Журавлев	Антон Александрович	Новосибирск	III: 391				
214	Журавлев	Денис Валерьевич	Москва	II: 126	*	*		
215	Журбин	Игорь Витальевич	Ижевск	III: 267	*	*		
216	Завитаев	Андрей Николаевич	Балашов	II: 157				
217	Завойкин	Алексей Андреевич	Москва	II: 128	*	*		
218	Завойкина	Наталья Владимировна	Москва	II: 128				
219	Завьялов	Владимир Алексеевич	Санкт-Петербург	IV: 173	*	*		
220	Завьялов	Владимир Игоревич	Москва	II: 329, 458	*	*		57
221	Загорулько	Андрей Владиславович	Москва	I: 215				
222	Заика	Александр Леонидович	Красноярск	III: 15, 24, 28				
223	Зайков	Виктор Владимирович	Миасс	I: 400, 403; IV: 41				
224	Зайкова	Елизавета Владимировна	Миасс	I: 400				
225	Зайцев	Кирилл Евгеньевич	Москва		*			
226	Зайцев	Николай Николаевич	Благовещенск	IV: 85				
227	Зайцева	Ганна Ивановна	Санкт-Петербург	I: 209, 217; II: 27	*	*	*	93
228	Зайцева	Евгения Александровна	Ханты-Мансийск	III: 118	*	*		
229	Зайцева	Ирина Евгеньевна	Москва	II: 331	*	*		
230	Зайцева	Ольга Викторовна	Томск	III: 353	*	*		
231	Зарубин	Юрий Владимирович	Нижний Новгород	III: 120	*	*		
232	Захаров	Сергей Дмитриевич	Москва	II: 334	*	*		178
233	Захарова	Елена Юрьевна	Воронеж	III: 216	*	*		44
234	Зданович	Дмитрий Геннадьевич	Челябинск	I: 403				
235	Зеленеев	Юрий Анатольевич	Йошкар-Ола		*	*		
236	Зеленцова	Ольга Викторовна	Москва	IV: 152	*	*		88
237	Зенин	Василий Николаевич	Новосибирск	I: 10	*	*		157
238	Зиливинская	Эмма Давидовна	Москва	II: 224	*	*		143
239	Зимина	Оксана Юрьевна	Тюмень	II: 160	*	*		
240	Зинченко	Софья Анатольевна	Москва	III: 31				
241	Зинько	Виктор Николаевич	Керчь	II: 131				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
242	Зозуля	Сергей Сергеевич	Москва	II: 337	*	*		
243	Зорин	Александр Васильевич	Курск	II: 514				
244	Зубова	Алиса Владимировна	Новосибирск	I: 307	*	*		76
245	Зуев	Владимир Федорович	Комсомольск-на-Амуре	III: 218				
246	Зуммерер	Латифе	ФРГ, Мюнхен	IV: 64				
247	Ивакин	Глеб Юрьевич	Украина, Киев	I: 12	*	*		68
248	Иванищев	Александр Михайлович	Вологда	I: 220				
249	Иванищева	Марина Викторовна	Вологда	I: 222	*	*		92
250	Иванов	Дмитрий Александрович	Рязань	II: 399				
251	Иванов	Сергей Николаевич	Тюмень	III: 356, 368, 397, 400				
252	Иванова	Маргарита Григорьевна	Ижевск	III: 268				
253	Иванова	Наталья Валентиновна	Нижний Новгород	III: 220	*	*		154
254	Иванчик	Аскольд Игоревич	Москва	IV: 64	*	*		
255	Ивасько	Лада Владимировна	Челябинск	I: 204				
256	Ивлиев	Александр Львович	Владивосток	II: 234				
257	Изосимов	Денис Анатольевич	Пермь	III: 122	*	*		139
258	Ильюков	Леонид Сергеевич	Ростов-на-Дону	I: 310				
259	Иневаткина	Ольга Николаевна	Москва	IV: 173	*	*		52
260	Иоаннисян	Олег Михайлович	Санкт-Петербург	I: 12	*	*		31
261	Исланова	Инна Васильевна	Москва	III: 124	*	*		58
262	Каверзнева	Елена Дмитриевна	Москва	III: 358				
263	Казаков	Евгений Петрович	Казань	II: 226				
264	Кайзер	Эльке	ФРГ, Франкфурт-на-Майне	IV: 41				
265	Калашников	Евгений Анатольевич	Калининград	IV: 129, 154	*	*	*	141
266	Калечиц	Елена Геннадьевна	Беларусь, Минск	IV: 27	*	*		66
267	Каменский	Сергей Юрьевич	Екатеринбург	III: 301				
268	Канторович	Анатолий Робертович	Москва	II: 30				
269	Каргин	Юрий Юрьевич	Саратов	III: 222	*			99
270	Кардаш	Олег Викторович	Нефтеюганск	II: 460; III: 360	*	*		
271	Карпухин	Алексей Александрович	Москва	IV: 88	*		*	182
272	Кашаев	Сергей Владимирович	Санкт-Петербург	II: 133				
273	Каширская	Наталья Николаевна	Пушино	III: 414				
274	Кениг	Александр Владимирович	Ханты-Мансийск	III: 127	*	*		
275	Кибовский	Александр Владимирович	Москва		*			
276	Килейников	Виктор Викторович	Воронеж	I: 311			*	
277	Килуновская	Марина Евгеньевна	Санкт-Петербург	III: 33; IV: 144	*	*	*	78
278	Ким	Дже Юн	Владивосток	I: 224				
279	Кинлин	Александр фон	Швейцария, Цюрих	IV: 64				
280	Кисель	Владимир Антониевич	Санкт-Петербург	II: 110	*	*		114
281	Кисельников	Алексей Борисович	Балашов	II: 135				
282	Кислов	Александр Викторович	Москва	IV: 165				
283	Китаева	Анна Андреевна	Москва	II: 228				
284	Китова	Людмила Юрьевна	Кемерово	III: 226	*	*		3
285	Клементе	Игнасио	Испания, Барселона	I: 139				
286	Клементьев	Алексей Михайлович	Иркутск	III: 363				
287	Клочко	Анна Александровна	Москва	III: 270, 415				
288	Кобелева	Лилия Сергеевна	Новосибирск	I: 425				
289	Кобзев	Виктор Федорович	Новосибирск	III: 391				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
290	Ковалев	Алексей Анатольевич	Санкт-Петербург	II: 27				
291	Ковалевская	Вера Борисовна	Москва	III: 272	*	*		
292	Коваль	Владимир Юрьевич	Москва	II: 340, 464	*	*		
293	Ковальчук	Анна Витальевна	Москва		*			
294	Ковалюх	Николай Николаевич	Украина, Киев	I: 191, 209, 217, 238, 435				
295	Ковтун	Игорь Вячеславович	Кемерово	III: 35, 37				
296	Когай	Сергей Александрович	Иркутск	I: 127				
297	Козлов	Евгений Петрович	Тюмень	I: 406				
298	Колпаков	Евгений Михайлович	Санкт-Петербург	I: 128; III: 40				
299	Кондрашев	Леонид Викторович	Москва	II: 435; III: 129	*	*		
300	Коновалов	Александр Александрович	Тюмень	III: 365, 368				
301	Константинов	Андрей Михайлович	Чита	I: 131				
302	Константинов	Михаил Васильевич	Чита	I: 131; III: 45	*	*		59
303	Копцева	Лариса Николаевна	Калининград	IV: 154	*	*		
304	Кореневский	Сергей Николаевич	Москва	I: 315	*	*		
305	Корниенко	Наталья Васильевна	Новосибирск		*			10
306	Корниенко	Татьяна Владимировна	Воронеж	I: 228	*	*		54
307	Коробкова	Елена Алексеевна	Волгоград	II: 33				
308	Коробов	Дмитрий Сергеевич	Москва	III: 275, 336	*	*		138
309	Королев	Клим Степанович	Сыктывкар	II: 231				
310	Королева	Эльвира Валерьевна	Псков		*			
311	Корона	Ольга Михайловна	Екатеринбург	III: 370			*	
312	Корочкова	Ольга Николаевна	Екатеринбург	I: 341	*	*		40
313	Корякова	Людмила Николаевна	Екатеринбург	IV: 41				
314	Косорукова	Наталья Валентиновна	Череповец	I: 110				
315	Костин	Виталий Сергеевич	Новосибирск	III: 288				
316	Костомаров	Владимир Михайлович	Тюмень	I: 423				
317	Костомарова	Юлия Валерьевна	Тюмень	I: 406				
318	Костылева	Елена Леонидовна	Иваново	I: 230				
319	Косяненко	Виктория Мечиславовна	Азов	II: 20				
320	Котляров	Василий Алексеевич	Миасс	I: 400, 403				
321	Котов	Вячеслав Георгиевич	Уфа	I: 204				
322	Кочанова	Мария Дмитриевна	Москва	III: 317			*	
323	Кочанович	Алексей Викторович	Москва		*	*		
324	Кочкаров	Умар Юсуфович	Москва		*			82
325	Кочуркина	Светлана Ивановна	Петрозаводск	II: 467				
326	Кошеленко	Геннадий Андреевич	Москва	II: 138				
327	Кошурников	Андрей Викторович	Москва	IV: 173				
328	Крадин	Николай Николаевич	Владивосток	II: 234	*	*		56
329	Краева	Людмила Анатольевна	Оренбург	II: 36	*	*		96
330	Красильникова	Ксения Юрьевна	Нефтеюганск	II: 345	*	*		
331	Красниенко	Сергей Владимирович	Санкт-Петербург	I: 408	*	*		70
332	Красникова	Анна Михайловна	Москва	II: 347	*	*		117
333	Краузе	Рюдигер	ФРГ, Франкфурт-на-Майне	IV: 41				
334	Кренке	Николай Александрович	Москва	II: 464; III: 314; IV: 74	*	*		156
335	Кручинкина	Екатерина Викторовна	Саранск	II: 349				
336	Кубарев	Владимир Дмитриевич	Новосибирск	III: 49, 257				
337	Кубарев	Глеб Владимирович	Новосибирск	II: 236; III: 257				
338	Кудряшов	Александр Валентинович	Череповец	II: 240	*	*		158
339	Кузина	Инна Николаевна	Москва	IV: 91	*		*	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
340	Кузнецов	Владимир Дмитриевич	Москва	IV: 67	*	*		
341	Кузнецов	Павел Федорович	Самара	I: 317	*	*		
342	Кузнецова	Татьяна Михайловна	Москва	II: 39				
343	Кузьмин	Сергей Леонидович	Санкт-Петербург	II: 352				
344	Кузьмин	Ярослав Всеволодович	Новосибирск	I: 133, 325; III: 372	*	*	*	113
345	Кузьмина	Елена Ефимовна	Москва	I: 319	*	*		
346	Кузьминых	Сергей Владимирович	Москва	I: 341; III: 199	*	*		16
347	Кукушкин	Игорь Полиевктович	Вологда	II: 470				
348	Кулаков	Владимир Иванович	Москва	II: 242				
349	Кулаков	Сергей Александрович	Санкт-Петербург	I: 176	*	*		162
350	Куликов	Игорь Вячеславович	Новосибирск	III: 342, 391				
351	Куликов	Кузьма Иванович	Ижевск	III: 100				
352	Кунгурова	Наталья Юрьевна	Барнаул	I: 234, 410				
353	Курбатов	Александр Валентинович	Санкт-Петербург	II: 472				
354	Курочкина	Светлана Александровна	Йошкар-Ола	II: 476				
355	Кучер	Анастасия Владимировна	Краснодар	III: 295				
356	Кызласов	Игорь Леонидович	Москва	II: 244				
357	Лагуткин	Андрей Викторович	Тверь		*	*		
358	Лагуткина	Елена Викторовна	Тверь		*	*		
359	Лакиза	Вадим Леонидович	Беларусь, Минск	III: 132				
360	Лантратова	Ольга Борисовна	Москва	II: 90				
361	Лаптева	Елена Георгиевна	Екатеринбург	III: 375	*	*		
362	Ласкин	Артур Робертович	Хабаровск	III: 53				
363	Лаухин	Станислав Алексеевич	Тюмень	I: 62	*			
364	Лбова	Людмила Валентиновна	Новосибирск	I: 64				
365	Лебедева	Елена Эдуардовна	Нижний Новгород		*			
366	Лев	Сергей Юрьевич	Москва		*	*		103
367	Левко	Ольга Николаевна	Беларусь, Минск	III: 304	*	*		69
368	Левковская	Галина Михайловна	Санкт-Петербург		*			
369	Леонова	Елена Викторовна	Москва	I: 67	*	*		171
370	Леонова	Наталья Борисовна	Москва	I: 135	*	*		
371	Леонтьев	Андрей Евгеньевич	Москва		*			
372	Леонтьев	Виктор Павлович	Красноярск	III: 15				
373	Леус	Павел Михайлович	Санкт-Петербург	II: 42				
374	Лещенко	Нина Васильевна	Владивосток	II: 247				
375	Лийва	Арви	Эстония, Тарту	III: 383				
376	Липнина	Екатерина Анатольевна	Иркутск	I: 127				
377	Лихтер	Юлия Абрамовна	Москва	III: 287	*	*		
378	Лобанова	Татьяна Владимировна	Екатеринбург	III: 360				
379	Лозовская	Ольга Владимировна	Сергиев Посад	I: 139	*	*		
380	Лозовский	Владимир Михайлович	Сергиев Посад	I: 139, 236	*	*		
381	Ломан	Валерий Григорьевич	Караганда	I: 412				
382	Лопатин	Владимир Анатольевич	Саратов	I: 415	*	*		100
383	Лопатин	Николай Владимирович	Москва	IV: 93	*	*		121
384	Лохов	Дмитрий Николаевич	Иркутск	III: 228				
385	Лукияшко	Сергей Иванович	Ростов-на-Дону	II: 44	*	*		
386	Луньков	Владимир Юрьевич	Москва		*			
387	Лунькова	Юлия Владимировна	Москва		*			
388	Лылова	Евгения Владимировна	Оренбург	IV: 157	*	*		129
389	Лысенко	Сергей Дмитриевич	Украина, Киев	III: 278				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
390	Любин	Василий Прокофьевич	Санкт-Петербург	I: 71, 141				
391	Любчанский	Илья Эдуардович	Челябинск	IV: 80	*	*		
392	Магомедов	Рабдан Гаджиевич	Махачкала	I: 310				
393	Мажитов	Нияз Абдулхакович	Уфа		*	*		
394	Майничева	Анна Юрьевна	Новосибирск	III: 134	*	*		
395	Майоров	Александр Вячеславович	Санкт-Петербург	II: 45				
396	Макаров	Леонид Дмитриевич	Ижевск	II: 479				
397	Макаров	Николай Андреевич	Москва	I: 19; II: 464	*	*		9
398	Максименко	Владимир Евгеньевич	Ростов-на-Дону	II: 48				
399	Макулов	Владимир Иванович	Красноярск	I: 120; III: 15, 113; IV: 19	*			
400	Малов	Николай Михайлович	Саратов	I: 420				
401	Малышев	Алексей Борисович	Саратов	II: 482				
402	Маматова	Лидия Халиловна	Пермь	III: 122				
403	Мамедова	Айгюнь Мусаевна	Азербайджан, Баку	II: 354				
404	Мамонтова	Дина Александровна	Москва		*			140
405	Мандрыка	Павел Владимирович	Красноярск	II: 162	*	*		144
406	Манько	Валерий Александрович	Украина, Киев	I: 143, 238				
407	Маркин	Сергей Васильевич	Новосибирск	I: 72				
408	Марочкин	Алексей Геннадьевич	Кемерово	III: 37				
409	Марсадолов	Леонид Сергеевич	Санкт-Петербург	II: 50				
410	Мартынов	Александр Яковлевич	п. Соловецкий (Арханг. обл.)	I: 240				
411	Мартынов	Анатолий Иванович	Кемерово	III: 55, 305	*	*		
412	Марченко	Жанна Валерьевна	Новосибирск	I: 325	*		*	
413	Марьяшев	Алексей Николаевич	Казахстан, Алма-Ата	IV: 145	*	*		
414	Масленников	Александр Александрович	Москва	II: 131	*			
415	Масловский	Андрей Николаевич	Азов	II: 485				
416	Матвеев	Александр Васильевич	Тюмень	II: 488	*	*		
417	Матвеева	Наталья Петровна	Тюмень	I: 423	*	*		
418	Матрёнин	Сергей Сергеевич	Барнаул	II: 52				
419	Мащенко	Евгений Николаевич	Москва	I: 148			*	
420	Медведев	Александр Павлович	Воронеж	II: 140	*	*		
421	Медведев	Виталий Егорович	Новосибирск	I: 244	*	*		61
422	Медведев	Герман Иванович	Иркутск	I: 127				
423	Медникова	Мария Борисовна	Москва	I: 7, 321, 301	*	*		
424	Медынцева	Альбина Александровна	Москва	II: 357				
425	Мельник	Валерий Иосифович	Москва	III: 378				
426	Мельников	Леонид Валентинович	Казань	III: 317	*		*	
427	Мельников	Игорь Валерьевич	Петрозаводск	I: 248				
428	Мельникова	Ольга Михайловна	Ижевск	III: 164				
429	Меньшенин	Николай Михайлович	Челябинск		*	*		
430	Меснянкина	Светлана Владимировна	Москва	IV: 97	*		*	136
431	Мещерин	Михаил Николаевич	Москва	I: 150	*		*	104
432	Микишин	Юрий Анатольевич	Владивосток	III: 394				
433	Милованов	Сергей Иванович	Москва	II: 360	*		*	
434	Мимоход	Роман Алексеевич	Москва	IV: 44	*	*		
435	Митько	Олег Андреевич	Новосибирск	II: 252	*	*		159
436	Мишина	Татьяна Николаевна	Москва	III: 321	*	*		41
437	Модин	Игорь Николаевич	Москва	IV: 173	*	*		
438	Моисеев	Александр Вадимович	Воронеж	I: 323				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
439	Моисеев	Вячеслав Григорьевич	Санкт-Петербург	I: 36				
440	Мокроусов	Сергей Владимирович	Москва	II: 143				
441	Молодин	Вячеслав Иванович	Новосибирск	I: 27, 325, 425; III: 391, 416	*	*	*	
442	Молошникова	Мария Алексеевна	Москва	II: 435				
443	Моргунов	Юрий Юрьевич	Москва	II: 363				
444	Моргунова	Нина Леонидовна	Оренбург	I: 329	*	*		
445	Мосин	Вадим Сергеевич	Челябинск	I: 250	*	*		
446	Мунчаев	Рауф Магомедович	Москва		*			
447	Мурашёва	Вероника Владиславовна	Москва	II: 367	*	*		
448	Мурашкин	Антон Игоревич	Санкт-Петербург	III: 40				
449	Мурыгин	Александр Михайлович	Сыктывкар	III: 137				
450	Мухарева	Анна Николаевна	Кемерово	III: 59	*	*		50
451	Мыглан	Владимир Станиславович	Красноярск	III: 380			*	
452	Мыльников	Владимир Павлович	Новосибирск	III: 178				
453	Мыльникова	Людмила Николаевна	Новосибирск	I: 425				
454	Нарожный	Евгений Иванович	Армавир	II: 490				
455	Наумова	Татьяна Владимировна	Тула	III: 230				
456	Недашковский	Леонард Федорович	Казань	II: 369	*	*		
457	Недомолкина	Надежда Геннадьевна	Вологда	I: 252	*	*		
458	Нефёдов	Василий Сергеевич	Москва	III: 314	*	*		
459	Нехорошев	Павел Евгеньевич	Санкт-Петербург	I: 152				
460	Никитин	Валерий Валентинович	Йошкар-Ола	I: 255	*	*		63
461	Никитина	Татьяна Багишевна	Йошкар-Ола	II: 371	*	*		47
462	Никитинский	Иван Федорович	Вологда	II: 494				
463	Никонов	Андрей Алексеевич	Москва	III: 383				
464	Нилус	Игнат Максимович	Москва	II: 312	*	*		
465	Новенко	Елена Юрьевна	Москва	I: 113				
466	Новиков	Алексей Геннадьевич	Иркутск	I: 431	*	*		
467	Новиков	Андрей Владиленович	Новосибирск	II: 255	*	*		124
468	Новикова	Ольга Ивановна	Новосибирск	I: 433	*	*		86
469	Новосельцева	Валентина Михайловна	Иркутск	I: 127				
470	Носкевич	Владислав Витальевич	Екатеринбург	IV: 41				
471	Носов	Евгений Николаевич	Санкт-Петербург	I: 30	*	*		
472	Обломский	Андрей Михайлович	Москва	II: 257	*	*		6
473	Обыденнова	Гюльнара Талгатовна	Уфа	I: 435				
474	Ожередов	Юрий Иванович	Томск	III: 181	*	*		
475	Олейников	Олег Михайлович	Москва	IV: 102	*	*		
476	Ольховский	Сергей Валерьевич	Москва		*			166
477	Омельченко	Андрей Владимирович	Санкт-Петербург	III: 386				
478	Онищенко	Сергей Степанович	Кемерово	II: 197				
479	Орлова	Любовь Александровна	Новосибирск	I: 325				
480	Осипов	Дмитрий Олегович	Москва	II: 496	*	*		85
481	Ошибкина	Светлана Викторовна	Москва	III: 61				
482	Павлов	Павел Юрьевич	Сыктывкар	I: 74	*	*		107
483	Павлова	Анжелика Николаевна	Йошкар-Ола	II: 263				
484	Панин	Андрей Валерьевич	Москва	IV: 173				
485	Панкратова	Людмила Владимировна	Томск	II: 265	*	*		55
486	Панова	Татьяна Дмитриевна	Москва	II: 464				
487	Пантелеева	Софья Евгеньевна	Екатеринбург	IV: 41				
488	Папин	Дмитрий Валентинович	Барнаул	II: 165	*	*		
489	Паромов	Яков Максимович	Москва	III: 166				
490	Парцингер	Герман	ФРГ, Берлин	I: 325				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
491	Патрик	Галина Константиновна	Москва	IV: 136	*		*	
492	Патрушев	Валерий Степанович	Йошкар-Ола	II: 498	*	*		4
493	Пачкалов	Александр Владимирович	Москва	II: 501				
494	Пеньков	Александр Васильевич	Якутск	III: 7				
495	Песочина	Людмила Сергеевна	Пушино	III: 389	*	*		21
496	Петерс	Светлана	ФРГ, Оснабрюк	III: 336				
497	Петренко (†)	Аида Григорьевна	Казань	III: 317			*	
498	Петров	Андрей Евгеньевич	Москва		*			
499	Петрова	Лариса Юрьевна	Челябинск	I: 438				
500	Петрова	Наталья Юрьевна	Москва	I: 259				
501	Пивази	Тимур Саидович	Москва		*			
502	Пигарев	Евгений Михайлович	Астрахань	II: 476, 503				
503	Пиецонка	Хенни	ФРГ, Берлин	I: 325				
504	Пилипенко	Александр Сергеевич	Новосибирск	III: 391	*	*		
505	Пилипко	Виктор Николаевич	Москва	II: 145				
506	Пиотровский	Михаил Борисович	Санкт-Петербург	I: 30; IV: 8				
507	Пиотровский	Юрий Юрьевич	Санкт-Петербург		*	*		
508	Пирогов	Владимир Юрьевич	Москва		*	*		
509	Платонова	Надежда Игоревна	Санкт-Петербург	III: 233				
510	Плетнёва	Людмила Михайловна	Томск	II: 167				
511	Поздняков	Дмитрий Владимирович	Новосибирск	III: 391				
512	Покровская	Любовь Владимировна	Москва	II: 375				
513	Полеводов	Альберт Викторович	Омск	II: 155				
514	Поляков	Андрей Владимирович	Санкт-Петербург	I: 440				
515	Пономарёв	Леонид Юрьевич	Керчь, Украина	II: 268				
516	Пономаренко	Алексей Кириллович	Реутов	I: 261	*	*		
517	Попов	Александр Николаевич	Владивосток	III: 394				
518	Попов	Виктор Васильевич	Воронеж	I: 79	*	*		
519	Попов	Владимир Константинович	Владивосток	III: 372				
520	Попов	Павел Владимирович	Астрахань	II: 270	*	*		
521	Попова	Татьяна Викторовна	Воронеж		*			
522	Поротов	Алексей Васильевич	Москва	II: 131				
523	Поселянин	Александр Иванович	Абакан	II: 274				
524	Посснерт	Горан	Швеция, Уппсала	I: 217				
525	Потёмкина	Тамила Михайловна	Москва	III: 65				
526	Пошехонова	Ольга Евгеньевна	Тюмень	III: 397				
527	Пряхин	Анатолий Дмитриевич	Воронеж	III: 235	*	*		33
528	Пташинский	Андрей Валентинович	Петропавловск-Камчатский	III: 372				
529	Пуцко	Василий Григорьевич	Калуга	II: 505				
530	Пушкина	Тамара Анатольевна	Москва	II: 312				
531	Пярых	Геннадий Григорьевич	Москва	I: 442				
532	Равич	Ирина Григорьевна	Москва	I: 335				
533	Радюш	Олег Александрович	Москва	II: 277	*		*	180
534	Раев	Борис Аронович	Ростов-на-Дону	II: 55				
535	Ражев	Дмитрий Иванович	Екатеринбург	III: 353		*		
536	Разгильдеева	Ирина Иннокентьевна	Чита	III: 170				
537	Разуваев	Юрий Дмитриевич	Воронеж	II: 170				
538	Райнхольд	Сабина	ФРГ, Берлин	III: 336				
539	Рафикова	Янина Валерьевна	Уфа	I: 331				
540	Роговской	Евгений Олегович	Иркутск	I: 127				
541	Родина	Мария Евгеньевна	Владимир	III: 307	*	*		
542	Родинкова	Власта Евгеньевна	Москва	II: 280	*		*	179

1	2	3	4	5	6	7	8	9
543	Розанова (†)	Людмила Семеновна	Москва	II: 329	*	*		
544	Ромашенко	Аида Герасимовна	Новосибирск	III: 342, 391				
545	Руденко	Константин Александрович	Казань	II: 378				
546	Рузанова	Светлана Анатольевна	Москва				*	
547	Рукавишникова	Ирина Викторовна	Москва	IV: 52	*	*		
548	Румянцева	Ольга Сергеевна	Москва	II: 285	*	*		155
549	Рыбин	Евгений Павладьевич	Новосибирск	I: 81	*	*		
550	Рыбина	Елена Александровна	Москва		*			
551	Рыжкова	Ольга Васильевна	Нижний Тагил	III: 141, 202	*	*		19
552	Рындина	Наталья Вадимовна	Москва	I: 335				
553	Рябкова	Татьяна Владимировна	Санкт-Петербург	II: 58				
554	Рябогина	Наталья Евгеньевна	Тюмень	III: 356, 397, 400				
555	Рязанов	Сергей Владимирович	Уфа	II: 508				
556	Савельев	Никита Сергеевич	Уфа	III: 69				
557	Савельева	Элеонора Анатольевна	Сыктывкар	II: 379				
558	Савенко	Сергей Николаевич	Ставрополь	III: 238	*	*		119
559	Савинов	Дмитрий Глебович	Санкт-Петербург	III: 73; IV: 13	*	*		45
560	Сакса	Александр Иванович	Санкт-Петербург	II: 510				
561	Салугина	Наталья Петровна	Самара	I: 339; III: 156	*	*	*	95
562	Самсонова	Анастасия Ивановна	Саранск		*			128
563	Сапрыкина	Ирина Анатольевна	Москва	IV: 159	*	*		125
564	Саранцева	Светлана Евгеньевна	Владивосток	II: 382				
565	Сарсон	Грэм	Великобритания, Ньюкасл	I: 209				
566	Сафонов	Илья Евгеньевич	Воронеж	III: 240	*	*		
567	Свешникова	Ольга Сергеевна	Омск	III: 174				
568	Свирин	Кирилл Михайлович	Тверь	III: 176	*	*		
569	Седов	Александр Всеволодович	Москва	IV: 8	*	*		5
570	Селиверстова	Татьяна Викторовна	Тюмень	II: 488				
571	Семенов	Владимир Анатольевич	Санкт-Петербург	II: 61; IV: 144	*	*		173
572	Семенченко	Лада Владиславовна	Москва	IV: 64				
573	Сергацков (†)	Игорь Викторович	Волгоград	II: 64	*	*		13
574	Сергина	Татьяна Васильевна	Москва	III: 143	*	*		
575	Сергушева	Елена Альбертовна	Владивосток	I: 266	*	*		
576	Серигов	Юрий Борисович	Нижний Тагил	I: 157, 341; II: 289				
577	Серых	Данила Витальевич	Самара	III: 199	*	*		170
578	Сиволапова	Анна Борисовна	Тверь	IV: 141				
579	Сидоренко	Елена Валериевна	Владивосток	I: 445	*	*		71
580	Сидоров	Владимир Владимирович	Москва	IV: 35	*	*		130
581	Симухин	Александр Ильич	Улан-Удэ	I: 447				
582	Сингх	Виктор Кашмирович	Москва	II: 385	*		*	175
583	Синицын	Андрей Александрович	Санкт-Петербург	I: 84	*	*		
584	Синицына	Галина Васильевна	Санкт-Петербург	I: 86	*	*		
585	Скаков	Александр Юрьевич	Москва	II: 67, 69	*	*		137
586	Скрипкин	Анатолий Степанович	Волгоград	IV: 56				
587	Скрипкин	Вадим Валентинович	Украина, Киев	I: 191, 209, 217, 435				
588	Славинский	Вячеслав Сергеевич	Новосибирск	I: 34				
589	Сланов	Алан Акимович	Владикавказ	II: 390				
590	Слободзян	Михаил Борисович	Санкт-Петербург	III: 75	*			
591	Слюсаренко	Игорь Юрьевич	Новосибирск	II: 12; III: 380			*	
592	Смагулов	Ербулат Акижанович	Казахстан, Алма-Ата	II: 292				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
593	Смирнов	Александр Игоревич	Украина, Николаев	I: 387				
594	Смирнов	Александр Сергеевич	Москва	III: 242	*	*		
595	Смирнов	Николай Юрьевич	Санкт-Петербург	II: 73				
596	Советова	Ольга Сергеевна	Кемерово	III: 76	*	*		27
597	Соколов	Павел Геннадьевич	Кемерово	III: 402				
598	Соколова	Людмила Анатольевна	Санкт-Петербург	I: 347	*	*		34
599	Соловьев	Виктор Степанович	Елец	II: 296				
600	Сомова	Мария Александровна	Тюмень	I: 377; II: 488				
601	Сорокин	Алексей Николаевич	Москва	I: 88				
602	Сорокин	Петр Егорович	Санкт-Петербург	II: 519	*	*		
603	Соротокина	Анастасия Михайловна	Москва		*			49
604	Сотникова	Светлана Владимировна	Тобольск	I: 450				
605	Спиридонова	Елена Александровна	Москва	III: 317, 383			*	
606	Стародубцев	Геннадий Юрьевич	Курск	II: 514				
607	Стасюк	Иван Владимирович	Красноярск	I: 161				
608	Степанов	Айвар Владимирович	Великий Новгород	IV: 107	*	*		90
609	Степанов	Андрей Михайлович	Великий Новгород	II: 392				
610	Степанова	Надежда Федоровна	Барнаул	I: 351	*	*		
611	Степанова	Юлия Владимировна	Тверь	II: 394			*	
612	Степанчук	Вадим Николаевич	Украина, Киев	I: 90				
613	Стефанов	Владимир Иванович	Екатеринбург	I: 341				
614	Столярова	Екатерина Карленовна	Москва	III: 405	*	*		
615	Стретович	Ирина Вячеславовна	Пушино	III: 408	*	*		
616	Стрикалов	Игорь Юрьевич	Москва	II: 397, 404	*	*		112
617	Субботин	Андрей Викторович	Санкт-Петербург	III: 147				
618	Субетто	Дмитрий Александрович	Санкт-Петербург	III: 351				
619	Суворов	Александр Валерьевич	Вологда	IV: 30	*	*		
620	Суворова	Наталья Александровна	Москва	II: 517	*	*		
621	Судаков	Василий Васильевич	Рязань	II: 399	*	*		77
622	Сутула	Анастасия Владимировна	Сургут	III: 162	*	*		28
623	Сутягина	Наталья Александровна	Санкт-Петербург	II: 76				
624	Сходнов	Иван Николаевич	Калининград	I: 125				
625	Сыроватко	Александр Сергеевич	Коломна	II: 173, 219	*	*		
626	Таиров	Александр Дмитриевич	Челябинск	I: 403; II: 78	*	*		
627	Тараканов	Вячеслав Владимирович	Абакан	III: 411				
628	Тарасов	Александр Юрьевич	Красноярск	II: 522				
629	Тарасов	Алексей Юрьевич	Петрозаводск	I: 165			*	
630	Терехова	Наталья Николаевна	Москва	II: 329				
631	Терпиловский	Ростислав Всеволодович	Украина, Киев	II: 257, 297	*	*		169
632	Тихонов	Игорь Львович	Санкт-Петербург	III: 244	*	*		145
633	Тишкин	Алексей Алексеевич	Барнаул	II: 27, 80, 82, 86	*	*	*	115
634	Ткачев	Александр Александрович	Тюмень	I: 355				
635	Ткаченко	Владимир Александрович	Калуга	II: 525				
636	Торопов	Илья Сергеевич	Москва		*			116
637	Требелева	Галина Викторовна	Москва	II: 122				
638	Трифонов	Виктор Анатольевич	Санкт-Петербург		*	*		183
639	Тропин	Николай Александрович	Елец	III: 247				
640	Трояновский	Сергей Викторович	Великий Новгород	IV:107	*	*		142
641	Туаллагов	Алан Ахсарович	Владикавказ	II: 88				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
642	Тункина	Ирина Владимировна	Санкт-Петербург	III: 249	*	*		97
643	Тур	Светлана Семеновна	Барнаул	II: 165				
644	Турецкий	Михаил Александрович	Самара	I: 358	*		*	134
645	Туркина	Татьяна Юрьевна	Сыктывкар	III: 310				
646	Усачева	Ирина Витальевна	Тюмень	I: 268	*	*		126
647	Уткин	Александр Витальевич	Иваново	I: 230				
648	Уткина	Светлана Александровна	Нефтеюганск	III: 282				
649	Фазлуллин	Сергей Маратович	Москва		*	*		
650	Фассбиндер	Йорг	ФРГ, Мюнхен	III: 336				
651	Фатьков	Алексей Михайлович	Брянск	II: 214				
652	Федорина	Анастасия Николаевна	Москва	II: 347; IV: 112	*		*	120
653	Федоров	Виталий Кимович	Уфа	I: 331				
654	Федорова	Людмила Ивановна	Калуга	II: 525				
655	Федорова	Наталья Викторовна	Салехард	II: 175; IV: 148	*	*		109
656	Федулов	Михаил Игоревич	Чебоксары	II: 527				
657	Фирсов	Кирилл Борисович	Москва	II: 90	*	*		
658	Фомин	Кирилл Николаевич	Тула	II: 529	*	*		161
659	Фролов	Ярослав Владимирович	Барнаул	II: 95	*	*		
660	Хаврин	Сергей Владимирович	Санкт-Петербург	II: 82				
661	Халдеева	Наталья Ивановна	Москва	I: 167				
662	Халяпин	Михаил Викторович	Оренбург	III: 284	*	*		60
663	Хамакава	Макото	Москва	I: 94			*	
664	Харке	Генрих	ФРГ, Тюбинген		*			110
665	Харламова	Наталья Владимировна	Москва	II: 517	*	*		
666	Хархордин	Олег Валерьевич	Санкт-Петербург	IV: 107				
667	Хворостова	Елена Леонидовна	Москва	IV: 141				
668	Хвоцинская	Наталья Вадимовна	Санкт-Петербург		*			
669	Хисияметдинова	Асия Абдулкадировна	Казань	I: 108; III: 317			*	
670	Холушкин	Юрий Павлович	Новосибирск	III: 288				
671	Хомутова	Татьяна Эдуардовна	Пушино	III: 344, 345, 414				
672	Хорошун	Татьяна Анатольевна	Петрозаводск	I: 271	*	*		
673	Хохлов	Александр Николаевич	Тверь	IV: 141	*	*		122
674	Хохлова	Ольга Сергеевна	Пушино	I: 435				
675	Хреков	Анатолий Анатольевич	Балашов	II: 300				
676	Худавердян	Анаит Юрьевна	Армения, Ереван	I: 361				
677	Худяков	Юлий Сергеевич	Новосибирск	II: 532				
678	Цембалюк	Светлана Ивановна	Тюмень	II: 178	*	*		
679	Цетлин	Юрий Борисович	Москва	I: 273	*	*		26
680	Цыбин	Михаил Владимирович	Воронеж	II: 535				
681	Чалых	Надежда Евгеньевна	Липецк		*	*		
682	Чарусова	Ирина Сергеевна	Нефтеюганск	II: 191	*	*	*	
683	Челяпов (†)	Виктор Павлович	Рязань	I: 365				
684	Чемякин	Юрий Петрович	Екатеринбург	III: 78	*	*		62
685	Чемякина	Марина Арсентьевна	Новосибирск	III: 416	*	*		79
686	Черемисин	Дмитрий Владимирович	Новосибирск	III: 82				
687	Чёрная	Мария Петровна	Томск	II: 539	*	*		15
688	Черненко	Екатерина Алексеевна	Нижний Тагил	III: 141	*	*		18
689	Чернецов	Алексей Владимирович	Москва	II: 404; III: 270				
690	Чернов	Сергей Заремович	Москва	II: 407	*	*		24
691	Черных	Игорь Николаевич	Тверь	III: 124				
692	Чернышев	Александр Викторович	Москва	IV: 165				
693	Чеха	Виталий Петрович	Красноярск	I: 120; IV: 19				

1	2	3	4	5	6	7	8	9
694	Чигаева	Виктория Юрьевна	Кемерово	III: 84				
695	Чижевский	Андрей Алексеевич	Казань	I: 367; III: 317			*	
696	Чикишева	Татьяна Алексеевна	Новосибирск	III: 342, 391				
697	Чикунова	Ирина Юрьевна	Тюмень	II: 180	*	*		23
698	Чиндина	Людмила Александровна	Томск	II: 182	*	*		17
699	Чистякова	Агния Николаевна	Новосибирск	III: 89				
700	Чубур	Артур Артурович	Брянск	I: 172				
701	Чугунов	Константин Владимирович	Санкт-Петербург	II: 86, 98	*	*	*	118
702	Чуйкина	Екатерина Владимировна	Пермь	III: 149	*	*		135
703	Чурбанов	Алексей Анатольевич	Казань	I: 108				
704	Чхаидзе	Виктор Николаевич	Москва	III: 251	*			81
705	Шайхетдинов	Максим Александрович	Уфа	II: 102				
706	Шарапова	Светлана Владимировна	Екатеринбург	IV: 41				
707	Шаров	Олег Васильевич	Санкт-Петербург	II: 103	*	*		163
708	Шведчикова	Татьяна Юрьевна	Москва		*			176
709	Шевченко	Александр Александрович	Москва		*			83
710	Шевченко	Юрий Юрьевич	Санкт-Петербург	II: 410				
711	Шелепова	Елена Владимировна	Барнаул	II: 104				
712	Шерстобитова	Ольга Сергеевна	Омск	I: 453	*	*		
713	Шинаков	Евгений Александрович	Брянск	II: 414				
714	Широков	Владимир Николаевич	Екатеринбург	III: 92				
715	Шишков	Дмитрий Леонидович	Москва	III: 270, 415	*	*		43
716	Шишлина	Наталья Ивановна	Москва	I: 371	*	*		
717	Шлотцауер	Удо	ФРГ, Берлин	II: 126				
718	Шмидт	Александр Викторович	Барнаул	I: 277	*	*		
719	Шнеевайсс	Йенс	ФРГ, Гёттинген		*	*		
720	Шорин	Александр Федорович	Екатеринбург	I: 279	*	*		74
721	Шполянская	Дарья Валерьевна	Москва		*			
722	Шполянский	Сергей Владимирович	Москва	II: 417	*	*		181
723	Шульга	Пётр Иванович	Барнаул	II: 108	*	*		
724	Шумкин	Владимир Яковлевич	Санкт-Петербург	III: 40	*			
725	Шуныков	Михаил Васильевич	Новосибирск	I: 97	*	*		105
726	Шутелева	Ия Александровна	Уфа	I: 435	*		*	
727	Шутова	Надежда Ивановна	Ижевск	II: 541				
728	Щавелёв	Сергей Павлович	Курск	III: 254				
729	Щапова	Юлия Леонидовна	Москва	III: 188, 190	*	*		67
730	Щелинский	Вячеслав Евгеньевич	Санкт-Петербург	I: 176	*	*		101
731	Щербаков	Николай Борисович	Уфа	I: 435	*		*	
732	Энговатова	Ася Викторовна	Москва	II: 464, IV: 114	*	*		65
733	Эпов	Михаил Иванович	Новосибирск	III: 416				
734	Юдин	Александр Иванович	Саратов	I: 282				
735	Юминов	Анатолий Михайлович	Миасс	I: 403	*	*		
736	Юрасов	Андрей Викторович	Москва		*			
737	Яворская	Лилия Вячеславовна	Волгоград	II: 33				
738	Якимов	Артем Сергеевич	Тюмень	III: 397				
739	Яковлев	Алексей Владимирович	Псков		*			149
740	Яковлева	Елена Александровна	Псков	II: 419	*	*		
741	Якуцени	Сергей Павлович	Санкт-Петербург	III: 97				
742	Янин	Валентин Лаврентьевич	Москва		*	*		
743	Янишевский	Борис Евгеньевич	Москва	II: 544	*	*		
744	Яншина	Оксана Вадимовна	Санкт-Петербург	I: 456	*	*		

СОДЕРЖАНИЕ

Организаторы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Оргкомитет II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	3
Структура издания «Трудов II (XVIII) Всероссийского археологического съезда»	4
Решения II (XVIII) Всероссийского археологического съезда	5
Пленарные заседания	
<i>Амирханов Х.А., Пиотровский М.Б., Седов А.В.</i> Основные проблемы археологии Южной Аравии (25 лет работы Российской комплексной экспедиции в Йемене)	8
<i>Савинов Д.Г.</i> Южная и Западная Сибирь в I тыс. н.э. (проблема культурных контактов и взаимодействия).	13
Секция 1. Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда	
<i>Дроздов Н.И., Чеха В.П., Макулов В.И.</i> Палеогеографические и палеоэкологические закономерности развития человеческих обществ эпохи палеолита (на примере бассейна Енисея).	19
Секция 2. Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита	
<i>Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А.</i> Новые верхнепалеолитические стоянки на Среднем Дону	23
<i>Калечиц Е.Г.</i> Палеолит Беларуси в свете новых данных.	27
<i>Суворов А.В.</i> Новые исследования мезолитических погребений на Кубенском озере.	30
Секция 3. Неолит Евразии: анализ источников, хронология, периодизация, культурная география	
<i>Сидоров В.В.</i> Этнические процессы по археологическим источникам (на примере неолита лесной зоны Восточной Европы).	35
Секция 4 Эпоха ранней и средней бронзы Евразии	
<i>Воронин К.В.</i> Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская Слобода 2.	37
<i>Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Кайзер Э., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Носкевич В.В., Зайков В.В.</i> Микрорайон Каменный Амбар (Челябинская область): краткие итоги исследований в 2005–2008 гг. ...	41
<i>Мимоход Р.А.</i> Золотой курган в системе древностей эпохи бронзы Волго-Уралья, Подонья и Предкавказья.	44

Секция 6. Скифо-сарматская эпоха: кочевники и их окружение

<i>Ворошилов А.Н.</i> Наиболее ранние археологические свидетельства проникновения кочевников скифской эпохи на территорию донской лесостепи.	49
<i>Рукавишников И.В.</i> Об одном изображении на перекрестье меча из могильника Филипповка I	52
<i>Скрипкин А.С.</i> Савроматская археологическая культура (проблемы идентификации).	56

Секция 7. Античные памятники Причерноморья и Средней Азии

<i>Двуреченская Н.Д.</i> Раннеэллинистический жилой комплекс бактрийской крепости Кампыртепа	59
<i>Иванчик А.И., Зуммерер Л., фон Кинлин А., Белинский А.Б., Семенченко Л.В.</i> Царские резиденции Келены – Апа-мея Киботос. Международный проект исследований в Южной Фригии.	64
<i>Кузнецов В.Д.</i> Исследования в Фанагории.	67

Секция 8. Ранний железный век лесной зоны Евразии

<i>Кренке Н.А.</i> Предыстория Москвы: от эпохи бронзы к средневековью	74
--	----

Секция 9. Раннее средневековье Евразии: культурно-исторические процессы

<i>Вдовченко Е.В.</i> Пространственные представления кочевников Нижнего Дона в раннем средневековье (предварительные замечания)	78
<i>Любчанский И.Э.</i> Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии	80

Секция 10. Средневековая археология: урбанизация, расселение, материальная культура

<i>Авдусина С.А.</i> Каменные бусы в контексте культурного слоя пойменной части Гнёздовского поселения	83
<i>Волков Д.П., Зайцев Н.Н.</i> Городища Амурской области.	85
<i>Карпунин А.А.</i> Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России	88
<i>Кузина И.Н.</i> Стекланные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки)	91
<i>Лопатин Н.В.</i> Характер развития форм керамики Изборска в XI–XIII вв.	93
<i>Меснянкина С.В.</i> Резная кость средневекового Луковца (обзор коллекции предметов из фондов Череповецкого музейного объединения).	97
<i>Олейников О.М.</i> Предварительные итоги раскопок в северо-западной части Людина конца средневекового Новгорода в 2008 г. (Десятинные I, III, IV раскопы).	102
<i>Степанов А.В., Трояновский С.В., Хархордин О.В.</i> Новгородский Великий мост как археологический объект (по материалам подводных исследований 2005–2008 гг.)	107
<i>Федорина А.Н.</i> Средневековое поселение Сунгирь.	112
<i>Энговатова А.В.</i> Результаты археологических исследований «Рубленого города» в Ярославле в 2007–2008 гг.	114

Секция 11. Археология Московского государства и Российской империи

<i>Беляев Л.А., Глазунова О.Н.</i> Особенности средневековых монастырских керамических комплексов Москвы (на примере Зачатьевского и Андроникова монастырей)	116
<i>Валулина С.И.</i> Материальная культура раннего Казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения.	118
<i>Воронцова М.А.</i> Изразцы из культурного слоя позднесредневековой Тулы.	123
<i>Гусева Т.В.</i> Морфология культурного слоя русского средневекового города (на примере Нижнего Новгорода).	127
<i>Калашиников Е.А.</i> Курительные трубки голландского типа в Калининграде.	129
<i>Патрик Г.К., Гусаков М.Г.</i> Археологические следы польской интервенции (первая четверть XVII в.).	136
<i>Сиволапова А.Б., Хворостова Е.Л., Хохлов А.Н.</i> Успенский монастырь в г. Старице на Верхней Волге по данным археологических исследований 2004–2007 гг.	141

Секция 12. Проблемы изучения первобытного искусства

<i>Килуновская М.Е., Семенов Вл.А.</i> Тувинская археологическая экспедиция в XXI веке	144
<i>Марьяшев А.Н.</i> Культовые сюжеты в петроглифах гор Кульжабасы	145
<i>Федорова Н.В.</i> Древнее и средневековое искусство Ямала	148

Секция 13. Охранная археология в современной России

<i>Зеленцова О.В.</i> Из опыта проведения экспертиз по фактам нанесения ущерба памятникам археологии.	152
<i>Копцева Л.Н., Калашиников Е.А.</i> Проблемы сохранения памятников археологии в Калининградской области.	154
<i>Лылова Е.В.</i> Из практики взаимодействия госоргана по охране объектов культурного наследия Оренбургской области с правоохранительными структурами	157
<i>Сапрыкина И.А.</i> Теория и практика определения охранных зон памятников археологии	159

Секция 14. Вопросы теории археологии

<i>Ёлкина И.И.</i> Полевая консервация, исследование и реставрация археологического текстиля. Российский и зарубежный опыт	163
--	-----

Секция 16. Современные методы полевой и кабинетной археологии

<i>Кислов А.В., Чернышев А.В., Албегова З.Х.</i> Некоторые методические предложения по исследованию климатического фактора миграции алан	165
--	-----

Секция 17. Археология в современной культурной среде

<i>Буланкина Е.В.</i> Археологические коллекции РИАМЗ, формирование и экспонирование.	170
---	-----

Секция 18. Мультидисциплинарные и палеоэкологические исследования в археологии

<i>Аржанцева И.А., Бронникова М.А., Завьялов В.А., Иневаткина О.Н., Кошурников А.В., Модин И.Н., Панин А.В.</i> Пор-Бажын: опыт междисциплинарных исследований	173
--	-----

Фотохроника Съезда.	177
--------------------------------------	-----

Список участников II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале	198
--	-----

Содержание	213
-----------------------------	-----

Участники II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Общее фото (вклейка)

**Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале
Том IV**

Научное издание

Подписано в печать 24.05.2011. Формат 60 x 84 1/8
Усл.печ.л. 27,0. Уч.-изд.л. 28,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

ISBN 978-5-94375-108-0

